

МАСТЕРА

Анн ДЕЛЬБЕ

Ве Лишнь

КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ, ЖЕНЩИНА

РОМАН

Она была красива и безумна...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФОЛИО»

Анн ДЕЛЬБЕ КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ, ЖЕНЩИНА

МАСТЕРА

Камилла Клодель, женщина
Анн Дельбе

Аннотация
Анн Дельбе. Камилла Клодель, женщина
Плоть и дух
Час настал
Дети луны
Письмо из лечебницы
Дьявол в доме
Письмо из лечебницы
Давид и Голиаф
Она
Письмо из лечебницы
Красный кустарник
Письмо из лечебницы
Прибытие в Париж
Письмо из лечебницы
Старая Елена
Письмо из лечебницы
Джакопо Кверчиа
Господин Роден
Зигмунд и Зиглинда
Письмо из лечебницы
Мастерская

Письмо из лечебницы
Аврора
Письмо из лечебницы
Врата Ада
Письмо из лечебницы
Гиганты
Мысль
Кло-Пайен
Письмо из лечебницы
Неистовые надежды
Роза Бере
Вторники
Шакунтала
Роден, Роден, Роден
Письмо из лечебницы
Принцесса
Письмо из лечебницы
Замок Ислетт
Маленькая хозяйка замка
Письмо из лечебницы
Итальянский бульвар, 113
Письмо из лечебницы
Вальс Клото
Похищенный бог
Письмо из лечебницы
Город

Письмо из лечебницы
«Сплетницы»
Письмо из лечебницы
«Она гениальна, не у всякого мужчины найдешь такой дар»
Ризотто
Завтра — выставка
Письмо из лечебницы
«Одно из первых мест, если вообще не самое первое...»
Колоссальная марионетка
Письмо из лечебницы
Двадцатый век начался
Точки над «i»
Письмо из лечебницы
Зрелый возраст
Письмо из лечебницы
Красное платье с ажуром
Живописный магазин
Письмо из лечебницы
«Что-то неистребимо детское...»
Страсти
Один из вас предаст меня
Письмо из лечебницы
Запрет
Я назначаю вам свидание

Жан-Луи Барро
Камилла Клодель: «шелковая нить»
Приложения
Хронология

Аннотация

Роман современной французской писательницы Анн Дельбе — о жизни и творчестве Камиллы Клодель, гениального скульптора XIX века.

Анн Дельбе
Камилла Клодель, женщина

А. ДЕЛЬБЕ

КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ, ЖЕНЩИНА

РОМАН

Anne DELBÉE

UNE FEMME, CAMILLE CLAUDEL

ФОЛИО · АСТ
2001

Пьеру Б.

Плоть и дух

Как-то я открыла книгу «Глаз слушает».

Прекрасное иллюстрированное издание. В нем были великолепнейшие тексты: «Апрель в Голландии», «Ян Стен», «Николас Мас» и комментарии к творчеству Рембрандта, которых прежде мне не приходилось читать. Речь шла о трех его картинах.

Поль Клодель сумел по-своему взглянуть на некоторые аспекты испанской живописи.

Эссе называлось «Одухотворенная плоть». Я была поражена тем, как откровенная чувственность переплеталась у испанцев с распаленным мистицизмом.

И уже в самом конце — скромное заглавие: «Камилла Клодель». Кто угодно, вы или я, могли в тот день, раньше или позже, открыть книгу на этой странице.

Какой была она, эта любимая, страстно любимая сестра?

Любовь чувствовалась в каждой строке, брала за сердце. Я и сейчас слышу первый крик будущего текста, слышу голос: «Мой маленький Поль!»

С тех пор этот голос не затихал.

Какой была она, «превосходная девушка, в торжествующем блеске красоты и гениальности, порою жестокая в своем превосходстве», которое в юности Поль испытал на себе.

Какой была она?

«Чудесный лоб, великолепные темно-синие глаза, большой рот, скорее гордый, нежели чувственный, и роскошная грива каштановых с рыжиной волос, доходивших до пояса».

Кем была эта девушка, так неожиданно воззвавшая ко мне устами брата?

Она любила Огюста Родена. И в конце концов сошла с ума. «На улице ждала карета скорой помощи. Отныне — и на тридцать лет!»

Я читала и перечитывала. В это невозможно было поверить. Она умерла в 1943 году. Тридцать лет в лечебнице. Долгая ночь в преисподней. Нет, нет…

Клодель дописал свою статью. Девять страниц! Девять страниц! Вот здесь, под моей рукой. В моем сердце.

«А дальше — молчание».

Бранг, июнь 1951 года.

Нет уж! Этому не быть. Я не закрою книгу. Я оставалась там, я твердила слова, чудесную фра-

зу, которая следует после гибели Гамлета.

Но о ней еще не написали пьесу, которую играли бы в продолжение четырехсот лет. Больше не будет молчания. Она была сестрой Поля, возлюбленной Огюста Родена, она была красива и безумна, и все-таки главное не это.

Главное то, что было за словами, что мешало мне закрыть книгу: она была СКУЛЬПТОРОМ.

Гениальным скульптором XIX века. Поль Клодель описывал странные фигуры, вплоть до последней, Персея, который убивает не глядя. Убивает не…

Высокая красивая девушка с чудесными темно-синими глазами.

«Впечатляющий образ отваги, искренности, превосходства, веселости. Образ существа, щедро одаренного».

Так началось исследование, одним из этапов которого явилась эта книга. Работы хватит еще на годы. Ибо кто может сегодня утверждать, что все уже сказано о Камилле Клодель?

Эта книга — лишь один шаг к ней, запертой в прошлом и взывающей к нам, только один разомкнутый замок. Вот она улыбается, машет нам своими прекрасными, испачканными глиной руками,

вот она, породившая уникальные образы, скульптор-женщина,

я вхожу в лабиринт, ведущий к ней, пусть даже мне и придется порою блуждать в потемках.

Она там, она ждет, нельзя больше терять ни минуты, вот ее лицо, полустертое, как крик в ночи, вот она

Женщина

Анжер, 1982.
Ночью

Час настал

«Три меланхолические ноты колокола».

Поль Клодель, «Дневник»

Она одна.

Такая маленькая, хрупкая, она только что ступила на высокий порог белого мрамора, и вся страница сотряслась.

Подушка. Она нащупывает край простыни, с трудом распознавая ткань. А что дальше? Неизвестно. Только это крошечное пространство прямо перед глазами. Наволочка царапает лицо. Она ощущает грубость ткани. Что-то еще? Нет. Тело ее словно бы погребено. Как, уже? Ей оставили лишь краткое мгновение, быть может, какие-то секунды.

Она осторожно повернула голову — для нее и это усилие чрезмерно. Она подумала, что повернула голову; на самом деле только слабо вздохнула. Женщина приникла щекой к больничной подушке.

Медленно-медленно она ускользает от них.

Ускользает от мира. От оскорблений. Она сбежала. Этого никто не заметил.

Она вырвала руки из их грубых лап. Ее прекрасные руки в последний раз отбивают ритм по грязной простыне.

В этот час никого нет рядом с умирающей женщиной.

Больница.

Она одна.

Она всходит на корабль. Она так долго дожидалась отъезда. Палуба начинает подрагивать. Поль должен был увезти ее в Китай!

Дважды она надеялась на это, так надеялась… Она принимает решение сама. Стоит ли дожидаться, пока кто-то проявит добрую волю? Где они, люди доброй воли?!

Слабая улыбка еще раз тронула ее прекрасные гордые губы, немного потрескавшиеся, бескровные губы. Она лежит на белой подушке.

Вода подернута рябью. Камилла отталкивает сходни. Она торопится. Судно слегка покачивается. Она берется за весла. Большой корабль разворачивает свои широкие паруса, громадные белые крылья бьются теперь над морем, согретым солнцем сквозь разрывы облаков.

Это — простыня. Она чувствует под рукой шершавую простыню. Она царапает ее часами…

Часами приходится полировать мрамор. Тише! Она работает! Здесь четыре старушонки, они всё болтают и болтают без умолку. В морской воде. Совсем зеленые. Камилла слышит их чириканье. Потише, глупые горгульи!

В уголке рта скапливается слюна. Чуть-чуть пенится.

Зеленая вода внизу несется с огромной скоростью. Свет пронзает туманное море. Она стоит на носу корабля. Ее отражение изгибается, дробится. Ее манит, притягивает неотвязно звучащая музыка. Никто не управляет кораблем.

Неким таинственным образом она узнает эту музыку. На скале из зеленого оникса маленькая сирена, затерянная посреди океана, где-то далеко, играет на блестящей металлической флейте. Сирена подбадривает ее.

Голова на подушке. Лицо становится изжелта-белым, как слоновая кость, дыхание вырывается со свистом.

Камилла приближается к источнику музыки. Ближе. Еще ближе. Музыкантши больше не видно. Свет становится ослепительным. Камилла

замечает крошечную флейту, брошенную на скале. Она хочет ее схватить, но, ослепленная режущим блеском металла, роняет инструмент.

Над мертвенно-бледным лицом склонилась монашка с маленьким зеркальцем в руке. Она смотрит на слабую пленочку пара, оседающую на стекле. Ей нужно будет подойти сюда еще раз.

Камилла движется по роскошному мрамору. Она уже ступила второй ногою. Она скользит, скользит по прозрачной плоскости. Ноги пританцовывают на льдистых плитах, ей становится теплее. Зал сверкает — хрустальные люстры, — она вальсирует, кружится, залитая светом. Она раскидывает прекрасные руки свои. Кисейное платье окружает ее ореолом, шею ласкает воротник из пышных кружев.

Она просит музыканта обнять ее, шепчет ему на ухо: «Комментариев не будет, господин Дебюсси». Он улыбается, склоняясь к ней, держа светлую шляпу чуть на отлете. Она прижимается к нему, но не ощущает его тела. Он тает, развоплощается, у нее в руках ничего не остается, кроме сюртука цвета луны. Но явился господин Роден, одетый в серое. Она хватается за него. Он как будто оглох. Она дергает его за бороду — сильно, очень сильно.

И он тоже исчез. Однако она ощущает тяжесть его руки, впившейся в ее сердце. Она пытается высвободиться, разжать стискивающие ее пальцы. Она задыхается. Танцующие окружают ее, она выкрикивает им что-то, они не слышат. Ей не хватает воздуха.

На кровати легкое тело занимает мало места. Алебастровое лицо слегка передернулось. Руки поникли.

Все они в черных костюмах, их темные цилиндры складываются, треща точно пули. Они надвигаются. Она отталкивает их, царапается, хочет впиться в них ногтями, но тела рассыпаются в пыль. В ее израненных пальцах остается оболочка. Тогда она бросается бежать. Камни прячутся из виду. Она вырывается. Она карабкается вверх изо всех сил своих тринадцати лет, одолевает убегающую из-под ног землю, плиты камня, не поддающегося ей. Она движется вперед, яростная, волевая, мстительная.

Неутомимо взбирается она по головокружительному склону. Еще не рассвело, а она уже одолела вершину своего детства.

Берег, устланный белым песком, летит под ее молодыми ногами. Заря дожидается исхода

битвы. Всадники образовали круг. Они прячут лица под высокими шлемами. Доспехи у них из опала, щиты — из чистейшего перламутра. Они хранят молчание. Их неподвижность пугает. Их безукоризненно чистые штандарты вьются в пустом небе, но шума не слышно.

Гигант вздымается — могучий, вооруженный. Громадный зверь, защищенный плотной попоной из крепких кольчужных колец, выдыхает дым. Гейн, каменное чудовище, пробуждается.

У его ног девчонка-недоросток следит за ним. Ее глаза широко раскрыты. Она терпеливо ждала, пока придет к концу его тяжелый сон.

Теперь она может атаковать его. В руках у нее ничего нет.

Она одна.

Нет никого в заледенелой палате больницы. В день 19 октября 1943 года в лечебнице Мондеверг есть и другие пациенты.

И она. Ей семьдесят девять лет.

Дети луны

«Послушай! Неподалеку отсюда я видел
прекраснейшую из женщин…
Там она спит сейчас, эта женщина,
подложив руки под голову.
И тело свое и прекрасное лицо, полное
жестокой боли,
Отдает она белому свету луны.
Имя ей — Галаксора».

Поль Клодель, «Спящая»

Она резко вскинула голову.

— Ками-и-ил-ла!

Издали доносится детский голос! Она разражается смехом, пожалуй, слишком язвительным для тринадцатилетней девчонки. Она не злая, но ей хочется побыть одной. Она первая проникла в этот лес Тарденуа, она одна будет вдыхать ветер, летящий к обширным равнинам Шампани, одна встретится с каменными принцами.

— Ками-и-ил-ла!

Это голос брата. Она на минутку заколебалась («Это же Поль, мой малыш») и ласково улыбнулась, ощутив угрызения совести: ведь он

— младший, он зовет таким тонким голоском, полумальчишечьим, полудевчоночьим, что в ушах звенит и сердце сжимается. Вечно с этим ребенком случаются неприятности. Сейчас, небось, пытается догнать сестру, бежит через поля папаши Дамбрена. А она здесь, уже на опушке леса. Она шагает широко, как мальчик, так говорит мама — ее собственная мама! В сердцах она сильно топнула ногой по раскисшей земле, подняв тучу черных брызг. Разозленная, идет дальше. Тяжелые башмаки вязнут в клейкой влажной почве. Такая жирная земля, вся истоптанная следами девочки-подростка, дерзкой, необузданной; ее грива, каштановая с рыжиной, мало-помалу сползает на плечи, еще совсем хрупкие. Внезапно она испытывает желание сунуть руки в грязь. От земли идет острый, жгучий запах, глина липнет к рукам, стягивает кожу. Камилла вымазала глиной лицо. Поднялся ветер, где-то далеко, за Реймсом, бушует гроза; земля горькая и дымится, словно навоз, который роняют на дорогу большие лошади папаши Жакена. Девочка принимается кричать, ей хочется кричать беспрерывно, выкричать безмерное желание, хочется быть несдержанной, непристойной. А потом она бросается — бегом — на штурм вершины Шинши.

Она хочет быть первой там, высоко, на высоте Гейна. Первой одолеть Великана. Посмотреть на горизонт, который простирается до самого Парижа — так толкуют в деревне: «Вы только подумайте, от Вильнева-то до Парижа всего три часа!» Но как широко она ни раскрывала глаза — и без того большие, — город разглядеть так и не удалось.

Она одна властвует над этим краем, встревоженным порывами ветра, одна посреди девятнадцатого века.

— Ками-и-ил-ла!

Ребенок безнадежно отстал, вот-вот потеряется в сумерках. Голос его теперь звучит слабее. Камилла колеблется — еще минуточку, еще чуть-чуть, час так хорош, его так трудно схватить. «Пора между волком и собакой». Именно волка хочет она встретить сегодня, и пусть никто не потревожит ее, не вспугнет.

Это вроде свидания, которое она клятвенно назначила накануне, тайком от самой себя, лежа вечером в холодной и узкой постели. Вся семья спала. Тишина — и девочка, отгоняющая сон. Сон? Это просто смешно! Она любила держать его в узде, замедлять или ускорять его приход по собственной прихоти. Сон был ее лучшим другом

в постели, но она сама решала, когда броситься в его объятия. Сказать по правде, вчера вечером он был ей не нужен.

Здесь она слышала только шум ветра и поскрипывание своих же шагов по сосновой хвое, покрывающей землю. Брат Поль сейчас слишком далеко. А те, остальные, наверно, собираются есть жутко горячий суп. «Семейство Клодель», как говорят в деревне, с легким оттенком уважения? ненависти? Камилле часто приходилось слышать урывки разговоров…

— Они живут слишком замкнуто. Это сказывается на детях.

— И потом, эти вечные споры…

— Их дядя был деревенским кюре. Вот тот не задавался.

В деревне на три сотни очагов ворошат тлеющие угли мелких местных дрязг.

К счастью, существует лес, просторная светлая земля, которую открываешь заново всякий раз, когда приезжаешь на каникулы. А еще есть камни. О них-то она и размышляла вчера, лежа в раковинке своей постели, и сон, словно оставленный любовник, опускал голову.

Камни высокомерны, неприступны. Они предвидят будущее. Прожившие много веков, они

отвечают той, которая каждый вечер приходит беседовать с ними. Камилла торопится, пускается бегом, пусть деревья царапают ее, она знает дорогу. Ее крепкие ноги взрывают теперь уже песчаную почву, убегающую назад.

Поль догонит ее. Он знает, где ее найти. Ему было семь лет, а ей одиннадцать, когда они впервые сбежали из родительского дома. Может быть, из самоуверенности, а может, из хвастовства они рискнули пробежать те три километра, что отделяют приход от вершины, держась за руки, и было не совсем ясно, кто кого ведет по темному лесу.

С тех пор прошло два года, Камилла уже не прежняя маленькая дикарка. Нынче вечером она снова далеко от дома, но это и к лучшему. Порой ей хочется удрать навсегда. Сверху она сможет увидеть их маленькими, потом еще меньшими, совсем крошечными: маленькая площадка у маленького домишка, приклеенного к маленькой церквушке, которая помаленьку властвует над квадратиком кладбища… Маленькие могилки. Смерть.

Ее собеседницы на месте. Первая, опередившая всех, погружена в тень. За ней древние сгорбленные старухи, юные горделивые богини, кое-где разбитые, агонизирующие, позабытые матери,

стоящие молодые люди, мужчины.

А эта — дородная старуха, щеки надуты, словно она трубит в рог, тело напряжено в отчаянном усилии. Разглядывая камень, Камилла вспоминает, как отец брал ее с собой на охоту. Загнанный олень вскинул свою прекрасную голову; в последний раз вздрогнуло в коричневых глазах отражение леса. Стоя напротив него, какой-то толстяк заиграл на своем рожке «улюлю». Отец объяснил: «улюлю» — сигнал к добиванию зверя. Она то и дело переводила взгляд с толстого рыжего брюха сигнальщика, опоясанного перевязью рожка, на породисто округленную грудь животного. А потом подбежала и обняла обеими руками покрытую потом, липкую шею оленя. Отец вскрикнул: «Камилла!» Собаки ворчали, готовые наброситься на нее. Охотники молчали. На какое-то мгновение олень оперся на ее плечо. Она услышала, как трепещет, будто хочет вырваться из груди, его сердце. Кто-то подхватил ее и унес. Больше они ничего не помнила.

«Улюлю» — добивание зверя… Она часто повторяла эти слова, словно кто-то звал ее издали.

Старуха смотрела на нее. Камилла остановилась на минутку, чтобы перевести дыхание. Хотя щеки у старухи и толстые, она кажется такой

крошечной, такой потерянной. Камилла любит гладить ее морщинистый лоб. С каких же времен стоит она здесь, у входа в лес, вечная хранительница, сморщенная Мелюзина из детских сновидений? Камилла иногда подолгу болтает с нею.

Но сегодня вечером она спешит и едва успевает издали послать ей поцелуй. Поль конечно же идет за сестрой по пятам. А дорога, виляя то вправо, то влево, выводит Камиллу к новой паре фигур. Одна осела, скорчилась, свернулась, вторая, наоборот, взвилась, будто подхваченная вихрем.

Первая, похоже, хранит какую-то ужасную тайну. Теперь-то она состарилась и окаменела на веки вечные, но порою вспоминает брошенного, покинутого ею ребенка. Иногда ее освещает луч солнца, и тогда она улыбается — ей кажется, будто маленькие розовые ручки снова тянутся к ней. Может быть, она убила дитя в приступе безумия. Камилле вспоминается жуткая история, которую рассказывала Виктория, старая нянька, зимними вечерами у камина. Нет, не надо!

Перед нею уже двое любящих. Счастливые, они обнялись. Камень, расколотый надвое, словно свернут узлом. Девочка часто задается вопросом:

это они расстаются или встречаются? Ведь по их застывшему движению не отличить — последний этот поцелуй или первый! Кажется, будто они танцуют; еще чуть-чуть, — и они оторвутся наконец друг от друга, а может быть, вместе упадут.

Камни. Вот они, наяву, вновь увиденные в этом лесу. Камни смотрят на Камиллу. Она ускоряет бег. Она спешит к Гейну.

Вот и эти, на полдороге. Камилла прозвала их Болтуньями. Она любит посидеть с этой троицей. Похоже, они в курсе всех последних событий деревушки, но иногда Камилле удается услышать от них легенды тысячелетней давности.

Согнутые дугой, узловатые, они все говорят и говорят, без конца и без эха. Однако сегодня они дремлют, а у Камиллы мало времени.

Она продолжает взбираться все выше. Начинается дождь. Девчонка уже ничего не чувствует. Она пробирается между своими дружками. Тропа становится все более скользкой, Камилле все равно, она идет дальше. Кто-то окликает ее — это кричит Гейн. Ветер крепчает. Фиолетовое небо местами раскалывается. Тропа уходит из-под ног, но Камилла ощущает тяжесть земли, скрывающейся из виду. Ей помогают деревья,

шишковатые, хилые, с темной корой.

Здесь она поворачивает, потом минует старое дерево, роняющее сучья, — они отламываются и падают с глухим треском. Там еще нужно будет одолеть вал переплетенных корней — серых карликов, она называет их гномами, — те норовят задержать ее своими короткими корявыми и цепкими ручками. На их шершавые коленки она часто натыкается и получает мелкие ссадины. Сегодня она перешагивает через них с чувством превосходства, потому что великан уже здесь, рядом.

Колоссальный, белый, слегка наклоненный, будто собрался рухнуть в долину, он царит над всеми остальными, над народом теней и знакомых силуэтов, закутанный в белую мантию. Великан и Камилла смотрят друг другу в лицо. Оба сияют, — луна внезапно освещает необычайную встречу. В этом поединке решается, кто кого превратит в камень: маленькая девочка или гигантский Великан. Глаза девочки блестят, они темно-синие, почти черные, как драгоценный камень гагат. Она хотела бы завладеть им, завладеть этим творением природы — хотела бы сотворить его собственными руками. В глазах ребенка читается яростная, почти жесто-

кая решимость. Внезапно она подходит ближе; вздыбленный Камень, словно старик, почуявший приближение смерти, не сводит с нее глаз. Она стоит вплотную к нему, ее нос — против ноздрей Зверя, она приникает к нему и гладит — медленно, долго, терпеливо.

Странник, отягощенный тяжелым плащом, который, чуть нагнув голову, на мгновение приостановился, о чем-то вспомнив, — таков он, и бог весть сколько времени стоит так, между минувшими веками и будущими. Девочка разглядывает вечный камень, девочка смотрит на Гейна. Она — стройная, гибкая, ее тринадцать лет словно звенят в сумерках; он — глухой, потаенный, неизъяснимый. Она отваживается перечить Богу. Она хочет понять: откуда берется эта красота, эта мощь и радость, которая охватывает ее, такую крошечную, перед лицом того, кто бросает вызов самому небу?

Тело без одутловатостей, жестокая смерть в громовом раскате — всему этому она завидовала всегда: еще с тех пор и до самой своей агонии. Бывало, что она дерзко била по нему. Тогда он раскалывался на десятки белых солнц и сурово смеялся над нею, смертной. Она поняла все. Она сделала выбор. Вот зачем нужно было идти сюда

— ей дан ответ. Она не из тех, кто долго ждет.

Дождь припустил сильнее, злее. Девочка его даже не заметила. Она вышла на середину песчаной проплешины, которая покрывала вершину, как сахарная пудра верхушку пирожного. Ветер взвихрил песок вокруг нее и злобно засвистел. Она — словно нежная сирена, выброшенная бурей на странный берег. Рассказывают, будто когда-то, давным-давно, здесь было море, потом про белый песчаный пляж забыли тут, среди лунного пейзажа.

Камилла доходит до самого края гребня. Камилла царит над равниной, царит над всей страной. Отсюда она прозревает будущее. Свое будущее.

Внезапно ветер срывает с нее ленту. Волосы взвиваются, обрамляя лицо бесчисленными золотыми змейками. Лицо, черное от размазанной грязи, едва различимо в густеющем мраке. Гроза бьет в барабаны. Небо разогревается добела. Камилле жарко, жарко от стремительного бега, жарко, как любящей женщине, ждущей свидания.

Будь море еще здесь, она бы сбросила одежду и нырнула в воду. Она срывает куртку, которую стащила у кузена, распахивает ворот рубашки, сбрасывает башмаки, будто и впрямь готовится

плавать, и погружает ноги в еще влажный от дождя песок. Слишком широкие для нее брюки, тоже позаимствованные у кузена, прилипли к ногам, как гетры. Видела бы мать, в каком виде она разгуливает! К счастью, пелерина все прикрыла. Господи, а пелерина! Наверно, где-то обронила. Камилла досадует с полминуты, потом разражается смехом: она вспомнила о вещах, оставленных у кузена на чердаке. Там нижняя и верхняя юбка, ботинки, блузка… Там же, наверное, осталась и пелерина. Камилла счастлива, и в горле ее зарождается песенка — странная, хриплая мелодия, старинная считалка…

Если хочешь вишни есть,

То в Лиессе их не счесть…

Мало-помалу пение переходит в речитатив, похожий на молитву… Вдруг она падает на песок и катается, как делает это кошка, чтобы обсохнуть. В волосы набивается полно песку, лицо в грязи. Потом она поднимается.

— Камилла!

Поль кричит: перед ним привидение. Камилла хохочет — смех у нее звонкий, гортанный — и подает ему руку.

— Поль, мой малыш!

— Увидела бы тебя мама, сказала бы: василиск.

— Что-что?

— Ва-си-ликс. Это такая сказочная змея, которая взглядом убивает.

— Ну, спасибо, Поль! Какой ты у нас начитанный!

Камилла тузит его кулаками. Они сцепились и катаются, то один сверху, то другой — старая игра их детства. Летит песок, Камилла тискает брата. Она выше его на целую голову, но малыш крепкий, упорный. Он беспощадно бьет ее ногами. Камилла припечатывает его руки к земле и ложится плашмя сверху, скачет верхом на своей жертве. А что еще можно придумать?.. Но откуда это странное, теплое ощущение?.. Рубашка девочки расстегнулась. Камилла придавила его всем телом, у нее самой нос уткнулся в песок. Мальчик чувствует прикосновение теплой груди к своей щеке. Ему больше ничего не хочется. Почему он чувствует себя побежденным? Какой хитрый прием она применила, его старшая сестра? Ему больше не хочется драться, он дрожит.

— Ты замерз. — Камилла шлепает его изо всех сил и энергично растирает, чтобы согреть. Она прижимает его к себе, отыскивает свою куртку, и они вдвоем укрываются.

Луна поднялась чуть выше по небу. Два детских лица освещены луною. Две пары синих глаз, одни — потемнее, другие светлые до жути.

— Расскажи что-нибудь!

Камилла предпочла бы помолчать, послушать ветер и шелест танцующих деревьев.

История об осле и камне

«По дороге, окаймленной густыми травами и ломкими ветками, по дороге, где было полно ловушек, на склоне дня рассеянно брел осел, пощипывая травку там и сям, пожевывая листья и глубоко погрузившись в мечты о чудесной морковке, которую он сгрызет, когда доберется до места. До места, до места… но куда он направлялся? И на какую морковку рассчитывал? Этого не знал никто, и он знал ничуть не больше других.

На изгибе дороги лежал блестящий камушек, разогретый солнцем, и смотрел, как приближается осел. Это была галька, гладкая, белая и свободная от всяких привязанностей. Осел как раз собирался обратить мордочку к чудесной стрекозе, которая порхала перед его носом — а нос у него был весьма длинный, — и тут его копытце — а копыто у него было весьма маленькое — опустилось деликатно на землю в нескольких

шагах от гальки. Она немедленно зацепилась за край копытца точно в то мгновение, когда задорная стрекоза нахально спикировала ему на правую ноздрю. Удивленный осел остановился и спросил себя: как получилось, что стрекоза, пусть даже столь очаровательная, смогла его так загипнотизировать? От удивления он трижды взмахнул своими длинными ресницами, и стрекоза улетела. Однако чары не развеялись. Ногу его что-то держало. Он сделал несколько курбетов, и в одну сторону прыг, и в другую — скок, и так взбрыкнул, и этак наподдал. Ничего не помогало. И вдруг осел, встряхнувшись, потерял равновесие и сел на задние ноги. Тогда он решил поразмыслить. Что стряслось с его ногой? Да ничего. Он еще и еще раз взмахнул ресницами, но эффект был тот же. Он подергал ногой — и опять то же. Нога сопротивлялась. Он поник своей красивой головою, развесил длинные уши и попробовал поразмыслить еще раз.

— Ну же, ножка, будь так добра, пошевелись немножко!

Ничего не изменилось, но все же ему показалось, что нога подрагивает, как будто кто-то гладил ее по копыту. О да, это было даже приятно, весьма приятно. Тогда осел поставил рядом с ней

и другую ногу, прилег тихонько брюхом на землю и мордой уткнулся в копыта.

Что это такое? Белая морковка? Рядом со своей ноздрей он обнаружил камешек, чудесную гальку, крепко держащую его копыто, превосходно прилаженную к очертаниям ноги.

— Как ты сверкаешь, прекрасная галька! — молвил осел, прижмурив свои глаза, глубокие как океан. — Так это ты держишь мою ногу? Нет, я не стану вырываться. Да что там, я тебе и другое копыто отдам, ежели хочешь.

— Добрый день, милый осел, я остановила тебя, потому что ты ходил туда-сюда, а мне хотелось попросить у тебя поцелуй.

— Вот тебе мой поцелуй, о прекрасное солнце! Позволишь ли ты остаться с тобою? Ибо здесь так светло, а кожа твоя такая гладкая!

— У тебя нежные губы, не уходи, но берегись: меня нельзя ни сдвинуть, ни обтесать, я неизбежна как рок. Обо мне говорят, что я тверда как камень, тело у меня заострено, а сердце подобно солнцу. Но я заставляю прохожих падать как только мне вздумается.

— О галька, и ты тоже поберегись: там, где я оставил свой след, не ступит больше ничья нога, ибо никогда более я не пошевелюсь. Обо мне гово-

рят, что я упрям, как, впрочем, и положено ослу.

И так, слившись, они более не разделялись. И солнце зашло, будто тело, положенное в могилу.

Настала ночь. Гальке было холодно, однако осел согрел ее. Ослу было страшно, однако галька крепко держала его.

А потом пришел рассвет. Когда ранним утром на дорогу, бегущую среди густой травы, вышли люди, направляясь в город, на повороте они вдруг остановились и вскрикнули, затем, охваченные смятением, зажмурились и накинули на головы свои фартуки.

На месте гальки лежала прекрасная девушка из светлого золота и черного гагата. На месте осла — юноша с огромными сапфировыми глазами. Они были нагими, и пальцы их сплелись навеки. Прочной как камень, упрямой как осел — такова была их любовь».

А вот ты — вовсе не осел. Ты — петушок без гребешка!

Камилла подтолкнула брата. Они упали, покатились по склону. Малыш вскочил, разозленный, как только они остановились, зацепившись за ветки. Разозленный и готовый вцепиться в нее, драться с ней. Камилла посмотрела на Поля. Сестра посмотрела на младшего брата и улыбнулась.

Камилла улыбнулась ребенку, у которого такие же глаза, как у нее, только чуть посветлее. Губы ее сложились в нежную улыбку:

— Поль, малыш, не сердись!

Она нежно взяла его за руку. Вокруг уже совсем темно, только они на свету, двое детей. Луна освещала их.

— Послушай, я тебе открою свой секрет. Я хочу быть… я хочу делать скульптуры! Я видела в одной книжке, статуи, понимаешь, вроде тех, что я леплю из глины… Теперь я знаю. Я хочу стать великим скульптором!

Мальчик посмотрел на нее с изумлением. В лунном свете глаза ее горели. Сущая дикарка! Никогда не видал он таких чудесных глаз. Об этом говорят в деревне все — соседи, кузены, фермер-арендатор. Темно-синие, порой фиолетовые или зеленые, они меняются, как отражение неба в воде, и всегда цвет их глубок и берет за душу. Сестра у него — настоящая красавица. У других людей глаза неживые. А она — о, она смотрит. Глаза ее подрагивают, словно придают блеск каждому человеку, каждому предмету.

— Что с тобою, Поль? Поль?

Она неожиданно испугала его этим взглядом, он отпрянул и бросился прочь.

— Поль, Поль, погоди! Постой! — теперь ей пришлось звать его. Но вскоре Камилла умолка, пожав плечами. В конце концов, это — ее вечер. И вообще, когда бы она ни возвратилась домой, мать ей и слова не говорит. Ну, разве что поворчит. Да и чего бояться? Она же всегда гуляет одна…

Ничего, что спустилась ночь, она сильнее всех мальчишек-ровесников в деревне. В играх с кузенами часто ведет именно она. И потом, у нее есть ножик. Она всегда носит его с собой. Ей нравится снимать кожуру с фруктов, мять материю, видеть, как рассыпается глина, как отпадает кора. Нравится доходить до самой сердцевины, а потом пробовать воспроизвести все, начиная от центра.

Камилла не спеша отправилась в обратный путь с горы. В родительском доме ей тесно. Один отец мог бы понять, что она пережила в этот вечер. Но и ему она не осмелится доверить свой секрет. Если вдруг он не поймет, у нее не останется больше надежды.

Отец… Когда он глядит на нее, она немного нервничает, но чувствует, что они друг друга понимают. Ей всего тринадцать, ему скоро исполнится пятьдесят один. Он худощавый, с милыми

морщинками в уголках глаз — от этого они становятся еще необыкновеннее. Почти восемнадцать лет разницы в возрасте между ним и матерью. Камилле нравится его сухое, словно изможденное лицо, улыбка, пушистая борода, словно вышедшая из тени, как на картинах Рембрандта, его золотистые глаза. Она уверена, что глаза у него золотистые…

Камилла остановилась. Как могут родители уживаться друг с другом? Супружество! Ей стало противно: двуспальная кровать, она этого не понимает. И она рождена ими, этой грузной, рыхлой, скрытной матерью. А отец… когда он целовал ее — давно уже это было, губы, чуть-чуть шершавые, нежно касались ее лба…

Камилла, забыв о времени, широко открытыми глазами смотрела в ночь. Следила, как разрастаются вокруг черные провалы. Прослеживала контуры черноты. Это ее дар? Она понимает язык линий, кривых, точек. Только они придают живость плоти, выказывают скрытую суть и вещей, и живых существ. Она никогда не ошибается.

«Ты — моя маленькая колдунья», — шепнул отец ей на ушко. Она тогда описала ему характеры кота Крапитоша, проводника Ури, поденщицы Пайетты. «На них нужно только взглянуть!» Ей

этого хватало, чтобы смоделировать их внутренний мир. Свет и тени. Все заключалось в них.

Она — маленькая колдунья, а ее отец — сумасброд. Ей захотелось увидеть его. Он один, наверно, беспокоится, ведь Поль ничего не скажет. Вернувшись домой, он молча шныряет в угол, а если кто-нибудь вздумает сунуться в его дела, ужасно сердится, но на вопросы не отвечает. Наоборот, чем настойчивее будут спрашивать: «Ты Камиллу не видал?», тем упорнее он будет молчать.

Она все-таки отыскала свою пелерину. «А лента?» Ладно, пропала так пропала. Наверняка осталась там, на песке. Дорога, ведущая сквозь ночь, Камиллу не страшит. А ведь вершину Шинши называют еще Корзиной дьявола.

В деревне поговаривают, будто нельзя ходить туда после наступления темноты, но разве Камилла боится дьявола? Вот уж дьявола — ничуть! Деревенские рассказывают, что он сует в свой мешок всякого, кто задержится на горе. И она оборачивается, чтобы его увидеть. С удовольствием посмотрела бы на него. Она знает, что он с виду похож на человека, наверняка сильно похож, он должен быть совсем обыкновенным, и в этом главная опасность, потому что люди боятся

только тварей бесформенных и уродливых. Нет, он должен казаться обыденным, рядовым. И она окликает его и, не дождавшись ответа, показывает ему нос.

— Играй в прятки сколько хочешь. Я тоже умею играть. Кто кого догонит?

Мать смертельно боится этого чудовища, молится, чтобы оно обходило ее стороной. А на мессу никогда не ходит, никто из них никогда не посещает мессу. Отец смеется в лицо старухам, которые утром в воскресенье торопятся в церковь, но из деликатности никто не шутит на эти темы, когда дядюшка-кюре приходит обедать. Камилла идет быстро, сунув руки в карманы брюк. Ей сейчас совсем не жарко. Когда она доберется до дому, семья уже отобедает. Ничего не поделаешь, можно будет взять кусок хлеба с сыром. А может, отец даст ей немножко яблочного вина для согреву, а то она уже совсем озябла. Промокшая одежда липнет к телу. Камилле становится страшно. Она не желает оставаться в этой семейке, она не такая, как сестрица Луиза, — та, даром что на два года младше, уже мечтает выйти замуж. Ей нужно уехать, она хочет стать художницей, но как сообщить об этом, что делать? Внезапно будущее представляется ей какой-то пропастью: пустота,

головокружение. Девочка бросается бежать, она мчится к дому, сердце ее сильно бьется — ей всего лишь тринадцать лет, слишком тяжело уже сейчас думать о Париже!

Деревенская улица гудит под ее башмаками. Еще пройти мимо жуткого кладбища, где она играла, чтобы испытать страх, мимо ужасной церкви, похожей на покинутый темный корабль. Но вот и маленький огонек… Через минуту будет тепло — там, в кухне. Она сразу успокаивается, выпрямляется. Она любит ссоры, схватки с противником, только пустота испугала ее. Если бы прямо сейчас появился дьявол, она бы не испугалась. Наверняка он такой же трусливый, как мальчишки в деревне. Когда они собираются кучкой, то щеголяют друг перед другом, выставляются, важничают. Петухи! Бахвалы! Камилла кричит им: «Охотники идут!» И они нападают… Но как-то она увидела Фамбрена, сынка, — одного на узкой дорожке. Она его задела… Цыпленок! Гребешок сразу обвис! Ну-ка, поглядим, если вас меньше дюжины! И вообще, достаточно посмотреть им прямо в лицо, в их дурной лоб, их прищуренные глазки. Она и впрямь василиск!

Камилла толкает дверь. Мать поднимает голову — и в крик. Все поднимают голову. Виктория,

Поль, Луиза, дядюшка… И Камилла кричит:

— Я видела дьявола!

Расхохотавшись, она прислоняется к двери: вся в черной грязи, с торчащими косами. Полуолень, полуединорог, она насмехается над ними, над их пропаренной кухней. Семейство сидит кружком. Самодовольные. Она нетерпеливо бьет копытом. Все решено: она уедет от них, далеко. Постукивают ложки. «Ну, ты закроешь дверь?» — «Но я…»

Она забыла, что хромает. Она прихрамывает, тик-тик-так, тик-тик-так. Отца дома нет.

Письмо из лечебницы

«…Я мечтаю немедленно вернуться в Вильнев и больше оттуда ни ногой, я предпочла бы чердак в Вильневе положению пациента первого разряда здесь…

Не без сожаленья гляжу я, как ты тратишь свои деньги на приют для умалишенных. Деньги, которые так пригодились бы мне, чтобы создавать прекраснейшие творения и жить в свое удовольствие! Какое несчастье! Мне хочется плакать. Как я была бы счастлива, если бы смогла снова очутиться в Вильневе, в чудном Вильневе, который не имеет себе равных на земле!»

«Поездка в Вильнев… Отъезд 26. Вильнев — 27, 28, 29 июня. Двое стариков одни в старом доме, покрытом трещинами, со старой служанкой и сверчком в золе кухонного очага. В Вильневе я всегда „overwhelmed by pathetic“»[1]

Поль Клодель, Дневник

Ее заперли. Заперли. Сколько прошло времени? Ей, быть может, семьдесят семь. Она уже не помнит. Нескончаемая вечность утр, вечеров, ночей…

Она попыталась подсчитать точно каждый год, каждый день, каждую секунду — чтобы случайно не подарить им лишнее время. Порой, когда луна висит над лечебницей, она вдыхает аромат земли. Один порыв ветра, и она пьянеет. Земля Вильнева! Тогда начинается для нее самая долгая пытка. Она торопливо встает — выбирается из железной кровати, нужно надеть юбку нижнюю, верхнюю, рубашку, шерстяные чулки, взять в руки башмаки. Спуститься по лестнице и вдохнуть. Вдохнуть добрый запах земли, расстилающейся под ногами, — земли Вильнева, от которой ран-

---

[1] Примечания: 1

«поддаюсь патетическим чувствам» (*англ.*).

ним утром поднимается пар. Она спешит, ах, еще пелеринка! Сдернуть с крючка пелеринку и выскользнуть из родительского дома. Она шагает, не сходя с места, в тесной палате и что-то жует. Мерзкие запахи душат ее, обволакивают всю. Грязно. Все еще спят. Быстренько надеть юбку нижнюю, верхнюю, — и это повторяется снова, и снова, и снова, бесконечно. Никогда не удается быстро убежать.

Она опять ложится. Сильно возбужденная. Иногда ей говорят, что она возбужденная. Сколько же ей сейчас лет?

А ему сколько? Семьдесят четыре? «Мой маленький Поль…» И оказывается, он ничего не нашел в Вильневе. Дом совершенно изменился.

«Меня к нему ничего больше не привязывает. Это смущает и приводит в отчаянье».

Ах, как нам трудно угодить!

Он слушает, как скрипит заржавленный флюгер, а сестры его там нет. Маленький поэт, который следовал за Галаксорой по лесам, за Галаксорой белолицей, «несомненно, прекраснейшей из всех лесных дев», сидит там — сестру он покинул. С той поры прошло… точно неизвестно, наверно, лет шестьдесят.

Шаг за шагом я, автор, исследую все сочинения

поэта, страницы без объяснений — без объяснений, понятных мне. Просто потому, что Камилла по-прежнему взывает ко мне под необъятным куполом ночи.

«Посмотрите, вот стоит на коленях женщина, чья боль погребена в пучине света…»

потому что есть маленький поэт, создавший «Спящую», который

«…ходит там важно, считая шаги, высоко поднимая ноги, как будто хочет вытереть подошвы об луну».

Сверчок в золе.

Двое стариков под луною.

И она, царапающая дверь своими прекрасными руками, испачканными глиной.

Вырванные с корнем.

Земля Вильнева.

Дьявол в доме

«Глаза у него блестят, как у кота».
Поль Клодель, «Атласный башмачок», день 1-й, сцена 2-ая

Она любила белые рассветы Вильнева. Домашние еще спали. Иногда она спускалась тихонько, не поднимая шума.

Камилла выглянула в окно, закутавшись в одеяло. Как обычно, она оставила окно открытым, несмотря на холод, на осенние туманы, уже заявившие о себе. Скоро нужно будет возвращаться в город. Почему родители не остались в Вильневе? Она любит эту деревню, площадь, где липы шорохом отзываются на любое движение, церковь со звоном колоколов, скособоченную колокольню. Эта диагональ как бы показывает, что время на мгновение остановилось. На мгновение перед тем, как упасть. На мгновение перед тем, как подняться. Впечатление такое, что этот мир творит тишину, — скоро все камни в округе, на вершине, проснутся и согреются в лучах восходящего солнца. Камилла потихоньку спрыгнула с кровати, натянула чулки, взяла в руки туфли. Вот

она и готова. В кухне еще стоит сонная тишина. Хлеб, сыр, кофе — все здесь, под рукой.

Она присела, смакуя свое одиночество. Ей нравилось опережать часы семейного распорядка. Воспользоваться покоем, прислушаться к часам, вещи как будто говорили с нею. Рассветные туманы, туманные образы… И вдруг появился отец.

— Камилла!

Голос с хрипотцой. Похоже, это она свой унаследовала от него. Высокий, худой, блестящие глаза.

— Пойдем со мной. Прогуляемся немного. — Она протягивает ему большую кружку кофе.

— Нет, погоди. — Он берет ее за руку. — Присядь на минутку.

Ей не терпится сбежать. Она не любит объяснять. Нужно, чтобы он понял сам.

— Ты беспрестанно рисуешь, лепишь фигуры из доброй старой глины. Значит, ты действительно поверила в то, что сказал Альфред Буше?

Она резко вскинула голову. Их взгляды встретились.

— Я хочу стать скульптором!

Она вскочила. Отец придержал ее за пояс. Для тринадцати лет она сильно вытянулась. В порыве огромной нежности он тоже встал и обнял ее.

— Дочка, моя дочка…

Он проводит руками по ее голове, он ощущает тело будущей женщины. «И какая же красивая будет женщина!» Большой рот, презрительно изогнутые губы. Щеки ее горят. Тишина в кухне кажется отвратительной, как присутствие постороннего. Отец и дочь глядят друг на друга. Она ростом ему по грудь. Ему хочется потрепать взлохмаченную гриву этой маленькой женщины, еще непричесанной — всегда непричесанной, которая даже слишком на него похожа. И он запускает подрагивающие пальцы в ее волосы и осторожно целует в лоб, словно желая доброго пути.

— Я помогу тебе. Ты будешь скульптором.

Она бросается ему на шею.

— Ну-ну, пойдем, пока мама не проснулась, пробежимся по полям!

— Да где же Камилла? Это дитя сведет меня с ума!

— Мамочка, вот они оба. А па-а-па…

— Помолчи!

Луиза умолкает, обиженно забивается в угол и жует свою тартинку. Поль раскачивается. Мать выводит из себя этот скрытный мальчик, который следит за нею глупыми голубыми глазами.

Мать не говорит ничего. Она наводит порядок,

чистит вещи. Не все ли равно, чем занят Проспер-Луи? Им, по сути, нечего сказать друг другу. Она могла бы любить его, если б не его вспыльчивость, его книги, с которыми он не расстается. И к тому же она чувствует, что неприятна ему. Она не высока, не стройна. Ах, Камилла совсем не такая! И Луиза тоже… Мать с нежностью поворачивается к маленькой насупленной девочке: ту одолевает мировая скорбь. А лучше бы улыбнулась, это ей больше к лицу! Но Луизе тоже хотелось погулять рано утром с отцом, а ее не пустили… Ведь она вечно простуживается. Всякий раз при попытке устроить подобную вылазку она либо нарывалась на неприятности, либо снова заболевала.

— Ну-ка, дети, быстренько убирайте!

Крошки, ложки, пятна от молока или кофе, щетка. Сколько работы! А Луи-Проспер все сидит и не думает уходить. Как он ее раздражает!

— Знаешь, я думаю, что Камилла — прирожденная художница.

— Что-что?

— Я думаю, что она станет гениальным скульптором.

Мать этого не воспринимает.

— Ужас что такое ты говоришь! Вот, значит, как все это на тебя подействовало! Она уже портит

нам всю жизнь своей землей и глиной. Виктория на днях была вся в рыжей грязи. Передник у девочки вечно мокрый. Но вообразить, что это может стать профессией… Шлюхой ты хочешь сделать ее, вот что!

— А я тебе говорю, Камилла станет скульптором.

Родители яростно заспорили. Расстроенные дети притихли у себя наверху. Камилла порывисто вскочила, набросила пальто и скатилась с лестницы. Бежать, бежать на край света, подальше от этих перебранок! Брат Поль побежал за ней, Луиза попыталась его удержать: «Поль, останься со мной!» Поль тащит ее, Луиза тащит его, Камилла оборачивается и показывает им обоим нос, разъяренный Поль отпихивает Луизу ногой, та от неожиданности его выпускает, и Поль вылетает на лестницу как пуля. Крики, плач. Мать подходит, видит Камиллу у лестницы.

— Это не ребенок, это сущий дьявол!

Но Камиллы уже и след простыл. Поль, поднявшись, оттолкнул мать и рысью помчался вдогонку. Последние дни каникул, последние зеленые листья. Завтра все они уже будут в Ножане. Полю не нравится в Ножане.

— Камилла, Камилла!

Она останавливается и ждет его.

— Ты не ушибся?

Мальчик отрицательно качает головой, но на колене у него кровоточащая ссадина.

— Ну-ка, иди сюда!

Она тянет его к фонтану. Мальчик разглядывает ее и вдруг хохочет:

— Ты — Каше-Дьябло! Я буду звать тебя Каше-Дьябло!

Камилла пожимает плечами. Кровь с ссадины уже не течет.

— Ладно, теперь давай бегом. Наперегонки, кто первый!

Мадам Бертье, провожая их взглядом, покачала головою: «Когда уж наконец эти двое уймутся и перестанут скакать! Вечно их где-то носит. То ли дело малышка Луиза, такая тихая, очаровательная, с такими локонами! И уж она-то всегда чистенькая. Эта же девица плохо причесана. И кончит плохо!»

Камилла и Поль уже далеко. Внизу — дорога, проторенная тропа, маленький лесок… И вдруг, наконец-то, встает солнце, становится хорошо, земля согревается.

— А куда складывать глину?

Дети так спешили, что ничего с собой не взяли.

Камилла расстелила пелеринку. Если связать рукава, получится узел. Тяжелый, килограммов на двадцать, не меньше. Дети тащат тяжелую ношу пошатываясь. Поль, младший, выбивается из сил. Неожиданно они роняют узел и смеются. Один рукав порвался, глина просыпалась.

— Похоже на человеческое тело.

— Замолчи!

— Рыжая глина на пальто — как сломанная рука.

— Замолчи!

— Ну погляди же, Поль, это красиво, глина — как человеческое тело. Посмотри!

Она отвязывает другой рукав и начинает лепить. Глина, еще влажная после ночной грозы, обретает форму. Мало-помалу возникает бюст, злой, тяжелый. Поль сидит молча и смотрит. Волосы Камиллы перепачканы рыжей глиной — она несколько раз бралась за них руками, чтобы откинуть назад.

— Ты похожа на инку, — говорит Поль.

Красные полосы на ее лице — будто шрамы от старых ран. Она с силой бьет ногой по неоконченной работе и все растаптывает.

— Это не то, не то!

— Камилла, прекрати!

— Заткнись лучше и помоги мне!

— Ты сердишься?

Они кое-как бредут дальше, волоча свой тяжелый груз домой.

— Мамзель Камилла! Ох, нет, не сегодня! Вы же завтра уезжаете!

Виктория удручена. Бедная старая Виктория, она день-деньской мыла, наводила блеск, сворачивала ковры. Порядок, порядок! Камилла ненавидит эту мебель, под белыми чехлами вещи похожи на больших покойников. А Камилла слишком любит жизнь. Она смотрит на Викторию и недовольно надувает губы:

— Пойдем же, Виктория! Хорошо, но не здесь… в мастерской.

— В сарае?

— В мастерской, я тебе сказала: мастерская. Это так называется!

— Ох, посмотрите!

— Это следы дьявола! — туфли Камиллы отпечатали красноватые следы повсюду. Полю смешно, он держится поодаль.

— Ладно, пойдем. Нечего тебе тут торчать как дураку. Поможешь мне.

И все трое вместе уходят. Неожиданно раздается звук пианино, и Виктория останавливается:

— Как красиво!

Камилла тоже не прочь перебирать пальцами клавиши пианино, но мать запретила ей это раз и навсегда: «Это для хороших, разумных девочек. Ты все пачкаешь, в тебе никакой утонченности!» И теперь она распевает во все горло, когда ходит где-нибудь одна. Да и вообще она слишком занята скульптурой. Этому нужно отдаваться целиком. Впрочем, Луиза играет хорошо. Камилла останавливается на минутку. Виктория смотрит на нее. Что выйдет из этого ребенка? Она рослая, стройная; но в глаза посмотреть страшно — там железная воля, которую ничто не сломит. Ее хоть убивай — от своего не отступится.

— Эй, Виктория, поторопимся!

Троица проходит через сад к мастерской.

— Так, садись сюда! — Служанка смотрит на девочку. — Ну, Поль, подай мне ведро с водой, да шевелись! Что ты снова размечтался?

— Мне надоело тебе помогать.

— Ах ты, проказник, умолкни!

Поль швырнул комок рыжей глины в голову сестры. Девочка продолжает невозмутимо работать.

— Виктория, не шевелись!

— Мне солнце бьет в глаза!

Камилла не отвечает. Именно солнце, высвечивая профиль Виктории, служит ножом, взрезающим покровы, обнажающим анатомическое строение. Девочка берет в руки глину…

— Неужели вы сегодня начнете? Какой в этом смысл?

— Я заберу это с собой.

— Чего? — Виктория дернулась. Она представила себе мадам Луизу перед грудой глины. Однако Камилла не уступит. Уж она-то девочку знает!

Старой служанке трудно сидеть неподвижно. Девочке это безразлично: она становится эгоистичной, почти злой. Стоит ей взяться за работу, все прочее забывается. Остается лишь желание уловить свойства натуры — взгляд, прежде всего взгляд.

Виктория пытается потихоньку нащупать орехи в кармане передника — свежие орехи, — а другой рукой взять щипчики, но Камилла сразу вскрикивает:

— Виктория, ну как прикажешь с тобой работать? Ты вертишься беспрерывно! — И вдруг девочка засмеялась, громко, искренне: — Ладно, договорились! Несколько минут перерыва. Я обожаю орехи!

Камилла присаживается у ног Виктории.

— Виктория, расскажи, что же все таки стряслось с моим дядюшкой Полем? Помнишь, тот молодой человек, которого нашли утонувшим возле маленького моста?

— Нет, нынче не расскажу.

— Тогда скажи, почему мои мама и отец почти не разговаривают друг с другом? Ты прежде знала маму?

— Знаешь, нельзя ее за это осуждать. Девушкой она была такой непосредственной, смешливой. Приехал твой отец, из дальних краев, блестящий молодой человек, умный. Я думаю, она его по-своему любила, но понимала ли, на что идет? Она жила в тени своего отца, врача. Мать ее умерла еще молодой. А главное, когда случилось это несчастье с Шарлем-Анри…

Камилла смотрит вдаль. Виктория колеблется: продолжать ли дальше? Бедную девочку так часто попрекали тем, что она заняла место первенца, Шарля-Анри. «Самозванка!» — кричит ей мать, когда сильно сердится.

— Бедная Камилла, ты ни в чем не виновата. Он не мог выжить. Прожил каких-то пятнадцать дней. Твоя мама была близка к сумасшествию. Отец как только стемнеет, уходил из дому. Один ходил и ходил часами, чтобы забыться, словно

смерть носил в себе. Мать его за это попрекала. Ты знаешь, это часто случается. Первенец далеко не всегда бывает удачным… Тогда они и начали ссориться. Твоя мама была в страхе. Отец злился. А потом родилась ты — великолепная, здоровехонькая, шумная! Отец сиял от счастья и всем тебя показывал. Ты, Камилла Розали Клодель, родилась 6 декабря 1864 года. Я помню, какой ты была. Я закутала тебя в свою шаль, боялась, что ты замерзнешь. Ставни в комнате были открыты. Твоя мама мечтала о мальчике, тебя признавать не хотела. Твой дядя-кюре велел звонить в колокола. Дин-дон, Камилла Розали, — родилась роза — а я на тебя смотрела…

Твоя мама отвернулась и, не сказав ни слова, проплакала несколько часов. Даже не поблагодарила Боженьку. Можно было подумать, что она готова отдать тебя дьяволу.

Камилла смеется, но смех выходит чуть дрожащий, грустный.

— Знаешь, Поль нынче утром назвал меня Каша-Дьябло.

Виктория приглаживает волосы девочки:

— Эх ты, маленькая моя Каша-Дьябло…

Завтра утром нужно будет возвращаться в Ножан. Камилле не нравится жить в Ножане.

Письмо из лечебницы

«…Я вышла к ним прихрамывая, в старом потертом пальто, в старой дешевой шляпке, которая сползала мне на нос. В конце концов, мне можно. Они будут вспоминать старую сумасшедшую тетку. Вот в каком виде я останусь в их воспоминаниях — в следующем веке…

Так хотелось бы посидеть в уголке у камина в Вильневе, но увы! Думаю, что я больше никогда не выйду из Мондеверга, если дела будут идти так же, как сейчас! А идут они неважно!..»

Воскресенье, 4 апреля 1932

Община Фер-ан-Тарденуа. Запись в книге регистрации 1861–1866 года.

Рождение

Клодель Шарль-Анри, родился 1 августа 1863 г. в Фере.

Свидетель: Альфонс де Масари, нотариус, 39 лет от роду, проживающий в Фере.

Смерть

Клодель Шарль-Анри, умер 16 августа 1863 г. в возрасте 16 дней.

Рождение

Клодель Камилла, родилась 8 декабря 1864 г. в Фере.

Умерла в Авиньоне (район Монфаве) 19 октября 1943 г. в 14.00.

Запись акта гражданского состояния. Плохонькая кривая фотография. Я рассматриваю ее, держа двумя пальцами, она сдвигается вправо, влево, вправо, влево. Тоненький листок; его сдувает даже слабый ветер, он рвется от самого слабого дыхания.

Неужели именно такой будут вспоминать о тебе? Наверно, такой.

Тебе ведь понадобилось так много времени,

чтобы умереть. Бедная твоя жизнь колеблется между двумя поплавками: 1863–1943, 1943–1863! А потом — пригоршня земли, которую бросят тебе, рассыпчатой земли… И все.

А мне вот абсолютно нечего спросить.
Пусть он останется Богом — и пусть
оставит нам наше ничтожество…
Он — на своем месте, мы — на своем,
пусть так и будет вовек!

Но нет! Я смотрю на нее, вижу ее руки. Она хочет сказать что-то. Она уже близко. Но нужно подойти еще ближе. Ей шестьдесят восемь лет. Руки теперь немного дрожат. Из-под большой шляпы она что-то бормочет. Она смотрит, как они уходят, а они ничего не поняли. Кто просветит их? Кто им расскажет? Она — не просто старая сумасшедшая тетка. О нет! Куда больше, чем просто сумасшедшая!

Кусок глины, который отрывают от подошвы ботинок. Раскаленные следы, испятнавшие пол в кухне, — там, в Вильневе.

Нужно отыскать скульптуры. Где-то в мире ее скульптуры продолжают существовать.

«Скупая земля, которая не лжет никогда».

Вот что она оставила нам навеки.

Она возвращается в свою палату. Я смотрю, как она исчезает в бесконечно длинном коридоре. Маленькая нищенка, она кажется все меньше, меньше. Потом оборачивается.

Взмах шляпы. Шутовское подмигивание. Глаза синие. Священная Каша-Дьябло. О тебе ли мечтал старый поэт? Камилла, Мавр, Ренегат, неуловимая «ласковая улыбка» Каша-Дьябло? Да не все ли равно!

КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ, СКУЛЬПТОР. Во веки веков — аминь.

Давид и Голиаф

«Ты не можешь пойти войной против этого филистимлянина, ибо ты всего лишь дитя, а он — воин со времен юности своей…»

Первая книга Самуила, III, 1, 33

Камилла изнемогает. Она сама притащила двадцать килограммов глины, чуть меньше, чем весит сама, причем тайком. Иначе мать обнаружила бы то, что она затеяла. Пакеты, чемоданы, связка удочек. Мать ничего не сказала. Отец помог, пусть хоть немного, но помог. Господин Хранитель Ипотеки думает о другом. Вот уже все взгромоздили на старую тележку господина Фаве. Но это еще что такое? Мать вошла в дом и там подняла крик. Ей попался джутовый мешок. «О господи! Глина! Ты с ума сошла, дитя мое!» А отец, к несчастью, еще занят беседой с господином Фаве.

— Немедленно выкинь всю эту гадость!

Камилла ощетинивается. Поль пугается: он знает, что бывает, когда сестра притопывает хромой ногой и дугою выгибает спину. Она орет,

вцепившись в свои мешки, к которым дерзнула прикоснуться мать. И угораздило же мать сделать это в последний момент! Люди оборачиваются, смотрят на них. Луиза, испуганная, смущенная, жмется к Полю. Поль молчит, ждет решения взрослых. Он знает, что Камилла от своего не отступится. Она раскраснелась, кричит:

— Я мешки не брошу! Сяду и не двинусь никуда отсюда. Спать буду здесь!

Мать отвешивает ей пару пощечин. Камилла не шевелится, даже не плачет. Она окаменела, спряталась за распущенными волосами. К счастью, приходит Луи-Проспер. Он все понимает с первого взгляда.

— Ну, пойдем садиться в экипаж. Эти мешки слишком тяжелы. Мы возьмем сегодня один, а завтра вернемся за вторым.

— Если желаете, я его прихвачу, — подскочил господин Колен.

Камилла улыбается ему и вешается на шею.

— Смотрел я на вас, — говорит он, — и, знаете, подумал, что Камилла была похожа на Малькве-на, идущего в атаку на вражеские войска! «Весь он в золотом шитье, и на солнце он сияет…»

Она счастлива. Мать бросает на нее злой взгляд. Снова Камилла нашла себе союзника! Как ей это

удается? Она никогда ничем не жертвует. Делает то, что ей заблагорассудится. От нее исходит энергия, привлекающая людей, которая, словно ореол, окутывает ее. Люди прямо из кожи вон лезут, чтобы помочь ей.

Теперь Камилла обращается к господину Колену:

— Можно я поеду с вами?

— Камилла, останься здесь!

Но Камилла предпочитает сидеть с чужим человеком, чем тесниться в семейном экипаже. Погода прекрасная. Тихий и теплый послеполуденный час осени. Словно бархатное платье — красный, чуть-чуть тяжеловатый.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, это дитя меня ничуть не стеснит!

Камилла торжествует и хватается за второй мешок с глиной, чтобы Полю не осталось места.

— Можно мне туда тоже?

— Нет, Поль, будь добр, остаться с нами, будешь помогать.

Поль дуется.

Господин Колен — журналист, изредка дает уроки. Его наняли наставником к детям. Камилла прекрасно находит с ним общий язык. Он ученый, умный, в нем есть что-то от богемы. Камилле

нравится, как он одевается. В Вильневе его присутствие немедленно породило всевозможные толки. Ко всему еще и республиканец!

Экипаж трогается с места. Этому человеку сорок пять лет. Он начинает мурлыкать какие-то строфы, Камилла подхватывает.

Граф Роланд видит, что Самсон мертв, можете себе представить, как он опечалился. Изо всех сил пришпорив коня, он наезжает на язычника. В руке у него Дюрандаль, бесценный меч. Перед ним африканец из Африки. Это Мальквен, сын короля Малу. Весь он в золотом шитье, и на солнце он сияет, он выделяется из всех прочих. Едет он на коне, именуемом Пропащий Прыжок.

Камилла вскакивает и едет в экипаже стоя. «Не тот это конь, чтобы мне бросить вызов на скачках!» Колен забавляется. Он подстегивает лошадь, та переходит на быструю рысь. Камилла, обернувшись, смеется:

— Эгей, господин Колен! Вперед, на христиан! Мне больше нравятся язычники. Этот Роланд — глупый парнишка. Ему следовало быть поосторожней.

Колен разглядывает девочку, скорее, уже девушку. Правильно ли он поступает, рассказывая ей про всех этих героев? Он читал ей «Песнь о

Роланде», «Девяносто третий год», «Роман о Лисе». Ее младший брат, еще совсем малыш, тоже слушает, но молчит. Можно подумать, что он стоит в сторонке и вынашивает свои суждения. А она воодушевляется, как сейчас. Дай ей волю, она унеслась бы в другой мир, схватила бы вожжи и воображала, что находится на поле боя рядом с графом Роландом…

Колен улыбается, представив себе, как ошалеют жители Ножана, увидев их экипаж, несущийся галопом! Камилла прочитывает все, что находит, но неспособна проанализировать книгу. Она немедленно становится на чью-то сторону. Она стоит с Мальквеном против Роланда. С лисом Ренаром втирается в доверие к Изенгриму. Почему этот эпизод так сильно ей понравился? Колен вспоминает множество рисунков, сделанных ее детской рукою. На ее иллюстрации Ренар навещает чету Изенгримов. Ренар «обнял госпожу Изенгрим и нагадил на детей Изенгрима». Странный ребенок!

Но почему она смеется? Внезапно Колен, резко выбитый из потока мыслей, обнаруживает, что они давно проехали дом на улице Сент-Эпуэн.

— Вы меня похитили, господин Колен!

Придется сделать полуоборот, повернуть коляс-

ку. Лошадь устала. Они приедут намного позже Клоделей.

— Я придумала что-то новое, господин Колен. Хочу проиллюстрировать историю о Давиде и Голиафе. Помните, вы мне как-то рассказывали?

У девочки несомненно особый дар к передразниванию. С ней не соскучишься. Вот они и прибыли. Большая лестница… Вещи уже сложили в прихожей. Все заняты делом, Луи-Проспер скрылся.

— Пойдемте, — шепчет Камилла.

Они пересекают коридор и выходят в сад за домом. Колен несет мешки. Камилла относится к своему слуге-носильщику с великолепным презрением. Она открывает дверь пристройки. Уф, наконец-то пришли! Все здесь: закутанный в тряпку Бисмарк, Наполеон в марле. Они немножко потрескались, но пережили каникулы. Девочка, не медля, берется за дело. Увлажняет глину и начинает лепить.

— Погодите, господин Колен. Сейчас тут будет Давид, а потом я к нему добавлю Голиафа, без головы. Мне нравится рубить головы!

— Отлично. Я, наверно, пойду, а не то, глядя на вас, я и свою потеряю!

Камилла рассеянно взмахивает рукой. Она уже

поглощена работой. Окруженная героями, она решила создать композиции, показывающие, как маленькие побеждают больших. Эта мысль пришла ей в голову вчера утром. На Гейне она видела такой камень, крошечного клоуна.

— Расскажи мне какую-нибудь историю!..

Что она делает здесь, затерянная в огромном лесу? Серенькая девчушка, живущая по соседству?

Однажды жил-был маленький клоун, который тайком надел большие башмаки жизни. Только он надел их не на те ноги. Левая нога оказалась в правом, а правая — в левом башмаке.

Он ушел, опустив голову, и скоро упал носом в землю. Но сердце у него было еще больше, чем башмаки: на него можно было стать двумя ногами. Люди не упускали такого случая. Они влазили на его сердце и топтались по нему.

Поскольку маленький клоун не видел теперь дальше собственного носа, он снял башмаки и надел себе на руки, чтобы лучше прощупывать путь в жизни, а ногами уперся в собственное сердце. Так он и побежал дальше. Но там, где он ступал ногами, он разбивал свое сердце, а когда разводил руками, терял башмаки.

Он подумал, широко раскрыв глаза, и потерял свой нос.

Этот камень стоял позади «сплетниц», позабытый, странный, словно клоун на слишком большой арене. Плащ спадал ему на ноги, и Камиллу охватывала бесконечная нежность к нему… Гейн возносится высоко, но малютке-клоуну находится место в его сердце. Великие, важные… Нужно бороться, она покажет им, что сила не так уж и легко одолевает нежность, а большие ноги не затопчут фантазии. Камилла думает о больших башмаках клоунов. Голова полна криков, а руки движутся с тихим шорохом. «Жил-был маленький клоун, который…» Она хочет придать ему такой вид — чудаковатый и отважный. «Камилла, поторопись!» Господи, уже обед! А она и не заметила, как прошло время. Она оторвалась от работы, взглянула со стороны. Малыш Давид уже обхватил грузное тело великана, тот делает движение, пробуя защититься. Головы нет, Давид только что ее отрубил. Голову она сделает позже. Одну голову без тела. И другие головы без тел.

— Камилла! — Пришел отец, стоит в дверях, в полумраке. — Камилла, поторопись же!

Он берет ее за руку и вытаскивает из сырой и темной мастерской.

— Не нужно так много работать. Я хочу по-

говорить с Альфредом Буше. Он приедет через неделю.

— Ты посмотри на этого ребенка, Луи! Она снова испачкала платье.

Камилла опускает глаза, чтобы удостовериться в размерах катастрофы. И впрямь, платье почти сплошь покрыто большими красными цветами. В некотором смысле это даже красиво. Все взгляды устремлены на нее.

— Ступай, вымой хотя бы руки перед едой. И переоденься.

Камилла спешит к себе в комнату — мать ничего не сказала! — там в полутьме находит таз, споласкивает пальцы. Неожиданно ее охватывает нежность к матери. Эта строгая замкнутая женщина, наверно, как-то по-своему ее любит. Ей сейчас всего тридцать четыре года, а она уже погрузнела, большие глаза часто принимают отсутствующее, потерянное выражение. Сколько развеявшихся в дым мечтаний!

Она вышла замуж в восемнадцать лет. Как она пережила смерть первенца? Какая она в глубине души? И почему их разделяет такая непримиримая ненависть? Словно когда-нибудь одна из них доведет другую до смерти. Мать, брат, семья, супружество… Камилле тринадцать, но все это

гнетет ее. Она не понимает, как это можно быть при ком-то.

Она сбегает вниз. Все уже сидят за столом. Мать бросает на нее грустный взгляд. Камиллу охватывает сильная усталость. Ей хочется кричать, звать на помощь, подать знак, что ее нужно спасать, выказать отчаяние. Но кто поверит, что ребенок тринадцати лет может звать на помощь? Ей скажут: «Успокойся, не воображай о себе слишком много!» А между тем у нее вдруг начинается такое головокружение, как будто в ней сидит какая-то скрытая болезнь и вот она сейчас, прямо за столом, умрет. Она не может ничего взять в рот; ее тошнит.

— Камилла, ешь!

Она бы и рада доставить им удовольствие, но при всем желании не может пошевелиться. Словно громкий крик рвется наружу или словно дерево вспыхивает от удара молнии. Камилла, неподвижная, смотрит на них всех. Они далеко, она слышит их так, будто у нее в ушах вата. Спасите, на помощь! Родители, сестра, брат жестикулируют по-прежнему. Она же думает только о том, что у нее одна нога короче другой. Она медлит. Ей хочется, чтобы на нее обратили внимание и в то же время, чтобы оставили одну,

наедине с собой. «Марионетки, марионетки!» — выкрикивает она.

— Камилла!

Она лежит на полу. Неподвижная, бездыханная…

— Ребенок ничего не ел с утра. Не удивительно, после возни с этими проклятыми мешками!

Камилла в своих четырех белых стенах. Горечь одиночества и жесткость страдания, рвущего сердце. Камилла стучит в стену, стучит обеими руками, выкрикивает имя в лицо зеркалам, словно они могут вернуть ей любимого человека, вернуть долгожданный свет, чтобы продолжить борьбу. Отвращение и гнев, нежелание признать свое поражение. А между тем она уже знает, что в глазах мира навсегда останется печальным отголоском того, кого любила.

Она

«Пришел тот день, когда оружье женщин
Должно на вашу похвальбу ответить».
Энеида, книга XI,
Камилла, царица вольсков

Солнце рано встало в то утро. Камилла не изменила вильневским привычкам. Только здесь гулять негде. Скоро молочник заменит пустые бидоны на полные. Они звякают, словно большие надтреснутые колокольцы. Камилла на мгновение вспоминает про больших коров на Брессе. Тяжелое одеяло топорщится, кажется, что у нее вырос толстый живот. Камилла потягивается, отталкивается от кровати ступнями, проводит рукою по ноге. Ей нравится выявлять формы собственного тела. Она достает рукой чуть пониже колена. Склонившись, как будто собралась сорвать цветок, она ухитряется даже коснуться ступни, пощекотать ее; потом рука снова тянется вверх, палец скользит по коже, описывая круги по гладким бедрам. Она слегка приподнимает и подтягивает рубашку. Вот плотная ягодица. Ка-

милла ощупывает ее, пытается понять, каков ее контур, возвращается к колену, потом медленно запускает руку во впадину паха. Как-то утром она обнаружила, что такое поглаживание — вот любопытно! — доставляет огромное удовольствие.

Она поддергивает ночную рубашку еще выше, не глядя. Ее глаза устремлены в потолок, пока она ощупывает зарождающиеся, уже округлившиеся груди. Там она не задерживается, ей мешает странная неловкость. Однажды она захочет лепить обнаженную человеческую фигуру. Но кто будет позировать? Она даже на себя голую не осмелится взглянуть. Впрочем, она так любит ощупывать округлости костей, кожу, суставы, все части своего тела, что сумеет воспроизвести их по памяти. Она растягивается на кровати, чтобы достать ситцевую рубашку, потом накидывает сверху что-то шерстяное. Нынче утром холодно. Близится зима. Скоро дни станут слишком короткими. Придется рисовать при лампе в общей комнате. Маленькая пристройка в глубине сада будет освещена лишь несколько часов, там будет становиться все холоднее, а замерзшая глина станет враждебной. Пальцы закоченеют. Камилле не нравится долгая зимняя спячка, когда все формы умирают, свет уходит. И потому она поспешно

встает, натягивает шерстяные чулки, нижнюю юбку, шерстяное платье, жакетку, шаль, берет в руку туфли и потихоньку спускается с лестницы. Дверь родительской спальни закрыта. Ее подташнивает при мысли, что когда-то придется лишиться удовольствия просыпаться одной по утрам. Как можно всю жизнь просыпаться рядом с кем-то? Самое главное — быть наедине с собой, когда открываешь глаза…

Камилла добирается до кухни, осторожно переставляет бутылки с молоком, наливает себе большую кружку. Шалью закутывает горло. Молоко утоляет жажду, ей холодно, но мало-помалу тело ее распрямляется, разминается. Камилла осторожно вдыхает воздух сада. Природа тоже начинает согреваться. Она никогда не забудет этой бодрящей кровь своей скромной земли. Медленно идет она по саду, открывает бесшумно дверь пристройки. Лучи солнца падают сбоку на «Давида и Голиафа», которых она собирается закончить. Она останавливается, словно боясь помешать завершению боя. Давид как будто только что взмахнул рукою, отрубая голову Голиафа. Как передать испарину? Может, подобрать материал, чтобы блестел, что-нибудь, скажем, слоновую кость — сделать, как в жизни, лучше,

чем в жизни! Твердое вещество, без всего, что внутри… Она счастлива, что ей удалось сделать скульптурную группу.

Теперь Камилла знает, что многое может. Она не хочет больше прерывать занятия скульптурой. Солнце все ярче золотит ее творение. Камилла еще ничему не училась, ее снедает жажда знаний; она вспоминает вчерашний приход Альфреда Буше. Он явился после полудня, позавтракав. Кофе, ликер… Девочка изнемогала. Она испытывала отвращение к этому человеку, который тратил время на изъявления вежливости. Она предпочла бы немедленно потащить его в свою садовую пристройку. В то же время она помнила, что пригласил его отец, это ее отец высказывал суждения, принимал решения. Отец сидел в высоком вольтеровском кресле в гостиной, окнами в сад; сдержанно-учтивая мать, вся в черном, никогда не позволяла себе сидеть, принимая гостей… И еще потребовалось, чтобы Луиза сыграла свою пьеску на пианино. Поль улучил момент и улизнул. Он знал, какова Камилла в приступе ярости, и боялся, что мнение, высказанное господином Альфредом Буше, специалистом в данном вопросе, будет иметь сокрушительные последствия. И потом ему было просто страшно. Мало ли что

может натворить Камилла, ежели разбушуется?

Господин Альфред Буше, ножанский скульптор, не нравился Камилле. Если бы он был настоящий художник, он понимал бы, как важно ей узнать приговор. Камилла стояла, прислонившись спиной к буфету. Большая девочка, а вела себя, как ребенок, который не решается выпустить из рук вещь, служащую опорой. Отец расспрашивал о столичных новостях. Ну когда уже они отправятся в мастерскую? В ее пристройку! «Ну, поднимайся, — твердит неслышно Камилла. — Умоляю тебя! Ну пожалуйста! Меня сейчас даже Париж не интересует. Иди посмотри на мою скульптуру!» Однако ей приходится слушать…

Какой-то Огюст Роден, никому не известный, стал причиной скандала. Он вернулся из Бельгии. Два года назад, в 1877 году, он выставил в Салоне «Бронзовый век» — свою первую большую скульптуру. Ему тридцать семь лет. Работа настолько совершенна, что жюри обвинило его в том, что он изготовляет статуи по слепкам с живого тела. Отец спросил, что это значит. Альфред Буше поясняет: «О, в наше время это распространенный прием. Скульпторы напрямую делают слепки с частей тела живой модели. Это ускоряет работу!»

— Это нечестно! — кричит Камилла. Или ей кажется, что кричит, ведь у нее даже губы не шевельнулись. Как можно называться скульптором при подобных уловках! Тогда печь статуи не труднее, чем пирожные! Льешь себе тесто в приготовленную формочку. Немножко подождать, раз — и готово: форма подана на блюде! А как же прямая работа с камнем, а модель из глины? Она никогда не станет печь пирожки. А тот еще и старый к тому же! Тридцать семь лет! Они и в самом деле могут терять время. А она-то, она ждет со всей страстью своих четырнадцати лет!

— Наконец, — продолжает Буше, — это взбудоражило весь круг, впрочем, весьма узкий. Скульптура интересует отнюдь не многих…

И снова они набрасываются на столичные дела.

— Госпожа Эдмон Адан недавно начала издавать «Новое обозрение»… Все мечтают посетить ее салон. Леон Гамбетта не пропускает у нее ни одного обеда…

Они всё говорят, говорят.

— Коммуна? Понимаете, прошло уже восемь лет… В конечном счете, все зависит от политических кругов…

Камилла смотрит на ликерные рюмки на столе

перед ними — одна, две, три, четыре… Только не швырнуть это им в лицо. «Господи! Сделай так, чтобы искушение минуло меня! Господи…» Она держит руки за спиной, прижимает к дверцам буфета. У нее умные руки. «Умницы…» Хотя бы сегодня.

Наконец отец поднялся, с нежностью поглядев на дочку.

— Что если мы пойдем побеседовать с художниками о художестве?

Камилла заливается краской. Вот они уходят: Камилла, господин Альфред Буше, отец… Они идут через сад.

Никогда еще Камилла не замечала с такой тщательностью подробности садовой дорожки, цветы, заржавленную ручку двери. Она открыла дверь и отошла в сторонку. А Буше вошел, прикоснувшись к волосам, как будто снимал шляпу в знак уважения, и долго смотрел на «Давида и Голиафа», долго и молча. Камилла взмокла, словно ей прямо на голову вылили ведро воды. Потом он не спеша подошел ближе, обошел вокруг скульптуры и остановился. Камилла уже ничего не видела. Луи-Проспер смотрел на Камиллу. Ее чудесные темно-синие глаза были широко раскрыты. Как будто у ясновидящей, которая

прозревает нечто ужасное в своем будущем. Неожиданно ему стало страшно за дочку. Хоть она и закрутила волосы наподобие шиньона, ему она представлялась еще маленькой девочкой. И лента повязана по-детски. Она держалась прямо, очень прямо. Гордые губы стиснуты. Но особенно пугали его глаза.

— Это просто поразительно. Контраст теней, сила. У нее есть дар чувствовать жизнь. Это для скульптора самое главное. Можно сказать, она соревнуется с Роденом… Ей нужно ехать в Париж. И поскорее. Хотя, конечно, вам решать… Это трудное ремесло для одиночки. Кроме того, нужно добиться возможности выставляться в Салонах, получить рекомендации. Я мог бы помочь, но это такая малость… У меня самого дела неважные. Что касается Родена, пока не будем говорить об этом. Еще рано! Я знаю, она храбрая, но — женщине я бы отказал сразу, хоть у нее и гениальное дарование, а может быть, именно поэтому. Колен говорил мне, что она взрывается по пустякам. Я сам только что наблюдал за ней в гостиной. Ее трясло. А между тем это занятие требует терпения. И потом, — добавил он, погладив девочку по щеке, — она когда-то выйдет замуж.

Луи-Проспер и Альфред Буше вышли. Камилла

последовала за ними.

Не дойдя до дверей, она возвращается. Выйти замуж. Женщина. Она слышит такое в первый раз. Женщина! А как же скульптура? Вдвоем они их всех повергнут, этих мужчин, которые никогда не выходят замуж. Или нет?

Письмо из лечебницы

«…Замечательно! Все эти миллионеры, которые набрасываются на беззащитного художника! Ведь господа, принявшие участие в этом милом предприятии, все имеют более чем по сорок миллионов…»

«Филистимляне собрали войска для битвы… И выступил из стана филистимского единоборец по имени Голиаф из Гефа, ростом в шесть локтей с пядью. Медный шлем на голове его, а одет он был в чешуйчатую броню… Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами. И древко копья у него было тяжелым, как навой у ткачей, а самое копье его в шестьсот сиклей железа. И оруженосец шел перед ним…

Давид взял посох, выбрал себе пять гладких камней из ручья и положил их в свою пастушескую сумку…

И взглянул Филистимлянин, и, увидев Давида, с презреньем посмотрел на него, ибо тот был молод…»

Она продержалась долго. Без оружия, без уловок и обманных ходов. С голыми руками. И вот у нее больше нет ни резца, ни молота, ни скульптуры. У нее отняли все. А она хотела работать. Перед нею старая потертая Библия. Малые против больших и сильных. Было еще так много других историй, эпических сказаний, которые ей хотелось бы ощутить под пальцами, покрытыми глиной.

Но она здесь, без книг, без глины, без рук. В смирительной рубашке.

Красный кустарник

«Зачем ты ушел, несчастный?
Похлебка так и просилась, чтобы мы
сели кружком и съели ее...».
Поль Клодель, «Золотая голова»

Дом опустел. Камилла бродит из комнаты в комнату. Ничего не делает, просто блуждает в одиночку. Родители с Луизой — в гостях у супругов Шапули. Луиза продолжает заниматься музыкой. Играет она превосходно. Госпожа Шапули дает ей уроки дважды в неделю, но Луиза быстро устает. Ей всего тринадцать лет, и она предпочитает сидеть в кухне и болтать с матерью. Камиллу удивляет все, что рассказывает сестра. Иногда она слушает, как девочка распевает забавные песенки. Ее личико с тонкими чертами напоминает мордочку белки. Глаза у нее смешливые, слегка похожи на отцовские, носик чуть-чуть вздернут, словно говорит: «Ну вот вы меня и увидели!», а лоб окружают красивые локоны. Камилла испытывает нежность к сестренке, такой хрупкой. Ей хотелось бы иметь такие же тонкие черты. Еще у Луизы на кровати вечно

валяется начатый рисунок букета и нитки для вышивания. Как у нее хватает терпения часами вышивать эти пошлые цветы?

Камилла переходит из комнаты в комнату, не зажигая света, бродит по коридорам. Всюду пусто и скучно, скучно… Вот уж два года, как они уехали из Ножана. Она с грустью вспоминает Колена, Альфреда Буше. Здесь все ей чуждо. Поль и Луиза больше не учатся вместе с нею. Поль — в колледже. Дом красивый, на втором этаже балкон, входная дверь высокая, с каменным крыльцом и двойной лестницей. Ей пятнадцать лет, она задыхается в этом городишке Васси.

Камилла добралась до просторной родительской спальни, опустилась в кресло и созерцает кровать. Она задаст сама себе вопросы. Увидела бы ее мать, непременно сказала бы: «Не смотри так, это невежливо». Но Камилла смотрит. Двуспальные кровати поражают ее воображение. Пара. Что это значит?

Кровать безвкусная, слишком пышная. Розовые подушки дремлют под кружевными накидками. Над столиком матери прикреплено распятие и веточка букса. Обнимает ли еще отец маму или они спят каждый сам по себе, молчаливые, умирающие без надежды на воскрешение? Однако

отец выглядит очень живо, в нем есть тайная дерзость, склонность к авантюрам. А вот о чем думает мама? Наверно, о кухонных делах!

Камилла бредет дальше. Стены — это убежище. Стены. Лестница. Камилла поднимается наверх, садится на свою кровать и смотрит рассеянно вдаль. Она наслаждается одиночеством, и в то же время ее тянет бежать из этой комнаты, из этого дома. Тишина. А вчера был шум, впрочем, она сама виновата. Вчера… Она будто снова видит эту сцену: отец взбешен, мать готова расплакаться, Поль в ужасе…

— Камилла будет заниматься скульптурой, Луиза — виртуозная пианистка, Поль поступит в Эколь Нормаль. Я устрою вас в Париже до начала занятий и попрошу назначения поближе к столице. Буду жить один, питаться в гостинице и навещать вас по воскресеньям.

Мать вскинулась: уж не сошел ли он с ума? Сестрица Луиза улыбнулась. Она с удовольствием уехала бы в столицу. Ей осточертел этот городишко, моросящие дожди, прогулки, отсутствие приличных магазинов. Поль молчал. Как ни странно, но вид у него был отнюдь не счастливый. А Камилла не смогла усидеть на месте. Отец гордо вскинул свою красивую голову. Он принял

решение. Никаких возражений он теперь не потерпит.

— Но, Луи…

— Ну?

— Как я справлюсь одна с тремя детьми в этом огромном городе, где я никого не знаю?

— Справишься. Ты-то уж давно не ребенок. И потом, Камилла тебе поможет.

Мать съежилась еще больше. Итак, решено: 26 апреля 1881 года Поль поступит в лицей Людовика Великого.

Камилла понимает, что выиграла. Отец верит, что она станет художником, скульптором. Внезапно ее одолевают страхи. Кто примет ее? В какую мастерскую? Будут ли там, кроме нее, женщины-скульпторы? К счастью, Альфред Буше будет в Париже. Он подсобит.

Камилла встала, услышав звук бегущих ног и вопли. Она высунулась в окно и увидела, что за ее братом Полем гонятся уличные мальчишки. Камиллу разобрал смех. Что могло случиться? Вот он, со страху упав на четвереньки, карабкается по ступеням. Хлопает дверь. Камилла слышит, как Поль несется по лестнице наверх.

— Поль, Поль, что с тобой?

Он бросает на нее сердитый взгляд и останав-

ливается как вкопанный. Она кажется такой большой в сумерках…

— Почему мальчишки преследовали тебя?

— Они меня не преследовали. Мы играли. Не суйся не в свое дело! — Он собирается уйти, но вдруг оборачивается и кричит, надрываясь: — Я не поеду в Париж! Не поеду в Париж!

Злой и несчастный, он убежал в свою комнату. Камилла, опечаленная, осталась на лестнице. Дом пуст. Полю страшно, он боится переезда в большой город. Только что здешние мальчишки издевались над ним. Ему противно даже говорить с ними. Они грязные, шумные… А там они, наверно, ходят целыми стаями. Что же это будет?

— Поль, маленький мой!

Мальчик свернулся калачиком на кровати. Матросский костюмчик испачкан и смят. Зачем он так вырядился? Ах да, он должен был присоединиться к родителям у Шапули. Уличные мальчишки, наверно, высмеивали Поля, такого нарядного, как покрывало на кровати!

Камилла тихонько подошла и присела на край кровати. В комнате темно. Брат тихо всхлипнул.

— Послушай, там было…

Она нежно погладила его по лбу. Мало-помалу ребенок заснул. Она осторожно стянула с него

обувь и тяжелое пальто, а потом укрыла одеялом.

Вернувшись на нижний этаж, она зажгла керосиновую лампу и прикрутила огонь. На улице появилась собака, обнюхала дверь. Девочка впустила ее. У собаки такой же несчастный вид, как был только что у Поля. Камилла отдала ей остатки жаркого, специально сбереженные ею косточки. Девочка взяла карандаш и потихоньку взялась рисовать: собака, поглощенная грызением кости, позабыла и про нее, и про весь белый свет. Грусть понемногу отпустила Камиллу. Склонив голову, подвернув под себя ноги, она сосредоточенно рисовала. Она тоже позабыла о месте, о времени. Вдруг перед нею предстал брат — еще сонный, но уже голодный. Собака залаяла.

— Я есть хочу!

Камилла с сожалением отложила рисунок. Но уж больно потерянный вид у мальчика! Проснувшись, он очутился в слишком враждебном, слишком темном мире, и ему холодно.

— Посмотри, Кам, какой рисунок на стене у тебя за спиной! Папа однажды принес его с распродажи. Знаешь, что это? Великая Стена, в Китае. Почему мы больше не получаем журнала «Вокруг света»? Мне нравилось читать рассказы про

путешествия.

В сумерках пустого дома хрупкий мальчик погрузился в мечты, перед его светло-голубыми глазами возникает громадный мир, отсеченный от них высокой стеной.

— Тебе нужно рисовать разные страны, Кам. А я когда-нибудь поеду в Китай. Сяду на корабль и поеду.

Поль забыл о своем голоде. Собака скачет вокруг них, лает. Камилла отправляется в кухню. Там есть суп, его можно разогреть. Репа, картошка, морковка.

— Сколько можно болтать! Говори помедленнее. У тебя слова выскакивают, будто свинки из ворот конюшни!

— А ты… ты даже не умеешь варить суп. Ты рисуешь, но рисовать все умеют… Я больше люблю, когда ты лепишь. Но я не хочу ехать в Париж.

— Уймись! Мы там снова увидимся с Альфредом Буше. И, может быть, господин Колен приедет к нам в гости!

— Да, но папа хочет с апреля записать меня в лицей Людовика Великого. Я боюсь этих запертых классов. И вообще, я скучаю по Вильневу.

— С одной стороны, ты хочешь поехать в Китай, великий путешественник! А с другой — хочешь

остаться в старом доме с мамой и папой. Ну, ежели ты петух, так шевелись, покажи, что ты на самом деле петух… а не заяц, который улепетывает, услышав малейший шум!

Наконец кастрюля с супом водружена на стол, дети принимаются за еду. Кусок хлеба падает в кастрюлю. Они топят его, громко выкрикивая: «Плюх! Плюх!»

— А ты помнишь, как я свалилась в болото?

Камилла весело, звонко смеется.

— Ты бежала за мной, и — бух! Я слышу, что-то хлюпает! — Поль тоже смеется. — Бух! Головою вперед! Слушай, Камилла, давай сходим туда завтра на заре! Вдвоем, а?

— Первые у Красного куста! — Камилла поднимает ложку и тычет торжествующе в тонущий кусок хлеба. Собака лает. — Не говори никому, Поль. Это — наша тайна. Понял, Поль?

Мальчик серьезно кивает. Он очень любит сопровождать сестру туда. На окраине Васси — холм розоватой глины. Мостик над потоком, внизу, под ногами, — ревущая опасность. Сестра берет его за руку, и они вдвоем тянут оттуда пурпурную — запретную — землю.

— Тогда я тебе расскажу историю про неопалимую купину. Однажды Моисей пас овец у Иофора.

И ему явился ангел во пламени, посреди куста. Моисей посмотрел: куст был весь в огне, но не сгорал. Он хотел подойти ближе, но услышал: «Не подходи сюда! Сними обувь твою, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая!»

Тогда Моисей закрыл лицо плащом, потому что боялся смотреть на Бога. «Теперь иди. Я посылаю тебя, Моисей, к фараону. Сделай так, чтобы мой народ ушел из Египта!» Моисей ответил Богу: «Но как заставить их слушать меня? Если спросят, кто послал меня, что я отвечу народу? И они скажут: „Как же его зовут?“»

Бог сказал Моисею: «Я есмь Сущий. Так скажи народу: „Сущий послал меня к вам“».

— Слушай, Кам, а ты веришь в Боженьку?

Камилла рассмеялась.

— Не надо так смеяться!

— Боженька, Боженька! Слушай, ты ходил к первому причастию, потому что так положено. Ты поступил, как все люди, вот и все. Все это гримасы и притворство! Снял шляпу — и конец! Нужно жить, ездить в Китай и не жениться, мой маленький Поль! Одеваться, как хочется, создавать скульптуры, сесть на коня и умереть. Берегись, я атакую… Помнишь, как в «Песне о Роланде»? Берегись! Вперед, на христиан!

Собака заливисто лаяла. Внезапно керосиновая лампа покачнулась, и скатерть загорелась.

— Кам!

Камилла подскочила, стала хлопать по скатерти, комкать ее, чтобы сбить пламя. Дети сконфуженно переглянулись.

— Ты нас чуть не спалила! Чуть не спалила! — кричал Поль. — Ненавижу этот твой куст!

Камилла сунула скатерть в воду. Супница и кастрюля опрокинулись. Вот незадача! Камилла навела порядок, Поль помог ей, но пережитый испуг оставил нехороший осадок в душе.

— Смотри-ка, похоже на географическую карту. Я бы поехал сюда.

— А я сюда.

Неожиданно открылась входная дверь. Вернулись госпожа Луиза, малышка Луиза и Луи-Проспер. Мать немедленно устремилась в кухню.

— Горелым пахнет! Что это вы тут делаете? Ох, скатерть! Эти дети сумасшедшие… Марш немедленно в детскую!

— Но, мамочка…

— Отправляйтесь в детскую!

— Погоди, Луиза, нужно узнать, что тут произошло.

— Ах вот как? Ты вечно их защищаешь — ты,

их отец…

Ну вот, они уже ссорятся. Усталая малышка сразу пошла наверх. Камилла уходит следом, а Поль остается внизу. Ей слышно издали, как мать кричит:

— Поль! Поль! Что еще вы тут творили вдвоем? Когда ты прекратишь слушать свою ненормальную сестру? Ах! Это не дети, а наказание!

Луи-Проспер ничего больше не сказал.

— Так или иначе, — ворчит усталая мать, — но эта девочка кончит плохо. Ты видел, как она злится, у нее тогда такие глаза… иногда совершенно безумные. Помнишь господина маркиза? Он был точно такой же. Вечно порывался куда-то уйти! Он ходил и ходил, и глаза у него лезли на лоб. Хотела бы я знать, увидим ли мы его летом в Вильневе? Очень надеюсь, что нет!

Камилла опускается на ступеньку лестницы, застывает будто каменная. Отчего мама так ненавидит ее?

— Луиза, пожалуйста, уймись. У девочки гениальные способности.

— Гениальные, гениальные! А ты знаешь, куда он заводит, твой гений? Помимо всего прочего, это гадкое ремесло. Делать фигуры с живых существ! Кажется, некоторые ваяют даже голых…

Тем не менее, тебя это не волнует! Ты им подсовываешь непристойные книги. На днях я застала Поля за чтением Золя. Ты отдаешь себе отчет?..

— Луиза, послушай, ты несешь чепуху!

Камилле заранее не хочется слышать, что она скажет.

— Подумать только, она, быть может, будет изображать голых мужчин…

Камилла медленно раздевается, распускает волосы, развязывает ленту. Тяжелые пряди рассыпаются по груди и спине; она встряхивает ими, словно хочет закутаться. Потом не спеша сбрасывает платье, грубые ботинки, шерстяные чулки, широкую сорочку… Прежде чем скользнуть под простыню, она обтерла водой лицо, как будто отмываясь от всех этих перебранок.

Она скачет на великолепном коне, она карабкается ввысь среди камней, туда, наверх, к Великану. Но вокруг все мало-помалу загорается. Она разражается хохотом. Ей кажется, будто она стала пылающей глиной в его руках. Великан насмехается и крепко держит ее. Она отбивается. Он стискивает ее, душит, тело ее горит. И тогда она слышит: «Красный куст, Красный куст, первые у Красного куста!» — и просыпается вся в поту.

Как жарко! Камилла открыла окно. Все тихо,

спокойно. Этим летом мы поедем в Вильнев. А еще раньше мы будем в Париже.

Письмо из лечебницы

«Я ожила, когда пришла твоя посылка, и вообще я живу только тем, что мне присылают, поскольку от здешнего питания чувствую себя отвратительно, я совершенно не могу его выносить…»

Прибытие в Париж

«И когда мы взошли по крутому склону и обернулись, мы обнаружили Париж по нескольким дрожащим огонькам.
И ночь сомкнулась.
И солнце пересекло небосвод и скрылось, оставив обширное алое зарево…
И снова ночь завладела воздушным пространством».

Поль Клодель, «Город», 1

В один прекрасный день они явились, усталые и запыленные. Мебель, четырежды перетасованная, кое-как втиснута в повозку, одолженную соседом. Черные, ошеломленные, они высадились наконец, но нетвердо держались на ногах, и ощущение тряски не проходило…

Теперь они осматриваются. Нет больше узких дорожек, маленьких домишек, деревушек. Париж! Огромное и жесткое чудовище уже поглотило их, слило с потоком подобных им существ. Госпожа Луи-Проспер сгорбилась, как-то сразу постарела. Луиза кажется крошечной, Поль ошеломлен. Только Эжени и Камилла, воительницы,

глядят в лицо врагу. Отец уже исчез, отрезанный огромной дверью дома, где на прошлой неделе была снята квартира. Стук колес, крик, мостовые — все это заставляет Камиллу дрожать от радости. Здесь что-то происходит. Здесь она даст знать миру о своем существовании. Ради этого можно походить неумытой, ради этого можно было бросить все — тишину, лес, даже вершину Гейна. Здесь поднимется новый великан. Она сама поставит его перед этими людьми, которые спешат куда-то, опустив головы. Здесь она противопоставит гигантскому, все раздробляющему чудовищу свое грозное и молчаливое творение…

Госпожа Луиза, вся в черном, в старой шляпке, с тугим узлом на затылке, Луиза со скромненько убранными кудряшками — как она ухитряется сохранять почти приличный вид посреди этого водоворота запахов, шумов, пыли? Среди газет громоздится цветная капуста, омнибусы грохочут по брусчатке, дети кидают шарики среди подошв грязных ботинок…

Луиза, в милом полосатом платьице, прижимается к Камилле. Эжени не знает, в какую сторону смотреть: узлы, чемоданы, мебель, дети… «Главное, не теряйтесь! Сидите спокойно!» — кричит им она. Эжени счастлива. Благодаря этому се-

мейству, немножко безалаберному, ей удалось выбраться из Васси и наконец-то познакомиться с Парижем. Она очень близка с Камиллой, которая лишь на несколько лет младше ее. Однако перед девочкой она робеет. Жесткая, напряженная, та смотрит широко открытыми глазами на великое столпотворение Парижа, подобное приливу. Камилла думает о море, которое преображает бури дальних краев в ласковые волны, легонько щекочущие ноги; так и Париж любовно омывает ноги девочки-подростка. Она отдается течению, чувствуя себя хозяйкой в этом городе. Она уже освоилась здесь. Не произнося ни слова, она учится, сберегает, накапливает. Ей грустно оттого, что нужно спешить: успеть все познать, все понять прежде, чем ей помешают, оторвут от видения вещей. Нужно сосредоточиться: эта деталь, та походка, у того улыбка, а этот деликатно отводит руку, готовый извиниться, хотя этого никто не требует. В этот час около полудня волосы, подобранные узлом, придают ей серьезность, отстраненность. Темная волнистая челка подчеркивает взгляд, который пронзит вас насквозь, если вам повезет на него наткнуться, словно смертоносный клинок… Она одета во все темное, ее можно принять за юную и суровую вдову,

какие встречаются в дальних, еще варварских деревнях. Только белая блузка с высоким воротом придает ее внешности что-то мушкетерское.

— А! Наконец, вот и ваш отец…

Луи подходит, слегка наклоняется.

— Как ты мог додуматься оставить нас здесь, чтобы все на нас глазели, словно на вульгарное представление?

Луи, не отвечая, мягко берет жену за руку:

— Вот увидишь, тебе будет хорошо там, наверху.

Госпожа Луиза останавливается.

— Мама, я устала… — Голос Луизы удерживает мать на грани гневного взрыва.

— Ну хорошо, пойдем. Пойдем туда!

Они поднимаются по лестнице — отец, мать, Луиза, Поль, Эжени и Камилла. Лестница длинная, старые ступеньки кажутся грязными, хотя их моют каждый день. Камилла возмущается. Столько ступеней! Куда они забираются так высоко? Младшая дочь тянет госпожу Луизу за рукав, та на мгновение замедляет шаг. Лицо Поля непроницаемо. Вдруг он останавливается, с презрительным видом пропускает Эжени и оборачивается к Камилле. О чем он может думать? Камилла смотрит на него.

— Ну, что тебе?
— Это Гейн.
— Чего-чего?
— Это Гейн.
— Что? Ах, да! Ну и что?
— Это то же самое.
— Что за ребенок!

Сейчас, когда все кажется безнадежно унылым, он ухитряется словами преобразовать окружающее. Камилла улыбается ему, и они рядышком продолжают карабкаться по трудной лестнице. «Они еще не привыкли!» Бум! Поль в рассеянности натолкнулся на Эжени, которая чуть не упала на Луизу — младшую и старшую.

— Ох, простите, сударыня!

— Под ноги надо смотреть, Эжени! Мы не в рай направляемся, и потом, там еще должен быть потолок!

Камилла благоразумно переждала. В просветах между ногами и головами идущих она разглядела издали вход в квартиру. Еще несколько минут, и она сама приступила, слегка волнуясь, к исследованию нового дома. Коридор. Слева столовая, за ней гостиная. А там — балкон, большой балкон. Отец распахнул окна:

— Посмотри, Камилла. Весь Париж к твоим

услугам!

Камилла запоминает облик отца. Очертания его превращаются в теневой силуэт, тонкий, обрисованный светом. Она подходит ближе; отец стоит между нею и пустотой, у нее кружится голова.

Камилла высунулась из окна. Отец ушел, чтобы помочь жене, — та все возится с вещами. Несколько мгновений Камилла с упоением вдыхала воздух, овевающий ее. Она — в Париже. Тут можно заниматься скульптурой и плевать на соседей.

— Камилла, помоги нам! Нечего предаваться глупым мечтам!

Комната маленькая, на двоих с сестрой. Поль — отдельно, в собственной комнате. Камилла бушует: она не сможет читать допоздна, Луиза будет жаловаться, что не может уснуть. Ну да ладно, это чепуха — ведь она в Париже! Эжени разместили наверху, в отдельной комнатке. Камилла начинает завидовать служанке. Потом сама себя укоряет в легкомыслии: «Дура, у тебя же есть такие шансы! Ты никому не служишь. Чего жалуешься?»

— Дети, скоро мы сядем за стол! — Госпожа Луиза предусмотрительно запаслась хлебом и сыром.

Сейчас разогреют кофе. — А нынче вечером мы, наверно, уже поедим как следует. Хотя, посмотрев на здешнее хозяйство, я не могу ничего обещать. Вы видели кухню, Эжени? Больше похожа на шкаф! Но чего только не сделаешь ради детей! А как ты будешь питаться, Проспер?

— Не беспокойся, справлюсь. В Васси у нас есть друзья. Да к тому же я скоро получу назначение в Рамбуйе, а то и в Париже!

— До тех пор мы все перемрем.

— Ох, хватит! Не заводись снова!

— Мамочка, скажи, мне можно пойти погулять после обеда?

— Ах, нет, с этого начинать нельзя. С вами что-нибудь случится.

— Однако, Луиза, чем скорее они здесь освоятся, тем лучше. К тому же Камилла уже большая. Я пойду с ними, а ты сможешь спокойно заняться обустройством. — Луиза пожала плечами. — Я оставляю тебе Эжени.

— Она лишней не будет. Да и Камилла могла бы помочь…

Луи-Проспер не отвечает. Он хочет показать Париж старшей дочери. Это он привез ее сюда, он первым и поведет знакомиться с великим городом.

И они отправились гулять вчетвером. Луи взял Камиллу под руку. За другую руку взялась Луиза. Поль шагал сзади, иногда забегая вперед. Они прошли по бульвару и боковыми улочками направились к Люксембургскому саду. Луиза подергала отца за руку:

— Папа, я больше не могу… — Она бледна, на грани обморока.

— Погоди, сейчас мы перекусим.

Они уселись за столиком кафе.

— Папа, а можно я схожу до конца этой аллеи, до вон того дома?

— Иди, но только не дальше!

— Пошли, Поль! Пойдем посмотрим!

— Что посмотрим?

— Париж! Эх ты, малыш!

Дети удаляются. Луи смотрит, как рослая девочка и юный мужчина исчезают под деревьями. Но Камилла шагает широко и подает плечо вперед, как мужчина, а Поль мелко семенит рядом. Его Камилла! Луи гордится ею. Ему не удалось преуспеть в жизни, но, к счастью, у него есть дети, те двое и еще дочка, которая благонравно сидит рядышком. Наконец-то он смог привезти их в Париж.

— Камилла, а что это за песня?

— Тихо ты!

— У нее злой голос!

Камилла спускается на несколько пролетов и обнаруживает ужасную женщину, с кругами под глазами, завитую, с бутылкой в руках. Поль, завидев ее, остолбенел.

— Совсем как мамаша Бол в Вильневе. И здесь тоже…

Но чем она занята? Цепляется к мужчинам! Те пожимают плечами и отталкивают ее. Один даже показывает ей свою «ширинку» и разражается громким хохотом. Поль совершенно перепуган. Женщина толстая, толстая и уродливая.

— Пойдем отсюда, Кам, пойдем!

Какой-то человек, перегородив лестницу, хватает Камиллу за подбородок:

— Ага, лапочка, у тебя уже зудит? Давай бесплатно!

Камилла ничего не понимает. Поль кричит. Они вдвоем убегают.

Поль вспоминает. Камилла тоже заново переживает давнюю сцену. Поздно вечером они вдвоем шли по дороге и разглядели толстуху Бол в свете луны. Несколько мужчин, тоже пьяных, окружали ее, а она медленно-медленно поднимала свои юбки. Мужчины подносили ей выпивку;

Камилла заметила дрожащие белые ноги, бедра, выпачканные в земле, в грязи, а потом непристойный пучок черно-седой щетины. Камилла тогда схватила Поля и убежала без оглядки, но знала, что мальчик был потрясен, как и она сама. И она не могла забыть, какими глазами он смотрел на нее только что. Они, казалось, говорили ей: «Уходи поскорее! Убегай от всего этого!»

Нет, Камилла останется. Камилла еще мала, но знает, что хочет найти здесь. Ни здесь, ни где-то в ином месте она никогда не отступится, даже если ей попадутся другие хихикающие старухи, другие старухи с угрожающими взглядами, и мужчины, готовые схватить ее за горло…

Камилла и Поль, запыхавшись, взбежали на верхнюю площадку лестницы и остановились перевести дух. Они и не заметили, как летели под их ногами ступени.

— Зачем же так быстро бегать, мамзель! Ну до чего же она хорошенькая, эта девчонка!

Камилла чувствует раздражение: это к ней так обращаются. Еще когда они шли с отцом, ее удивили взгляды прохожих. Может быть, она слишком пристально разглядывает людей? Ох, есть у нее эта дурная привычка! Но ей так нравится улавливать подробности, складки, изгибы…

Дети быстро, очень быстро повернули в обратный путь. Отец сидел на прежнем месте. Камилла подлетела к нему и села, красная от стыда. Луи, взглянув на нее, понял, что она явно чем-то взволнована.

— Что случилось?

— Там какой-то человек…

— Поль, заткнись! — голос у Камиллы резкий, напряженный. Она смотрит прямо в глаза отцу. Теперь его очередь отвести взгляд. Девочка так красива, с этим высокомерным взглядом и полноватыми губами. Вдруг ему становится страшно. Его пугает эта сильная воля, эта требовательность, которую он читает в ее глазах. Все, все сразу. Сию секунду. Все! Без ограничений и скидок.

— О, папа, посмотри туда!

Там, за небольшим домиком, шевелятся крошечные силуэты. Гиньоль! Куклы!

— Папа, пойдем!

Они уходят. Луиза успела полакомиться вкусной шоколадкой и теперь счастлива. На этот раз она присоединяется к искателям приключений.

Луи-Проспер печален. Ностальгия давит ему на плечи, как наброшенный кем-то черный плащ. Он чувствует себя грузным, старым. Дети… Он

теперь будет видеться с ними только по воскресеньям… Хоть бы только Луиза справилась с домом! Сумеет ли она поладить с Камиллой? Между матерью и дочкой выросла стена. Камилла так требовательна! Вдруг он наклоняется к ней: «Камилла, пиши мне. Если у тебя что-то не заладится, захочется о чем-то попросить, не докучай маме этими мелочами».

Камилла даже головы не повернула. И все же… если бы отец мог заглянуть в глубину ее сердца! Ее сильно тронуло внимание отца, но как высказать это вслух? Она понимает, как он одинок, застенчив, этот человек, не получивший на прощание ни слова любви, ни улыбки от близких; он живет в своем мире, сам по себе. Она знает, что он хочет ей помочь. Знает, что он гордится ею. И вот, не двигаясь с места, глядя куда-то вдаль, она протягивает руку, касается тонких пальцев отца и поспешно складывает снова руки на коленях.

Марионетки скачут. Бац! Бац! Дети смеются. Поль хранит ледяную невозмутимость. Камилла пытается понять, что происходит. Вид у Поля замкнутый, недовольный. Чудной мальчик! Может, он все еще переживает недавний случай?

Маленькие деревянные актеры скрываются за занавесом. Близится вечер.

— А теперь потрудимся еще немножко. Сейчас я покажу вам собор Парижской богоматери!

Письмо из лечебницы

«...Я хочу поскорее уехать отсюда... Не знаю, намерен ли ты оставить меня здесь, но мне это кажется жестоким — рассказывать, как хорошо в Париже, а потом заявлять, что я должна от этого отказаться из-за того, что на меня иногда находит блажь... Не оставляй меня здесь совсем одну...»

Старая Елена

«Когда день завершился и башмаки сброшены,
Вот и сумерки, и вечерняя звезда,
Вот когда смягчаются сердца стариков…»

Поль Клодель, «Слезы на старческой щеке»

День уже клонится к вечеру. Все разошлись. Камилла еще сидит за работой: перед нею бюст на невысокой подставке. Девушка замерла, взгляд ее сосредоточен на лице старой женщины. Обе они замкнуты, погружены в себя. Камилла отрешена от реальности, словно молится. Ее глаза — два черных провала на белом лице. Щеки Камиллы утратили золотистый загар, побледнели, втянулись; волосы покрыты тонкой гипсовой пылью, блуза выбелена, она чем-то напоминает старуху, сидящую напротив. Та улыбается ей, в глазах поблескивает веселое великодушие.

Послеполуденный свет лежит у ног скульптора. Вокруг — расставленные там и сям по комнате статуи, покрытые влажным полотном. Все уче-

ницы ушли… Посмеявшись, повязав покрасивее ленты, наспех помахав рукой, они распрощались с Камиллой. Ее подруги, по большей части англичанки, собирались на бал, который дает госпожа Адан. Несмотря на их уговоры, Камилла не захотела прервать работу, заставить ждать старую Елену, которой, кажется, неуютно на подставке. Камилла еще не добилась того, чего хотела. А между тем вечер дается в честь будущей выставки в Салоне, в мае 1882 года. Там непременно будут художники, скульпторы, светские люди. Нелли, Джейн, Виргиния советовали ей показаться. Джейн, прежде чем исчезнуть со свойственным ей милым смешком, зашла в мастерскую и еще раз попыталась ее уговорить: «Опомнись, Камилла, нужно когда-то и отрываться от дела. Если другие люди не прослышат о тебе, не увидят тебя, твои работы никто не заметит. Ты же знаешь, многим наплевать на этот бюст. Они предпочли бы полюбоваться на саму скульпторшу. Я уверена, что это будет тебе намного полезнее. Ты такая красивая, really fascinating[2]!»

Камилла пожала плечами. Она заранее представляла себе этот вечер. Бесполезная болтовня,

---

[2] Примечания: 2
просто поразительно! (*англ.*)

рослые и глупые юнцы, взгляды мужчин. Да ей и одеть было нечего. Однажды она пошла вместе со всеми. Подружки ворковали, голубые, розовые, зеленые, напудренные, шумливые, смеющиеся. Настоящий фейерверк! Она держалась в сторонке — слишком худая, вся в черном, с беленьким воротничком, она походила на старую гувернантку, сопровождающую барышень. Ей было стыдно. Она выделялась только благодаря пышным, непокорным волосам. Мужчины поглядывали на молоденькую девушку, то ли наставницу, то ли вдову, с полудетским лицом, тонущим в волнах жестких темных кудрей. Камилла заговорила о скульптуре с кем-то из гостей. Другие деятели искусства в тот вечер явно предпочитали танцевать. Камилла сбежала оттуда поздней ночью, словно темный призрак. Она бежала сквозь ночь, унося в сердце мечты художника, никому не понадобившиеся в обществе.

Освещение еще хорошее. На улице весна. Ей семнадцать лет, скоро уже восемнадцать. А мастерская так рано опустела. Камилла посматривает на фигуры, покрытые влажным полотном; она вспоминает чудесную книгу о бабочках, которую подарил ей дядя, когда ей исполнилось десять. Там были коконы. Многоцветные ба-

бочки, скрывавшие до момента рождения свои цветные сны. Эти громоздкие предметы, запеленутые в белое, очень похожи… Камилле они кажутся закутанными в покрывала куклами. На минуту она задумывается о разнообразии человеческих судеб…

С разбросанных по стене рисунков старая Елена улыбается ей или добродушно ворчит. Уже несколько недель Камилла пытается поймать взгляд этой старой горничной-эльзаски, которую мать недавно наняла. Она сделала много десятков набросков. Иногда смешливая старушка соглашалась посидеть неподвижно пару минут. «Как можно! Вы меня удерживаете, в такое-то время! У меня же работа!»

Луч солнца падает на зеркало. Ей скоро уже восемнадцать. Через несколько недель откроется первый майский Салон. Камилла будет в нем участвовать.

Как схватить удивительный взгляд этой старой упрямицы? Вдруг Камилла представила себе Елену со щеткой в руках, — в таком же луче солнца она увидела ее на днях. У нее морщинистый лоб и слегка заостренный подбородок. Иногда Камилла нежно поддразнивает ее.

— Ты похожа на мою Мелюзину.

— А кто она такая?

— Старая приятельница, она охраняла вход в лес у нас в Вильневе. Она вела себя настолько невыносимо, что некий злой бог превратил ее в камень. Зато она не шевелилась вовсе.

Добрая Елена пожимает плечами и продолжает мести пол, бормоча себе под нос старинные пословицы, поговорки или обрывки псалмов. Вдруг они обе услышали громкий плач. Матери и сестры не было дома, а Поль должен сидеть за уроками… Лицо Поля было искажено смятением. Его снова одолели кошмары, страхи. По какому-то недомыслию мать заставила его присутствовать при жуткой агонии умирающего деда. Камилла порицала мать за это: Поль после этого переменился, перестал смеяться. Если сама маменька всегда готова к самоотверженности, выполняет ежедневный долг, как осел, привязанный к вороту колодца, из этого не следует, что… Смерть бывает разная. Деду суждено было умирание медленное, жуткое, уродливое. Пятого сентября 1881 года доктор Атаназ Теодор Серво скончался после долгих недель страданий от рака желудка. Мать не поняла, как сильно это может ранить совсем маленького ребенка. С тех пор Поля снедала тревога, мучила его, доводила до истерики.

Из месяца в месяц Камилла наблюдала, как брат погружается в навязчивые воспоминания об этой агонии. Открывшаяся пустота кружила голову. Вечность. Исчезновение, и ничего более. Смерть.

Камилла с нею тоже была знакома. Однажды вечером старуха Бол уснула поперек дороги — беззубый рот раскрылся широко, будто она хотела напоследок лизнуть луну, — старуха, такая плоская в одежде, слишком просторной для нее, споткнулась в последний раз. Камилла не испугалась. Она ощутила только желание воспроизвести ее, передать молчание этих глаз, неподвижность скрюченных членов — подобие старого эскиза, упавшего набок. В белом свете наступающей ночи зрелище это казалось почти волшебным…

Но Поль пережил нечто иное. Ужасная смерть, прихода которой пришлось бесконечно ожидать. День за днем, ночь за ночью, сердечные приступы, хрип, стоны, нечистоты… Старик, иссохший, опустошенный, как горшок с экскрементами. Мальчик смотрел на него долгими часами.

Под грязной простыней — живот, вздувшийся, как у утопленника, выловленного спустя несколько дней, или у беременной женщины, кожа восковая, желтая, лихорадочно блестящие

глаза. Атаназ Серво, доктор медицины, объяснил ребенку, как протекает болезнь, надеясь его успокоить. Порой он внезапно взмахивал руками, и Поль вспоминал о том, как липли к нему полотнища паутины, когда он забирался в заброшенные углы дома. Значит, и там есть чердаки, сараи? Куда уходит дед, которого он любил? Дед, научивший его языку ветра, и неба, и древнему наречию земли? Поля тянуло пойти следом за ним. Да, старик тер рукою лоб, словно забыл что-то важное. «Дедушка! Дедушка! Что ты ищешь?»

Рука соскальзывала, и Поль видел отсутствующие глаза, белые, расширенные от ужаса.

Все это Поль однажды рассказал сестре, заикаясь, обрывая фразы на полуслове, воскрешая уже позабытые образы. А потом это внезапное, окончательное извержение жизни, потрясшее ребенка. Мать припала к своему отцу, а рядом стоял мальчик, всеми забытый, мальчик, который все хорошо видит, который никогда больше этого не забудет. «Что он увидел? Скажи, Кам, что он увидел?»

Когда старая Елена участливо склонилась над Полем, у нее в глазах было то самое выражение, которое Камилла так долго пыталась передать в скульптуре. Взгляд, осветивший старческое

припухшее лицо…

— Господин Поль, не пугайтесь так. Ваш дедушка высчитывал длину прыжка, чтобы попасть в мир иной. На той стороне он увидел такую красивую землю, такую приветливую, и там ждали его друзья… Он не хотел оступиться, прыгая.

Поль вымученно улыбнулся.

— А теперь ступайте спать. Вы слишком много трудитесь. Мало ли что вашему отцу хочется, чтобы вы перескочили через класс. Это неразумно. Пойдемте, попробуем торт с вишнями.

Они испачкали пальцы в еще теплом тесте. Поль задремал…

— «Есть время всему, есть свой час для всякого дела под солнцем. Время рожать и время умирать…»

Камилла смотрела, как старая служанка гладила по голове прилежного ученика.

— Елена, хорошая моя, ты скажешь, откуда это?

— Из моей старой Библии… Я вам ее покажу.

Камилла осматривает бюст. В мастерской темнеет, работать больше нельзя. Рассеянный вечерний свет затушевывает все контуры. Работать с моделью опасно, можно все исказить. А теперь все скрывает дымка. Камилла размышля-

ет наедине со своим отражением в зеркале, как с двойником.

— Мастерская, натурщики, материалы, откуда тебе это взять? — слышит она брюзжащий голос матери. — Сколько бесполезных трат! Отец помогает нам, но если бы ты все это бросила, мы зажили бы куда лучше. Я даже не смогла купить Луизе платье на весну!

Камилла хочет поступить в настоящую мастерскую. Здесь она ничего не добьется. Альфред Буше приходит регулярно, дает советы, но, господи, как хочется поступить в настоящую скульптурную мастерскую! Сама она этого сделать не сможет. Ее примут за натурщицу или «женщину дурной жизни», как говорит старая Елена. «Мадемуазель Камилла, будьте внимательнее, застегните как следует воротничок. Люди скоры на суждение, увидят вас не такой, какая вы есть. Того, что вы сами о себе знаете, в этом низменном мире недостаточно!»

Но ведь она не может себе позволить терять время! Сегодня от них ушел еще один натурщик. Камилла работала над его торсом около месяца. Теперь придется все начинать сначала. Джейн посоветовала ей продолжать, взяв другого натурщика. Камиллу возмущает даже само вос-

поминание об этом предложении подруги. Она не пойдет на уступки. Но если начать увеличивать жалованье натурщикам всякий раз, как только они проявят недовольство, чем тогда оплачивать занятия в мастерской? Хотя, конечно, у других девушек денег намного больше, чем у нее. А относительно продолжения работы с помощью другого натурщика, так это нужно быть бездарью, бесчестным копиистом, подлецом, мошенником!

— Да постой же, Камилла, хватит! Я ведь о тебе же забочусь! Если хочешь в который раз начать заново… но так ты никогда ничего не добьешься. Вот посмотри, у нас у каждой по три законченных работы для Салона, а у тебя — только бюст твоей старушки Елены, над которым ты столько бьешься. Единственная натурщица, которая осталась тебе верна!

И они все убежали, смеясь. Они не злые. Но Камилла не в силах добавить руку нового натурщика к торсу предыдущего. Как она устала! Впору самой рассыпаться песком. Если бы не бюст старой Елены, ничего другого не оставалось бы, как через полмесяца облепить саму себя глиной и представиться в Салон. Камилла, улыбнувшись, мажет лицо серой глиной, накидывает сверху марлю: «Бюст художницы, не имеющей натур-

щиков».

В этот час Джейн, Нелли, Виргиния садятся в экипаж, чтобы ехать к госпоже Адан. Там они, возможно, встретятся с самим Каррьер-Белёзом, и, если там будет Адьфред Буше, он их представит. Альфред Буше! Девушка вскрикнула. Как она могла забыть! Буше обещал ее представить господину Полю Дюбуа, директору Национальной школы изящных искусств, который согласился ее принять.

К Камилле сразу возвращается хорошее настроение. Она целует влажный лоб своей Елены. Завтра она придет работать на заре, а пока покрывает бюст влажной тряпкой. Она хочет, чтобы ее старая приятельница одержала победу в Салоне. Камилла встряхивает кудрями. Бог с ним, с этим балом! Она права, а не они. Ее бюст на выставке будет самый живой.

— Ну, старушка Елена, до завтра! Просыпайся пораньше. Я тут буду еще до зари!

Письмо из лечебницы

«Сейчас, в эти праздничные дни, я все время думаю о нашей мамочке. Я ни разу не виделась с нею с того самого дня, когда вы приняли печальное решение затворить меня в приюте для умалишенных! Я вспоминаю тот чудесный портрет, который сделала с нее в тени нашего чудесного сада. Большие глаза, в которых читалась скрытая боль, дух самоотречения, владевший всем ее обликом, руки, сложенные накрест на коленях жестом полного отказа от себя, — все говорило о скромности, о чувстве долга, доведенном до чрезмерности, и это была наша бедная мама. Я и портрета тоже больше так и не увидела (как и ее саму!). Если когда-нибудь ты про него услышишь, пожалуйста, сообщи мне.

Не думаю, чтобы та пресловутая персона, о коей я часто говорю тебе, осмелилась приписать себе и этот портрет, как и прочие мои творения, это было бы

слишком — портрет моей матери!»

«Порою мы — лишь бедные женщины,
слабые и хрупкие.
Но среди злобы дня нам доступны вечные истины…
Сколько женщин задолго до нас пели
здесь ту же песнь!»

Поль Клодель, «Кантата на три голоса»

Виктория, старая нянька. Старая Елена. И мать Камиллы. А теперь и она сама.

Четыре старые женщины. Пусть покоятся с миром!

Жива ли она еще? Камилла так этого и не поняла. Она больше не виделась с матерью. Изредка приходили то письмо, то посылка.

Камилла узнавала почерк — вспоминала ее руку, собирающую крошки, просыпанные детьми. У нее ничего не пропадало. Кроме старшей дочери. Порченая Камилла…

Если бы они могли поговорить! Собраться вчетвером у камелька. Объясниться между собою, без мужчин.

Скорчившись, приникнув друг к другу, они сливаются, пересекаются.

Ее мать похожа на старую крестьянку? Камилла

видит, как она бросает объедки кошке, раздувает огонь в очаге. Камилла склоняется к камину точно так же, как она. Их дряхлые руки ткут одни и те же жесты, быть может, это единственный язык, оставленный им их спутниками для общения.

Простая женщина склонилась над бумагой. Мать писала хорошо. Но ей не оставили времени для мечтаний. Ее суровое перо бежало по страницам затрепанных тетрадей: хозяйственные счета, письма к родственникам, уведомления, соболезнования.

Все четверо собрались вместе. Камилла представляет себе их речи, которых никто уже не услышит.

Один раз она застала мать смеющейся, счастливой, красивой. Один-единственный раз. Она складывала простыни, и Виктория ей помогала. Потом все снова сомкнулось, как когда-то вода над дядей Полем.

Один-единственный раз Камилла позвала ее:

— Мама!

Камилла и ее дитя в позабытой всеми комнате.

— Мама!

Крик разбудил только эхо. Луиза-Атенаиз Серво так ее и не услышала.

Если бы они могли поведать друг другу свои истории! Какие тайны раскрылись бы в глубине их сердец?

За что заплатили они столь тяжкую дань?

Елена, почему ты тихо плачешь, когда приходит вечер? Виктория, хорошая моя, ты порою затыкаешь свой рот кулаком, словно сдерживая крик, — а потом колешь орехи. Но я вижу, что руки твои еще дрожат…

Печальные глаза матери под высокой акацией в цвету.

Мама, склони голову мне на колени, расскажи мне все. Времени у нас много.

Джакопо Кверчиа

«Я думаю воистину, что в нем
Воплощена сама идея
Скульптуры и архитектуры».
Поэма Берни о Микеланджело

— Вы брали уроки у господина Родена!

Камилла вопросительно взглянула на Альфреда Буше. Кто такой этот господин Роден, о котором говорит Поль Дюбуа?

В кабинете господина директора Национальной школы изящных искусств особенно душно этим утром. Камилла вся взмокла. Ее шемизетка, ее блузка с воротником и манжетами врезались в тело, платье давило на плечи. Она не осмелилась попросить у матери денег на новый костюм. Надела свой единственный более-менее приличный наряд. Плотная полосатая ткань, юбка и жакет, похожий на сюртук, придают ее облику что-то мужское. Волосы, подобранные в шиньон, начинают рассыпаться. Ей никогда не удается сохранить прическу дольше, чем на полчаса. А ведь мать десятки раз твердила ей, что нужно делать пробор посередине, туго стянуть

волосы и смочить водой. Ничего не поделаешь! Камилла терпеть не может зализанные, плоские прически, как у матери. И чем старательнее она смачивает волосы, тем более непослушными они становятся…

— Господин Роден? — Камилле становится стыдно. Альфред Буше улыбается. Он тоже так думал, когда смотрел на ее «Давида и Голиафа» там, в Васси.

— Нужно будет вас ему представить. Он сам очень удивится. Что вы думаете об этом, дорогой друг? Я вскоре увижусь с Матиасом Морхардтом и как-нибудь организую это!

— У вас, несомненно, есть талант. Но идеи есть у многих начинающих. Главное — это устоять. Что касается вашего поступления сюда, я, право, не знаю, что тут можно придумать. Я не намерен производить революцию в наших мастерских. Нет, уж лучше продолжайте посещать вашу мастерскую для девушек.

Камилла охотно дала бы ему сейчас пощечину. Альфред Буше почувствовал, что девушка вот-вот взорвется.

— Не беспокойтесь, Камилла. Господин Роден тоже не учился в Школе изящных искусств. Это не единственный путь, не так ли, дорогой мой

директор? Ну что ж, нам пора идти. Мы увидимся завтра с Каррьер-Белезом у Далу?

Камилла взялась за «Давида и Голиафа», чтобы унести с собой.

— Нет, барышня, оставьте их здесь. Я немножко подержу их у себя. Они мне нравятся, и я хочу кое-кому показать их.

Камилла смутилась. Ей не хотелось расставаться со своими библейским друзьями. И потом, этот господин ей совсем не понравился. Что же делать?

Они вышли в длинный коридор просторного здания. Камилла прислушалась к отдаленным звукам. Взрывы смеха, удары по камню, наверно, так стучат неловкие работники. Руку неуверенную или твердую, камень, который трескается, рассыпается, сопротивляется и упрямится, Камилла умеет распознавать издалека.

— Вы действительно не знаете, кто такой господин Роден? — голос Альфреда Буше внезапно отвлек ее. Камилла отрицательно покачала головой.

Она его заранее ненавидит. Ей незачем знать, кто он такой. Как он смеет работать в том же духе, что и она? Она, конечно же, начала раньше. Уже в шесть лет занималась лепкой.

— Ну, как бы вам его описать? Ему сорок два года. Жилось ему очень трудно.

Камиллу разбирает смех. Старик! Конечно, если он даже кое-как взялся за дело лет в восемнадцать, он работает дольше, чем она. Восемнадцать лет! Ей столько исполнится только в конце года!

— В кругах знатоков о нем с недавних пор много говорят. Госпожа Эдмон Адан… Кстати, почему вы никогда не появляетесь у нее? Я видел там и Джейн, и Виргинию, и остальных своих учениц. И вам бы следовало. Она принимает у себя знаменитостей. Три года назад она создала «Новое обозрение». Эта самая госпожа Эдмон Адан на одном из вечеров представила Родена Гамбетте. И Антонен Пруст, ну, вы знаете, конечно, министр изящных искусств, заказал Родену большой монументальный портал для музея Декоративного искусства.

Камилла, сдержав раздражение, внимательно слушала рассуждения своего старого учителя.

— Многие защищают беднягу Родена. Он выдержал немало нападок. Его первая работа, «Бронзовый век», вызвала много противоречивых суждений. Кое-кто из членов жюри считал, что он его лепил «по живому». Бедняга! Он работал над статуей полтора года, растратил все свои

скудные средства. И такое ужасное подозрение! Его, бывало, доводили до слез!

Камилла посочувствовала этому старому скульптору, которого так бессовестно обидели. Худшее из оскорблений! Скульптор, снимающий слепки со стоящего пред ним натурщика!

— Наверно, это было совершенное творение, если публика и жюри подумали, что он копировал с живого тела!

— Это превосходное творение. Нужно будет обязательно показать его вам. Я помню, как часто он приходил ко мне — тогда ему было тридцать семь — совершенно подавленный. «Я дошел до предела, — говорил он, — устал, у меня нет денег». Я защищал его как мог, поскольку сам видел, что он создает статуи вообще без натуры, с поразительной точностью. Мы, трое его друзей — Поль Дюбуа, Каррьер-Белёз и я, — сообща уговорили государственного секретаря по вопросам искусств самолично явиться и восстановить истину и доброе имя этого рыжего коротышки, который творит скульптуру, как Бог.

Теперь в воображении Камиллы возник образ крошечного гнома, вроде Тристунэ из сказки. Он, наверно, хромает, как она сама. В конечном счете он вполне симпатичный, хоть и простоват

немного…

— Этот скандал открыл всем, что Роден собой представляет. Недавно он отдал в Салон великолепного «Молящегося Иоанна Крестителя», а «Бронзовый век» еще два года назад отлит в бронзе. Теперь мы ждем, когда он закончит этот гигантский портал…

Они молча шагали по набережным Сены. Камилла думала об этом скульпторе, с которым ее осмеливаются сравнивать. Она не станет ждать до тридцати семи лет, чтобы начать. Она хочет продвинуться быстро.

— Кстати, Камилла, я кое-что должен вам сообщить. Я собираюсь в Италию. Мне дали Римскую премию, и я просто должен там побывать. Для меня это неожиданная оказия, чтобы спокойно поработать, поэкспериментировать. Побывать на родине Микеланджело! Мне можно будет пожить во Флоренции. Впрочем, ваш Роден чем-то напоминает Микеланджело…

Камилла в расстроенных чувствах едва прислушивалась к нему. Мало того, что ее не берут в Школу, так еще и старый друг (бедняга, ему-то всего тридцать два!) скоро ее покидает… До удрученной Камиллы слова Буше доходили не сразу.

— Именно его я хочу просить вести занятия

вместо меня. Да слышите ли вы меня, Камилла?

— Простите…

— Я говорил, что как раз Родена собираюсь просить быть вашим учителем вместо меня. По-моему, он единственный гений среди нас, хотя и кажется с первого взгляда бесцветным, робким. А между тем он — величайший из современников. Его еще мало знают! Я крепко верю в него.

Настроение Камиллы испортилось. Ежели Роден делает такие же вещи, как она, куда это годится! Девушка поджала губы. Так, теперь еще и это! Шиньон напрочь развалился!

— Камилла! Эй, Камилла! Что это на вас нашло? Я за вами не успеваю! Этак вы окажетесь в мастерской раньше меня!

Камилла, извинившись, замедлила шаг.

Девушки закричали наперебой:

— Мистер Буше! Come in! Войдите! — они окружили его, поддразнивая: — You are так раскраснелись! Наверно, бежали? А Камилла — о, what a face![3] Фу-у!

— Господин Альфред Буше нас бросает!

— What?

Камилла со зла выпалила новость без всякой

---

[3] Примечания: 3
какое лицо! (*англ.*)

подготовки, напрямик.

— Нет, я вас не бросаю. Я скоро уеду в Италию. С вами будет заниматься Огюст Роден. Я пригласил его, и он согласился.

Девушки захлопали в ладоши.

— It's a pleasure! — Он просто delicious, very charming! Он похож на Вулкана. You know Vulcain?[4]

Камилла думала о Микеланджело. Как можно сравнивать этого недоноска с Микеланджело? Микеланджело — гениальный флорентиец. Правда, он тоже не блистал красотой. Даже, говорят, отличался болезненностью. К тому же ПьетроТориньяно ударом кулака изуродовал его еще больше. В семнадцать лет ему сломали нос, в садах Лоренцо Великолепного он пережил унижение. С виду он не был приятен, наоборот, почти безобразен. Это и все, чем они похожи с тем неизвестным? Огюст Роден — и божество скульптуры? Нет, нет и нет!

— Ну и характерец у вас, мадемуазель Камилла! — Альфред Буше пытался ее унять. — Камилла, успокойтесь! Я не забуду о вас. Буду писать вам о новостях, присылать открытки с вашим

---

[4] Примечания: 4

Это чудесно! Он просто очарователен, прелестен!.. Вы знаете, кто такой Вулкан? (*англ.*)

Микеланджело. Я ведь верю, у вас есть дар. Не навредите ему своей несдержанностью. Ведите себя не как светские люди, а как настоящий художник. Нужно много времени, выдержки и смирения, чтобы хоть отчасти приблизиться к свершению замысла. Красота, как и Смерть, требует длительного знакомства. Я приду попрощаться с вами, барышни, перед отъездом.

— Господин Буше, господин Буше, погодите, мы забыли! Простите, sorry… Камилла! Про нее написали в журнале!

Все вскакивают с мест: одни — чтобы показать статью, другие — чтобы посмотреть.

— Ну-ну, не толпитесь! Дайте дышать! — Девушки столкнулись лбами, стремясь все разом прочесть статью. Взрыв смеха!

«Майский Салон 1882 г. Бюст старой женщины. Выполнен в гипсе, работа мадемуазель Камиллы Клодель. Это значительное произведение, плод серьезных размышлений».

Камиллу впервые упомянули в журнале, а ей ведь далеко не тридцать семь лет!

Альфред Буше поглядел на нее. Он мог бы сказать ей, что сделанный ею бюст старой Елены предвещает рождение великого скульптора, но решил не торопиться: она слишком легко зано-

сится. Она столько часов провела, делая набросок за наброском, гипсовые отливки, ну, а теперь она торжествует.

Буше хорошо относился к Джейн, Виргинии, Нелли. Но Камилла… Она станет одним из величайших художников эпохи, если только не… Порой ему становилось страшно. Его пугали ее темно-синие, почти черные глаза, ее неприспособленность к обыденной жизни. Пугало ее семейное окружение, эта косная, лишенная дара понимания семья. Пугал вечно отсутствующий отец. Пугал юный брат, завороженный ею, повсюду следующий за нею. Что из нее получится? И как его друг, Огюст Роден, такой робкий, справится со столь необузданной, цельной натурой?

— Mister Alfred Boucher, would you like a cup of coffee?[5]

— С удовольствием!

Он любил их, ему нравилась эта мастерская, полная женского веселья, но только теперь он понял, что прежде всего ему захочется поскорее увидеться вновь с Камиллой. По сути, это не он ее учил, а она, сама о том не подозревая, научила его кое-чему. Великолепные моделировки, закончен-

---

[5] Примечания: 5

— Мистер Альфред Буше, не хотите ли выпить чашку кофе? (*англ.*)

ные эскизы, открытия, которыми она делилась, по-своему изображая руку или ногу… Почему бы сегодня, накануне разлуки, не признаться себе в этом легком пристрастии к девушке, в том чувстве, с которым он наблюдал, как ее большие ладони гладят, разминают, формуют глину… И потом, ее поразительное лицо и взгляд — самый потрясающий взгляд, когда-либо обращенный к миру и виденный миром… Он был счастлив, что судьба отрывает его от нее. Иначе он мог бы влюбиться! Она слишком вспыльчива, слишком сильна, личность ее слишком неординарна… Другой такой не существует. Пустыня, отказ от себя — до самой смерти… А между тем сейчас, в ясном свете поздней весны, она улыбнулась ему. Улыбка нежная, робкая, как будто хочет сказать: «Извините, я так хочу, чтобы вы простили меня!» Улыбка ласковая, невыносимая, прелестная. Его потянуло крепко обнять ее, впиться в этот презрительный, девственный рот, как в наливной, спелый плод.

— Что-то вы рассеянны, господин Буше. — Чудесный у нее голос, чуть-чуть хрипловатый. — Скажите, ведь Джакопо Кверчиа было около девятнадцати, когда он познакомился с Микеланджело, не так ли?

С чего бы вдруг заговорила она об этом?

— Да, он страшно тревожился, ожидая суждения старого мастера, и тот похвалил его.

Камиллу не оставляла задумчивость. Вряд ли она слышала болтовню подруг.

— Камилла, Кам! Если бы ты чаще выезжала в свет, то познакомилась бы с Огюстом Роденом. Он очарователен, но робок, до чего робок! С трудом подбирает слова. Yes, but he's got blue eyes. He can't see anything. He's myope. What... But what marvellous hands...[6]

Камилла резко отставила чашку и натянула свою рабочую блузу.

— Камилла, да отдохните же немножко!

— Камилла, или Джакопо Кверчиа из бедных. Входите, пожалуйста, господин Роден!

Альфред Буше укоризненно посмотрел на девушку; она издевается, дерзит, она неумолима. Нужно будет предупредить друга: эта ученица не похожа на прочих. Трудненько будет ее задобрить. Пока она не испытывает доверия, набрасывается, как дикий зверь, но потом какими одаривает сокровищами щедрости, нежности...

---

[6] Примечания: 6

Да, но у него голубые глаза. Он ничего не видит, он близорукий. Что... Но какие красивые руки! (*англ.*)

Если она вас признает, то отдаст все.

— Дорогая Камилла…

Альфред Буше встает, прощается с девушками. Потом вдруг втихомолку подкрадывается к Камилле.

— Io so… Michel Angelo! Sei Jacopo Quercia. Ma sei una bella…[7]

Он делает несколько танцевальных па и выходит под смех девушек. Камилла бросает ему вслед:

— Прощайте, господин Ангел!

---

[7] Примечания: 7

Я… Микеланджело. Будь же Джакопо Кверчиа. Но останься красавицей! (*итал.*)

Господин Роден

«— Мы слишком похожи; ничему новому не сможем мы дать начало.
— Кто же продолжит наш род?
— Кто-нибудь да придет. Какой-нибудь красивый охотник с рыжей бородою. И он заберет у меня навсегда мою Кузину Французских Лесов, лавровое древо Спящего — „virgo admirabilis“».

Поль Клодель, «Заложник»

«Моисей» Микеланджело. Всклокоченная, скрученная борода, мощная голова, плотный, массивный торс. Камилла увидела человека, стоящего у дверей. Она только что сдернула с глаз повязку, затянутую Виргинией. Девушки играли в жмурки. Было ясное утро, в мастерской светло, Камилла в хорошем настроении. Девушки забавлялись, распознавая на ощупь тела и лица, смеялись, пели. Камиллу заставляли кружиться, наклоняться, оборачиваться. «Если ты красива», — пели они.

Камилла внезапно остановилась. Вошел господин Роден. То есть Альфред Буше немного

опередил его. А за ним явился Роден.

Он увидел девушку с завязанными глазами. Чуть погодя он увидел и глаза ее — темные, огромные, они исследовали его, наблюдали, зарисовывали. А он погрузился в их лиловую бесконечность. Его собственные близорукие глаза прищурились. Камилла нашла, что он со своей рыжей бородою похож на гнома.

— Входите, Огюст. — Альфред Буше сделал еще пару шагов.

Господин Роден ступил в мастерскую, чувствуя, как его изучают, оценивают лукавые, пытливые глаза. Камилла отошла в сторонку, в тень, но тем самым привлекла внимание к своей работе. Это — бюст ребенка, крепко выстроенный. Обнаженная шея, плечи покрыты как бы складками тоги. «Мужская» работа. Господин Роден резко остановился. Он позабыл про девушек, про мастерскую, про своего друга Альфреда. Все его внимание поглощено гипсовым бюстом. Лицевой угол почти аномально большой. Именно такого он сам добивается. Сила взгляда. Господин Роден угадывает умную, уверенную руку, действительность прорывается в каждой детали, выявленная, объясненная, грандиозная. Господину Родену стало не по себе: ему почудилось, что он сам сделал

этот бюст, но он-то знает, где его работа, а где нет. Изображенный ему неизвестен.

Буше по-дружески похлопал его по плечу:

— Очнитесь, дорогой друг, не то барышни усомнятся в вашем здравомыслии. Вы странно себя ведете. Я знаю, вам свойственна робость, но не до такой степени, чтобы так глупо торчать на одном месте, словно вкопанный… Вас что, околдовали?

— Кто позировал? — голос у Родена странный, глуховатый.

— Мой брат, Поль Клодель. Ему сейчас четырнадцать лет. — Ее голос — с хрипотцой, но звучит пронзительно.

— Простите, меня поразило качество вашей работы. Профиль такой чистый, а я часто повторяю: моделировать нужно только профиль. Только это идет в счет. Человеческое лицо несимметрично.

— Я хотел сделать вам сюрприз. Может показаться, что мадемуазель Клодель уже работала с вами!

Господин Роден смотрит на Камиллу. Так это она! На одном из вечеров в салоне госпожи Адан кто-то называл ее имя. Ах да, он вспомнил. Одна из молодых англичанок, приглашенных госпожой Адан. Роден соображает, что, собственно, он и находится сейчас среди этих молодых англича-

нок. Они покатываются со смеху.

— Вы не слишком галантны, господин Роден! Мы уже давно с вами знакомы, а вы даже не поздоровались!

Бедняга Огюст что-то смущенно пробормотал. Ему нелегко дается светское общение. Голос плохо подчиняется: то проглоченные окончания, то вдруг выговор сквозь зубы, и все это сопровождается кивками, за которые его подруга Роза не раз его корила. Он знал, что обворожительным его не назовешь.

— Господин Роден, пожалуйста, взгляните, идите сюда!

Каждая из девушек просила у него совета. Скульптор с ходу давал рекомендации, четкие и точные. Камилла слушала несколько растерянно. Этот неуклюжий, неуверенный человек обрел и собранность, и быстроту реакции, как только речь зашла о скульптуре. Он как будто вырос. Кто бы мог заподозрить в нем такую властность, энергию! Руки его указывают, гладят, мнут влажную глину. Вдруг хватается за карандаш и набрасывает контур детали на клочке бумаги. Камилла больше не сводила глаз с рук скульптора. Бюст «крепко выстроен»… Никогда она не слыхала подобных советов. Он ничего не отдает

на волю случая. И практический опыт просто невероятный! Перед Камиллой — великолепный ремесленник, который воспроизводит, облагораживает, дополняет свойства природы. Его указания словно просветлили ее. Он работает с жизнью. Он видит ее повсюду и восстанавливает мощно и любовно.

Внезапно Роден обратился к ней:

— Бюст вашего младшего брата почти завершен. Меня удивила очень тонкая моделировка ушей, ушной раковины. Веки хорошо округлены… взгляд… Все очень живо. Самое трудное — это разглядеть жизнь. А ведь она прекрасна во всех проявлениях. Моделировать только профили, непременно стараться выявить профиль в определенной позиции и сохранять ее неизменной. Достаточно только взглянуть, понять и полюбить. Напротив, ваши «Давид и Голиаф» слишком контрастны. Необходима мягкость, некая белизна при моделировке. А здесь — слишком сильные контрасты, ярость, узловатость…

Камилла не согласилась с этими замечаниями. Сердце ее отчаянно забилось. Она едва сдержалась, чтоб не хватить его гипсовой отливкой по голове. Он не прав. Ну, не совсем прав. Ей нравится при моделировке именно черное и белое,

контрасты.

— Приглядитесь к рисункам Леонардо да Винчи, Микеланджело. Между черным и белым у них — бесконечное разнообразие оттенков серого, темно-серого, белого, бежевого…

Камилла понимала, что Роден прав. Но ей не нравились эти тысячи нюансов в скульптуре, которые порой смазывают линию контура. Она мечтала обойтись только линиями, создать такую скульптуру, чтобы вся исходила из одной точки, шла по единой диагонали. Очистить от всего лишнего, пусть не остается ничего, кроме сути движения. Но и слова Родена о моделировке справедливы. Сколько есть таких скульпторов, которым плевать, на то, что деталь плохо обтесана. Передан общий вид, и ладно, с них довольно. Неточности, допущенные обработчиками или каменотесами, их ничуть не раздражают, а те скребут мрамор до тех пор, пока всякая моделировка вообще исчезает. Камилла до сих пор не могла без злости вспоминать некоего Эжена, который запорол единственный кусок мрамора, каким она сумела разжиться. Он знай себе скреб, думая о своем, и закругление запястья исчезло; он убил всю работу! Уничтожил результат многомесячных трудов. Никому больше она своих

мраморов не доверит, сама будет обрабатывать. Нет, то, чего она хочет добиться, — это не склеивать между собою детали, а делать скульптуру единым блоком, каким-то образом передавать саму «идею» натуры.

— Простите, мадемуазель! Теперь моя очередь спрашивать. Как вы относитесь к тому, чтобы поработать в моей мастерской?

Камилла задумалась, возможно ли это…

— Камилла, Камилла! Господин Роден уже не первую минуту обращается к вам, а вы не слушаете! Этак вы никогда не поладите, право! Когда один говорит, другой улетает в царство снов!

Камилла стремительно, бурно покраснела, пробормотала что-то, отпрянула, снова придвинулась.

— Господин Роден, я…

Она снова сделала шаг назад, споткнулась о ведро с водой и опрокинула его на пол. Вода окатила ноги Родена. Камилла перепугалась. Он застыл, ошеломленный. Девушки повскакивали. Камилла, вне себя, убежала, хлопнув дверью. Этот человек ей мешает!

Она уже на улице, там дождь хлещет как из ведра; только с нею случаются подобные штуки! Но почему он так смотрел на нее своими бли-

зорукими глазками? Она его ненавидит. И эти его замечания, кто давал ему право? Она шагает размашисто. Ему, видите ли, не нравятся у нее резкие контрасты! Ну конечно, ведь она женщина. Ей полагается творить деликатно, мягко и нежно! Почему бы ей не послушать о белизне, о прекрасной гармоничности, об элегантности… «Веди себя прилично», «Камилла, ведь ты женщина!», «Камилла, посмотри, что у тебя за руки». А если она на самом-то деле любит все опрокидывать, переворачивать, резать по живому…

— Эгей, поберегитесь, барышня, опрокину!

Камилла не заметила ни экипажа, ни рослых лошадей. Она едва успела отскочить. Как она сюда попала, идиотка, мокрая насквозь, нелепая? Она опомнилась: что он там такое говорил? Ах да! Приглашал поработать в своей мастерской. Ведь она только на это и надеялась. Поступить в мастерскую скульпторов, **мужчин**-скульпторов, художников, так это называется — тех, кого воспринимают **всерьез**. Она неожиданно повернулась, налетела на толстую даму, которая удалилась ворча. Под ногами у нее проскочила собака. Она терпеть не может собак. Они вечно лезут потереться об ее ноги, они улавливают запах мочи. Теперь она бежит в обратном на-

правлении. «Белизна, белизна, я тебе покажу белизну!» Она — черная, Камилла черная, мать называла ее чернушкой, арапкой. «Каша-Дьябло». Она взбегает по ступеням, отделяющим ее от мастерской на улице Нотр-Дам-де-Шан.

Господина Родена там нет. Господин Роден ушел. Там вообще уже никого нет. На бумажке — несколько неровных строк, нацарапанных дрожащей рукой:

«Приходите ко мне в мастерскую, когда пожелаете. Мастерская J, улица Университетская, или мастерская H, на Складе мрамора. Мне тоже нравятся контрасты».

В слове «контраст» не хватает буквы «с». Она рассматривает почерк. Кто-то подтер лужу на полу. Теперь с нее самой течет ручьями. Волосы слиплись, глаза горят, она вся дрожит. Она заглядывает в зеркало: локоны превратились в уродливые космы, свисающие на шею, платье — как мятая тряпка, какие-то обноски. Она похожа на нищенку, на Магдалину Донателло. А на прекрасную молодую девушку не похожа.

Она скорчила гримасу, схватила полотенце и крепко растерла голову. Платье сбросила и встряхнула, как бывало встряхивала промытый салат в Вильневе. Солнце снова прорвалось

сквозь тучи. Посидеть на солнышке, и все будет в порядке. Компания, наверно, отправилась обедать. Поджидая их, Камилла закуталась в шаль и присела напротив своей скульптурной группы. Роден совершенно прав. Контраст слишком силен. Это уродливо. Там, у колена, нога торчит, словно лишена суставов. Камилла встала и принялась разбивать гипс. Бесполезно сохранять ошибочные решения. Она разнесла все вдребезги, охваченная неудержимым гневом. Никогда ей не добиться того, чего хочет. Долой кучу мусора! Она начнет сначала.

Теперь девушка уже совсем согрелась. Платье высохло. Камилла заплела косы, уложила их узлом — она снова прежняя, строгая, безупречная. Нужно сходить домой, она позабыла, ее ждут к обеду кузины из Вильнева.

Так или иначе, она ни минуты не станет колебаться. Ей нужно идти вперед. Только посредственные художники боятся потерять свою личность.

Она отправится к этому господину Родену, который так любит белизну.

Зигмунд и Зиглинда

«Зиглинда:
— Если это Зигмунда вижу я здесь, то знай, я — Зиглинда, что страдает по тебе, родная сестра твоя, вместе с мечом тобою добытая!
Зигмунд:
— Ты здесь, рядом с братом, сестра и супруга…»

Рихард Вагнер, «Валькирия», акт I, 3

— Камилла, посмотри! Господин Роден принес тебе подарок!

Камилла уставилась на громоздкий предмет, обернутый тряпками, который едва уместился посреди мастерской, на низкой подставке. В упакованном виде этот бюст похож на узел с вещами.

Камилле двадцать лет. Почти двадцать. Она родилась в декабре и потому всегда кажется сама себе старше, чем есть. Когда наступает 1 января, она считает, что ее возраст изменился, забыв, что месяцем раньше уже прибавила (или потеряла?) год. Сегодня — хороший осенний день. Камилла,

чуть-чуть запыхавшаяся, в светлом платье с кружевным воротничком, стоит, выпрямившись, залитая солнцем. Виргиния удивляется: она еще подросла и налилась какой-то новой силой. Это уже не та девчонка, что была в прошлом году; и хотя Камилла по-прежнему звонко хохочет, порой исходит от нее что-то неизъяснимо серьезное, таинственное. И физически она изменилась: кое-где округлилась, хоть и кажется по-прежнему тоненькой в своих простых платьях, но лицо стало гладкое, так и сияет…

— Ну, разверни же поскорее!

Камилла подошла ближе к белому, залитому светом узлу.

— Что-то вроде горшка с цветами от поклонника.

— Ах! Это твой Роден!

— Это НЕ мой Роден! — рассерженная Камилла резко обернулась.

— Да ладно, не злись. Мы все его обожаем и…

— И ревнуем, вот и все.

— Знаешь, на одной вечеринке… Ага, еще одна вечеринка, которую ты пропустила… Интересно, как ты проводишь свои вечера?

— Читаю.

— What an idea![8]

— Я читаю. Ищу вдохновения, ищу сюжеты. А еще мы в прошлое воскресенье ходили с Полем в концертный зал слушать «Валькирию». Я там иногда бываю с Полем…

Камилла умолкла и занялась распаковкой. Она догадывалась, что прислал Роден. Быстро и серьезно, словно совершая ритуал, она разворачивала ткань. Постепенно проявлялась твердость обожженной глины — да нет, что за глупость! Это бронза… Не может быть! И все-таки вот она, бронза… Но когда же, как он успел? Да еще в бронзе!

Девушки примолкли. Их глубоко поразила эта вещь, сверкающая посредине мастерской. Камилла вся здесь, словно вылепленная из зеленоватых водорослей или выходящая из воды, волосы приглажены, как у мальчика, тело крепкое — античный воин, юный римлянин. Полумужчина, полуженщина, существо, отрешенное от мира, нечто вроде недотроги Ипполита. Кажется, будто она, принадлежащая к некому древнему племени, уходит в свою, только ей подвластную, крепость, обремененная тайной.

Подруги вглядывались в нее. Как ухитрился

---

[8] Примечания: 8
Надо же такое придумать! (*англ.*)

скульптор уловить выражение, так свойственное ей? Она и сейчас такая: отсутствующая, погруженная в себя; залитая солнечным светом, процеженным сквозь кроны деревьев снаружи, она кажется копией бюста, стоящего напротив. Волосы, как всегда, плохо причесаны, влажная от пота челка прилипла ко лбу — вот что придает ей тот мужской вид, который Роден так рельефно выявил. И саму Камиллу это потрясло. Несколько месяцев он вел у них занятия, заменяя господина Дюбуа. Много раз Камилла замечала, как он смотрит на ее работу, но никогда не просил ее позировать. Ну разве что один раз. Внезапно вся сцена оживает в ее памяти.

Остальные девушки ушли тогда рано. Было жарко — стоял июль. Вечером Париж готовился к праздничному гулянью. Он задержался в мастерской, чтобы кое-что еще объяснить ей насчет бюста ее брата. Ей не удавалось уловить упрямого, немного вызывающего выражения на лице шестнадцатилетнего Поля. Она внимательно слушала. Вдруг наступило молчание. «Начинать нужно непременно с профиля», вспомнилось Камилле. Он взял ее под локоть и усадил. Торопливо набросал ее профиль несколькими линиями. У нее по спине тек пот. В комнате было душно. Она,

девятнадцатилетняя, неподвижно застыла на табуретке. Тишина, шорох карандаша. Он окидывал ее взглядом, и вдруг их глаза встретились. Он немножко прищурился, словно от яркого света в лицо, и выронил карандаш. Она взглянула на него удивленно, готовая посмеяться его неловкости, поиздеваться, как над братом. Но не смогла издать ни звука. Боль будто пригвоздила ее к месту — боль, но без неприятных ощущений, удар куда-то вниз живота, глубоко, как будто в тело врезался край табурета, но мягко. Чувство это, странным образом связующее их, доходило до исступления. Ее тянуло сказать: «Господин Роден, будьте добры, положите вашу руку вот сюда, на мой живот, пониже». Вот чего ей хотелось. Пусть эта рука, которая только что касалась головы ее младшего брата, бюста, над которым она трудилась, возляжет теперь на нее, пусть позволит себя ощутить. Он будто лепит что-то внутри нее. Молчание становилось бесконечным. Она силилась заговорить, а его губы шевелились, обозначая слова, которых она не слышала, ибо он ничего не произносил, ни единого слова. Шорох упавшего карандаша разбил тишину — да нет же, она прежде видела, как он выпал из руки, а шум стал слышен только сейчас. Сколько же времени

он падал?

— Камилла, твой зонтик упал на пол и сломался!

Камилла встряхнулась, шесть пар глаз уставились на нее с несколько ироничным выражением.

— Да я все равно его никогда не раскрываю… Ну ладно. Что это с вами со всеми? Можно подумать, вы бюстов не видели. Уставились прямо как жабы! К тому же это вовсе не я.

— Камилла, ты преувеличиваешь!

— Ничего подобного. Я отвратительна. Посмотри, Нэнси, это толстощекий мальчишка. Вот что он сделал из меня — толстого мальчишку. Но довольно о господине Родене! Вольно же ему докучать нам своими творениями!

— Ну, Камилла, сколько можно ворчать! Ты невыносима!

— Ну и заткнитесь!

— И ты заткнись, не квохчи как курица!

— Это я — квохчу как курица?

Камилла бросилась на Виргинию. Девушки сцепились.

— Да стойте же, стойте, сумасшедшие! Вы обе сумасшедшие!

Девушки закричали наперебой. Камилла разо-

рвала спереди платье на Виргинии — как будто тигрица ударила лапой. Белая нижняя юбка Виргинии задралась, обнажив бедра. Порванное платье обвисло по бокам. Камилла, придавленная весом тела подруги, услышала страшный грохот; она недоуменно взглянула на Виргинию. Рот у нее кровоточил от удара англичанки: та носила на пальце кольцо.

— А где виноград?

— Какой виноград?

— Мы там положили виноград, чтобы потом прохладиться!

— Вот это да!

— О, простите! — Голос мужской, кто-то смущенно покашливает. Девушки так и прыснули в стороны: пришел господин Роден.

— Извините, если помешал. Я только хотел узнать, нет ли у мадемуазель Камиллы каких-либо замечаний. Сегодня мне предстояло поучиться, но, уж не обессудьте, я не испытываю никакого желания обучаться борьбе. Я питаю отвращения к насилию и уж лучше немедленно закину ноги себе на шею, чем стану меряться силами с кем-нибудь из вас!

Все рассмеялись. Камилла попыталась встать с пола. Подруги помогли ей.

— Потерпите немного, господин Роден. Мы вмиг наведем порядок.

Роден в восторге. Мастерская все больше и больше нравится Огюсту. Молодость девушек, брызжущее из них веселье помогают ему отвлечься от своих забот. Лучик солнечного света в его жизни. Вот оно то, чего ему так не хватает, — немножко нежности. Эх, была бы у него дочь! Он подумал о своем сыне Огюсте: ему уже за двадцать, и он опять куда-то исчез. Была бы у него такая Камилла…

— Ну вот и все, господин Роден!

Обе драчуньи закутались в шали. Юные особы, обернутые кашемиром, — одна темненькая и своенравная, другая белокурая, пониже ростом, чуть полноватая. Господин Роден любит женщин. Ему нравится рассматривать их, следить, как они ходят, как склоняются друг к другу. Роза была такая же, как они, когда он встретил ее. Это было почти тридцать лет тому назад. Но почему она так быстро состарилась? И эти ее всегдашние приступы ревности. К счастью, он нашел себе эту мирную пристань — эту мастерскую для девушек…

— A cup of tea?

Господин Роден опаздывает. Ему вообще не

следовало приходить, но он хотел узнать, понравился ли Камилле подарок. Она взглянула на него только сейчас, когда он взялся за шляпу, собираясь прощаться, улыбаясь уголками губ, стыдливо придерживая складки соскальзывающей шали. Она смотрит на него и улыбается — ему.

— Побудьте с нами еще, господин Роден! — Камилла мягко взяла его за руку. — Ваш подарок такой красивый… я хотела вам сказать…

Теперь волнуется она; рослая и робкая девушка склоняет голову и на мгновение припадает к плечу своего учителя.

— Комментариев не будет, господин Роден!

Она громко, звонко смеется, как будто извиняясь за свою неловкость. Потом добавляет, совсем по-детски:

— Можно я его оставлю себе?

— Это — вы. Это ваше и для вас, — скульптор указал рукою на бюст, словно определяя его место, и добавил еще какие-то слова совсем неразборчиво.

— До завтра, барышни!

Он ушел. Внизу его кто-то ждет. Камилла сидит задумчивая.

— Ну вот! Камилла, что с тобой происходит? — Это пришел братец Поль. — Сама же просила,

чтобы я зашел за тобой. Я только что столкнулся с господином Роденом. Он отвратителен. Ему бы очень подошла роль толстяка Фальстафа.

— Ох, помолчи, петушок без гребешка! Подожди, пока высохнет мое платье.

Поль чувствует себя неуютно в обществе этих девушек. Его так и тянет то ли позадираться к ним, то ли пошлепать пониже спины. Он находит их шумными и претенциозными. Но вдруг он останавливается, завороженный:

— Да это же я!

— Где ты?

— Да вот же!

— Ничего подобного, дурачок, это я, господин Роден изобразил меня. Сам подумай, откуда у меня взялись бы деньги, чтобы отливать тебя из бронзы?

— А ведь он прав, твой брат! Отыщи-ка бюст, который ты лепила с него до каникул!

Пожав плечами, Камилла извлекла из угла бюст, изображающий Поля. Да, действительно. Она и не подозревала, что они с братом так похожи. Девушки сравнили бюсты, поставленные рядом. Поразительно!

— Близнецы! Вы прямо как близнецы!

Камилла ошеломлена. Но ее встревожило не

столько сходство между нею и братом, сколько подобие самих бюстов. Роден работает в той же манере, что и она. Это она с ним — близнецы. Еще в прошлом году… как его звали? ах да, Леон Лермит. После выставки в Салоне он написал Родену — Камилла точно запомнила фразу из письма, которое Роден передал ей: «С бесконечным удовольствием смотрел я на фигуру ребенка, сделанную мадемуазель Клодель. Ничто не может ярче свидетельствовать о вашем наставничестве».

Камилла разглядывает бюсты. Возможно, тут и впрямь не различишь, где Поль, где Камилла, но не различишь также и того, где работа господина Родена, а где — мадемуазель Клодель!

— Камилла, поторопись. Мы опоздаем.

— Погоди. Иди-ка сюда!

Камилла затащила брата в комнатку, где досушивается платье. Полю стало легче. Он не любит чувствовать на себе взгляды этих девиц.

— Ты что-то загрустил?

— Ничуть.

— Это из-за Коллардо?

— Ох, только не вздумай снова толковать мне про Коллардо!

— Но на этот раз ты на бакалавра сдал?

— Сдал… — пробормотал Поль сквозь зубы. — Только без всяких премий, даже без поощрения. Отец в отчаянии. Он уже предвкушал, как я поступлю в институт в шестнадцать лет. Он мне все уши прожужжал с этим Коллардо, который захватил все первые места. Он говорит, что учеба на улице Ульмской не по зубам мне!

— Подожди, Поль, я оденусь и мы поговорим по дороге. Ты прямо весь позеленел!

Камилла сбросила шаль и взялась за платье. Поль смотрит на нее: солнце освещает ее прекрасные плечи, белую нижнюю юбку; корсет, поверх него корсаж… Поль смотрит с восхищением, но также и с долей смущения. Она просунула голову в вырез платья.

— Пожалуйста, помоги мне!

Полю задача дается с трудом, он запутался в пуговицах.

— А теперь ты похож на селезня, наевшегося смородины! Ладно, пошли!

Камилла тщательно прикрыла оба бюста, сердито пнула ногой зонтик, пришедший в полную негодность.

— До свиданья! Good night, Виргиния!

Девушки обнялись. Поль терпеть не может подобных нежностей. Он выходит на улицу первым.

Сестра догоняет, и они уходят быстрым шагом.

— Ты всегда так любезен, миленький Поль! Прямо как пушечное ядро: то летишь сломя голову, то утыкаешься в землю и ни с места, как вкопанный!

— Не заводись!

— Что там у тебя не заладилось?

— Мне там душно. Хочу уйти.

— Но ты был доволен своим преподавателем Бюрдо!

— Да, он замечательный. Человек замечательный, но все эти его теории… Там нечего делать. Темно. Мама тоскует. Луиза весь день дуется. Ты бываешь дома все реже. А знаешь, как меня прозвали в лицее? «Глухонемой». Немой! И над моим выговором они смеются. Одна радость — «Вокруг света». Только тогда мне и хорошо, когда читаю «Вокруг света», про Китай.

Камилла останавливается и смотрит на младшего брата. Они действительно очень похожи, но как сказать ему об этом? Как дать ему понять, что она тоже уйдет из этой мастерской? Что она тоже хочет уехать в Китай или еще дальше?

Они дошли до Люксембургского сада. Он великолепен — заросший кустарником, весь золотой. В памяти Камиллы всплыла мелодия арии —

смутно, один только пронзительный ритм; Поль подхватил:

«Не могу я зваться Фридмундом,
Я хотел бы зваться Фровальтом,
А придется зваться Вевальтом...»[9]

Камилла, сорвав тонкую веточку, подтрунивает над братом:

— Зигмундом я назову тебя...

Поль, рассмеявшись, вырывает веточку из рук Камиллы, и они пускаются бежать наперегонки. Бедный Вагнер! «Мечи наголо! За мной. Нотунг! Нотунг!» Меч есть у брата, есть и у сестры.

Камилла остановилась. Поль посмотрел на нее и узнал девчонку из леса Шинши времен их побегов из дому.

— Ты видел оба бюста, твой и тот, что Роден сделал с меня? Заметил, как похоже? Говорят, будто я работаю, как он.

— Что же тут такого? Он просто скопировал твою работу. Да и похоже это вовсе не на тебя, а... ага, придумал, на что похоже! На старого Гундинга! Помнишь, тот толстяк, который держит

---

[9] Примечания: 9

Фридмунд — «тот, кто сохраняет мир», Фровальт — «тот, кто обладает радостью», Вевальт — «тот, кто обладает горем».

Зиглинду под замком и сражается с Зигмундом. Так или иначе, Родена я ненавижу!

Камилла выпрямилась, покраснев от сдерживаемого гнева, вырвала ветку у Поля и ткнула его в грудь.

— Он лучше тебя, ты, хлюпик! И вообще я уже все решила. Я перехожу к нему в мастерскую на следующей неделе. Мы с тобой больше не увидимся. Не будет у меня времени на твои концерты. Найди кого-нибудь другого! Дубина ты бесчувственная! Козел вонючий!

Девушка стремглав понеслась прочь. Поль был потрясен до глубины души. Теперь он и ее будет ненавидеть. Она же вульгарна, вульгарна…

А Камилле ужасно грустно. Почему она так жестока? Ведь он ей вроде близнеца. Сколько общего было у них в жизни! «Поль, мой малыш!» У них будет время, у них есть время, они когда-нибудь поедут в Китай, а в воскресенье пойдут на концерт, как всегда. Но нынче вечером — дудки! И наплевать ей на вечеринку у госпожи Адан. Там должны быть Малларме, Дебюсси — молодой музыкант, — может быть, даже Роден, господин Роден! Ладно, она ему завтра скажет, что принимает его предложение. Наконец-то она окажется в настоящей мужской мастерской.

Письмо из лечебницы

«*Твоя сестра-изгнанница*».

К.

Мастерская

«…Самые прекрасные сюжеты у вас перед глазами: те, которые вы знаете лучше всего…
Очень важно уметь чувствовать, любить, надеяться, содрогаться, жить. Быть сперва человеком, в потом уже художником!..»

Завещание Огюста Родена

Холодное утро. Все замерзло. Камилле двадцать лет. Ей никогда не надоест ходить в мастерскую, ведь уже несколько месяцев она работает у Родена. Она вскочила на рассвете — не хочется терять ни лучика света. Теперь нужно надеть шляпку. Маменька не стала уступчивее: если Камилле двадцать лет, это не значит, что она может ходить без приличного головного убора. Чаще всего Камилла срывает это черное шляпное изделие, оно ей противно. Но сегодня утром холодно, и Камилла ежится в широком пальто, несколько легковатом, не по сезону. У матери не хватило денег купить ей посолиднее. И потом, «Камилла, ты и этим обойдешься, Луиза слабенькая, а Поль

так быстро растет…»

Камилла так и осталась при старом любимом пальто.

На улице мало народу. Идет слабый снежок, и Камилла с удовольствием ощущает, как крошечные снежинки нежно покусывают ее, забираются за уши, садятся на шею, на кончик носа…

Может, Роден уже будет там? Он часто приходит в мастерскую первым. Камилле тревожно: то он держится отрешенно, почти враждебно, то вдруг спрашивает у нее совета, интересуются мнением. Она поступила к нему в ноябре. Тот первый день и сейчас она видит как наяву. И никогда, никогда не забудет.

Камилла никому ничего не сказала, ни матери, ни брату. Отец отсутствовал, приезжал лишь по воскресеньям, а сестра Луиза, уже восемнадцатилетняя, была поглощена энергичными поисками жениха своей мечты. Так получилось, что Камилла скрыла от близких день, когда явилась к господину Родену. В тот день…

В тот день… Лестница, ноги не гнутся, руки сводит, сердце бьется и стучит так, что кровь бросается в лицо. А что, если господин Роден передумал? А что, если никто не пожелает с ней считаться там, среди мужчин, работающих у

него? Камилла знает их только по именам: Антуан Бурдель, Антонен Мерсье, Фальгьер, Жюль Дебуа.

Десять, двадцать, сто раз она обошла вокруг здания, отыскивая Склад мрамора, но не осмеливаясь пройти во двор, зайти прямо в мастерскую, только издали посматривала на старые каштаны во внутреннем дворе, на густо заросший газон. Дверь № 5, дверь № 5… Сколько он твердил: «Приходите как-нибудь в субботу, дверь № 5»! Но она не желала приходить как гостья, ей хотелось войти через главный вход, которым пользовались скульпторы, работающие у мастера.

Решимость пришла к ней внезапно, как всегда. Камилла даже запомнила дату: 26 октября 1883 года. Она только что окончила — или думала, что окончила, — портрет отца. Господин Роден подошел, чтобы дать кое-какие советы, потом устало провел рукою по лбу, тяжело опустился на табурет. Камилла, встревоженная, замолчала. Он смотрел на бюст и на что-то другое вдалеке, чего она не могла увидеть. Он пришел раньше обычного времени — ученицы-англичанки еще не вернулись с обеда. Камилла стояла рядом с ним, не понимая, нужно ли ей говорить. Глядя на сидящего Родена, она вдруг почему-то вспом-

нила отца. В детстве отец часто брал ее руки в свои и прикладывал ко лбу. «Ты меня утешаешь, моя маленькая Камилла, мне иногда бывает так плохо. Головные боли…» Камилла видела, как бледен Роден. «Чудесные руки у тебя, Камилла, они облегчают боль…» Вот сейчас коснуться бы его лба рукою, сказать: «Я с тобой…»

— Господин Роден, вам плохо?

Он резко поднял голову, взгляд его блуждал.

— Мой отец умер. Безумный отец. Мой отец — в лечебнице… — Он засмеялся, потом пробормотал: — Простите меня. Это вовсе не смешно. Но сын у меня — алкоголик. Хотя все это несущественно… Искусство — это всего лишь ощущение.

Он встал, словно на кого-то разозлился, и обратился к ней:

— Мне хотелось бы познакомиться с вашим отцом. Бюст, сделанный вами, меня потряс. Простите… Если бы вы надумали поработать у меня, я был бы искренне рад.

— Я приду послезавтра.

Он посмотрел на нее так, будто решил, что над ним куражатся.

— Мастерская J, дверь № 5. В глубине двора, дверь № 5, — и он быстро пошел на выход, по дороге опрокинув стул.

И вот Камилла — у входа на Склад мрамора. В тот день — она запомнила — было холодно, свет солнца казался белым, агрессивным. Во дворе тишина. Камилла переступила порог и оказалась на Складе мрамора. Дальше пришлось пробираться между нагромождениями мраморных глыб. Ее фигурка затерялась среди них. На ходу она осторожно коснулась рукою мраморного блока. Он ждет обработки. Когда-нибудь и она будет работать прямо по мрамору. Как Микеланджело…

В тот день Камилла дважды проверяла, какая буква стоит на двери, отходила на шаг, чтобы удостовериться — то ли L, то ли J? Издали было слышно, как стучит инструмент, — работники обтесывают камень. Она открыла дверь. Пыль, гул голосов, ощущение присутствия множества людей. Она ничего не видела, только мастерскую: все серое, как пепел, стеклянная крыша. Ей подумалось: это — арсенал какой-то крепости; подставки, столы, перевернутые ящики, и повсюду статуи, глядевшие на нее упорными, огромными глазами. А еще в тот день была тишина. Камилла запомнила, как вдруг стало тихо. Между тем, открывая дверь, она, судя по звукам, ожидала увидеть целую толпу. Но тишина настала внезапно, и только кто-то выкрикнул:

«Женщина!» И перебегающие смешки — словно цветы, которые бросают на сцену в конце спектакля. Камилла застыла; распущенные волосы, ниспадающие до пояса, придавали ей совсем юный вид. «И красивая, — добавил кто-то. — Симпатичный образчик девушки».

Камилла захлопнула дверь, немного слишком резко, и вскинула голову: «Я — скульптор».

Девушка-натурщица, полуодетая, в полном изумлении подскочила к ней. Камилла подумала: «Вот будет и подружка мне». Она и ей повторила: «Я — скульптор». Рыжая уставилась на нее зеленоватыми глазами, словно раздевая, и повторила с глуповатой ухмылкой: «Скульптор! Ты — скульптор? Женщина?» И захихикала: «Эй, люди, слышите? Эта барыня — скульптор!»

У Камиллы в ушах еще звенело эхо громкого хохота. Несколько натурщиков-мужчин пошли за нею следом, смеясь взахлеб. Но тут чья-то рука ухватила за шею сладострастную, насмешливую красотку и отодвинула аккуратно в сторону. Это был Роден. Его голос, звучавший несколько робко, восстановил тишину.

— Позвольте представить вам мадемуазель Камиллу Клодель. Я пригласил ее поработать здесь. Она — скульптор. Я бы даже сказал — великий

скульптор.

Жюль Тюркан и Антонен Мерсье повели себя так мило, в мгновение ока снабдили новенькую стулом, подставкой, всем необходимым. Как только она взялась лепить, другие скульпторы то и дело окидывали ее взглядами исподтишка. Им не потребовалось много времени, чтобы понять, что перед ними — большой художник. Да еще и красавица к тому же.

Любопытно, что мужчины смущались, держались на расстоянии, не осмеливались шутить. Она принадлежала к другой породе. Им было с ней немножко страшновато. Ни Жюль, ни даже Фальгьер никуда ее не приглашали. Они к ней испытывали и уважение, и восхищение, но при всем том Камилла чувствовала себя очень одинокой. Можно подумать, что ей ставили в упрек то ли талант, то ли красоту, а точнее, сочетание того и другого заводило их в тупик. Например, Виргиния, отнюдь не красавица, когда пришла навестить Камиллу, немедленно обросла свитой поклонников. Скульпторы показывали ей свои работы, расспрашивали, где ее собственные статуи. Джейн, совсем другая, высокая и белокурая, каждый раз получала приглашения на выходные дни. А у Камиллы ни с кем из них не возникало

дружеской близости. И ни скульптура, ни ее красота не располагали к этому. Она работала с ними, ее пригласил господин Роден, они приветствовали ее, восхищались ею, завидовали, но как только кончался рабочий день, про Камиллу забывали. Ей это было безразлично, она читала, ходила в одиночку по музеям и выставкам или рисовала, пытаясь уловить форму какой-нибудь детали.

Труднее было перенести неприязнь со стороны натурщиц. В этой мужской мастерской женщин-натурщиц унижало ее присутствие. Иветта — та, которая первой так дерзко приветствовала Камиллу, особенно откровенно ее ненавидела, не упускала случая произнести своим протяжным, тягучим голосом: «Мне д'раздеваться перед мадам? Ох, д'что вы… не сейчас…» Порою требовалось много терпения и даже авторитет Родена, чтобы не опуститься до простой и откровенной свары. «Видали… скульпторшу? Все перед нею прям распинаются. Ах, наша мамзель Камилла…»

О нет, тот день Камилла никогда не забудет. Темно-синие глаза девушки, спешащей на работу, еще больше потемнели.

Ей не находилось места — ни в женском кру-

гу, ни в мужском. Даже подружки-англичанки уже не смеялись, как прежде, в ее присутствии. И Камилла с удвоенным усердием отдавалась работе. Приходила одной из первых, молча садилась на низкий стульчик, не вслушивалась в болтовню мастерской, пропускала мимо ушей непристойные шутки, которые поначалу вгоняли ее в краску. Натурщицы пытались вывести ее из себя, но вскоре ее упорство заставило их прикусить язык. Факт ее появления в мастерской перестал восприниматься как событие, острота впечатления мало-помалу сглаживалась. Только Иветта не сложила оружия.

Даже отец Камиллы не понял причин ее поступка: «Ты сама большой скульптор. Зачем тебе работать у него? Это — отступление». Камилла думала совсем иначе. За прошедшие несколько месяцев она оценила мастерскую Родена. Он один разделял ее представление об идеале красоты и правды. Он один творил, другие способны были делать лишь муляжи с натуры. Они рабски копировали. Он один преображал действительность.

Из-за него Камилла впервые в жизни всерьез поссорилась с отцом. «Ты погубишь свою самобытность!» Отец стучал по столу:

— Берегись, Кам, ты там все потеряешь. Твоя

индивидуальность… У него очень плохая репутация. Его первая работа, уж не помню, которая, когда-то…

— Идущий человек, папа. «Бронзовый век».

— О да, это был большой скандал! Он ее скопировал…

— Сделал отливку, ты хочешь сказать. Но послушай, папа, это неправда, просто статуя была невероятно хороша. Они думали, что он делал слепки с фигуры солдата, который ему позировал. Но ты же все это давно знаешь! Буше пришел к Дюбуа, директору Художественной школы, они взяли с собой еще коллегу и друга, Анри-Антуана Шапю, и удостоверились, что Роден ухитряется делать фигуры по памяти. Вообще без натурщиков. Они составили заявление: скульптор Каррьер-Белёз, Фальгьер, Шаплен, они все подписались как свидетели. Государственный секретарь по делам искусства тоже был к этому причастен. Родена тогда официально оправдали. Так что, пожалуйста, не разноси эти сплетни, которым верят одни дураки!

— Довольно, Камилла. Я тебе говорю, у тебя хватит своего таланта, чтобы работать самостоятельно!

— Только бездари боятся учиться и держатся

за свое. Ведь время все равно стирает любую подпись!

— Чему ты собираешься учиться у этого бородача?

— Ну до чего же ты ограничен! Ты не виноват, я понимаю, ты же в Париже почти не бываешь. А в провинции…

Камилла громко хлопнула дверью. Ярость бушевала в ней. Первая серьезная ссора. И сразу же раскаяние: зачем она отпустила это глупое замечание о провинции? Ведь отец всем пожертвовал ради нее. Луиза обманула его чаяния, постепенно забросила музыку, Поль не сумел пробиться на Ульмскую улицу. А Камилла любила отца — потаенно, порою со злостью, но любила — его печальное лицо, морщинки, улыбку в уголках рта, унаследованную ею.

И вот Камилла, как и каждое утро, снова спешила в мастерскую. Лицо отца стояло у нее перед глазами. Она напишет ему, пригласит приехать. Они пообедают вдвоем. Она поделится с ним своей радостью, расскажет, как счастлива, что стала скульптором, и все благодаря тому человеку, который… Сколько лет отцу сейчас? Пятьдесят восемь — уже пятьдесят восемь.

Господин Роден на месте. Один в мастерской, в

затрапезной блузе, он уже работает. Его голубые глаза обращаются к Камилле. Кто смеет говорить, что он близорук? Каждый раз Камиллу потрясает невыносимый, упорный взгляд, который вызывает в ее воображении образ пущенного в ход инструмента, нацеленного на людей и предметы: он делает заметки, сопоставляет, уточняет, измеряет… Две иглы с миллиметровыми делениями очерчивают вас, обшаривают, пронзают насквозь, и вдруг взгляд затуманивается, скрывается, уходит в глубь себя. Порой выглядит так, будто его вырвали из объятий сна и он медленно возвращается из той далекой страны, куда никому нет доступа.

— Камилла, я рад вас видеть. Посмотрите!

Роден отступил в сторону. Камилла подошла поближе. Он часто спрашивал у нее совета. Несмотря на завистливые взгляды, Камилла нисколько не возносилась в своих глазах. Она робела и каждый раз пыталась точно выверить свою мысль, идти вслед за его мыслью. Этим утром пока никого нет, кроме них. Двое скульпторов остановились перед статуей. Камилла отшатнулась в ужасе: изображена сидящая старая женщина, обвисшие груди, тяжелая голова, одежда в лохмотьях, редкие волосы. Она сидит,

словно вот-вот умрет — умрет этим же ледяным пронзительно-холодным утром. Последняя остановка, последняя поза…

Камилла повернулась к Родену со слезами на глазах. Ей казалось, что статуя через мгновение умрет. Камилла давно уже заметила, что Роден поглощен каким-то замыслом, но ведь он одновременно работал над несколькими статуями, поди уследи…

Камилла вновь обратилась к статуе. А Роден смотрел на Камиллу. Она такая молодая, такая хрупкая рядом с этой старухой. Длится встреча двух женщин, и встает огромный вопрос: с одной стороны жизнь, крепкое тело Камиллы, источник бесконечной радости, а там — другая, распадающаяся, исчезающая. Роден не сводил глаз с девушки, стоящей рядом с ним, готовой отдать все, чем владеет юное, упругое тело, противопоставленное трупу, той самой падали под солнцем, о которой пишет его друг Бодлер…

«Часто думаю я о минувших годах.

Какова я теперь! А была молодою.

Уж смотреть на себя мне противно нагою:

Переменам таким я не рада.

И жалка, и суха, и свечу худобою
Вся киплю от досады!
Лоб высокий и гладкий,
Белокурые косы — куда подевались...»

Камилла вслушивается в низкий голос учителя, произносящего стихи Вийона про прекрасную оружейницу. Она знает их. Роден читал их вслух, когда начинал лепить, но тогда она еще не знала, что он задумал.

— Мне она кажется прекрасной, жутко прекрасной. У нее осталась только душа. И говорит она о чем-то более важном, чем потеря красоты. Это призыв, молитва, она как будто говорит: «Остановитесь, я больше не играю с вами. Дайте мне на минутку собраться с мыслями, помолчите, чтобы я могла увидеть свой бессмертный сон. Сердце мое раздирает мука, но я уже выше этого. Дайте мне минутку, чтобы добраться туда, где меня ждет безмерное счастье». Она заставляет меня вспомнить о Магдалине Донателло...

Камилла еще раз посмотрела на него. На свету видно, что он дрогнул, душа его вся — в зрачках, ее суждение высоко подняло его — она одна сразу все поняла, прониклась тем, что стоит за внешней формой, уловила подлинный смысл его

создания.

— Вы правы. Меня заставил задуматься случай, о котором рассказал мне Октав Мирбо. Нужно будет как-нибудь познакомить вас с Мирбо, мы с ним дружим. Эта история долго не давала мне покоя. К одному натурщику-итальянцу пришла мать — именно пришла, пешком, чтобы повидаться перед смертью; а тот сказал: «Мать, я выставлю тебя за дверь, если не станешь позировать!» Он привел ее ко мне, не сказав, что это — его мать. Я набросился на работу, будто безумный. Что должна была думать эта женщина, когда позировала мне? Унижение, стыд… Я попросил ее раздеться. За все время она не произнесла ни слова, не поднимала головы. Несколько дней назад я узнал, что она умерла. Верно ли, что ради искусства все дозволено? Я был вне себя, когда узнал подоплеку этого дела, и в то же время никогда не пожалею, что сделал эту фигуру. Парадоксальная штука — сознание художника. Вплоть до смерти, Камилла. Ради открытия, ради познания можно даже убить. И умереть самому.

— Эге, с'дарь мой Роден, да вы уж на коне! — издевательский голос послышался сзади. — «Вернися ж ко мне…»

Иветта начала раздеваться перед Роденом, с

хохотом швыряя в него по очереди всеми частями одежды. Камилла побагровела от гнева. Куда делась вся его одухотворенность? Вдруг она увидела, как он оглаживает бока Иветты, которая нацелилась на него двумя точеными полушариями.

— Вы уж сделайте меня поск'рее, с'дарь мой, пока я не стала уродиной вон как та замшелая старушенция!

Солнце начинало пригревать.

— Схожу-ка выпью кофейка для бодрости. Нынче эта морока надолго!

Молочно-белая плоть Иветты мелькнула, будто в волнах; Роден сморгнул, хлопнула дверь. Один за другим сходились скульпторы, натурщики… Мастерскую заполнил свет, шум, веселые приветствия. Камилла заняла свое место, но история, рассказанная Роденом, не выходила у нее из головы.

А он уже работает: размашистыми и точными ударами высекает бюст, высвобождает из камня чье-то лицо. Изредка поглядывает на нее так, словно это она ему позирует. Глаза его смотрят жестко, цепко, это — орудие, не человек…

— Видали, детки? Надо же как он носится с этой мамзель скульпторшей! Он мне сам же нынче

про это сказал. А она-то ему сейчас попросту позирует! Я все жду, когда она будет позировать голой!

Камилла, пытаясь сохранить спокойствие, обратилась к Иветте:

— Почему бы и нет?

Мастерская притихла. Роден, поглощенный работой, ничего не слышал.

— Эгей, с'дарь мой Роден! Вы же там мамзель Камиллу режете, да? А какое будет название? «Бюст мамзель Роден?»

Роден, отступив на шаг, рассматривал свое создание. Солнце поднялось: стеклянную крышу заливал свет зимнего светила, еще закутанного в красную кисею.

— Нет! Это будет «Аврора». Заря.

Письмо из лечебницы

«...Кажется, что даже моя бедная мастерская — кое-какая старая мебель, инструмент, который я сама изготовила, — даже это мое жалкое хозяйство вызывало у них зависть!..»

Аврора

«Блистающим утром осенним
Мы вышли из дому. Роскошь земли осенней
В небе звенит бездонном.
Ноет рожок безутешно по той причине,
Что зова его не услышит время, которое минет,
Минет по той причине, что этот денек приятный
Вытеснит все, что бывало, и безвозвратно…»

Поль Клодель, «Осенняя песня»

Сентябрь 1885 года. Осень, трескучая, как сосновая хвоя на вершине Шинши. Но Камилла уже покинула дальнюю деревушку. Она снова в Париже, и движение времени возобновилось. Уже несколько недель, как Камилла вновь работает в мастерской Родена. Ей приходится туго.

Семейство Клодель только что отобедало. Старая верная Елена при них. На дворе грохочет гроза, но гроза назревает и в стенах дома. Старая

Елена чует ее приближение; привычка к созерцанию небес наделила ее даром читать в сердцах. Камилла рисует брата Поля, а тот читает. Луиза с рассеянным видом постукивает пальцами по столу. Только госпожа Луиза сознательно прибирает в столовой. Камилла слишком нервно чиркает карандашом. Она разрывает лист бумаги, комкает и берет другой.

— Не шуми так, Кам, ты мешаешь мне читать.

Камилла не отвечает. У нее сломался карандаш. Камилла оглядывается на мать.

— Господи, ну что она все снует и снует, хоть бы на минутку остановилась!

Камиллу тянет выйти прогуляться по парижским улицам. Но она молча берет новый лист бумаги. Старая Елена сметает со стола крошки и наблюдает за ней. Сейчас что-то произойдет. Она свою Камиллу наизусть знает. А Поль-то, Поль тоже на взводе! Он с хрустом разминает пальцы, один за другим.

— Поль, прекрати!

Полю восемнадцать. Он поступил в Школу политических наук, изучает право. Поль глядит на сестру со свирепой ненавистью. Он с удовольствием выгнал бы ее отсюда, куда-то подальше от себя. Ах, и когда она его оставит в покое? Поль

смолчал и продолжает читать. Луиза постукивает. Мать вытащила старый блокнот с записью расходов и приступила к неизбежным долгим расчетам. Луизу это ее занятие раздражает. Конечно, денег у них немного, но неужто ей больше нечем заняться, как считать да высчитывать? Изо дня в день, каждый вечер… Луиза молчит и знай себе барабанит по столу. Она тоже была бы не прочь прогуляться.

А госпожа Луиза вспоминает Вильнев. Как счастливо жила она там с отцом-доктором… Перед глазами у нее стоит уютная деревенская площадь, тихая осень. Господин Атаназ Серво, доктор медицины, он же — «господин мэр», с ним здоровается каждый прохожий. Там их уважали. Она, восемнадцатилетняя, гуляла под руку с отцом и мечтала о юношах! Ах, зачем она вышла замуж за Луи-Проспера? Может, это ненавистный Париж так на нее влияет? Супруга Луи-Проспера молчит. Она вспоминает беготню взапуски с братом, старый лес, источник Сивиллы. Госпожа Луиза подсчитывает гроши. Солнце над рекою было как золотая монета. В реке — ее брат. Отчего он бросился в реку двадцати трех лет от роду? Госпожа Клодель пересчитывает для верности оставшиеся гроши. Госпожа Клодель не

произносит ни слова. Старая Елена ждет. Гроза приближается.

Поль начинает читать вслух. Камилла этого терпеть не может. Ведь это все равно что принуждать всех подряд его слушать. И потом, читает он плохо. Губы у него шевелятся, как у марионетки. Но что это такое он там читает? К великому изумлению Елены, Камилла прислушивается. Обычно она вскакивает и уходит, либо находит способ его прервать, либо корчит мину юной девственницы, ведомой на казнь. Потому что Елена свою девочку знает. Когда она упрямится, скрытничает, замыкается, вид у нее такой, что и близко не подойдешь. А Поль все читает:

«Ты, чернокудрая, меня
Жестоким смехом уязвляешь,
Но тотчас сердце ублажаешь
Взглянув, как лунный луч, нежна.

Склонясь в счастливом упоенье
К твоим атласным башмачкам,
Я все сложу к твоим ногам:
И рок мой, и восторг, и гений!»

Луиза в сердцах отодвигает стул.

— Ну до чего вы бываете скучны, вы все! Просто

счастье, что назавтра я приглашена обедать у Флери.

Луиза откидывает крышку пианино.

— Не стоит, Луиза. Время позднее.

Стук! Хлоп! Луиза закрывает пианино и даже запирает на ключ. Потом выходит, с размаху хлопнув дверью. Поля больше не слышно. Однако он продолжает. Выходка Луизы могла бы разрядить обстановку, но напряжение только возросло. Елена ждет.

> *«— О смертный! как мечта из камня, я прекрасна!*
>
> *И грудь моя, что всех погубит чередой...»*

— Господи, что за глупости вы читаете, дети!

Госпожа Клодель сказала лишние слова. Камилла вскочила:

— Это получше твоих причитаний перед распятием. Ты же ни во что не веришь! Ты молишься потому, что трусишь!

Госпожа Клодель в свою очередь медленно поднимается. Она старше своей старшей дочери всего на двадцать лет.

— Это — не причитания!

— Ты молишься потому, что отец с нами не

живет. Ты так находишь себе компанию, ему взамен. Да ведь это принято в обществе. Ну-ка, принесу я домой веточку букса в вербное воскресенье. Ну-ка, попрошу я утешения у старичка, о котором говорят нам священники… Почему бы не поддержать с ним хорошие отношения? Придите к нему, снимите шляпу, и он будет доволен!

— Камилла, замолчи! — Поль уже тоже на ногах.

— Ох, с тобой все в порядке! Ты можешь почитать маменьке «Жизнь Иисуса», книжку твоего профессора, что тебя обнимал, когда вручал премию два года назад, господина Ренана!

— Камилла, довольно. Если хочешь знать, от него дурно пахло. У него свиная голова, нос как пятачок и брови желтые!

Госпожа Клодель уходит спать. Камилла не унимается:

— Все это глупости, глупости!

Поль злится.

— Да хватит же. Я неверующий, так что, будь добра, умолкни. Лучше займись своим старичком!

— Моим старичком?

— Господином Роденом!

— Ага, Роден читает те же вещи, что и ты. «Цве-

ты зла». И как раз на тему стиха, что ты только что прочел, собирается сделать великолепную статую, называется «Похищение», или «Кошка»!

— Ох, когда уж он тебя раз и навсегда похитит, чтобы я больше не слышал о твоем Родене! Ты нам тут все уши о нем прожужжала!

Камилла, в припадке ярости, опрокинула стул. Поль швырнул ей в голову книгу, попал прямо в лицо и поспешно отскочил в сторону. И тут раздался звонок у входной двери. Елена пошла открыть.

— Господин Поль, там господа Шаванн и Швоб хотят вас видеть.

— Прощай, прелестная тигрица! — Поль состроил гримасу сестре и исчез.

Бежать! Куда бежать? Скрыться куда угодно, лишь бы подальше! Бежать от постылой семейки, от этого брата, которому позволяется после обеда гулять по Парижу.

Гроза разбушевалась не на шутку. Камилла подобрала книжку. Ох, забыла! Она обещала найти для Родена отрывок из «Божественной комедии» о Проклятой, которую поразила молния. Камилла отыскала увесистый том в темно-красном переплете с золотым тиснением, присела к столу и стала листать страницы. Елена пристроилась

рядышком. Две головы склонились над большой книгой. Гроза с треском рассыпалась десятками молний. Небо приобрело фиолетовый цвет. Елене стало страшно.

— Что это вы все читаете, барышня? — Елена напрягла усталые глаза. — «Божественная комедия», Данте. Что это?

Неожиданно Камилла прочла вслух:

— «…Он указывает числом витков своего хвоста тот из девяти кругов, в который надлежит ввергнуть Проклятого…» — Камилла ведет пальцем по строчкам. — «Незачем кричать, ответил ему мой провожатый, не смей препятствовать его пути, предопределенному судьбой: знай же, что он допущен туда, где все желаемое осуществимо. Я не должен был упреждать тебя заранее».

Елена слушала, округлив глаза, точно испуганный ребенок. Камилла встала из-за стола.

— Я обещала найти это для господина Родена. Он делает «Врата ада».

— Ада? — Елена покачала головой.

Камилла захлопнула книгу, взяла под мышку, накинула пелерину.

— Куда это вы, мамзель Клодель?

— К господину Родену! — И ее уже нет!

— Так поздно? — Елена ошеломлена, уничтоже-

на. Внезапно до нее доходит. Нужно вмешаться, предупредить хозяйку, догнать девочку. Она вскакивает… Нет, нужно идти ей самой, идти следом за Камиллой. Она накидывает на плечи старенькую шаль. Но морщинистая костлявая рука бессильно опускается.

«Суета сует! Всему есть время, и всякому делу есть срок под солнцем. Время вынашивать дитя и время умирать…»

Елена думает о Камилле. Пусть Бог ее защитит! Как ни старайся, ничего в земной юдоли не избегнуть — куда денешься от жизни? Так тому и быть. Ни за что на свете не отнимет она у своей любимицы жизни, ее собственной жизни. Елена опускается на стул, смотрит на блюдо с фруктами для десерта; персики еще такие сочные…

— Ах, Жан, старинушка ты мой…

Ей снова представляется сарай, персик, надкушенный крепкими зубами, сок, текущий по губам, и большие руки Жана. Она явственно ощущает прикосновение его рук. Ей сейчас семьдесят два года, и она тоскует по Жану. А Жан умер десять или двадцать лет назад. Ее обдает жаром. Она чувствует шершавые ладони Жана, заходящее солнце, аромат персика. А Камилла — Камилла

бежит сейчас по улице. Мамзель Камилла, возьмите персик…

Камилла натыкается на прохожих. Женщина бежит. Нет, господа, поглядите, как спешит эта молодая особа! Никто ее не остановит. Пелерина взлетает за спиной. Она шагает яростно, и волосы ее разлетаются в такт шагам.

Она ступает твердо, одолевает мостовую, пересекает город. Она знает, куда идет.

Всю дорогу она бежала. Наступала ночь. Но осень в разгаре, словно спелый плод, готовый лопнуть, и Камилле стало жарко. Она надеялась застать Родена. Почему она так внезапно ушла из дому? Точно так же в детстве, поддаваясь порыву, она убегала в пещеры Гейна. Лишь бы он оказался сейчас на месте, ее великан!

Она добралась до Университетской улицы, переступила порог мастерской. Роден, пользуясь последними лучами света, созерцал свой эскиз — ее, Камиллу. Девушка замерла неподвижно, безмолвно, следя за движениями его рук, с глиной в горстях. Медленно-медленно она закрыла за собой дверь, точнее, просто привалилась к ней всем телом. Медленно-медленно взялся он за полотно, влажное полотно, и закутал только что оконченную фигуру из глины. Дневной свет угас.

Сумерки заливают мастерскую. Он стоит поодаль от нее, но она ощущает его близость. Она знает, чего хочет. Она решилась на это, и желание жжет ее изнутри, требуя соития. Ей хочется, чтобы это случилось быстро — она наблюдала за животными в деревне, читала рассказы, да и вообще просто знает, тело само толкает ее вперед. И он подходит к ней и окликает «Камилла!» так мягко, словно плачущий ребенок. Он стоит рядом. Они почти одного роста.

— Камилла, что случилось? — А сам прислоняется к двери, протягивает руки — будто двое родственников прощаются перед уходом. Его щека касается ее щеки, словно он хотел на мгновение отдохнуть. — Дитя, дитя…

Выпрямившись, он осторожно гладит ее по щеке. Она теряет голову, одежда давит ее, все зудит. Слишком тяжелое пальто, юбки, шерстяные чулки, корсаж, стягивающий грудь. Ей чудится, будто она вдруг сразу раздалась вширь. Внезапно он прижимает ее к себе, яростно целует в губы, руки его охватывают шею, будто ярмо. Она рвется к нему, разве что не бьет. Она сама сбрасывает одежду, она желает знать, желает постичь истину, она переступила предел, она не желает возвращаться вспять, и плевать ей на

всех остальных, плевать на весь свет.

Камилла все еще стоит у двери, пальто упало на пол. Она поворачивается лицом к двери и чувствует, как он срывает корсаж, дергает шнурки корсета, и груди высвобождаются, а вот его пальцы коснулись ее спины, и трещит ткань панталон. Она уже не помнит, где находится. Он схватил ее, оторвал, увел, как добытую дичь. Шерстяные чулки свисают с ботинок. Она хочет видеть, глаза ее широко раскрыты. Он бросил ее на диван, где отдыхают натурщицы, она чувствует, что ее измеряют, лепят, она хотела бы ощутить его пальцы внутри себя, раскрывает рот, вся раскрывается, не в силах ждать, а он оставил ее на секунду, и она принимается лепить себя сама, берется за груди… а он уже раздвигает ее ноги, и каждый вновь увиденный ею жест отпечатывается в мозгу, она ощущает неслыханное просветление, видит словно со стороны собственное тело, набухшее влагалище, мужчина ласкает ее, и она ощущает напор его члена, удар. Тогда она раскрывается еще сильнее. Она никогда не говорила на языке тела, но уже поняла его; она хочет, чтобы мужчина сокрушил ее. Она слыхала про всякие ужасы, якобы девушкам бывает больно. Она никогда не верила россказням, и ей

слишком хочется, чтобы он остался внутри нее. И вот наконец он проникает вглубь, они слились. На мгновение мелькает страх, чудится, будто ее выпотрошили, но тут же безумно сладостное ощущение, жажда слиться с ним еще теснее завладевает ею. Тело ее натянуто как тетива, и вдруг он затрагивает какую-то чувствительную точку внутри, в глубине, и без единого звука, с безумно расширенными глазами, она ощущает, будто нечто опорожняется, неся облегчение, и забывается…

Когда Камилла очнулась, уже поднялась луна. Она лежала на диване, обнаженная, он — рядом, в глазах его — внимание, немножко страха, смешанного с молитвой, с преклонением. Ни на мгновение она не пожалела о сделанном. Она совершила то, к чему стремилась. В мыслях нет желания вернуться, только высвобожденная сила и радость, как будто она бросила вызов богам.

И тогда он улыбнулся впервые за вечер и легонько погладил ее по бедру.

— Аврора. Ты — моя Аврора.

Он похож на лунатика. На спящего ребенка. Вершина Шинши, Поль, мой малыш. Дети луны умерли.

Письмо из лечебницы

«*…Меня попрекают* (*о ужасающее преступление*) *тем, что я жила сама по себе…*»

25 февраля 1917 г.

Врата Ада

«И если желанья пред богом угаснут,
О, я бы тогда предпочел ему Ад...»
Поль Клодель, «Кантата на три голоса»

Солнце давно скрылось. Господин Роден зажег несколько свеч. Иногда он остается один и разглядывает свои статуи при свете огня. Тогда они словно оживают, обретают некую странную, особую, смутную жизнь. Он никогда не пытается вносить исправления в этом неверном свете, ему просто нравится смотреть, как они колышутся, поворачиваются к нему, вспыхивают в этом предательски дрожащем свете. Но сегодня вечером он разглядывает живое тело, плотно сбитое, бело-золотистое, текучее — Камиллу, свою Камиллу, свою ученицу.

Огюст неподвижно стоит перед нею, навсегда опьяненный этим мгновением, этим пламенем, что и сейчас, на сорок пятом году жизни, все так же снедает его тело до самых недр. Его жизнь неотделима от этого мгновения. Он, мужчина, чует опасность, он стоит обезоруженный перед

юной женщиной, которая только что в порыве торжествующей силы отдала ему все. Он чувствует, что руки его неловки, слишком легки, слабы, медлительны, чтобы справиться с потоком, который захлестывает его сердце и голову. Камилла сейчас далеко — она вся сосредоточилась, на губах рассеянная улыбка; Камилла, его ученица, вполне реальная во всем великолепии своем. Господина Родена не отпускает страх — глухой страх, подмешанный к той радости, что накатывала на него снова и снова темными волнами с красным подбоем. Нынче она учила его. Учила его, мужчину. А ведь он вроде бы все знал, все изучил — любовь, интрижки, сладострастие, — нет, все не так, он ничего не знал доселе, и это сейчас угнетает, давит на него. Пусть будет скандал, пусть всяк говорит что хочет. Роза, давняя подруга, далеко. Родители Камиллы… Ладно, если она принесет ему безумие и гибель, так тому и быть. Если ад неизбежен — пусть будет ад. Даже тот Ад, с большой буквы — а что это такое? Он не знает, он больше ничего не знает.

Внезапно ему становится страшно при мысли, что он может ее потерять. Как он сможет жить без нее, без этих великолепных ног, которые он обнимал, без взгляда, обращенного к нему и

только к нему?

Камилла смотрит на него. Она не загадывает наперед, она наслаждается покоем, в этот час для нее все решено и ясно. Бояться нечего, она знает, что все идет правильно. Она делает то, что должна. Она словно отыскала решение математической задачи, установила точную пропорцию. Все чудесным образом уравновесилось. Золотое соотношение сложилось между ее разумом, душою и сердцем. Теперь у нее есть вера. И душа будоражит ее, воодушевляет, шепчет на ухо, что теперь она все знает, она дошла до цели. Камиллу больше ничто не страшит.

Она надеется навсегда остаться здесь, с ним, потому что он распечатал, вскрыл ее суть. Он опускается на колени пред диваном, приникает головою к гладкому животу, где крошечными млечными озерцами поблескивает его семя. Она, залог его могущества, улыбается ему, он касается паха, и она смеется, счастливая, вольная, живая; она садится на диван, как маленькая благонравная девочка, ждущая рождественского подарка. Он чувствует желание вновь обладать ею, ибо она как бы возродилась перед ним еще более юной. Он обнимает ее, легонько лижет низ живота. Он раздвигает колени, она не сопро-

тивляется, откидывается назад, обратив острые груди к светлеющему квадрату крыши; медленно погружает он лицо в щель между мускулистыми, почти мужскими бедрами. Распластанная, как животное, она не знает, что с ней будет, но готова согласиться на все. Пусть он даже разорвет ее — но нет, он лишь касается ее языком. Камилла ощущает в себе некую пустоту, он словно выпивает, всасывает ее всю целиком. В детстве она так подходила к речным омутам — с опаской, но с желанием узнать, дать себя поглотить. Теперь она утоляет его жажду; пылая сама, готова отдать ему все, что есть у нее, до последней капли. Все начинается заново; изнемогая, дрожа, как в лихорадке, она соскальзывает на пол, у дивана, желание настигло теперь и ее, она ищет того, кто напоит ее, но желание не иссякает и не иссякнет никогда. Их снова бросило друг к другу. Он стоит над нею на коленях, деликатно наклоняется, и смотрит на нее так странно, так безумно. Камилла видит его черные, будто обугленные глаза, в них мерцает боль. Пусть он спросит, она должна знать, она утешит его! Ей ничего теперь не страшно, и, если он несет ей смерть, она не будет искать спасения.

— Камилла, Камилла! — Он слышит далекий

зов, идущий из леса Тарденуа. — Камилла, не уходи никуда, никогда!

Роден смотрит на нее с нежностью, укрывает ее простыней, чтобы не простудилась. Она сидит на полу и приходит в себя, будто после удара молнии. Когда он оторвался от нее? Он принес ей в большом стакане свежей воды напиться, старательно пригладил ее волосы. Зрачки у Камиллы расширены. Она приложила стакан ко лбу. Ей не о чем жалеть, она теперь по ту сторону и жизни, и смерти.

Она встала и молча пересела на диван. Заметила толстую красную книгу, лежащую на полу. Когда она ее уронила? Теперь уж не вспомнишь. «Божественная комедия»... — словно ребенок, засыпая, просит, чтобы ему рассказали сказку.

— Я несла это вам... — Камилла, закутанная в простыню, чувствует теперь некоторую робость. Господин Роден обнажен; он взволнованно рассматривает ее.

— Я только что понял: все мои статуи — это твои изображения, в них ты обретаешь разные облики, они возрождают, спасают, осуждают тебя, но всякий раз это ты, твоя плоть, обретшая вечность, ты — и девушка, и смерть, и мученица,

и осужденная. Fugit Amor[10], кошка, скорчившаяся женщина, падающий мужчина — видения, запечатленные в глине, вечная весна. Я теперь все ясно вижу. Бесконечная ночь любви, ночь бесконечной любви. И ты — вечный кумир…

Она слушает Родена стоя, а он, опустившись на колени, запечатлевает поцелуй между ее грудями — «кумир непреходящий». Камилла видит, что он счастлив, весел:

— «Врата Ада» скоро откроются, две сотни моих фигур, и одна парящая в воздухе, неуловимый метеор, это ты — вечно возрождающийся феникс!

Она рассмеялась:

— Но я ни за что не соглашусь позировать голой при всем народе, мне будет стыдно!

— Нет, мы будем работать наедине.

Господин Роден обрел новую натурщицу, совершенную, как Ева, но — только для него одного. Ничего общего с другими, с той итальянкой, что скрыла от него беременность. Камилла — для него, с ним, она — натура, придающая цельность творцу, она — его творение.

— Мне пора возвращаться…

Камилла, отбросив простыню, поспешно оде-

---

[10] Примечания: 10
Амур улетающий.

вается. Роден созерцает ее длинные ноги. Она впрыгивает в юбку, натягивает блузку навыворот. Он никогда не видел, чтобы женщины так одевались. Все так и летает в ее руках, в видимом беспорядке, однако в мгновение ока она оказывается полностью одета, готова. Она затянула тяжелый узел на затылке, расправила пелерину на плечах. В одетом виде она кажется по-новому красивой. Она собралась уходить. Роден смотрит на нее и чувствует себя старым. Но она подходит к нему:

— Не забывайте меня, господин Роден. Вы на меня не сердитесь?

Он чувствует себя тупицей, идиотом.

— До завтра, Камилла.

И вдруг она обвивает руками его шею, притягивает к себе и целует, целует в губы. Все тело участвует в этом поцелуе, у него захватывает дух, а она приникает к нему, одаряет вечностью — и убегает.

Роден неподвижно стоит посреди мастерской, едва освещенной догорающими свечами. Язычки пламени и створки незавершенных «Врат Ада», вздымающиеся перед ним. Он кажется себе маленьким, опустошенным. Он поворачивается: створки «Врат ада» горделиво красуются, нави-

сают над ним с угрозой, напоминая о вызове, брошенном аду. Работа тянется уже почти четыре года, пора доводить ее до конца. «Врата ада», громадные, чудовищные, ждут его…

Камилла шагает под дождем. Гроза утихла. Как ни странно, Камилла рада, что идет одна. Ей ни к чему было оставаться там. Она получила от жизни все; теперь можно и умереть. Камилла ощущает в себе опасное могущество, она любит, она познала любовь, а все прочее не имеет значения. Она нарочно ступает по лужам. Никто больше не будет дома отчитывать ее, урезонивать. Она познала мужчину, она женщина, она скульптор! Под руками ее родятся великие творения, столь же колоссальные, как и те, что делает он. Она будет еще многому учиться. Когда-нибудь она сделает огромную скульптуру, как Микеланджело. Этой ночью она поняла, что такое разум плоти, то, чего ей не хватало. Говорят, будто девственницы непобедимы; она думает как раз наоборот. С нынешнего дня она уже не прежнее неполноценное существо, она женщина, свободная женщина, идущая сквозь ночь и знающая, куда идет. Она сейчас Диана и Афродита, она господствует, мир — у ее ног. Этой ночью она обрела мужчину, мужчину, который

любит ее, этой ночью Роден любил ее впервые. Теперь она сильна, как сама любовь.

Письмо из лечебницы

«*…Дома умалишенных, это такие дома, где…* (*слово неразборчиво*)».

Гиганты

«Все замыслы свои художник прозревает
Во глыбе мрамора, что их в себе таит.
Но он тогда лишь их осуществит,
Коль разуму руки движенья подчиняет...»

Микеланджело

— Сиди спокойно!

Полю невмоготу. Ему надоела эта душная мастерская. Апрель 1885 года. Стеклянный потолок нагрелся. Поль ерзает, слишком тугой воротничок натер ему шею, у него есть другие дела.

— Надеюсь, ты себе найдешь другую модель!

— Помолчи! Ты просто в восторге от позирования!

Камилла разглядывает брата. Ему скоро восемнадцать. Поговорить бы с ним, но он такой замкнутый, скрытный. Изредка Камилла общается с отдельными его приятелями, когда те приходят в гости. Но чаще Поль исчезает сам. Может, у него есть женщина? Камилла охотно бы доверила ему, только ему свою великую тайну,

но, как ни странно, она побаивается этого взрослого парня, грубоватого, с яростным взглядом. Он и ведет себя так же, порою доходя до жестокости.

Со своего рабочего места Камилла видит диван за спиною Поля. Знал бы он… А может, он угадал и так? Тот грозовой вечер кончился ужасной сценой. Вслух они никогда об этом не вспоминают.

Камилла вернулась после десяти часов, точнее, почти в одиннадцать. Гроза разбушевалась с новой силой, ливень хлестал ручьями, на улицах темно. Париж был черен, опасен, оглох от грома. Камилла взлетела по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и натолкнулась на темный застывший силуэт: ее мать, сорока одного года от роду. Елену она отослала спать, а сама дождалась возвращения Камиллы. Камиллы, которая осмелилась выйти после обеда, без позволения. Слова с ужасным шипением вылетали сквозь зубы, она осыпала дочь градом оскорблений, самых худших, пронзала ее презрением, ненавистью, проклятиями.

— Где ты была?

Камилла все отрицала, не призналась, что ходила к Родену.

— Мне нужно было пройтись!

— Шлюха, шлюха!

Чего там только не было! Мать схватила ее, хотела ударить, вспышки молний разрывали комнату немыми вскриками. Вдруг появился Поль.

— Что тут происходит?

Луиза сидела, забившись в уголок, — когда она появилась? И вдруг мать умолкла, обмякла, взглянув на сына с отчаянием. Лицо ее сморщилось, исказилось, полились слезы.

— Это дитя меня убьет. Я ее ненавижу, ненавижу!

Поль повернулся к Камилле. Он ничего не понимал, не видел. Госпожа Клодель молчала, но сквозь слезы метала убийственные взгляды. Она ненавидела их всех.

— Я запрещаю тебе заниматься скульптурой, слышишь? Запрещаю! — Слова падали, как удары молота, подчеркнутые кивками головы.

Тогда Камилла выпалила все, что давно уже назревало у нее в душе, все сразу, вперемешку, умолчав лишь о том, что случилось в тот вечер:

— Я уйду отсюда. Ты не искалечишь меня, как искалечила саму себя. Я на тебя не похожа. Я хочу жить свободно. Я уйду отсюда. Уйду туда, где никого из вас нет!

Госпожа Луиза встала.

— Прекрати! Я не позволю тебе говорить со мной таким тоном. Ты никуда больше не будешь выходить. Будешь сидеть под замком. Я тебя не пущу!

— Но хоть попробуй…

— Ради всего святого, прекратите! — взмолился Поль. — Остановитесь обе!

Госпожа Луиза удалилась из комнаты, таща за собою Луизу. «И ты уходи. Все кончено, Камилла. Все кончено». Она ушла поникшая, сгорбившись. Камилла хотела бы удержать ее, сказать, что любит ее. Ну почему мать не понимает ее, почему?

— Почему? — спросил Поль. — Камилла, что случилось?

— Ровным счетом ничего. Я вышла погулять, вот и все.

Глаза Поля недобро вспыхнули, он отшатнулся, ему попался под руку стул; ни с того ни с сего он подхватил его и грохнул об пол. Стул сломался. Камилла осталась одна перед обломками. Одна в темноте, уязвленная, опозоренная всеми. Чем это объяснить? Она не соблюдала условностей, выходила за рамки мещанских суждений, но Поль-то мог бы… Ладно, ничего не поделаешь!

— Камилла, я больше не намерен сидеть здесь и плавиться!

Ну, это уже слишком: явился господин Роден. И без того противно сидеть на этом табурете как приклеенному, но позировать в присутствии этого бородача, этого толстого борова! Нет и нет!

— Камилла, хватит на сегодня.

Поль встал. Роден пробормотал несколько слов. Три взгляда пересеклись в жарком, сыром воздухе мастерской. Камилла не знала, что сказать. Поль упрямо молчал. Наконец господин Роден произнес:

— Ну, как вы устроились на новой квартире? Вам нравится? Вашей матушке там удобно?

Молчание.

— Камилла сказала мне, что квартира великовата. Дом 31 на бульваре Пор-Рояль. Я правильно говорю, Кам?

Он оговорился. Поль уставился на него, красный от смущения. Она для него теперь «Кам»! Его сестра, Камилла! Какая невоспитанность! Нет, он решительно терпеть не может Родена!

— Нет, новая квартира ничуть не лучше. Я вообще не люблю этот город. И любые города. Я уеду, как только смогу. Но простите, мне пора.

Поль ушел. Камилла сердится: до чего он невоспитан! Она знает, что делать: разобьет его бюст, так ему и надо! Поль Клодель в восемнадцать лет.

Отлично, не будет никакого Поля Клоделя в восемнадцать лет. Поль Клодель не получит права на вечность и превратится в груду осколков.

— Камилла, что с вами?

Роден схватил ее за руку. Она крайне возбуждена, нервы натянуты: уж слишком редко они встречаются. После той грозовой ночи им приходится изворачиваться, хитрить, чтобы урвать там часок, тут поцелуй, мимолетное прикосновение. Не сговариваясь, прилюдно они держатся так, словно ничего не изменилось. И тем не менее все знают, все догадались, что между ними что-то произошло и происходит. Какая-то жуткая, странная история. Поневоле возникают вопросы. Она его отвергла? Он ее взял насильно? Оба внешне остались прежними; она усердно трудится, сидя на своей скамеечке, внимательная, молчаливая, он работает яростно, порождая все новые замыслы. Однако на самом деле все не так, как прежде. Камилла кажется на диво тихой, довольной. Даже печальные морщинки, которые часто прочерчивали ее лоб, теперь исчезли. А он, полностью поглощенный трудом, перестал вообще замечать, что творится вокруг. Все помалкивают. Господин Роден больше не ласкает натурщиц, да, это заметили все. Даже Иветта уже не рискует

поддразнивать его, словно чувствуя, что между теми двумя заключен возвышенный союз. Впрочем, иногда она улавливает взгляды, которые бросает ее бывший любовник на одинокую девушку там, в сторонке. Иветта не ревнует, с нее довольно приятных воспоминаний о славных денечках, проведенных с господином Роденом. Они много смеялись, любовь его не приносила никаких печалей. Все было позволено, он во всем находил красоту. Как они шутили, какие устраивали выдумки, подчас слишком пикантные… Нет, не может такого быть, чтобы он проделывал все это с барышней Камиллой. Иветта улыбается. Ба! Когда-нибудь он снова шлепнет ее по заду: «А как насчет пропустить по стаканчику, Иветта?» Она не какая-нибудь мерзавка, она любит своего скульптора. Нужно только переждать, пока буря утихнет…

Камилла часто улавливала косвенные взгляды Иветты. Но с того грозового вечера она испытывала столь глубокое и полное удовлетворение, что находила силы скрыть ликование, постоянно переполнявшее все ее существо.

Днем-то они могли общаться сколько угодно. Пользовались малейшим поводом, какой-нибудь выставкой, и уходили оттуда вместе, а потом

долго гуляли по Парижу. Но ни разу не удалось Камилле провести с Роденом ночь. Приходилось ловить момент то там, то здесь, на ходу. Иногда Камилла задерживалась, чтобы поработать. Роден запирал мастерскую, вешал табличку: «Господин Роден отсутствует». Чем дальше, тем тяжелее им становилось.

— Камилла, иди ко мне! — Он идет запирать дверь.

— Не хочу.

Камилле не хочется уже ничего. Внезапно наваливается усталость. Она исчерпалась, все уже сыграно. К тому же люди всякое поговаривают. Какая-то Роза Бере… Кто такая эта Роза Бере, которая никогда нигде не появляется?

Камилла приступает к лепке. Хотя бы здесь он ей принадлежит безраздельно. Работа идет уже не первую неделю, фигура учителя растет, преображается под ее пальцами: «Бюст Родена работы мадемуазель Камиллы Клодель». Поначалу, когда они еще только «склеились» (наверно, этим словом люди пользуются, когда она не слышит), так вот, когда они еще только склеились, она не отваживалась на подобный труд. Она часто рисовала его: Роден изогнувшийся, склоненный, балансирующий на цыпочках, чтобы добавить

комок глины к эскизу. Ее рисовальные тетради были заполнены им, вперемешку с записями разных мыслей, с набросками групп, фантастическими выдумками, иллюстрациями к великим пьесам. Хватит ли у нее времени реализовать хотя бы часть тех замыслов, которые порой не давали ей спать по ночам?

А потом, в один прекрасный день, он сказал очень громко, в присутствии всей мастерской: «Я хотел бы позировать вам, мадемуазель Клодель». Заявление это было встречено всеобщим молчанием. Он добавил с улыбкой: «Да, когда я умру, это, пожалуй, будет единственное изображение, которое мне самому казалось бы достойным, чтобы представить меня потомкам. Моя судьба — в ваших руках, видите, какое великое доверие я вам оказываю! Надеюсь, вы меня не подведете. Вы одна хорошо меня знаете».

Она покраснела как мак, но вызов приняла и с тех пор работала над этим самым бюстом. Сегодня она успеет продвинуться еще на шаг, пока не стемнеет.

— Камилла, остановитесь на минутку! Послушайте меня.

Она поднимает голову, сердито хмурясь, но и секунды не вытерпела бы даже мысли о том,

чтобы он удалился, чтобы полюбил другую.

— Вы сделали мне плечи, как у Атланта. К сожалению, я не смог бы удержать на плечах целый мир!

Она любит его улыбку, от нее душа переворачивается, словно лепешка на сковородке, как в Вильневе. Он медленно обходит вокруг подставки:

— Профиль, как всегда, точен, линия уверенная. Вы прислушались к моим словам. Моделировать нужно обязательно исходя из профиля, только из профиля. Постоянно подчеркивать профиль, пользуясь определенной пропорцией, всегда неизменной.

Роден рассмеялся:

— Вы уверены, что не польстили мне немножко? Мне трудно судить об этом портрете, поскольку я слабо знаком с тем, кто позировал!

Камилла улыбнулась. Ее нежные губы, глаза так близко. Роден знает, что не может и впредь видеться с ней вот так, украдкой, как он обычно поступал с натурщицами. Она ничего не потребует от него, просто уйдет — или откажется, как сегодня.

— Я не легкомысленна… — Молчание становится напряженным, Камилла решается идти до

конца. Попытаться… — Я не буду продолжать в том же духе. Это невозможно. Я хочу слишком многого…

Роден хорошо понимал, что это — не угроза, не шантаж. Просто констатация факта. Она всегда говорит непосредственно и прямо. Он было подумал, что она играет с ним. Но нет, он — ее первый возлюбленный. И тем не менее, она ускользает от него, беспрестанно уходит.

Заговорил Роден совсем о другом. Камилла слушала и смотрела. За ним — вечернее небо, мастерскую заливает золотистый свет…

— Нельзя сглаживать уродство, неприглядность старости. Если вы перерабатываете природу, вуалируете, переодеваете, ваше создание будет не красивым, а уродливым, потому что вы боитесь правды.

Она резко обернулась.

— Я не боюсь правды, господин Роден, какова бы они ни была. Я проницательна, даже слишком. Всякое существо я вижу словно разрезанное ножом, души без оболочек! — Она не выдержала, сорвалась на крик. — О чем вы думаете сейчас, стоя рядом со мною?

— Вы созданы для Микеланджело. Я — не Микеланджело.

Камилла запнулась, ошеломленная. Что он такое сказал? Что он бормочет себе в бороду? Смотри-ка, в рыжей бороде несколько белых нитей, а я и не замечала… Внезапно ее охватило желание обнять, поцеловать его. Она метнулась к нему.

— Камилла, простите меня. Мне тяжело. Моя жизнь кончена. И я беспрерывно думаю о скульптуре. Вот я гляжу на вас, вы оскорблены, разгневаны. А я, вместо того чтобы прислушаться, думаю о том, что ваше тело полно контрастов, лишено покоя, как тела у Микеланджело. Этим он отличается от Фидия.

— Как это? — Камилла забыла обо всем. Ее гнев улегся: захотелось узнать что-то новое.

Роден присел на табурет, Камилла пристроилась у его ног, как маленькая девочка, слушающая сказку…

— Погоди немного! — Роден встал и подтащил две подставки поближе к застекленной крыше. — Вот посмотри, пока света хватает. Я сейчас вылеплю две фигурки… Первая будет по канону Фидия, по сути, это вообще греческий канон…

Камилла с восхищением следила за руками скульптора, быстрыми, нервными. Ладони широкие, большой палец вминается в глину,

остальные крепко держат. С невероятной скоростью из рук Родена выходит готовая фигурка.

— Смотри, до античного совершенства я ее не довел, но с нас хватит и этого.

Голос Родена стал ясным, отчетливым. Зачарованной Камилле вспомнился их первый день в Париже: они с отцом смотрели кукольный театр, потом был жонглер, а потом фокусник вытаскивал голубку прямо из воздуха.

— Смотри, Камилла. У этой статуэтки от головы до пят можно выделить четыре плоскости, которые контрастируют друг с другом, но поочередно, или четыре направления — их сочетание придает телу небольшой волнообразный изгиб… Очарование создается самой постановкой фигуры. Линия равновесия проходит по оси шеи, достигает внутренней стороны левой щиколотки, на которую приходится вес тела. Другая нога, наоборот, расслаблена. Она не дает никакой дополнительной опоры, не нарушает равновесия. Осанка, полная покоя и грации… Баланс между линией плеч и линией бедер еще дополняет грациозность целого. Посмотри теперь в профиль: она откинулась назад; спина вогнута, а грудная клетка слегка выступает. Она выпуклая, и на нее попадает максимум света. В античном искусстве

— счастье жизни, равновесие, грация, разум…

Господин Роден поклонился, точно как тот фокусник. Что извлечет он теперь из своего сундучка с секретами?

— Перейдем к Микеланджело. — Роден взял ком глины и начал разминать. Крепко упираясь ногами в пол, он склонился над статуэткой, прилепил одну руку к корпусу, другую завел за голову. Усилие, мука. Камилле так нравится его манера, ярость, близкая к отчаянию…

— Здесь, вместо четырех плоскостей, остаются только две. Одна — в верхней части статуэтки, вторая, противоположно направленная, — внизу. Отсюда — ужасный контраст. Мы отошли далеко от античной безмятежности. Ноги согнуты. Вес тела распределен на обе ноги. Тело не отдыхает, нижние конечности напряжены, бедро выступает и поднимается, впечатление, что тело сейчас провернется в этом направлении. А торс… Он следует за бедром. За счет концентрации усилия руки и ноги отталкиваются от тела, от головы; нет пустоты, нет свободы. Статуя превращается в единый блок.

Камилла поднялась и подошла ближе.

— Смотри на профиль, Камилла, он приобретает форму консоли, торс выгнут вперед, и потому

на ноги, на грудь падают тени. Творения Микеланджело — это гимн теням. Самый могучий из гениев нового времени выражал так свою душевную смуту, неосуществимые устремления, волю к действию без надежды на успех…

Роден нежно прикоснулся к Камилле. Руками, покрытыми глиной, осторожно отвел темную прядь, упавшую ей на глаза, — два бездонных, опустошенных колодца. Теперь она стояла против света, он видел лишь ее силуэт.

— О ты, черный камень звонкой любви моей, знаешь ли, что говаривал Микеланджело? Только те статуи хороши, кои можно скатить с горы, ничего не разбив; все, что при подобном падении разобьется, то лишнее. Ты тоже — из этого племени! У тебя ничего не разобьется, даже если гора будет высокая. Ты сделана из вещества вечности.

— Я — не классическая статуя, — пробормотала Камилла, пожав плечами. — Не забывайте, господин Роден, я хромаю.

Она рассмеялась. Смех у нее чуть хрипловатый, он приоткрывает немного уголок ее сердца.

Роден обнял ее голову обеими руками. «Не оставляй меня…» Он указал на бюст, еще различимый в сумерках:

— Погляди на своего разбойника, на «Гиган-

та». Он похож на тебя. Ты тоже вне закона. И оставайся такой. Мысль великих художников столь жизненна и глубока, что проявляется в любом сюжете. Взглянув хотя бы на обломок шедевра, тотчас распознаешь душу автора. Если он — художник истинный, в любом куске будет содержаться его идеал. Ты — мой гигант…

Камилла взволновалась. Он раскрыл перед нею свою душу! Она собиралась поговорить с ним о житейских делах, о Розе, а он только что подарил ей величайшее изъявление любви. Как просто он устранил повод для ссоры! Не все ли теперь равно, что они столько времени проводят врозь, что любовь вынуждена выжидать удобного часа, что у него есть женщина, много женщин, натурщицы, ребенок!

— О боже, как поздно! Я не следила за часами! — Камилла торопливо подобрала волосы на затылке, накинула шаль.

— Камилла!

Она ушла. Господин Роден остался один. Повернувшись, он увидел, что вылепленные фигурки уже оплывают. «Fugit Amor». Любовь улетела.

Вот тогда-то Роден и дал себе слово найти дом для них двоих. Он больше не в силах смотреть, как она уходит. Он не хочет этого. Он расскажет

ей о Розе.

Медленно натягивает он свою старую шляпу. Он чувствует себя старым, усталым, исчерпанным. Ему почти сорок шесть лет.

Ему еще нужно закончить «Врата Ада».

Мысль

«…Прощай! Так обнимаются отцеубийцы,
Когда расстаются пред тем, как бежать за бескрайнее море.
Так я расстанусь с тобою, сестра, с тобою, кого наградил я когда-то названьем бесчестным!..»

Поль Клодель, «Преждевременная смерть»

— Камилла, Камилла, давай споем вместе! Знаешь такую песенку?

Если хочешь вишни есть,

То в Лиессе их не счесть.

Хочешь сладкий пирожок?

Поезжай в Лаон, дружок!

Будет большой праздник, дин-дон!

Поль цепляет вишни на уши сестры. Он смеется, он счастлив. Камилла недоумевает: что происходит? Уже несколько недель, как Поль ожил. Они вдвоем сидят на кухне. Прекрасный

майский день, воскресенье. Камилла с грустью думает о Родене: где-то он сейчас? Он уехал в деревню на несколько дней. С позавчерашнего дня у них было столько работы! Она хотела непременно закончить свои четыре бюста, «Родена» в первую очередь. Был момент, когда она опасалась, что придется все начать заново. Глина не схватывалась. Все норовило осыпаться, растрескаться. Роден посмеивался при всей честной компании: «Я потеряю свое достоинство: катышки глины, Роже Маркс, горстка пыли — вот во что я превращусь!»

Роже Маркс, его старый друг, художественный критик и высокопоставленный служащий Школы Искусств, тоже появлялся в мастерской все чаще. Он присматривался к работам Камиллы, «столь заметной и интересной художницы» — иначе он ее не величал. Камилла находила, что у него лошадиная физиономия.

«Если хочешь вишни есть,
Хочешь сладкий пирожок?»

Поль разошелся. Это воскресенье принадлежит им. Госпожа Луиза с младшей Луизой и Еленой отправились навестить отца. Камилле и Полю удалось уклониться от семейного завтрака. Поль

готовится к экзаменам, ему нужно поработать. Что касается Камиллы, то чем меньше они с матерью видятся, тем легче дышится всем. Камилла предупредила, что останется дома, и мать снизошла. Так или иначе, ее раз и навсегда перестало интересовать все, чем занята ее старшая дочь. Пусть делает, что ей вздумается!

«Коль приедем мы в Лиесс,
Ты захочешь вишни есть?»

Они сегодня свободны. Но Камилла не чувствует полного удовлетворения. Она могла бы весь день провести с Роденом. Почему он не предложил ей поехать с ним? Наверняка из-за Розы. А они так много работали целый месяц… В конечном счете, все прошло хорошо. Камилла смогла показать бюст учителя и три других, «Младшую сестру», «Поля» и «Гиганта». Ей запомнилось, как разозлился Поль, обнаружив себя рядом с господином Роденом. Он впал в безумную ярость, позеленел, пена выступила на губах, слова сыпались градом. Камилла смеялась, глядя на него:

— Это тебя не забавляет? Это просто отрубленные головы! Как на ярмарке. Деревянные головы, чтобы в них стрелять, — Камилла вспомнила, как на празднике в Шато-Тьерри они стреляли

бумажными пульками в деревянные головы, которые падали при первом прикосновении этих пулек.

Поль выбежал из мастерской, хлопнув дверью. В те дни он часами ходил по городу один. Камилла однажды случайно натолкнулась на него. Он шел, опустив голову, и она последовала за ним, сперва ради забавы, потом увлеклась. Он просто шел, куда глаза глядели, и все. Так они пересекли Париж, до самой улицы Тольбиак, до моста Иври. Там Камилла оставила его. Елена тоже знала про эти прогулки. Однажды вечером юноша рассказал ей, как скитается подолгу одиноко, без всякой цели, по городу. Потом Камилла начала тревожиться. Как бы он с ума не сошел! Говорили, что дядюшка, который когда-то бросился в воды Марны… А вот сейчас он казался счастливым впервые за столько времени.

«Если хочешь вишни есть,

Если хочешь…»

Работы Огюста… Как жаль, что его нет. Они остались бы в мастерской или пошли погулять. Работы господина Родена публика приметила. Каждый давал свои комментарии. Голоса еще звучали в памяти Камиллы:

— Это она?

— Ну конечно она!

Господин Роден не участвовал в выставке, но в субботу утром принимал посетителей, которые любопытствовали насчет «Врат Ада». Они останавливались перед его работами, «Fugit Amor», «Мысль» и «Поцелуй».

— Это она?

— Да.

— Выглядит очень молодо. Сколько ей лет?

— Около двадцати.

— И она — скульптор?

— Да, посмотрите, какой бюст она с него сделала.

— Натурщица-скульптор?

— Нет, только скульптор.

— Но она его вдохновляет… Он пригласил ее позировать.

— Этот «Поцелуй», до чего вульгарно!

Весь Париж теперь об этом толкует. «Вы уже видели „Поцелуй“»?

«Если хочешь съесть Лиесс…»

Но для чего он сделал «Мысль»? Камилла надкусывает вишню.

— Поль, почему это называется «Мысль»?

— Что-что?

— Почему — «Мысль»?

— Слушай, сперва прожуй вишню, а потом говори!

Камилла выстреливает косточкой в брата.

— Отвратительно! Ты не умеешь себя вести. Что ты такое там сказала?

— Почему — «Мысль»?

— А, этот твой бюст в виде монахини в чепце, работы великого человека! Почему — «Мысль»? Потому что ты станешь настоятельницей какого-нибудь монастыря, который ты, впрочем, непременно реформируешь!

Довольный своей шуткой, Поль смеется.

«Дорогая аббатисса,

Не хотите ль подкрепиться

И немножко вишен съесть?»

Камилла тоже довольна. Ей приятнее Поль-насмешник, чем Поль угрюмый и замкнутый.

— «О Добро мое! О моя Краса! Мерзкие трубные звуки, ничуть не сбившие меня с ног! Фееричеcкий мольберт! Да здравствует неслыханный труд и дивное тело, да здравствует первый раз! Что началось под смех детей, кончится детским смехом. И яд этот останется в наших жилах: даже

когда трубы сфальшивят и мы вернемся к былой дисгармонии. О! Ныне мы столь достойны этой пытки! Будем же пылко лелеять данное нам сверхъестественное обещанье, то, что вложил в наши тела и души дух, сотворивший их, — эту мечту — и это безумие!»

— Что это? Откуда?

— Это — от моего товарища.

— У тебя есть друг?

— Сын, отец и брат.

Камилла никогда не видела брата таким. Даже после того, как он впервые послушал Вагнера — а ведь тогда он был вне себя от восторга.

— Вот, посмотри и прочти!

Камилла берет протянутый им номер «Ля Вог», листает.

— Нет, смотри дальше!

— Здесь?

— Вот-вот!

— «Озарения» Артюра Рембо. Это кто такой?

— Молодой поэт. Ему не больше тридцати двух лет. Я постарался собрать все сведения, какие нашел. Очень хотелось бы с ним познакомиться. Верлен его хорошо знал. Я мог бы как-нибудь, через друзей… Он еще молод. В один прекрасный день он все бросил и теперь бродяжничает. Го-

ворят, Верлен стрелял в него. Он сейчас, должно быть, в Хараре.

— В Абиссинии? — Камилла подняла голову.

Камилле уже приходило на ум уехать куда-нибудь. Она вспоминает, как они с братом склонялись над картой, как эти красные, синие, зеленые контуры превращались в их юных головах в воображаемые путешествия. Они намеревались объехать весь мир. Тот самый Харар!

— Ты не думаешь, что тебе неплохо было бы отдохнуть? — Поль заметил, какой у нее усталый взгляд. Белки глаз желтоватые, блеск их кажется лихорадочным. Сестра его в последнее время выглядит не такой счастливой, как прежде. — Давай пойдем погуляем, погода отличная. Только сперва сними с ушей эти сережки или съешь их. Ты прекрасна, как Галаксора.

— А это еще кто?

— Я тебе по дороге объясню.

— Не хочется мне выходить. В воскресенье слишком много народу. Терпеть не могу эти прогуливающиеся семейки. И лезут повсюду, спасу от них нет. Расползаются, как чума. Можно подумать, что в Париж вторглись кочевники… И потом, так жарко! Лучше выйдем вечером… Маменьки не будет. Погуляем вечером, Поль,

когда на улицах не будет толпы. А сейчас я просто задохнусь от всех этих тел, трущихся, толкающих друг друга.

— Не запивай вишни холодной водой, заболеешь!

— Нет, это ты заболеешь!

Камилла искоса поглядывает на брата. Она посмеивается над его советами и весьма искусно умеет доводить его до раздражения. Но у Поля нынче хорошее настроение. Его не удастся раздразнить. Ему нравится этот славный жаркий денек, ему хорошо. Похоже, что он избавился наконец от кошмара, так долго над ним тяготевшего. Если бы он мог познакомиться с Рембо! Какая между ними разница в возрасте — 12, 14 лет? Это чепуха. Ведь есть еще и Верлен. Он встречал его несколько раз на улице Гей-Люссака. Двое хромых: один низкорослый, с небольшой бородкой, с лорнетом, другой взъерошенный, и ногу выбрасывает при ходьбе вбок, а глаза его застилает пелена великих мечтаний. Он часто видел, как они направлялись в кафе «Франциск I» неподалеку от Люксембургского сада. Кажется, фамилия его спутника — Пастер…

— Ты знаешь, Кам… — Поль замялся на полуслове, смущенный. Камилла обернулась:

— Что, Поль?

Он собирался рассказать ей о Верлене, о его ковыляющей походке, о его облике большой подбитой птицы, но ведь она тоже такая — та же походка, и даже та же мечтательность в глазах, но она отбивает ритм всегда с запаздыванием на один такт; всегда с запаздыванием, с вызывающим презрением к гармонии. Поль пробормотал:

— Я знаю Верлена. Видал несколько раз неподалеку от Люксембургского сада.

— Ну так спроси у него. Он должен знать, куда делся твой Артюр Рембо.

— Он вечно пьян и выглядит сущим оборванцем, он пьет не просыхая.

Камилла оперлась локтями о стол рядом с Полем.

— И тем не менее, вряд ли он тебя съест, право!

— Ну до чего ты груба!

— Послушай, Поль, когда чего-то хочешь, приходится отрывать свой зад от стула. Сидя сиднем, ты своего Рембо не найдешь.

Камилла садится и начинается рисовать. Поль смотрит на нее. Уж она-то сумела бы заговорить, не испугалась бы. Впрочем, они с Рембо, как это

ни странно, похожи: это выражение угрозы и детской невинности, смесь, таящаяся под таким ясным, высоким лбом, — он видел портрет этого самого Рембо. А Верлен… Сколько лет может быть сейчас Верлену? Он выглядит таким жалким, потрепанным, когда сидит перед своим стаканом абсента и крутит в пальцах ложку, словно не видя перед собою ничего, кроме голой белой стены. Ему сорок два, да, кто-то как-то говорил об этом. Камилла рисует самозабвенно, даже побледнела; она похудела и выглядит моложе, чем есть, особенно когда полностью поглощена поисками чего-то своего. Поль только что посмеивался над ней, но сейчас, в прозрачной воздушной среде, сидя в тени, сосредоточенная, обращенная к внутреннему своему миру, она поневоле напоминает тех юных монахинь, которые уходят в монастырь семнадцатилетними.

Камилла делает набросок руки. Вот уже несколько месяцев всякую свободную минуту она тратит на этюды рук. Она с самого раннего детства изучала руки людей, встретившихся ей. Рука матери, движение постукивающих по столу пальцев — адский танец, туда-сюда, туда-сюда, указательный, большой, указательный, большой — брать? не брать? Руки отца, тонкие, точеные,

полупрозрачные, хрупковатые для мужчины, размером меньше среднего; руки Поля, сцепленные за спиной, спрятанные, с плотными ладонями, но с довольно длинными пальцами; но всегда они сложены — ладонь к ладони, иногда спрятаны между колен.

Собственные руки ТОГО! Она в них влюбилась. Роден тоже часто делает эскизы самых разнообразных рук, словно соблюдая ритуал. Просто некий, чуть ли не религиозный обряд. Ни с того ни с сего Роден все бросал и принимался долгими часами лепить руки, одни утонченные, другие грубые и толстые. Он говорил: «Есть руки молящие и руки проклинающие, руки, сыплющие соль и проливающие бальзам, руки, утоляющие боль, и руки любящих».

Камилла смотрит на карандаш, — она держит его, согнув большой палец и стиснув остальные. Солнце вдруг легло на бумагу светлым квадратом. Рука Бога, творящего Адама, с простертыми перстами.

«Камилла, рука — орудие творения, вот почему наше искусство превыше других. Мы создаем жизнь из инертного вещества. Как и тот, другой Творец… — говорил Роден, глядя, как она работает с глиной. — Ты знаешь, что человек не может

жить без осязания. Это единственное из чувств, которое нечем заменить. Руки никогда не лгут. Всегда наблюдай за ними, и ты будешь знать сокровенные мысли всякого человека».

Солнце осветило ее работу. Белая бумага. Это становится невыносимо, память вселилась в руку, она чувствует прикосновение руки Родена. Да, нынче воскресенье, но его не найти. Стоит месяц май, но его нет в городе…

— Камилла!

Она не слышит брата — жар поднимается вверх по руке, охватывает все тело, она унеслась далеко. Друг рядом с нею, он держит ее за руку, солнце ласкает их, жжет, обволакивает. Опираясь другой рукою на подставку, она откидывается всем телом, чтобы прижаться к нему, а он подхватывает ее уже обеими руками. И руки их сплетаются. Она — в плену, в плену у скульптора и у человека!

— Послушай, Камилла, — его голос отдается в ушах, низкий, хрипловатый, словно ему больно говорить. Она видит его руки, мускулистые, волевые, могучие. — «Марией ее звали, Марией».

Камилле не хочется выслушивать признания человека, пленившего ее, но спиною она чувствует, как учащенно, болезненно бьется его сердце. Ей кажется, что он уронит ее, разомкнет руки — и

она упадет, хоть и держится за подставку.

— Мария, — голос звучит, как отдаленный призыв. Камилла ждет, что она сейчас явится, эта… Мария. — Огромные глаза, голубые, серьезные, четко очерченный улыбчивый рот, волевой подбородок. Это она сумела убедить наших родителей, что мне нужно рисовать. Я не был прилежен к учению, но копировал все рисунки, какие находил, даже с газетных кульков, в которых матушка приносила сливы… Мария стала моим адвокатом. И она была такая красивая… — Камилла застыла в неподвижности, как неживая. — Она была двумя годами старше меня, высокая, с длинными волосами, а глаза такие большие, ясные…

Роден умолк. Камилла опустила голову. Помнит ли он еще, что она здесь, в его руках? Руки его напряжены, коротко обрезанные ногти впиваются в ее кожу.

— В 1862-м мой приятель Барнувен… Его звали Барнувен. Он бросил ее, а она его любила. Он уехал, забыл о ней. Она ушла в монастырь, а потом нам ее привезли. Она умирала несколько дней. С улыбкой… без единого слова. Нельзя оставлять человека одного! Она умерла, умерла… Ей было неполных двадцать лет. Сестра моя Ма-

рия. Мария…

Он опускает голову на плечо Камиллы. Она чувствует вес его тела, как будто несет подраненного зверя, получившего удар в сердце. Казалось, он говорил: «Делайте со мной что хотите». Камилла осторожно пошевелилась. Он поднял голову, глядя прямо перед собою, как безумный.

— Она не хотела снимать монашеский чепец, так и лежала на постели в нем. Я никогда не забуду ее лица. Она была, как ты сейчас, прозрачная, совсем юная, чудесная. Витала в мечтах, словно ласточка, вырвавшаяся на волю. Но я видел голубые жилки на ее шее, и подбородок, лежавший поверх белой простыни — как будто эта оболочка мало-помалу душила ее. Как железный ошейник. А сейчас я посмотрел на тебя — и этот жесткий белый воротничок, и то, как ты склонилась над работой, и на лбу у тебя появились морщинки, и такая просветленность, такое стремление победить материю, — и вновь увидел ее, ее…

Камилла вцепилась в подставку; жара ли тому причиной, слова скульптора или история его сестры, но ее шатает, она погружается в забытье. А Роден отошел и что-то ищет в ящике стола.

— Вот, посмотри! Как мы были похожи… — Он протянул ей медальон с портретом: молодой

человек и девушка, очень похожие друг на друга.

— После этого я тоже ушел в монастырь. Год носил белую рясу послушника, но потом вернулся. В то время я и познакомился с Розой. Наверно, тебе уже люди порассказали про это. Я собираюсь… Камилла, что с тобой?

Камилла опускается на пол, лицо ее мертвенно-бледно.

— Камилла! Ками-и-лла!

Она бежит к вершине Шинши, она хочет первой добежать до Великана… Камилла открывает глаза: над нею — испуганный Поль.

— Камилла, что случилось?

Она никак не может сообразить, где находится. Она лежит на полу, у стола. Поль поддерживает ее, помогает подняться.

— Ты уронила карандаш. Ты стала совсем белая. Блузка белая, юбка белая, ты была просто как покойница. Я тебя звал, но ты… ты куда-то исчезла, совсем исчезла!

Камилле уже чуть-чуть лучше, Поль помог ей сесть, она дышит спокойнее. Поль такой участливый, будто и не он обычно строит из себя этакого буку. Иногда прорывается в нем тонкость души, отзывчивость…

— Я просто объелась вишнями, Поль! А все твоя

песенка… «Если хочешь вишню съесть…», — напевает она дрожащим голосом.

— Знаешь, Камилла, тебе надо бы отдохнуть. Ты сейчас была так поглощена работой! Отсутствовала… Я смотрел на тебя, ты так расширила глаза, будто хотела вобрать в себя пустоту. Ты похожа на монашку, принимающую постриг. Помнишь ту жуткую церемонию в Вильневе? Мадемуазель Бернье вся в белом, с цветами, приносящая свой обет. Брр-р! Я до сих пор содрогаюсь. Священник приблизился к ней. Сняли покрывало, подошла монахиня с ножницами и стала срезать волосы, прядь за прядью. Я стоял сбоку и видел ее лицо, строгое, смертельно-бледное, как только что у тебя. Душа, вырываемая с корнями, — нечто нематериальное, неосязаемое… Мысль! Да, именно так тебя изобразил Роден. Впервые мне понравилась его скульптура. Он удачно показал тебя… Помнишь, после того как ей надели белый чепец, она обернулась, и не осталось ничего, кроме этого лица, просвечивающего сквозь складки покрывала? Не делай такого никогда, Кам!

— «Мысль»… — Камилла чувствует себя обескровленной. Она тоже больше всего любит именно эту вещь Родена.

— Но ты точно не заболела? — беспокоится

Поль.

— Ничуть. Это все жара и вишни. И еще я переволновалась из-за Салона.

Она охотно добавила бы: «И Роден уехал. Все потому, что его нет». Про Розу так ничего и не выяснилось. Он об этом больше не заговаривал. Они оба были слишком заняты.

— Я пойду прилягу. Если хочешь, иди погуляй.

— Нет, я не хочу оставлять тебя одну. Лучше вечерком, если тебе станет лучше, прогуляемся вместе.

Белая кровать, маленькая комната. Камилла улеглась. Вокруг никого. Не слышно ничьих голосов. Поль, наверно, читает своего Рембо. А она — брошенная. Ей почти двадцать два. Ей нужна хоть капелька нежности, хоть кто-то рядом. Роден… Ее прекрасная голова склонилась на грудь, руки прижаты к телу. Все вокруг слишком жесткое. Она слишком одинока. Художники, мужчины, женщины, супруги, ее брат, мать — все чем-то заняты, где-то числятся, «устроены». Со скульптурой у нее ничего не выйдет. Она — ученица Родена, о да, но вторым Микеланджело ей не стать. В глазах людей она молодая ученица Родена.

— Господин Роден, вы хоть думаете обо мне?

Глаза ее закрылись.

Кло-Пайен

«… Но с тех пор, отлученная от людных мест и открытого воздуха, скульптура, как и другие искусства, удаляется в то уединенное жилище, где поэт сберегает свои недозволенные мечты. Камилла Клодель — первая из тружеников, создающих такие скульптуры для замкнутых пространств…»

Поль Клодель, «Камилла Клодель — творец статуй»

Решетка заржавела. Табличка с надписью «Сдается» качалась под порывами весеннего ветра. Роден на мгновение взял Камиллу за руку — и это все. На людях они держались чрезвычайно целомудренно. Неосознанно, не сговариваясь, они вели себя очень просто, ходили бок о бок, работали бок о бок, но не позволяли себе неуместных жестов. Камилла больше не разрешала Родену цеплять на дверь записку «Господин Роден вышел» — бумажку вроде той, что сейчас качалась у них перед глазами. Туманная, сумрачная весна…

— Ну, пошли, — порой господин Роден обращал-

ся к ней запросто, как к товарищу. Они толкнули решетку — двое детей, вступающих в зачарованное королевство. Прежде чем закрыть калитку за собою, Роден снял табличку. Камилла рассмеялась, для виду запротестовала. Роден приложил палец к губам: «Тс-с-с!»; вид у него таинственный, табличку он унес, сунув под мышку. Травы разрослись очень пышно, кустарник наполовину скрывал старый дом. Никто не откликался на их зов. Заброшенное, меланхолическое жилище как будто ждет их. Тернии, сорные травы, дикие цветы. Камилле припомнилась долина, описанная в пятой песни «Ада».

Вот они уже у входной двери. Массивный ключ поворачивается в тяжелом замке, двое входят. Комнаты, комнаты одна за другой, без конца. Потолки кое-где обвалились; позолота, потемневшие зеркала, — двое уходят все дальше и дальше, все вперед, изредка оборачиваясь и храня полное молчание. Господин Роден и Камилла лицом к лицу в большой дальней комнате. Высокий камин, окна, почти непрозрачные от пыли, и повсюду зеркала, огромные позолоченные зеркала, покрытые пылью. Камилла прислоняется к камину, Роден идет к ней; она видит множество своих отражений, видит — три, нет, четыре его фигуры,

а вон там еще три других, и все они приближаются к ней. Она не шевелится, чувствуя, как он близок — близок к ее желанию. Давно уже им едва удавалось только поцеловаться украдкой. После того грозового вечера пришлось готовиться к майскому Салону, потом были выставки, визиты министров, был «Поцелуй». Сколько раз после первого порыва любовной бури они сумели встретиться по-настоящему? А сейчас она видит его голову, его прекрасную голову с полными губами, прямым носом, его ноздри трепещут; она вдыхает его запах, для нее это — лучший из ароматов… Он мягко коснулся ее. Рука его ложится на ее шею. Он медленно расстегивает платье и обеими руками дергает крючки корсета, чтобы высвободить тяжелые груди. Камилла пробует ему помочь.

— Не шевелись, дай мне полюбоваться. Я сам… — Он не устает созерцать ее. Уже так давно, так давно он не мог остаться с нею наедине. Теперь это все для него — ее великолепные груди, ее властные, яростные или робкие бедра, ее гордая голова, ее глаза, в которых светится ум. Ибо она умна, и в глубине души это его порою пугает. Она умнее его, у нее сильнее развита интуиция. И читала она намного больше, чем он. Иногда он

завидует и ее молодости, и даже неосознанности силы. Ему страшно подумать, что она будет судить о нем и, возможно, в один прекрасный день перестанет им восхищаться и больше не будет одаривать его по-детски восторженным взглядом, как сейчас. Это полное, глубокое доверие. Он смотрит на нее и чувствует, что в этот момент она отдает ему все, всю душу свою. Он бережно касается ее грудей, и они сразу же поднимаются, напрягшись. Ему еще не доводилось видеть тело, настолько отзывчивое к любви…

Родену случалось обладать женщинами безнадежно глупыми, будь то хоть светские дамы, хоть натурщицы — воспитание и образование ничего не меняли. Несмотря на роскошь их плоти, от шалостей с ними ничего не оставалось ему, кроме пресного, грустного привкуса. Неожиданно оказалось, что ум предъявляет к плотской любви свои требования: нужно было смотреть, исследовать, во всяком движении выявлялась духовная подоплека. Ее живот словно обладал собственной речью, отзываясь на прикосновение рук, потому что она сама говорила с ним. Ноги были словно живые существа, потому что она сама, его Камилла, могла многое сказать. Склонившись, он приник губами к ее груди. Она застонала:

— Не здесь…

— Не бойся! Сюда никто не придет. Я преклоняюсь перед твоим телом не только из-за того, что форма его совершенна. Главное душевный огонь, озаряющий его, Вот почему я посвятил ему «Мысль».

Платье соскальзывает на пол, она уже обнажена. «Не шевелись!» Опустившись на колени, он снимает с нее ботинки, стягивает чулки. Он хочет посмотреть, как она стоит, прислонившись к камину, принадлежащая ему одному, он хочет все вместить, охватить взглядом поэта, измерить и постичь ее, отданную в его, и только его руки, ангела, распластанного на камне, как будто сбитого с небес на землю, и руки ее — как сломанные крылья, последним усилием пытающиеся взлететь… Женщина-Икар.

— Я понимаю древних греков. Они любили и уважали природу и самозабвенно высказывали свое почтение к плоти. Глупо думать, будто они ее презирали. Ни у какого другого народа красота человеческого тела не вызывала такой чувственной нежности. Ты создана для того, чтобы тебя изображали скульпторы. Если бы у меня хватило таланта, я сделал бы с тебя античную статую, Венеру. В любой форме, которую они моделировали,

сквозит экстатическое движение.

Роден прослеживает очертания тела. Изгиб бедер, впадинка между бедром и животом. Он обнимает поясницу, ощупывает ямочки на ягодицах, возвращается к животу, ощущая под рукой едва уловимые толчки… Камилла безмолвно молит его, требует, призывает. Тело волнуется, и художник отступает — он теперь просто мужчина.

В мастерской дымила печка. Иветта, раздетая, дрожала от холода. Камилла поглядывала через плечо. Вот Иветта стоит на коленях, опершись локтями о стол, а господин Роден ходит вокруг нее. Вот Роден и Бурдель отошли в сторону, а женщина все стоит на коленях. Время шло. Камилле хотелось кричать. Потом Роден похлопал натурщицу по ягодицам:

— Прогнись посильнее, Иво, будь добра… Ну-ка, раздвинь пошире свои прелестные округлости!

Потом Иветта грелась у печки, кожа ее блестела от пота. Мастер объяснял подмастерью:

— Смотри, это как амфора. Спина у талии сужается, а потом контур резко расширяется, и получается амфора с изысканными обводами, сосуд, содержащий в себе будущую жизнь.

— Господин Роден, я озябла. Сколько можно

разглагольствовать!

— Одевайся, на сегодня довольно.

Роден любил ставить натурщиц в такую позу. Камилла с трудом сдерживалась, глядя на это. Ей, единственной женщине в мастерской, приходилось смотреть, как ее товарки стоят на коленях, выставляя на обозрение все потайное, вытягиваются, сгибаются, как вздумается художникам — сплошь мужчинам. Конечно, и она раскрывалась подобно этим девушкам, без стыда, как Иветта. А та, поднявшись на ноги, издали подмигнула, уловив взгляд Камиллы: «Ну, чего? Ты-то сама этак не делаешь?»

Да, но ее не выставляли для всеобщего обозрения. Неожиданно Камилла осознала, какой привилегией пользуется. Узнав, как тяжела жизнь натурщиц, она поняла, отчего Иветта невзлюбила ее. Она-то сама играет главную роль, а не подчиняется приказам. Вот здесь, на полу, распластанная, как добыча охотника, она испытала однажды великое наслаждение, но остальные-то раздеваются ежедневно, будь то в жару или в холод, для них это — часы работы, позирования. Бывают и плохие натурщицы; недостаточно лишь раздеться и стоять голой. Мужчины-натурщики чувствуют себя в своей

тарелке, голые спорят со скульпторами без всякого стеснения. Камилла часто подмечала эту разницу. Иветта выпячивает ягодицы… А ей, Камилле, удастся когда-нибудь поставить мужчину на колени на целые часы, чтобы очерчивать на его теле изысканный изгиб ягодиц?

Губы спящей красавицы тронула усмешка; ей вспомнились стихотворные строки:

Женская плоть, идеальная глина, о чудо,

Ты, о возвышенное проникновение…

Нет, там не так сказано…

— О чем ты думаешь? — Роден, уже одетый, склоняется к ней. Оденься, ты замерзнешь!

— Погоди, я вспоминаю строчку, это стихи Гюго, я их заучивала когда-то с Полем. Вот, слушай:

Женская плоть, идеальная глина, о чудо,

Ты, о возвышенно-проникновенная грязь…

Что замесил и слепил ваятель незримый,

Где сквозь материи саван свет пробивается яркий,

Где отпечатались пальцы великого скульптора-бога,

Властная глина, что сердце волнует и манит…

Столь святая…

— Погоди, как там было? А, вот:

Почва святая, где слились неразличимо

В таинстве брака любовь и душа на высоком… —

— Нет, иначе:

…на возвышенном ложе,

И превращается в мысль порыв сладострастья,

И можно… э, нет… невозможно в тот час,

когда сердце пылает,

Стан Красоты обнимать и не думать,

что Бога объемлешь.

Последние две строки Роден произнес вместе с нею.

— Ты это знаешь?

— Да, знаю. По-моему, эти стихи Гюго просто великолепны. Я не получил хорошего образова-

ния, но, знаешь, после смерти Марии, — кажется, я рассказывал тебе? — там, где я стал послушником, был отец Эймар, настоящий святой. Меня он спас от отчаяния, и он же уверял, что я одарен гением. Именно он посоветовал мне посвятить жизнь скульптуре. «Ты ошибся, — твердил он беспрестанно, тебе нужна была передышка, не больше того, но ты непременно должен вернуться к скульптуре. Это твое призвание». И настойчиво приучал меня к чтению. «Читай все, что сможешь достать. Особенно стихи разных поэтов». Когда я вышел из монастыря, то стал, в память о нем, проводить много часов в общественных библиотеках: Гюго, Мюссе, Ламартин… Там я открыл для себя Данте. Отец Эймар был воистину святой!

Камилла уже полностью оделась. Роден говорил, прислонившись лбом к стеклу. Сейчас еще совсем рано, хотя в саду, под густыми кронами деревьев и кустарника, уже темно. Камилла приводит в порядок волосы, готовится к выходу.

— Мне скоро пора уходить.

— Погоди! Послушай минуточку. Этот старый дом принадлежал Жану-Николя Корвисару, хирургу Великой Армии, он называется Кло-Пайен, «Приют язычников», или «усадьба Нейбург». Он был врачом Наполеона. Ты в двенадцать лет

лепила Наполеона, а это — дом его врача. Здесь когда-то жил Робеспьер, а позже — Мюссе и Жорж Санд. Теперь мы…

— Пришли и ушли.

— Нет, Кам. Мы здесь живем. Я снял этот дом.

Камилла прислонилась к зеркалу:

— Что ты сказал?

— Я его снял. Для нас двоих. Вот и все.

Камилла подошла к нему, склонила голову на плечо. Он смотрел в сад.

— Это правда, господин Роден?

— Да. Это — для тебя. Мы будем здесь работать вместе. Это наша новая мастерская.

Камилла залилась смехом и пустилась в пляс. Как двенадцатилетняя, прыгает по паркету, играя в классы, перебегает из комнаты в комнату, взлетает по лестницам.

— Камилла! Ками-и-илла!

— Что, господин Роден?

Голос ее доносится приглушенно, издалека. Как найти ее в этом лабиринте комнат?

— Вы весьма плохо воспитаны, дитя мое!

— Почему это вдруг?

— Вы просто мерзкая девчонка!

Камилла забавляется. Роден сердится добродушно. Все это принадлежит ей. Никакой семьи

больше, никакого распорядка дня!

И господин Роден ей принадлежит. Он ее ни за что не поймает, она переходит из комнаты в комнату, добирается до мансарды.

— Усадьба Нейбург!

Вдруг она возвращается — вся покрытая паутиной, перепачканная, делает реверанс:

— Принцесса фон Нейбург!

Она протягивает ему августейшую руку, он хватает ее и притягивает к себе.

— Сумасшедшая девчонка! Сумасбродка!

Она хихикает, вьется как угорь:

— Господин Роден, это любовь к вам сводит меня с ума!

Он поднял ее в воздух и вернул на землю. Она немало весит, такая мускулистая. Она рассматривает его со странным выражением.

— Я вот думаю, как они позировали.

— Кто?

— Натурщицы для «Похищения» Вот бы на что я посмотрела. Плотская любовь… «О смертный, как мечта из камня, я прекрасна…»

Роден вспоминает: в этой скульптурной группе мужчина держит женщину на вытянутых руках.

— Вы слишком любопытны, мадемуазель скульптор. Хотите объяснений? Но если я раскрою

все мои секреты, вы меня убьете и займете мое место. Раз уж небо наделило вас гением, какие могут быть еще уроки? Справляйтесь самостоятельно! — Он расхохотался. — Ну, теперь пойдем. Скоро мы перевезем сюда кое-какую мебель.

Камилла взяла за руку своего спутника. Они заперли за собою решетку.

— До завтра, моя сумасбродка из «усадьбы Нейбург»!

Пара удаляется. Камилла отняла у него свою руку. Теперь они идут просто рядом.

Письмо из лечебницы

«*…Ничто не может послужить лучшим доказательством безумия, чем подобная трата денег. Что касается комнаты, она ничуть не стала лучше, в ней ничего нет, ни перины, ни гигиенических удобств, ничего, кроме мерзкого ночного горшка, почти всегда выщербленного, мерзкой железной кровати, где дрожишь от холода ночь напролет; а ведь я ненавижу железные кровати, и посмотрел бы ты, не …* (*слово неразборчиво*) *ли я, оказавшись там…*»

Неистовые надежды

«…Ты, жалкое нечто, мельком замеченное в толпе, ничто более не удерживает тебя! И ничто не в силах совладать с этим неистовым натиском надежды! Ничто не в силах совладать с этим прорывом, как не в силах мир сладить с Верой в недрах души моей! Со всем тем, чему я верил, покончено. Конец всему, чему обучали меня в лицее».

Поль Клодель, 25 декабря 1886 г.

— Что вытворяет этот юнец? В кои-то веки мы все собрались! Это невероятно! — возмущалась госпожа Луиза. — Хоть 25 декабря он мог бы пообедать с домашними!

Камилле только на днях исполнилось двадцать два. Две недели назад, 8 декабря, Роден подарил ей «Мысль». Камилла оставила ее в «Усадьбе Нейбург». Дома ее обязательно разбила бы мать — по неосторожности, по неуклюжести. Но все-таки, где сейчас может носить братца Поля?

— Расскажи-ка мне, Камилла, о своих делах! —

у отца усталый вид, ему трудно дается разлука с детьми. — Продвигаешься вперед, хотя бы немного?

— Несомненно, ведь она не вылазит из мастерской господина Родена!

Луи-Проспер пожал плечами:

— Как это понимать?

— У господина Родена все больше заказов, он завел вторую мастерскую.

Камилла из осмотрительности предпочла не уточнять адрес. Луиза-младшая встряла в разговор:

— Об этом говорит весь Париж. Она ему позирует. Сходи посмотреть на «Поцелуй», папа. Она позорит нас. Если я когда-нибудь выйду замуж, то просто чудом!

— Вовсе не так. Я его вдохновляю, не больше того. Он во мне не нуждается. А я сама взялась за мрамор.

Луи-Проспер решил поговорить с Камиллой с глазу на глаз. Жена понарассказывала всяких ужасов, но ведь она терпеть не может свою старшую дочь!

— Да, знаешь, он получил заказ на «Граждан Кале», потом еще на «Врата ада», и на бюсты… В одиночку он уже не справляется, набирает все

больше рабочих. И я тоже работаю. Он позволил мне попробовать силы на мраморе. Поэтому теперь…

— Будь добра, помолчи минутку, Камилла. Объясни мне поточнее, я ведь не скульптор: а что, Роден сам тоже отесывает камень?

— Нет, погоди. Скульптура — не то, что рисунок: взял карандаш, вжик-вжик и готово. Понимаешь, тут задействовано много компонентов.

— Послушай, Луи, пора идти к столу. Уже поздно.

— Минуточку, Луиза. Камилла мне кое-что объяснит.

— Итак, предположим, ты намерен создать скульптуру. И вот…

Вошел Поль, запыхавшийся, весь красный.

— Поль, что с тобой?

— Ничего, мама.

— Это женщина, я знаю, это женщина!

— Хватит, Луиза, займись своими платьями!

— Ах, ну неужели нельзя не ссориться хотя бы в сочельник!

Луи-Проспер взял Камиллу за руку.

— Пойдемте обедать. Доскажешь попозже, — прошептал он на ухо дочери, словно это был их общий секрет.

Все семейство в сборе. Госпожа Луиза, вся в черном, разливает суп по тарелкам. Луиза-младшая, такая свежая в новом платье, локоны так гармонично вьются, очерчивая контур лица, — почему она так часто дуется и злится? Напротив нее Поль, у него потрясенный, отсутствующий вид, словно молния ударила в пол прямо перед ним. Рядом Камилла, полосатое платье несколько бледнит ее — впрочем, платье то же, что и в прошлые годы. В нем она кажется совсем щуплой, белый стоячий воротник еще более усиливает впечатление хрупкости.

— Ты бы заказала себе новое платье, Кам!

— Она все тратит на инструменты, на материалы, бог весть на что. Спасибо еще, хоть шляпку носит.

— Ну, послушай же, папа… — Камилла пытается вернуться к разговору о скульптуре.

— Ах нет, не вздумайте снова говорить об этом! Это проклятое искусство, эта скульптура тебе весь свет застит. Лучше скажи, Луи, ты давно навещал Тьерри?

Все они погрузились в пересуды о родне. Дети молчат. Камилла, присмотревшись к Полю, между двумя глотками бросает ему:

— Поль-апостол на дороге в Дамаск! Тебя что,

громом поразило? Почитай Библию, которую я подарила!

Поль недоуменно уставился на нее.

— Поль, ты будешь есть еще?

— Да, мама, я уже почти доел.

Камилла исподтишка наблюдала за младшим братом. Похоже, что он завел какое-то знакомство, это любопытно. Никто больше не обращает на него внимания, но сестра вспоминает, какой была сама в тот грозовой вечер, — брат сейчас такой же. Что же с ним могло произойти?

На стол водружают индейку, жирную, с каштанами. Камилла питает отвращение к этим долгим праздничным обедам. Но, к счастью, сегодня с ними отец.

— Поль, ты читал этого Артюра Рембо, я полагаю? Дожидаясь вашего прихода, я перелистал «Ля Вог» и прочел несколько стихотворений…

На эту тему Поль готов распространяться бесконечно. Луи слушает сына. Мать в своем уголке продолжает ворчать, тарелки в ее руках звякают сильнее обычного. Десять раз она переспрашивает, не хочет ли кто-нибудь добавки индейки, каштанов, салата, десять раз перебивает их беседу. Луиза-младшая витает в облаках, она думает о молодом Фердинанде де Массари, с которым

недавно познакомилась. Но разговоры родных наводят на нее такую скуку! «Рембо, Роден, Роден, Рембо»!

Камилла слушает, что рассказывает брат. Он давал ей почитать «Сезон в аду», и она разделяет его восхищение этим поэтом, который сейчас, наверно, сходит с ума где-то далеко в глухомани. Поль наверняка так и не сумел раздобыть нужные сведения, как она ему советовала.

Наконец подают торт — «полено». Камилла терпеть не может эти зеленоватые рулеты, клейкие, облитые шоколадом. Полено!

Зато рождественских подарков не будет. Отец, несомненно, добавит что-то к обычной сумме денег, но подарков в этой семье не дарят. Правда, Луиза вот прикалывает к шемизетке старинную брошь. Камилла окидывает взглядом сестру — она недавно начала ее портрет, но Луиза всегда ленится позировать, находит миллион поводов отказаться.

— А вот теперь, Камилла, поговорим о скульптуре.

Они спокойно уселись рядышком. Поль погрузился в книгу. Камилла издали заметила: надо же, та самая Библия, которую она подарила брату несколько месяцев назад! Раздался звонок. Госпо-

жа Луиза идет открывать. Фердинанд де Массари явился за Луизой. Ага, вот зачем она брошку-то нацепила. Несомненно, подарок мамочки. Церемония представления, взаимные приветствия. Сестра удалилась, а Камилла с улыбкой вспомнила, как мать кричала ей: «Ты никуда больше не уйдешь! Я тебя запру!» Если б они знали, как далеко она ушла с тех пор!

— Итак, Камилла?

— Рассказываю дальше. Да, ты используешь некую модель. Первая проблема: натуру нужно найти. Если это не твой друг или подруга, требуется оплатить их работу, купить глину, доставить в мастерскую. Понимаешь, десять кило глины — не пустяк. Когда эскиз готов, глину требуется немедленно обжечь, иначе она потрескается, раскрошится от холода или жары. Верно, ее можно заворачивать во влажные тряпки, но рано или поздно все высохнет. Господин Роден, когда только начал работать, потерял таким образом десятки эскизов. Кстати, один из первых бюстов, сделанных Роденом, превратился в маску. Ему позировал некто Биби — нищий старик, ради пропитания готовый всякому услужить… У Родена тогда не было денег, но он сделал с него бюст, чтобы представить в Салон. Это было в шесть-

десят четвертом году — когда я родилась. И вот — крак! — бюст раскололся надвое: было холодно, Роден работал в неотапливаемой конюшне… Получилась маска: «Человек со сломанным носом». Ну, что получилось, то он и представил. Да его все равно не приняли. А спустя несколько лет «Человека со сломанным носом» стали превозносить как работу античного совершенства. Понимаешь, что за штука критика!..

— Понимаю. Но почему ты сама обтесываешь камень?

— Погоди, сейчас объясню. Готовый эскиз часто требуется увеличить. Поэтому ты либо справляешься сам и делаешь по одной скульптуре раз в пять лет, либо нанимаешь работников. Я почти не преувеличиваю. У Родена на «Бронзовый век» ушло полтора года, и это только в гипсе. Конечно, можно работать и с гипсом, но он чрезвычайно хрупок. Можно сделать бронзовую отливку, но это очень дорого стоит. Нужно найти литейщика, а они часто оказываются уже заняты другими заказами на месяцы вперед. Притом плохой литейщик может начисто испортить статую. Еще можно работать прямиком по мрамору или другому камню, но если глиняную модель ты можешь исправлять сколько угодно, то портить

мрамор ты себе позволить не можешь. Он стоит целое состояние. Кроме того, на черновую обработку мрамора уходит очень много времени. Вот почему эту часть работы теперь доверяют квалифицированным каменотесам, практикам, а скульптор только доводит до конца. Но прежде всего требуется потрудиться, чтобы обработать мрамор или другой камень. Мне это занятие очень нравится. И я попросила господина Родена доверить мне работу прямо по мрамору.

— Хорошо, но что же тогда он делает сам?

— Пойми, после того как ты сделал глиняную модель, продолжать дальше в одиночку невозможно. Есть мастера, которые гасят известь, изготовляют гипс, есть такие, что замешивают состав для работы. А скульптор должен прежде всего сделать эскиз. Это самое важное. В эскизе скульптор запечатлевает свой замысел. А увеличить до нужного размера могут и практики, их еще называют доводчиками. Господин Роден только так и работает. Ему делают десять, пятнадцать, двадцать увеличенных макетов, а он делает выводы и дает дальнейшие указания. Иногда эскизы выполняются в виде макетов втрое или вдвое меньше желаемого размера. Потом он велит изготовить увеличенный макет, и только

после этого сам берется за работу. Понятно, что тут без большого числа работников не обойдешься. При работе с мрамором или вообще с камнем лучшим из работников доверяется выполнение окончательных эскизов. Роден очерчивает карандашом контур, чтобы подчеркнуть движение, а еще знаешь, что он делает? Протирает те места, где нужно «покопаться», носовым платком, точно как ты, когда хочешь что-то почистить. И платок пачкается, как у тебя!

— Но ты занимаешься практикой, — улыбнулся отец.

— Да, похоже, я становлюсь его лучшим практиком. Знаешь, мрамор — очень деликатный материал. Если попадешь на «червоточину», да, так это у нас называют, когда резец вдруг погружается в пустоту, как будто камень в этом месте прогнил, — то заготовка ломается, и все нужно начинать сначала. Я хочу стать большим скульптором, но также и искуснейшим практиком. Право, я бы жутко разозлилась, если бы кто-то чужой попортил бы мой мрамор, вообще коснулся бы моей работы. Я хочу, чтобы моя скульптура рождалась прямо из глыбы.

— А господин Роден?

— О, ты знаешь, у него слишком много заказов.

Да он и прежде никогда не резал камень сам. Во всяком случае, я не слыхала об этом… Ему это неинтересно. И потом, тогда бы он не смог прокормиться своим ремеслом. Он и сейчас едва поспевает.

Поль оторвался от книги:

— Он не дурак, твой господин Роден. Предается мечтам, а вы работаете.

— Помолчи, Поль, ты ничего не понимаешь. Я не одна такая. Там целая толпа народу. И потом, у него вскорости будет три мастерских: есть Жюль Дюбуа, Даниэлли, Жан Эскуба, братья Шнейг, Лефевр, Фажель.

— А не слишком ли ты перенапрягаешься? — обеспокоенно спросил Клодель-старший.

— Ничуть, папа. Я просто счастлива: он поручил мне эскизы рук и ног для «Врат ада». А еще ему заказали памятник «Гражданам Кале», и…

— Замечательно, Камилла. Но ты — ты сама — над чем сейчас работаешь?

— Я сделала его бюст. Сходи взглянуть на него. И еще «Поль в восемнадцать лет».

— Что касается меня…

— Можешь жаловаться сколько хочешь, Поль, но у меня все спрашивают, кто такой этот гордый центурион. И еще я делаю портрет Луизы.

Луи-Проспер с восхищением смотрит на старшую дочь. Очевидно, что она страстно увлечена своим делом. Но ему хотелось бы поближе познакомиться с этим господином Роденом. Камилле уже двадцать два года; она ни словом не обмолвилась о личной жизни, она так скрытна. Мать, похоже, очень плохо с нею уживалась. Его взрослая дочь, как амазонка, сидит верхом на стуле, положив руки на спинку. Удастся ли подобрать ключик к ее сердцу? Завтра он наведается в мастерскую.

— Камилла, ты сможешь провести меня туда?

— Сколько угодно. Только не шарахайся от голых натурщиц.

— Неужели я настолько похож на кюре? — рассмеялся Луи, встал и налил себе рюмочку коньяку. — Поль, тебе налить?

Поль сердито отказался. Он всецело поглощен чтением. Камилла занервничала.

— Налей мне капельку, папа!

Спиртное ее совершенно не привлекает, но то, что отец все время сводит разговор к бытовым пустякам, выводит ее из себя. Луи подает ей рюмку.

— Только не вздумай напоить ее допьяна, — ворчит мать.

— Да ладно тебе, лучше выпей с нами!

— Ни за что!

— Но это пойдет нам всем на пользу. Ну-ка, Поль!

Камилла с трудом удерживается, чтобы не фыркнуть. Мать держит рюмку, будто слизняка. Губы ее поджимаются в ниточку.

— У меня для вас есть новость. Меня скоро переведут в Компьень. Наконец-то я буду совсем рядом с вами. Мне скучно живется. Обедаю в гостинице, не вижусь с вами, дети, жена…

Камилла разглядывает родителей. Отцу шестьдесят лет. Он немного сутулится. Седая голова, выступающие скулы, шапочка-скуфейка и бородка придают ему вид старого ученого. Госпожа Луиза бросает свою реплику:

— Значит, теперь мы вовсе не будем видеться!

— Как раз наоборот, Луиза, да и вообще я буду ближе к вам, пойми!

Мать прихлебывает напиток. Камилла замечает, что эта рюмочка спиртного доставляет ей явное удовольствие.

— Ну вот, видишь, Луиза, как это приятно!

— Ничуть. Я только хотела доставить удовольствие тебе.

Камилла терпеть не может тот разряд женщин, которые никогда не говорят прямо, что им

нравится, что нет. Вечные жертвы, они навеки отказываются от любой радости. Им остается только страдать. Они воздвигли такую преграду между собою и наслаждением, что даже вкусное блюдо, красивый цветок не приносят им ни малейшего утешения. Их существование имеет форму креста. В глубине души Камилла благодарна Родену за то, что он привил ей вкус к наслаждению. Но она и сама достигла бы этой цели. Еще совсем маленькой она дала себе клятву, что дойдет в поисках его хоть до края света. Некоторая доля эгоизма свидетельствует о душевном здоровье. Однажды она услышала от отца слова, глубоко запавшие в память ребенка: «Камилла, говори другим людям, что тебе нравится. Жертвенность способна заразить отчуждением весь мир. Пусть люди знают, чего ты на самом деле хочешь. Нет ничего худшего, чем когда ради тебя чем-то жертвуют. Это вовсе не добрый дар, особенно для мужчины, а просто невыносимая форма шантажа».

Камилла все запомнила. В тот день отец был в дурном расположении духа. Они с Луизой поссорились. Камилла и тогда не знала толком, из-за чего. Мать вышла из комнаты, бросив на ходу: «Я и так уже стольким жертвую ради детей!»

Пустые рюмки поставлены на стол.

— Завтра сходим пообедать в ресторан.

— Но, Луи, это так дорого!

Луи рывком поднялся с кресла.

— Хорошо, если тебе так больше нравится, ты можешь остаться дома. Я возьму Поля и Камиллу.

Хлопнула дверь. Господин Луи Клодель ушел. На улице идет снег.

Камилла замечталась. Как Роден проведет этот вечер? Не могло быть и речи о том, чтобы ей побыть с ним или пригласить отобедать в ее семейном кругу. Где он может быть сейчас? Кло-Пайен, усадьба Нейбург, стала местом их свиданий. Никто другой туда не ходил. Они работали там вдвоем. Никогда еще Камилла не бывала так счастлива. Консьержке велели никого не пускать и не отвечать на расспросы. Они уходят туда вдвоем, их прячут густые заросли, деревья, дикие травы. Они разлучаются лишь на лето. Камилла не может себе позволить поехать в Вильнев, как ездила прежде, каждым летом. Вот если бы поехать туда с ним… Какое было бы счастье! Сам он часто наведывался в деревню. Порою Камиллу тянуло спросить у него о Розе, но она сдерживалась, не желая унижаться до пошлого любопытства. Он

обязательно когда-нибудь расскажет ей все сам. У Родена теперь три мастерских. Камилла знала, что он становится все более знаменитым. По субботам его атакуют светские дамы, политические деятели, скульпторы, англичане, шведы, даже американцы. Все жаждут видеть «Врата ада». Камилла представляет себе, как они толпятся вокруг господина Родена. Если б они знали!..

Отец прав: она у Родена работница, модель, вдохновительница и спутница. Иногда к вечеру она едва держится на ногах. С волосами, припорошенными пылью, измазанными глиной, с застрявшими осколками камня, она бредет домой в своих сабо, шатаясь от усталости. Все тело ноет после целого дня работы над глыбой камня, а ведь она еще переходит из одной мастерской в другую. Бывает, что часами приходится позировать ему в Кло-Пайен. Он хочет ее рисовать, хочет лепить. Она ощущает потаенное счастье оттого, что служит ему натурщицей, но иногда сердце у нее щемит, вот как только что, от слов отца. Она слишком мало работает на себя. Когда она позирует, в мыслях ее оживает целый мир, населенный скульптурами. Она видит сцены, группы, бюсты — и представляет, как однажды создаст колоссальный шедевр. Но как можно не

пустить в этот мир Родена, как отказать ему в том, о чем он просит?

А в другой раз он посвятил ей «Размышление» и одну из лучших своих вещей, «Данаиду». Он сделал ее, видимо, в начале весны. Ну и вид у нее был тогда! В доме было еще тепло, когда он пришел, чтобы поцеловать ее, чтобы любить. Она свернулась калачиком на диване и попросту заснула. Это было крайне глупо, комнату выстудило, и она, естественно, простудилась. А он и не подумал укрыть ее чем-нибудь, замесил глину и взялся спокойно ее лепить. Ему-то было жарко, он работал. А она, проснувшись, не могла шею повернуть — продуло… И сперва ей досталось от матери, а назавтра началась тяжелейшая ангина. Она ничего ему не сказала, но почти целый месяц ходила с кашлем, с ужасной резью в горле. Мать это ничуть не тревожило. Только Виктория усердно ухаживала за нею, когда они приехали в Вильнев, как обычно, в конце июля.

— Данаида, кто это, собственно, такая, Поль?

— Разновидность бабочки.

— Что?

— Красивая бабочка из зоны умеренного климата.

Камилла задумалась. Красивая бабочка. Мень-

ше всего она похожа на красивую бабочку. Наверно, все-таки не она послужила моделью той Данаиде.

— А еще это — одна из дочерей Даная.

— А, понятно. И чем же они занимались?

— Все, кроме одной, поубивали своих супругов в брачную ночь.

— Как это? — потрясенно спросила Камилла.

— За это они понесли наказание в аду: они обречены вечно наполнять водою бездонную бочку. С бочкой Данаид сравнивают сердце, чьи желания ненасытны.

Камиллу пугают удовлетворенные люди. Однажды она сказала об этом Родену. Не потому ли он сравнил ее с Данаидой?.. Внезапно Камилле захотелось причинить ему боль, довести до белого каления. Кстати, она еще не разу не видела, как он гневается.

— Послушай, Камилла! — Поль уткнулся носом в Библию. — «Скажи мудрости: „Ты — сестра моя!“, признай разум родичем своим, дабы уберечься от женщины чужой, от незнакомки со сладкими речами…»

Камилла ощущает расслабленность, легкое опьянение. За обедом они пили вино, потом коньяк. Камилле хочется чего-то другого.

— «…Разве мудрость не взывает к тебе? И разум не возвышает голоса своего? На вершинах гор, что господствуют над дорогою, на перекрестках путей подстерегает она…»

— Что это, Поль? — Камилла подошла ближе, слегка пошатываясь. Выпила-то она совсем немного. Это все от усталости, и потом она так мало ела за этим долгим обедом…

— Глава седьмая книги «Притчей». Мудрость, Мудрость изображается в виде женщины. Душа человеческая, вдохновительница.

Камилла взглянула на Поля. Им всем нужна вдохновительница. Есть что-то общее у Поля, Родена, у всех мужчин, которые трудятся рядом с нею. Особый мир мужчин. Мир юношей. В конечном счете, она ничего про них не знает. Но почему же тогда она исключена также из мира женщин? Конечно, ей хорошо со старой Еленой, с Викторией, с Эжени, но вообще-то в женском обществе ей неуютно. И скоро становится скучно. Когда она рядом с отцом, или с Роденом, или в мастерской, сразу возникает ощущение свободы. Но все-таки она мужчин не знает — так, кое-что об их желаниях, и о том, что порою они становятся как дети, и бывают беззащитны, но вдруг сосредотачиваются, становятся неприступны, и

вся их воля собирается в кулак, и дело поглощает их целиком.

— Поль, мне хочется пойти куда-нибудь, повеселиться! — Камилла уже знает, что если желание делать глупости внезапно нападает на нее, то следует ему поддаться, идти до конца. Она выпивает еще рюмку коньяку. — У меня все горит! Где-то внутри, в глубине! Даже странно, что пламени не видать!

Она наливает и брату, он выпивает, сам того не замечая. Она начинает пританцовывать, напевая модную песенку:

«— Мамзель, ну послушайте же меня!
Хотите, мадерой вас угощу?
Мамзель, ну послушайте же меня!
Хотите, пивом вас угощу?
— Нет, сударь, и слушать я вас не хочу,
Лишь чистую воду, сударь, я пью!
— Нет, сударь, я лучше домой пойду,
В двух шагах отсюда я, кстати, живу!»

Теперь еще два шага, оборот… пол-оборота. Она икает и вскидывает свою хромую ногу в одном чулке, словно изображая французский канкан.

— Камилла, довольно!

— Да что с тобой?

— Ничего особенного. Но сегодня Рождество!

Камилла разражается своим великанским смехом:

— Ну да! Рождество! Поленья! Религия, семья, родина, та-та, та-та-та-та! — Внезапно Камилла останавливается. — Я люблю жизнь! Любовь, надежду! Без компромиссов! Жить сегодняшним днем. Я — дикарка. Дикарка…

«— Мамзель, ну послушайте же меня!»

Поль знал: когда она вот так разбушуется, ее не остановишь. И тут как раз вернулся Луи-Проспер. Они вдвоем закружились в вальсе. Камилла захлебывалась от смеха. Появилась госпожа Луиза в ночной сорочке, с шалью, накинутой на плечи. Взглянув на нее, Камилла еще сильнее зашлась смехом — безумным смехом.

— Все в порядке, мама. Она немножко пьяна.

Поль обвел взглядом своих близких. А что будет с ним самим? Сегодня он, атеист, ученик Ренана, пошел в собор Нотр-Дам, совсем недавно он слушал там «Магнификат». Как объяснить, что он ощутил некое присутствие, что сердце его пронзило ощущение чьей-то близости? Как признаться, что эта встреча сметает, как сметают

сор, всю прежнюю жизнь? Со всем тем, чему его учили в лицее, покончено. Он и сейчас отчетливо видит Деву, окутанную полумраком, с ребенком на руках, и неуловимую улыбку ребенка, это обещание невинности, эту глубокую радость. Камилла смеется все громче, ну, а ему хочется плакать — плакать слезами радости. Ему хочется кричать, выплеснуть наконец из сердца весь ужас последних лет. Впервые в жизни он был обезоружен, душа его потрясена до самых глубин, что-то оборвалось в ней! Он хочет высказать все, выкрикнуть эту неукротимую надежду, которая терзает его изнутри. И он знает, что опьянение тут ни при чем. С полудня его жжет эта тайна, ощущение начала ужасного приключения. Итак, все корабли сожжены, все решено, и вот уже он тоже поднимается… Луи остановился, тур безумного вальса утомил его, и тотчас Поль подхватил сестру, и они закружились вдвоем, счастливо смеясь, как в детстве. Он пришел из Нотр-Дам, она — из мастерской, где воздвигаются «Врата ада». Оба они хранят свои тайны, ну и что с того? Нынче вечером они пьяны от счастья.

Роза Бере

«…Ах, ежели этот человек не хочет собирать спелые гроздья,
Ах, ежели он хочет сам всех судить,
Ах, ежели он не хочет ее увести, зачем же он брал ее за руку?
Ах, ежели он не хочет осушить кубок, зачем же он подносил его к губам?..»

Поль Клодель, «Кантата на три голоса»

Было холодно, все заледенело. Февраль завершался бурями, метелями. Камилла чувствовала, что скользит и теряет почву под ногами, словно те крепкие лошади, что идут шагом, не отваживаясь пуститься вскачь в своей упряжи. Камилла была недовольна собою. Год 1887 получился неинтересным, да, именно так. А между тем она чаще виделась с Роденом. У нее появилась чудесная мастерская. «Усадьба Нейбург», укутанная снегом, как никогда прежде служила приютом труда, покоя, сладострастия. Но Камиллу преследовало странное чувство, что должно случиться что-то неожиданное.

«Это время ничего не говорит мне», — так выражалась старая Елена.

Луиза была помолвлена. Она готовилась выйти замуж за Фердинанда де Массари, изысканного молодого человека с усиками и острой бородкой. Камилла предложила сделать с него бюст. Она изображала брата, отца, зятя, сестру, Родена — вращалась в замкнутом кругу. Она мечтала о настоящей натуре — пусть это будет пара, обнаженная женщина, обнаженный мужчина, все равно, лишь бы прорваться сквозь цепь бюстов, которые преследовали ее, словно фантомы. Ей хотелось воспроизводить обнаженную плоть, жизнь, а не бюсты, служившие для нее лишь средством набить руку, как хирург набивает руку на простых операциях, дожидаясь по-настоящему сложного случая.

Господин Роден с головою ушел в выполнение важного заказа, «Граждан Кале». Критики толковали о неудаче; этим никогда не угодишь! Камилле случалось утешать своего учителя: они находили граждан Кале «унылыми», «недостаточно изящными». Стоит достигнуть новой высоты, вечно находится какой-нибудь писака, напишет глупость, и все к нему прислушиваются! Порою Роден в приступе ярости был готов все

уничтожить. А между тем Камилла была свидетелем рождения этой скульптуры, она видела, как тщательно Роден работал над нею. Его потрясла история о том, как шесть граждан Кале, взятых заложниками, решились отдать свои жизни ради спасения города. Он попросил Камиллу заняться разысканиями. Часто они проводили целые часы, обсуждая, какие руки должны быть у Пьера де Виссана. Ее особенно привлекал образ Пьера де Виссана — гордая, дерзкая душа, надменно идущая навстречу высшей жертве. И Жан де Фиенн, самый младший, великолепная, почти обнаженная фигура. Вот что она хотела бы изобразить — человеческую трагедию. Когда каждый остается один на один с судьбой, хотя все вовлечены в общее русло событий…

Камилла присела перед бюстом, над которым работала. К чему все это? Когда ей было двенадцать лет, она была куда смелее, бралась за историю Антигоны, изображала Бисмарка, Давида и Голиафа… Но к чему сидеть и ждать? Завтра она пойдет к Родену и попросит у него двух натурщиков. Она сделает группу: трагедию Эдипа или сцену из поэм Оссиана. Сальгар с волосами, растрепанными ветром, на морском берегу, она зовет и находит тела брата и возлюбленного…

Снаружи бесчинствует буря. Роден только что вышел купить чего-нибудь горячительного в бакалейной лавке на углу. Они приготовят горячее вино, потому что в мастерской жуткий холод. Двери хлопают по всему дому, эхо гуляет по комнатам. С давно не чиненной крыши то и дело падают куски черепицы. У них нет денег на то, чтобы отремонтировать это обширное здание.

«О господи, там еще и дождь! Теперь не миновать гололедицы…» Камилла снова, с большим трудом, берется за дело. Придется скоро остановиться — контуры носа, губ уже едва различимы. Она пытается передать их чувственность. Уже дважды глина у нее растрескивалась. Теперь Камилла попробовала взять гипс. Может, он окажется более стойким.

Вдруг Камилла застывает, не отнимая рук от бюста. Кто-то стоит у нее за спиной, и это — не Роден. Она чувствует присутствие враждебной воли. Камилла пытается успокоиться, но сердце стучит учащенно. Сейчас начнется война. Кто-то стоит там. Нужно повернуться к нему лицом. Как к дьяволу в Вильневе… Он теперь явился сюда и прячется в полумраке. Зажав в руке резец — первое, что попалось на глаза, — Камилла резко обернулась, готовая напасть первой. Она

различила — сперва слабо, потом отчетливо темный силуэт у стены, фигуру в черном: женщина, промокшая, простоволосая, — старая женщина, но рослая, стройная, прямая. Шляпка ее съехала набок, свисает на плечо. Камилла стоит перед нею в широкой белой блузе, в грубых чулках и сабо, волосы у нее подобраны лентой, как у маленькой девочки. Две женщины, быть может, готовые убить друг друга. Камилла бормочет: «Роза! Роза Бере!»

— Да, я Роза! Его Роза! — Она делает шаг вперед, и Камилла теперь может рассмотреть волосы с проседью, но не потерявшие еще оттенка темной меди, угловатое лицо, фиалковые, жесткие глаза.

— Я хотела на тебя взглянуть. Шлюха! Воровка! Ты у него не одна. Есть и другие… Маленькая выскочка! Научилась выставлять ягодицы! Теперь-то его легко заполучить!

— Замолчите!

— И не подумаю, дорогая. Послушай меня. Мы подыхали с голоду. Жили в конюшне. Я зарабатывала на жизнь шитьем. Не была у него на содержании, никогда не была на содержании… — Роза подходит все ближе и ближе к Камилле. Камилла сжимает резец и молоток… — Я смачивала водой его гипсы, я вела счета. Ты меня не

запугаешь, сукина дочь, я Коммуну пережила, не то видала! Он меня никогда не оставит, слышишь ты, никогда!

Роза уже кричит, плюет в лицо Камилле.

— Но если так, чего вы боитесь? А вы ведь боитесь, разве не так?

— Я была с ним, когда была молода, и он был молод, когда мы встретились с ним!

— Ну, так на что ты жалуешься, старое пугало?

Роза отпрянула, настигнутая оскорблением. Занесла руку, чтобы ударить. Камилла предвидела это движение. Отбросив инструменты, она перехватила стиснутые кулаки, готовые обрушиться на нее. Женщины схватились.

— Сука! Сука! Скульпторша, мужчин лепит, вы видали такое!

— Убирайся к своим горшкам!

— Прочих его девок я пережила. Я все пережила. Натурщицы, шикарные дамы. Для него только одно важно, его работа. Но ты другое дело. Тебя я убью. Ты сама стала скульптурой. Мне про тебя многие говорили. Я тебя раздавлю! Он околдован. Посмотреть только, что за дом он для тебя снял! У тебя ни стыда ни совести, а я пухну с голоду! Сука! Сука! У нас есть сын, а ты — грязная содержанка, продажная тварь! И еще осмеливаешься лепить,

делать его портрет! Ну, погоди!

Роза бросилась к бюсту Родена. Камилла вскипела, холодное бешенство овладело ею, убийственный гнев. Роза замахнулась…

— Ками-ииииии-ллла!

Это кричит Роден. Зеркало разлетается в куски. Роза, быть может, раненая, лежит на полу. Чуть подальше — Камилла, она стонет, подставка с бюстом придавила ее. Ей очень плохо.

Роден, пораженный ужасом, застыл между двумя своими женщинами, не зная, к которой сперва бросаться. Обе молчат. И он медленно подходит к Розе, — он чуть слышно стонет. «Роза, тебе плохо? Роза, хорошая моя…» Он помогает ей сесть.

— Вот, возьми, выпей. С тобой точно все в порядке?

Роза плачет, всхлипывая, плечи ее трясутся. Роден достает носовой платок, откидывает упавшие на лицо пряди, вытирает щеки. Роза рыдает еще пуще. Роден прижал ее к груди. «Роза, как твое сердце? Все в порядке? Погоди, я тебя провожу… Не нужно было сюда приходить. Зачем ты пришла, ведь ты всегда так слушалась меня, бедняжка моя…» Он осторожно ставит ее на ноги.

Камилла разгребает осколки бюста, засыпавшие ее всю, обеими руками отталкивает

подставку, которая рухнула ей прямо на живот. Ей очень больно, что-то повреждено внутри. Она поднимается на колени, потом выпрямляется и ковыляет к камину.

— С тобой все в порядке, Камилла?

— Не беспокойтесь, господин Роден.

Девушка прислоняется к камину. Роден не видит ее лица, не видит двух ручейков слез, безмолвно, бесконечно ползущих по щекам, стекающих к уголкам губ.

— Камилла, мне абсолютно отвратительно всякое насилие. У Розы больное сердце. Я повезу ее домой.

Камилла соглашается кивком головы. Ей так больно, так плохо, что она не может говорить. Она может только судорожно цепляться за выступ камина. Она слушает затихающие шаги, стук закрывшейся двери, скрежет калитки, и страшный приступ тошноты сотрясает ее. Она скользит, скользит куда-то…

— Огюст! — отчаянно кричит она.

Который час?

Сколько времени она провела здесь?

Уже брезжит заря.

Вторники

«Малларме был первым, кто взглянул на окружающий мир не как на спектакль или тему для сочинения, но как на текст, и задался вопросом: „А что же это все означает?“»

Поль Клодель, «Малларме»

Мощная фигура присевшей женщины. Госпожа Луиза сказала бы: «непристойная». Роден остановился. Фигура, залитая апрельским солнцем, дразнит его изгибом спины. Голова женщины не видна, она пригнулась и прячется. Роден подошел ближе. Это Камилла! Она это сделала своими руками, она формовала этот гипс. Та же сила, что в его «Мыслителе», та же откровенность, что в «Поцелуе», — сюда она вложила все свои знания о теле, все понимание формы.

Под предлогом этюда обнаженной фигуры молодая женщина неожиданно перешла в наступление. Бюсты, расставленные вокруг, уставились на эту могучую пришелицу, чья обнаженная, неприкрытая плоть бросает им вызов. Роден и сам недавно начал похожий торс, он назвал его

«Голова неги». Но Камилла-то нанесла удар прямо в цель, сильный и быстрый. Внезапно усложнившаяся ситуация встревожила его. Когда он делает подобную скульптуру, все понятно, да ей-то как это удалось, кто позировал?

— Позировала я сама. Вас это удивляет, господин Роден? — смеется она. — Мне хотелось взяться за обнаженную натуру. Ну, вот я и взялась.

Ее работа не только восхищает, но и пугает его. С собственными его скульптурами уже вышел скандал, его ославили сатиром, похотливым фавном, разнузданным козлом. Если теперь ОНА вздумает создать эротичную, чувственную скульптуру, это равносильно самоубийству! Проблема ведь не в самом по себе изображении наготы: существуют такие «ню», от которых никому ни холодно, ни жарко, лишенные сладострастия. Но у Камиллы есть чутье ко всему плотскому. Эта статуя недопустима. Она осмелилась на многое и дальше осмелеет еще больше, будьте уверены. Ну почему бы ей не удовольствоваться бюстами? А с обнаженной натурой она могла бы работать для «Врат ада». Тогда все думали бы, что автор — он сам. А так она попадет под обстрел в одиночку.

— Камилла…

Он восхищается гибкостью торса, он касается выгнутой спины, раздвинутых ягодиц. Она позировала сама себе. Здесь она, наверно, и сидела, обнаженная, согнувшись. А теперь стоит рядом, совсем другая, в светлой блузе, нетронутая, нематериальная. Словно читая в его мыслях, Камилла отвечает ироничной усмешкой, рот ее изгибается, «словно очерченный самым тонким карандашом», как однажды написал Поль.

С того вечера, когда случилась драка, Камилла стала опасной. Она держалась настороже, как бы в ожидании удара, словно ей довелось пережить побои. Родену навсегда запомнилась схватка двух женщин. К счастью, все кончилось благополучно, Роза успокоилась.

Роден с опаской ждал, как бы Камилла вдруг не спросила: «Господин Роден, не согласитесь ли вы позировать мне обнаженным?» Сейчас она смотрит на него так, словно хочет унизить. Она ликует, видя его рядом с вызывающе изогнувшейся женщиной — рядом с нею самой. Ей хочется его оскорбить. Она никогда не забудет тех дней, что последовали за набегом Розы: ни слуха, ни духа! Он не появлялся в Кло-Пайен больше недели. Она могла умереть, пропасть, он же и на минутку

не задумался, что с нею. А ее на следующее утро мать выгнала из дому.

Она вернулась рано утром, чувствуя, что наконец-то спасена, выбралась из жуткого лабиринта этой ночи, довольная, что достигла родного очага. Мать сидела за столом перед чашкой кофе с молоком.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Я заснула в мастерской, а потом не решилась одна идти по улицам ночью.

— Иди за мной.

Они заперлись в родительской спальне. Большая кровать, распятие. Мать заговорила, а Камилла все разглядывала это распятие над кроватью и слушала этот низкий, шипящий, сдавленный голос:

— Забирай свои пожитки и немедленно убирайся отсюда. Луиза выходит замуж, нам сейчас не хватает только скандала! Поэтому ты сейчас молча встанешь и уйдешь. Можешь жить как тебе хочется, я не возражаю. Я упаковала твои вещи. Мне безразлично, с кем ты живешь, с кем встречаешься. Давай обойдемся без шума, без вопросов. Я извещу отца, что позволила тебе жить отдельно. Иди куда хочешь. Думаю, найдется немало мужчин, готовых принять тебя. Сколько

протянешь, столько это и продлится. Ты выбирала сама. Я предупреждала. Ни слова больше. Ступай. Эжени тебе поможет…

Камилла едва сдержала слезы. Ее ранили, изгнали — ее, невиновную, осудили и приговорили. Стыд терзал ее, как проказа, жег, как огонь. Она смолчит. Раз все считают ее виновной, она должна уйти.

Мать вышла из комнаты. Камилла смотрела на большую кровать, на супружескую спальню. «Отец, отец!» Будь он тут… но, может быть, и он изгнал бы ее. Христос смотрел сверху, распластанный, со склоненной головою. Камилла почувствовала приступ ненависти к нему. Нет уж, она не сдастся. Они еще увидят, все увидят!

Она тоже вышла из комнаты, навсегда оставив позади маленькую, слишком доверчивую девочку; Камилла чувствовала, что часть ее души осталась лежать там, между отцом и матерью, на широкой кровати.

Поль не сказал ничего. Новость дошла до него вечером. Эжени сообщила ему обо всем, когда семья обедала. Он побледнел, встал и заперся в своей комнате. С того дня между ним и матерью началась холодная, беспощадная война. Он перестал разговаривать с нею. Луиза-младшая,

всецело занятая лишь своими делами, не видела, не замечала ничего. Сестра уехала, теперь комната полностью в ее распоряжении, и можно вдоволь мечтать о Фердинанде.

Поначалу Камилла была несколько выбита из колеи: пришлось самой готовить еду, привыкать к молчанию, к долгому отсутствию Родена… Хорошо еще, что Эжени приходила каждый день, помогала и поддерживала. Она одна знала, где живет Камилла. Но если Роден ее бросит, где взять денег на оплату Кло-Пайен? Придется найти что-нибудь другое. Вдруг, однажды ранним утром, он появился, застал ее спящей и удивился, что она тут делает. Он присел на кровать и потребовал рассказать ему все. Удар в живот, тошнота, беспамятство… Как он мог? Уж теперь он ею займется. «Дитя, бедное дитя!»

Долго сдерживаемые слезы наконец прорвались. Рыдания сотрясали Камиллу, она захлебывалась, он утешал ее, гладил. Смотрел с обожанием. Когда стемнело, остался ночевать — впервые за все время, и они спали вдвоем, в обнимку. Она была будто в лихорадке, не помнила, на каком находится свете. К рассвету она успокоилась и, как ни странно, ощутила даже облегчение, когда он ушел.

Жизнь продолжалась. Отец вмешался, и теперь Камилла могла приходить домой обедать и ужинать. Поль так и не заговорил с ней обо всем этом, но стал наведываться в Кло-Пайен. Его сестра оказалась любовницей Родена. Как он отнесся к этому факту, никто не знал. Камилла отвоевала себе свободу и независимость. Отец тоже все правильно понял и никогда не затрагивал эту тему. Все наладилось. Просто у Камиллы появилась мастерская…

— Ах, Камилла? Она по-прежнему работает у господина Родена.

— У знаменитого скульптора?

— Да, — в голосе матери почти неприкрытая гордость, — и у нее даже есть СВОЯ мастерская!

Честь семьи была спасена — лицемерие, источник лжи! Общими усилиями благоприличие вновь вырядилось в строгое платье с глухим воротничком. Все внесли в это свою лепту.

Только Родену было неуютно. Он не мог проводить все ночи в Кло-Пайен. Да и Камилла становилась более раскованной, независимой, жесткой. Фигура, стоявшая сейчас перед ним, свидетельствовала о новой манере работы. Он имел дело с другим скульптором, который пока еще числился у него в учениках, но надолго ли? А

между тем они по-прежнему любили друг друга до самозабвения.

Камилла стояла поодаль, любимейшая, единственная ученица, возлюбленная, она еще ждала, скромная и внимательная, его критики, его суда. Но что же крылось за всем этим? Животные порывы и вершины духа, рабское подчинение и властность королевы… Святая или распутница? Так или иначе, он без памяти влюблен, он поддался безумию. Как далеко оно заведет его?

— Берегись, Кам! — Он целует ее в шею, почти кусает. — Как бы тебя не смяли!

Он обнажил ее груди, он целует ложбинку между ними, еще и еще раз.

— Ой, Поль!

— Что — Поль?

— Я забыла, он должен за нами зайти. Сперва пойдем смотреть новую картину Пюви де Шаванна, а вечером мы втроем обедаем у твоего друга Роже Маркса, ведь нынче вторник.

Роден тоже забыл. Уже месяц, как он представил брата и сестру Малларме. Он входит в группу «Двадцати», существующую с 1883 года: там и Фелисьен Ропс, и Уистлер, Катюль Мендес, Одилон Редон, Вилье де Лиль-Адан. Уже несколько лет поэты, художники, писатели собираются в

доме номер 87 по улице Рима, у Стефана Малларме. Как-то раз Роден рассказал Камилле про Малларме, про встречи с Пюви де Шаванном, с Верленом, Каррьером, Шарлем Морисом… «Я свожу тебя туда».

— А Поль? Можно туда привести Поля, как ты думаешь? — сразу спросила она. — Он как раз недавно говорил, что послал стихи Малларме. Это доставит ему удовольствие.

— Так Поль пишет?

— Во всяком случае, пытается.

И в ближайший вторник они все втроем явились в дом номер 87 по улице Рима.

Камилла очень любила эти вечера и хозяина дома, утонченного, любезного, окруженного художниками. Он сидел, кутаясь в клетчатый плед, поглядывая вокруг проницательными темными глазами, элегантный, строгий, с седоватой, почти белой бородкой. Ей нравилось рассматривать гостей. Поль встретился там с Верленом, но не осмелился с ним заговорить, дурачок! Так и просидел отрешенно в сторонке, на канапе; может, его стесняло присутствие сестры? Женщин там бывало мало, писателей — много. Роден тоже не чувствовал себя там свободно. Зато Камилла наслаждалась изысканным обще-

ством. Они спорили о манифесте символистов, о книге Гюисманса, наделавшей много шуму, «По ту сторону». Йорис-Карл Гюисманс заинтересовал ее, хотя книга ничуть не понравилась. Она придерживала свое мнение при себе, но все эти «воскурения, разлитые ароматы, шипр, шампака, сариантос» и прочие красоты хоть немного смягчали ее обостренное чувство грубой реальности. Она считала их декадентами. Они и были декадентами, и даже бравировали этим. Нега искусственного рая, тяга к болезненному, смакование извращений скорее отталкивали ее. И, как ни странно, только один темноволосый молодой человек по-настоящему привлек ее внимание. Она охотно сделала бы его портрет. У него странно выпуклый лоб, словно две торчащие шишки. Кто-то мельком назвал его имя: Клод, Клод Дебюсси, пианист. Вилье де Лиль-Адан терроризировал ее своей иронией и зеленовато-синими глазами. Нужно было бы почитать, что он написал, но времени не хватало. По вечерам, в усадьбе Нейбург, она читала, жадно глотала книги, но они очень дорого стоили. Столько всего необходимо было узнать, прочесть, а еще она часто проводила долгие часы за рисованием и засиживалась до поздней ночи. Некому было

напоминать ей, что пора спать. Роден, вопреки собственным обещаниям, далеко не каждый раз оставался ночевать.

— Пойми, Камилла, Роза болеет, я должен навещать ее.

Что с этим поделаешь?

Он рассказал ей о Розе, о том, как они встретились, когда он только покинул монастырь и отца Эймара. Она отдала ему всё, свои двадцать лет, свою радость, долгие годы терпела его бедность, разлуку во время Коммуны, вынесла холод, голод и войну. Когда он уехал работать в Бельгию, она осталась одна с ребенком. Она смачивала водой его гипсы, она взяла к себе его отца, когда умерла его мать, в тот ужасный год 1871. Нет, он не мог ее оставить. Нельзя было требовать этого от него…

Камилла слушала и представляла себе душу этой Розы, которую он встретил в том году, когда она родилась. Она тоже отдала ему свои двадцать лет, она тоже его любила. Камилла понимала: он боится. Боится повторить историю Марии, которая умерла, не прожив и нескольких месяцев после того, как осталась брошенной. Никогда он не позволит себе бросить женщину.

— И ведь Роза ничего не говорит. И никогда ничего не требовала. Просто существовала где-то

рядом. Она не требовала, чтобы я женился на ней. Не просила даже признать Огюста. Никогда ничего. Она здесь. Она меня любит. Вот и все…

Хорошо, но как же им обеим впредь уживаться друг с другом? Камилла пыталась сохранять спокойствие, когда он взглядывал на часы, снимал рабочую блузу и брался за шляпу. Часто она спешила забраться под одеяло — лишь бы не видеть, как он уходит, не слышать стука калитки. И начинались долгие часы одиночества…

— Одевайся, Кам!

Камилла застегивает платье доверху. Сегодня они проведут вечер вместе. Поскольку кончится это поздно, он непременно останется с ней. Итак, вперед, и жизнь хороша!

— Смотри, а вот и Поль! — Камилла выглянула в застекленную дверь.

— Отчего ты смеешься?

— Поль зацепился за терновник, попал в куст ногой!

— Поль! — глядя, как он, ворча, дергает ногою, пытаясь сбросить прицепившееся растение, она заходится безумным смехом.

— Камилла, прекрати!

Когда на нее нападает такой смех, остановить ее невозможно. Она высовывается из окна:

— Поль, дать тебе ножницы?

Это означает, что Поль уже сидит на земле, в густой траве.

— Наш поэт опрокинулся копытами кверху!

К счастью, Поль в хорошем настроении.

— Я отомщу, Кам! Когда-нибудь я опишу ужасную мегеру, и спишу ее с тебя!

Камилла смеется еще пуще и, перепрыгнув через узкий подоконник, помогает брату подняться. Но Поль внезапно застывает и некоторое время стоит как вкопанный. Он заметил фигуру согнувшейся женщины, и он шокирован.

— Это моя работа. Посмотри, Поль, — Камилла поворачивает фигуру обнаженной. Поль молчит, будто язык проглотил. — Подойди ближе, она тебя не укусит. Малларме как-то сказал, что прежде чем вынести суждение, сперва нужно исследовать все стороны вопроса. Только посмотреть недостаточно. Нужно проявить некоторую волю к пониманию, не отвергать чье-то творение сразу. На этом принципе основана и наука, и искусство.

Она отлично изображает их всех: Малларме, Вилье де Лиль-Адана, Гюисманса. Про Поля она говорит, что он там выглядел, «как баран перед новыми воротами».

— Ладно, вы что, собираетесь весь день созерцать мои обводы и изгибы?

Поль ее не понял. Камилла изобразила некое танцевальное па.

— «Мадемуазель Камилла Клодель, изваянная великим скульптором Камиллой Клодель!» И тра-ля-ля, и бум-бум!

В довершение всего она похлопала себя по заду, на манер исполнительниц французского канкана. Поль наконец позволил себя увести.

— Вперед, вторничники! Ибо так именуют нас, «ну этих самых», кои посещают по вторникам Князя Поэтов!

Господин Роден следует за сестрой и братом. Она, пожалуй, чуть выше его ростом. Ей — двадцать два года, ему двадцать. Он чувствует себя посторонним, чуждым их сложностям, их детским играм, даже их ссорам. Куда идет эта высокая девушка, та, что исчезает сейчас за деревьями, чей протяжный, насмешливый голос и звонкий смех он слышит там, впереди?

— Осторожнее, Поль, ежели упадешь, я тебя не удержу! — и она повторяет речитативом: — Ты упадешь, я не удержу… Вы не отстали, господин Роден?

Глаза ее сверкнули — будто молния! Она воз-

вращается к Родену, подхватывает его под руку, другой рукой притягивает к себе Поля:

— Пожалуйста, любите меня!

Шакунтала

«Я сплю, но сердце мое бодрствует.
Вот голос моего возлюбленного, который стучится:
— Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!..»
Песнь песней

Камилла ждет результатов Салона 1888 года. Терпение ее иссякает, она срывается с места, ходит кругами у здания выставки. Много, много дней неистового труда. Она выложилась без остатка. Делала и переделывала эту пару десятки раз, без помощи, без совета — даже Роден был лишен права слова. Это — ее творение, и только ее! Чуть попозже, уже совсем скоро, она скажет Родену, что оно означает.

Ей жарко, но она все ходит, издали приглядываясь к толпе. Погода хорошая, но девушка так погружена в мучительное ожидание приговора, что для нее не существует больше ни звуков, ни запахов, ни слов. Она ходит, кружит вокруг здания Салона. Еще полчаса, может быть, час. Она прислоняется к стене в каком-то пустынном

переулке — несколько мгновений тишины, чтобы перевести дух. А где-то там знатоки уткнулись носами в ее статую. Лорнеты, ордена, озабоченно наморщенные лбы. Они глазеют на нее со всех сторон, с грязными минами, поджав губы. Мало кто из них способен слепить хотя бы шарик из глины. Дряхлые, пошлые, пресыщенные! Ей хочется крикнуть: «Это душу мою вы разглядываете, самое святое, что есть во мне!» С каким удовольствием она удалила бы их, вышвырнула вон! Они все вещали, разглагольствовали, и в их корявых лапах жизнь ее становилась плоской, дробилась и рвалась.

«Милостивый государь, чтобы создать это, потребовались долгие часы труда, поисков, часы, когда душа моя пылала. Вы же гуляли, зубоскалили, обжирались, когда я оставалась один на один со своей скульптурой, и жизнь моя мало-помалу перетекала в эту глину, и кровь из самых глубин моего сердца, и время, отпущенное мне…»

Она видит головы, склоненные над мужчиной и женщиной. Мужчина стоит на коленях, женщина слегка наклонилась к нему. «Эх, господин Роден…» Было холодно, они развели огонь, чтобы согреться, — запах дерева, запах леса…

Камилла вернулась из Вильнева. Начиналась

зима. Год 1887 подходил к концу. Ей вот-вот должно было исполниться двадцать три, уже двадцать три. И тут ее настигло нечто мерзкое.

Был зимний вечер, шесть часов; она направлялась в мастерскую J — на днях Роден предложил возобновить работу над одним из эскизов для «Врат ада», нужно было зайти за набросками, чтобы сразу отнести их в Кло-Пайен — а там на досуге разобраться с ними. На двери висела табличка. Внимание, Камилла! Табличка! Она не заметила, погруженная в мысли о статуе, которую Роден бесконечно переделывает, из «Молитвы» в «Призыв», потом в «Горний зов»: дитя, вскинувшее руки перед бездной, готовой поглотить его.

Перед нею предстала гротескная сцена. Женщина, полнотелая, с раздвинутыми бедрами, сидела верхом на коленях у сидящего мужчины, которому не хватало только рожек для полного сходства с фавном. Одна его рука — под правой ляжкой женщины, другая поглаживала между ног. Он соединился с нею. Женщина ласкала и его, и себя. Камилла окаменела, как мраморные группы вокруг нее. Нужно было немедленно что-то сделать, но она не шевельнулась, и лишь в голове у нее крутились строки: «О мой любимый, на цветы присядь, дай уши я большие расцелую…» Слова

Титании, влюбленной в осла. Господин Роден, вы превратились в осла. Я вижу вашу мордочку, господин Роден, но вы меня не замечаете, вы испускаете любовные вопли. Господин Роден, надсаживаясь, стонет, склонившись на белое пухлое плечико.

Смех Иветты насквозь пронзил Камиллу — Иветты, сидящей на коленях у Родена. «Вот те и на! Глянь, Огюст, недотрога явилась! Господин Роден, сделайте же что-нибудь… Не вам, не вам, барышня. Скульптор ты или как? Ишь, глаза-то какие холодные, а зря! Твой Роден отыскивает свои сюжеты не у декадентов. Ему нужна жизнь. Ну-ну, Роден, ничего страшного. Она скульптор, ремесленник, как и ты. Пусть разберется: или она — мужчина, или — женщина. Когда приходят Дебуа или Эскуба, ты так не взвиваешься!»

Иветта ловко нанесла удар — и попала в точку. Камилла дерзко шагнула вперед, но слова не шли с языка. Это свыше ее сил. Это все он, он… Но Иветта права. Камилла настолько увлечена скульптурой, что забывает о себе: в мастерской вновь можно слышать вольные шуточки, и никто уже не обращает внимания на ее присутствие. Верно, если она хочет быть среди мужчин, ей придется мириться с их грубостью, бестактно-

стью. Нельзя играть сразу на двух столах. Иветта права.

Прошла неделя. Они работали бок о бок. В воздухе мастерской J витало напряжение. Камилла нашла наброски, взялась переделывать статую, но все чувствовали враждебность, разделившую учителя и ученицу. Иветта ничего не сказала — ей было жаль Камиллу. Трудно такой молодой справиться с противоречиями жизни. Она даже готова была признать, что девчонке храбрости не занимать, и втайне хотела пожать ей руку.

А потом однажды вечером господин Роден пригласил Камиллу пообедать. Из ресторана он проводил ее в Кло-Пайен. Они разожгли огонь в камине. Камилла посмеивалась сама над собой. Раз уж полюбила скульптора, не все ли равно, каков он? Значит… Она шутила с ним, их «склейка» была подарком, свободным даром, она была великодушнее Розы, не хотела быть похожей на нее; не игнорировать его интрижки, нет, смело смотреть в лицо, но почему бы и ей не завести собственную интрижку?

Роден яростно схватил ее за запястья:

— Нет! Не делай этого, Кам! Только не ты! Не начинай. Это гибель! Только не ты, Кам!

Камилле казалось, будто маленький ребенок

уцепился за нее. Она отшатнулась, и он вцепился сильнее, словно боясь, что она оставит его. В глазах его стояла отчаянная мольба. Обезоруженный, он стоял перед нею на коленях, лицо его исказила боль. Если она сделается такой же, как другие, тогда вся жизнь — грязное болото, и не во что будет верить. Но Камилла слушала рассеянно. Он стоял на коленях, обхватив ее стан руками, она прислонилась к экрану камина, чувствуя спиною жар огня. И потрескивание дров, и запах леса…

Наконец она склонилась к нему, поцеловала в висок, бережно, с невыразимой нежностью. «Господин Роден…» Она трепещет, поддается, вверяет ему и душу и сердце. Ей нет дела до Иветты, фавна, осла, ее захлестывает любовь. Пусть он владеет всем, даже самою смертью!

В камине пылали дрова. Она различала себя и его в зеркалах, отражения множились, и пламя пылало позади них. Он стал алтарем, она — жертвой, их лица сблизились, она едва стояла, готовая соскользнуть вниз, преклонить колени с ним рядом, голова ее запрокинулась, рука бессильно повисла… Он пока удерживал ее, но… Последним усилием она прижала руку к груди — сердце стиснула глухая боль и почти невыносимая радость. За миг до слияния самозабвение пришло к ней

— она умирала. А он положил свою руку поверх ее руки, зная, что вся она — в нем: тело, сердце, и вместе унесутся они вдаль…

Когда она проснулась, рядом никого не было. Он куда-то опаздывал, но перед уходом сделал набросок ее лица и подписал своим слегка дрожащим почерком: «Вечный кумир». И ее потянуло к работе. Пора было наконец завершить задуманную пару. Она знала, что ей нужно. Наспех выпив кофе, она принялась торопливо листать книгу индийских легенд. Вот он, Шакунтала, царь, страстно жаждущий отыскать потерянную возлюбленную, это — память о нем, схваченный момент вечности.

О господи, что она тут делает? Камилла бегом бросается ко входу в Салон. Народ валит толпой. Камилла кое-как протиснулась внутрь. Она слышит слова: «Шакунтала, гипс. Скульптор — мадемуазель Камилла Клодель. Похвальная грамота».

Все прочее не имеет значения. Ее признали, у нее есть наконец свое место между скульпторами. На глаза ее наворачиваются слезы. Толпа теснит ее, но где же Огюст?

— Она всю жизнь будет работать под Родена.

— Скорее всего, он приложил к этому свою

руку!

Пара реплик хлестнула Камиллу, как плеть.

— Конечно, ведь она его ученица. Он ее обучил всему.

— И не только искусству, я полагаю. Вряд ли он захочет лишиться ее!

Камилла задыхается. Эти типы все испортили, сволочи! От них воняет, они пачкают все, к чему прикасаются. Неспособные сами создать что-либо, они только поганят и разрушают!

— Вы ошибаетесь, господа, — громко, ледяным тоном произносит Роден. Камилла никогда еще не видела его таким. В голосе — холодная, металлическая ярость. — Да, мадемуазель Клодель в течение некоторого времени была моей ученицей. Но очень скоро она стала моей сотрудницей, лучшим из моих практиков. Я консультируюсь с нею по всем вопросам. Она является настоящим моим компаньоном. Ни одно решение я не принимаю, не получив ее согласия. Чтобы положить конец спорам, я вот что вам скажу: возможно, я и подсказал ей, где можно отыскать золото, но черпает она это золото из собственных запасов!

Он заметил ее и улыбнулся. Толпа расступилась перед ними. Завтра весь Париж будет говорить об этом. Он гордится ею. Он уводит ее, чтобы

отпраздновать успех. Их окружают художники. Господин Роден и Камилла Клодель. Он сияет, глядя на нее; гибкая, высокая, она молчаливо принимает поздравления, слегка улыбаясь, и только ей, непроницаемо замкнутой, свойственна эта беглая улыбка. «Virgo admirabilis»[11], как сказал однажды ее брат. Она выслушивает, отвечает, но кто похвалится, что имеет доступ к этой гордой душе? Двое скульпторов уходят вдвоем, и люди глядят им вслед с некоторой опаской. Мужчина и женщина, которых скульптура связала воедино.

[11] Примечания: 11
Дева превосходная (*лат.*).

Роден, Роден, Роден

Уже несколько дней идет снег. Зима девяностого года застилает мглой глаза: в воздухе кружится муть, вызывая чувство разбитости и уныния. Поработать вряд ли удастся. Быстро темнеет, света едва хватает на два часа. И в этом свете все выглядит фальшиво. Хватит, с нее довольно. Ей скоро исполнится двадцать шесть. Она старуха, и она потерпела провал. Заказов практически нет, зато сколько угодно ненависти, зависти, сплетен и молчания, равнодушного молчания. Вот и все, что ей достается. Даже Роден не в настроении.

С тех пор как Камилла удостоилась похвалы в Салоне, прошло почти два года, и все свелось к «простой вежливости». Восхищенные фразы, будущность, которую ей пророчили, где это все? К тому же она никогда не любила первые дни после Нового года: почему что-то должно измениться только оттого, что цифра изменилась на единицу! Просто смех!

Два раза она вставала — и ложилась снова. Освещение отвратительное, ничего не получится. И она валяется, бездельничает, глупо и бесполезно,

ни планов, ни замыслов. Кому она нужна? Она ходит в гости к друзьям, к родственникам. Вот у Родена есть Роза, есть натурщицы, есть скульптура. Только ради кого-то очень близкого, кто очень в тебе нуждается, можно захотеть выйти из дому в этакий денек. Или ради работы, а у нее есть работа! Точнее, есть господин Роден, заваленный заказами. Ему не хватает нанятых рабочих. Три мастерские, где с утра до вечера стоит грохот, как в кузнице, называют «Роден и компания». Одни на него нападают, другие защищают, потому художника следует утешать, поддерживать. Критики обильно поливают его бранью, потому его считают жертвой, и все заняты им.

С «Гражданами Кале» вышел скандал. Памятник до сих пор не установлен, городской комитет в Кале по-прежнему настроен враждебно по причине полнейшего непонимания. Год назад Родену заказали памятник Виктору Гюго, который будет установлен в Париже, плюс все еще не завершенные «Врата ада», памятник Клоду Лоррену в Нанси, не говоря уж о политических деятелях и богатых дамах, которым хочется иметь свой портрет его работы. Ох, эти дамы! Камилла с радостью повырывала бы им глаза. Они являются, распускают крылышки, упрашивают, выпячи-

вают ягодицы. Впрочем, благодаря им Камилла нашла себе если не подругу, то сообщницу. Когда эти особы убираются с их территории, со всеми своими духами, драгоценностями, деньгами и визитными карточками, Камилла и Иветта отводят душу, насмехаясь над этими дамочками. Их образ жизни кажется им непристойным; это и есть настоящие содержанки, паразитки, живущие за счет общества. Если они замужем и у них есть деньги, отсюда не следует, что им все позволено. А они присвоили себе даже привилегию приближаться к фавну в человеческом облике… «Ах, ох! Господин Роден…»

Огюст Роден часто бывает у госпожи Адан. Туда наведываются Гамбетта, Вальдек-Руссо, Эжен Спюлер, министр по делам искусств, всемогущий художественный критик Кастаньяри. Камилла больше не ходит с ним. Во-первых, ее редко приглашают, и потом, ей нечего надеть. На последнем из таких званых вечеров, где Камилла побывала, Родена окружили, атаковали, рвали на части; даже Кастаньяри хотел заполучить свой бюст его работы. Сильно хотел — для него это, быть может, единственная возможность остаться в памяти потомков. Камилле этот тип весьма неприятен. Когда она сидела у дверей гостиной,

только Шарль Гуно заговорил с нею, но ведь она совершенно не разбирается в музыке! Пришлось говорить о Фаусте, о мифе молодости, о договоре Фауста с дьяволом. Она всегда питала слабость к старине Фаусту! Гуно, которому было уже за семьдесят, улыбался в свою окладистую белую бороду.

Теперь-то она знает, зачем нужен такой договор. Время уходит, она теряет самоуверенность молодости. Зернышко по зернышку, у нее отнимут все.

Роден заполонил год 1889. Он — на виду. Камилла — здесь, на кровати, скорчившаяся, свернувшаяся клубочком.

Устроили выставку, он попросил: «Ты ведь придешь туда, Камилла, правда? Я буду ждать. Для меня это очень важно. Притом ты есть в каждой моей работе, пусть это будет воздаянием тебе!» Она была хороша, вся в белом, и спешила, как на любовное свидание. Легкий ветер, запах сирени. Прохожие глядели вслед высокой, словно излучающей свет фигуре. Мужчины позволяли себе помечтать, женщины завидовали этой свободной товарке, которая шла одна куда-то, где ее кто-то ждал.

Камилла подошла к галерее Жоржа Пти. Сколь-

ко народу, и все лица вокруг — чужие! Ей вдруг стало страшно. Толпа теснила ее со всех сторон, она едва различала полотна Моне и скульптуры «мэтра». Так она называет его со смесью нежности и иронии: для нее слово «мэтр» всегда связано с понятием «метресса», любовница. Он ей — «мэтр», а она ему… Двойной смысл слов всегда смешил ее.

Он заметил ее, пошел навстречу, обнял за плечи. «Я рад, так рад, что ты пришла!» Подошла молодая женщина. «Вы с Бланш незнакомы? Знакомьтесь: Камилла Клодель!»

Он повернулся к этой молодой гусыне, но тут кто-то взял его за руку: ах, это Октав Мирбо, добрый друг. Мирбо потащил его, чтобы кому-то представить. Его похитили, увели. Она попробовала сказать несколько слов этой Бланш, но у той были свои друзья.

— Простите, мадемуазель, не расслышала вашу фамилию?

Камилла не успела назвать свое имя, да и к чему? Про нее уже все забыли. Роден издалека поглядывал на нее — по сути, следил за нею. Она хорошо разбиралась в выражении его глаз и не раз замечала за ним эти уловки; стоило ей заговорить с кем-то из знакомых, нет, он не ревновал

в прямом смысле слова, но беспокоился, не мог примириться с тем, что от него, Родена, ускользнула возможность еще одной дружеской связи, досталась другому, другой — не ему. Роден даже не представил ее как скульптора. Она не увидела ничего, ни картин, ни статуй. Нужно будет прийти в другой раз и все спокойно рассмотреть. Ведь всей этой компании наплевать на выставку. Они здесь не затем, чтобы посмотреть, а затем, чтобы на них посмотрели. Как можно расслабляться, ожидать, что их проймет даже и величайший шедевр?

Триумф! Семьдесят картин Моне и тридцать шесть статуй Родена. «Шумное одобрение».

Эжену Каррьеру обстановка, похоже, тоже не нравилась. Они с Камиллой вышли и отправились бродить, беседуя о том, о сем. Ей очень нравился Эжен, и он ей отвечал тем же. Они оба заметили, что Родена захлестнула волна похвал, исходящих от общества, совсем недавно обливавшего его помоями и готового приняться за это хоть завтра. «Новатор номер один, освободитель скульптуры… Только что открывшаяся выставка… колоссальный успех двух превосходных художников… Именно в них воплотилась с наибольшей отчетливостью и блеском суть этих двух

искусств в нашем веке». А какое место тут остается за нею? Место ученицы господина Родена.

Камилла резко повернулась на кровати. Не то чтобы она испытывала ревность, просто ситуация складывалась безвыходная. Один успех влек за собою другой. Спустя несколько месяцев Антонен Пруст, особый уполномоченный по делам искусств, предоставил в распоряжение скульптора новые помещения.

О, что касается присутствия при нем, это ей было предоставлено в полном объеме! Сколько раз он изображал, преображал ее! Кто только не мечтал об их безумной любви! Весь Париж завидовал ей, женщины ревновали. Разве не создал он «Вечного кумира», в коем всякий мог узнать ее — в той девушке, сидящей на коленях у обнявшего ее мужчины? Камилле казалось, что она видит своего «Шакунталу». Они с Роденом подумали одинаково. Да что толку? «Шакунтала» давно позабыт. Критики исходили восторгом перед группой работы господина Родена, «этим чудом нежности».

Камилла уткнулась лицом в белую подушку. Вот они здесь, в комнате — сплетенные воедино мужчина и женщина, изваянные ею с такой любовью, ее единственная похвальная грамота.

Почему они все от нее отвернулись? Никто не захотел купить ее работу. Вот он, образ ее поражения, перед глазами.

Нужно встать. Виктория всегда говорила: «Сам себе не поможешь, и Бог не поможет!» Вильнев! Даже Вильнев ее теперь отталкивал. Она не захотела поехать туда этим летом. Белое вино у мэра, бесконечные визиты, поездки. «Вы — дитя нашего края, наша художница. А господин Роден не собирается наведаться к нам?» И после этого — обида, как гром среди ясного неба.

Ей не доверили проект памятника в честь столетия Революции. На маленькой площади Республики, где она когда-то играла ребенком, будет стоять скульптура другого художника. Нашлись благовидные извинения: ведь он нынче самый прославленный художник. И потом, она уроженка Вильнева, пойдут пересуды. Муниципальный совет не хочет обвинений в фаворитизме. И вообще, там видно будет… Эта история выбила почву у нее из-под ног, стала незаживающей раной. Существует Роден. Господин Роден. А кто признает ее? Уж лучше покончить с этим сразу.

Скрежещет заржавленная калитка. Его каблуки стучат по земле. Он вешает зонтик на крючок. Тяжело поднимается по лестнице…

— Кам, Кам, ты нездорова? Что с тобой?

— У меня ничего не выйдет. Все кончено. Меня забыли, — она рыдает, захлебываясь слезами. Ей не хочется так распускаться, но сил нет. Она уже икает — и это перед ним!

— Камилла, милая, перестань. Ты заболеешь!

— Я не получаю заказов. Я не существую…

— Что ты такое говоришь? Разве Лермит не заказал тебе бюст своего сына Шарло?

— Да, но это у тебя он спрашивал совета, как отливать его в бронзе. И Лиар отказывался выполнять мои требования насчет черной патины, пока не получил от тебя рекомендаций… И вообще, он твой друг и обратился ко мне просто потому, что у тебя не хватало времени взяться за этот бюст!

— Чепуху ты несешь! А «Молитва»? Уж ее-то ты делала сама! Я — никчемный старик. Такой «Молитвы», как твоя, мне никогда не сделать. Да еще все то, что ты делаешь вместе со мной…

Однажды, жарким днем, она вошла одна, без спутников, в какую-то безвестную церковь. Там было тихо, мирно, спокойно. Камилла присела на плетеный соломенный стул. Какая-то молодая женщина стояла там на коленях, запрокинув голову, и лицо ее сияло блаженством. Когда-то

Камилла читала сочинение «Часы блаженства». Что делала та женщина, о чем думала? Что породило это потаенное ликование, это сияние на лице ее, непостижимое мыслью человеческой? Камилла не сводила с нее глаз; поодаль трепетал, словно сердце, красный огонек. Камилла чувствовала себя защищенной, укрытой от опасности. Вошли две ханжи-богомолки, судача о чем-то вполголоса, сквозь зубы, как госпожа Луиза будучи в дурном настроении, выплевывая свою озлобленность, и устроились на сиденьях, шумя, как пустые жестянки. Камилла не сводила глаз с молящейся. Ни одна черточка на лице ее не дрогнула. В каком мире пребывала она? Откуда это счастье?.. Камилла убежала оттуда, как будто стремилась избавиться от умиротворения, в котором ей было отказано.

— Я хочу уехать, куда-нибудь далеко…

— Но куда? Послушай, Камилла, мне без малого пятьдесят один год. И лишь чуть больше года, как я начал становиться на ноги, получать заказы. А у тебя вся жизнь впереди. Скульптура — дело неспешное. Ты справишься. Прежде всего наберись терпения…

Но Камилле как раз и не хотелось терпеть. Она чувствовала, что времени у нее мало. Не собира-

лась она в семьдесят лет заниматься скульптурой. Ей нужно все, и все сразу!

— Все сразу! Пока я еще молода… Через десять лет я лучше работать не стану.

— Без терпения не обойтись, Камилла. Вдохновения не существует. Мы — честные работники, современные ремесленники. Если твой талант необычен и нов, ты можешь рассчитывать лишь на кучку сторонников и толпу врагов. Не падай духом. Первые ликуют, потому что знают, за что тебя любят, вторые не понимают, отчего ты так им неприятна; они не способны на длительную верность чему бы то ни было, они вертятся, будто флюгер, куда подует ветер. Посмотри, ведь и у меня это продолжается. Ты видела моего «Виктора Гюго», публика воет и требует крови потому лишь, что я хочу представить его обнаженным. А по-моему, бога в рединготе показывать нелепо! Камилла улыбнулась. — Послушай, Кам, свою первую настоящую скульптуру я сделал только в тридцать семь лет. До того я работал каменотесом, как простой рабочий.

Она все это знает. Но у нее — другое дело. У нее нет времени. У нее не будет времени.

— Ты дитя, ты еще дитя. Позже ты убедишься. Работай. Ты хотела быть скульптором, но это дело

долгое и тяжкое. Оно никого не интересует. Кому нужны твои труды? Им наплевать, делаешь ты что-то или нет, а если бросишь работу, они даже не обрадуются, потому что им все равно. Только от тебя зависит, браться ли каждое утро за создание своей мечты. Хочешь знать — только твоя забота — самоутверждение. Но если ты сумеешь все перетерпеть, если достигнешь успеха, как Микеланджело, тогда ты навеки будешь связана с человечеством, которому подарила понимание сути вещей и красоту… — И Роден добавил, словно про себя: — Особенно в нынешнее время, когда ищут в первую очередь пользу, а не дух, не мысль, не мечту…

Она смотрела на него синими растерянными глазами. И он, слегка сутулясь, тоже растерянный, смотрел так, будто пытался разглядеть что-то вдалеке.

— Художники — враги общества. Ну, мадемуазель скульптор, пойдем пить кофе! Довольно я из-за вас нынче наговорил глупостей, как старенький дедушка, который заговаривается!

Камилла, смеясь, представила себе, как он выглядел бы в качестве дедушки, в старом пальто, с меховым покрывалом на коленях. Потому что он будет знаменитым, богатым, почтенным, с

красивой белоснежной бородой, с шалью или пледом, накинутым на плечи, и в старом берете, в своем любимом большом берете.

— Расскажите мне, господин Роден, какой была эта Камилла? — опустившись на колени, сказала она. — Мне кажется, вы сильно ее любили. Она тоже занималась скульптурой, или просто была красивой и молодой?

— Погодите, сейчас объясню, — Роден схватил Камиллу и прижал к себе. Она дернула его за бороду. — Ну, погоди, ты еще увидишь, на что годен твой старенький скульптор!

Он держал ее крепко. «Да вы совсем замерзли, мадемуазель!» Он развернул ее к себе спиной, задрал сорочку и начал крепко растирать ее ягодицы. Камилла отбивалась, но Роден не отпускал.

— Вам нужны мускулы, мадемуазель, иначе что вы за скульптор! Вам нужно обтесывать камень, орудовать молотком!

Камилла уткнулась носом в простыню. Она болтает ногами, но ей не хватает точки опоры, и удары получались слабые. Он шлепнул ее по заду и опрокинул на кровать, сам навалился сверху. Она смеялась, не сопротивляясь. Но нельзя же вот так просто взять и сдаться! Она мечется, брыка-

ется, выгибает спину, чтобы сбросить его с седла. Но он удерживает ее всем своим весом, она чувствует шероховатость его пальто и шерстяного шарфа. Желание его разгорается все сильнее, она отвечает ему. Ее неподатливость лишь служит дополнительным соблазном. Она притихает, лежит в кольце его рук, словно заснула. Она раскрывается чуть побольше… вспоминает про Психею-Весну… Ей хочется что-то узнать, и она отдается на его волю. У Родена есть скульптура, «Психея-Весна», Камиллу поразила неистовость ее движения — а теперь ей самой хочется неистовости, насилия. Его палец потихоньку углубляется в нее сзади, без всякого стыда она помогает ему. Камилле представляется, как она надевает на стержень большой ком глины, темной и влажной; он послужит опорой, чтобы она могла слепить, породить новую форму. Камилла чувствует себя таким стержнем — Роден держит ее, поворачивает, владеет ею. «Нет, еще нет…» Она рассыпается в прах, земля ускользает, глина уходит из-под рук. Нет, он снова с нею. Он заново приступает к ней, перестраивает. Он проникает в нее, погружается в недра. Он выравнивает ее, а она разворачивается вокруг краеугольного камня, замкового камня свода. Он изгибается

аркой, наносит удар спереди. Дуга, круг, розетка, трилистник — черная роза. Непостижимое сплетение жизни и смерти. Семя и навоз. Утроба — это и отбросы, и лоно. Конец и начало. Омега и альфа, весь мир подвешен на ниточке секунды, целый мир — и секунда замирает, растягивается… Какая тайна рождается ныне меж их пылающих ртов?

Сияющие, разнеженные, взмокшие и благоухающие, они засыпают, поглощенные друг другом, исчезнувшие из этого мира.

Письмо из лечебницы

«...На самом деле, они пытались заставить меня заниматься скульптурой здесь, а поскольку у них ничего не вышло, то теперь мне устраивают всякие гадости. Но меня этим не проймешь, наоборот...»

«Итак, следует ли из того, что скульптура часто ставится над могилами, делать вывод, что ныне этот вид искусства умер и потерял смысл существования? Отнюдь…

Но, изгнанная ныне из общественных мест и лишенная открытого воздуха, скульптура, как и другие искусства, отступила в те уединенные убежища, где поэты скрывают свои недозволенные мечты…»

Поль Клодель, август 1905

Комнаты в усадьбе Нейбург. Она говорила: «Это безумие!» Она смеялась: «Эта старая развалина стоит слишком дорого!» Он брал ее руки в свои и шептал: «Пусть это будет мое безумие…» Они бегали по лабиринту из пятнадцати комнат Кло-Пайен, теряясь, чтобы порадоваться, когда найдутся, в безумной «усадьбе Нейбург».

С тех пор она усвоила урок: не употреблять этого слова. «Безумный поступок», «Они безумно любили друг друга…» Никогда больше, слышите вы?

С самого детства скульптура была для нее способом бунта. Запертой в убогой больничной палате,

ей оставалась лишь одна возможность сохранить свободу: сказать НЕТ.

Заставив бездействовать свои десять пальцев, она решила напомнить всем о своем Отсутствии.

Навсегда?

Как Орфей, она осмелилась проникнуть в Ад…

Принцесса

«…О мои пальцы! О запястья! Я помню
— меня привязали здесь, пробили руки.
И, разбитая, несчастная, я погрузилась
в сон…»

Поль Клодель, «Золотая голова»

Поль писал книгу. Вот в чем была его тайна. Уже много месяцев он выглядел озабоченным, рассеянным. Поль стал писателем. Только что он зашел к сестре, чтобы подарить книгу, свою книгу. Камилла была счастлива. Первое издание! Она будет читать весь вечер напролет. Брат просто положил книгу перед нею, без единого слова; уж он такой! Она выходила за покупками — было еще холодно, и ей хотелось сварить на ужин сытного, горячего супа. С некоторого времени она стала зябнуть, ее постоянно клонит в сон. Иногда она впадает в дремоту прямо посреди бела дня.

Поль выложил книгу без всяких объяснений.

У Камиллы не предвиделось никаких заказов, никакой работы. Ее полностью поглощала бесконечная работа на Родена. Да и вообще, у нее не было натурщиков, не хватало денег платить

им, а Роден много раз «забывал» снабдить ее. Она дала себе клятву, что не будет больше никогда плакать перед ним, и ничего ему не сказала. После той «оргии», как она это назвала, они вместе пили кофе. Он неожиданно робко посматривал на нее; она спросила, все ли у него в порядке. Он как будто хотел что-то сказать, но промолчал и только повторил: «Ты работаешь, как мужчина. Не беспокойся, все наладится!» Он не предлагал ничего конкретного; ей нужно продолжать, она — воплощение скульптуры, она существует, вот и все.

Месяц февраль подходил к концу, можно было работать подольше. Роден был перегружен работой. Она посмеивалась, выслушивая от него жалобы на излишек заказов!

— Нужно было бы переделать руки в «Отчаянии», в той маленькой статуэтке. Кстати, вчера вечером ты была на нее очень похожа! И еще я недоволен Эусташем де Сен-Пьер. «Граждане Кале» меня сводят с ума. У меня слишком много дел. Я ничего не успеваю!

— А мне Эусташ де Сен-Пьер нравится. Он самый достойный из них, он понял, что все уже сказано и остается лишь подчиниться. Он просто идет навстречу смерти, без самоотречения. Идет,

и все.

— Тебе нужно сделать увеличенный вариант рук Пьера де Виссана. Я доволен своим эскизом. Одна рука почти богохульствует, другая словно заклинает.

— Эусташ напоминает мне Бога из Амьена.

— Неужели? Ах, если бы мне когда-нибудь удалось хоть немного приблизиться к искусству этих великих мастеров! Я не упускаю случая побывать в готических соборах. Что же касается Виктора Гюго, я ни за что не соглашусь одеть его! Что вы об этом думаете, мадемуазель Клодель?

Камилла хотела ответить, но он добавил:

— И оденьтесь поскорее, не то простудитесь. Не хватало еще, чтобы в такой напряженный момент мой лучший практик заболел!

Она вскочила, немного слишком резко. Он, несомненно, уязвил ее своими словами, но почему — так и не понял.

— Ты упоминала, что твой брат хочет поступить по конкурсу в министерство Иностранных дел? Если не ошибаюсь, 15 января? — заговорил он, чтобы загладить неловкость. Камилла ответила кивком головы. Она не видела связи между этой репликой и их разговором.

— Я могу написать министру рекомендатель-

ное письмо. Он — мой приятель. Толку из этого немного, а все-таки… Ты довольна?

Ну конечно, Камилла очень рада за брата. Но зачем он об этом говорит? К тому же Поль не нуждается ни в каких рекомендациях.

Она пошла в спальню одеваться. В этот момент она почти ненавидела этого самовлюбленного человека, который ждал, что его поблагодарят. Если б можно было обрушить на него потолок! Ба-бах! И с мэтром покончено! Лепешка, мешок гипса, прах… А она? Что станется с нею, затиснутой между Полем и Роденом? Судя по тому, как складываются обстоятельства, исчезни она вовсе, они даже не заметят. Фантом, тень двух мужчин… Вдохновительница, Модель, Сестра, Служанка двух великих гениев! Господин Роден держит ее за одну руку, Поль возьмется за другую, и оба растерзают ее сердце, слабеющее с каждым днем.

«Золотая голова». Поль Клодель. Книга ждет. Камилла торопится, ей холодно. Она не сядет читать, пока не пообедает. Ей нравится сперва поразмыслить над названием. Иногда, рассмотрев книгу, она ее так и не покупает. «Золотая голова» — это звучит. Напоминает о скульптуре. Было бы здорово сделать статую из золота, золотую голову. Ваять прямо по золоту, плавить, прямиком выни-

мать из литейной формы, как алхимик из тигля. Разумеется, она вовсе не Родена исполнила бы из золота. Нет, женщину, великолепную женщину, воительницу, но при этом святую. Жаль, что имя «Христос» не имеет женской формы.

Земля. Да, можно было бы сделать гигантскую Землю-Женщину, рожающую Солнце-Мужчину. Камилла уже представляла себе ноги богини, глубоко погруженные в глину: она пригнулась, почти сидит, колени раздвинуты. Нечто фантастическое, ужасающее, а вверху — сияющая, преображенная голова. Руки у нее будут обращены раскрытыми ладонями вперед, без всякого насилия, готовые дарить, отдавать, принять любой дар. Она будет обнажена, а рождающийся мужчина у ее ног будет появляться как бы одновременно из ее утробы и из земли…

Плюх! Морковка упала. Камилла наклонилась — и уронила две картофелины. Целая гекатомба! В настоящий момент материалом для ее скульптур являются овощи. Господину Родену потребуется питательный суп после визита к Розе, «такой послушной», по его словам.

Камилла отгрызла кусочек морковки. Нет, так не годится, не из чего будет варить суп. Кухонная работа ей быстро надоедает, но нынче вечером

так холодно, нужно поесть горячего. Покрошить лук-порей, картошку кружочками, стук-стук, стук-стук. Камилла забавляется, вырезая узоры. Кло-Пайен, заброшенный дом — унылое место. Скоро весна, а весной Роден всегда приходит поздно. К счастью, завтра придет Эжени, пообедать и переночевать. Спасибо отцу, он настоял, чтобы мать дважды в неделю отпускала Эжени составить ей компанию. И каждый ее приход — праздник и великая радость!

«Золотая голова». Камилла не выдержала и начала читать, дожидаясь, пока сварится суп. При свете оплывающей свечи она переворачивает страницы и поглощает образы. Это — как порыв ветра в Вильневе. Она забывает, что книга написана ее братом, хоть и узнает там знакомую подробность, здесь общее воспоминание. Поток уносит ее, ритм завораживает.

История молодого крестьянина Симона Аньеля, его ярость, его вопли. Он встречается с другом детства Себесом в полях, в предвечерний час. Он несет в Деревню тело юной женщины, чтобы там похоронить. Она умерла у него на руках.

— Мы слили губы наши в единый плод, и общая душа наша стала его ядрышком, и она сжимала меня своими простодушными руками!

Камилла смеется: как не узнать вершину Гейна! Это она — и не она. Ей вспоминается ожидание, пронизывающий холод и двое затерянных в лесу детей, прижимающихся друг к другу.

Господи! Суп выкипает! Камилла отливает излишек парящей жидкости в старую надтреснутую чашку и продолжает читать. Юноши похоронили девушку, которую оба любили. Теперь они идут куда-то вдвоем, затерянные в ночи. Шелестят страницы, тает свеча. Поле, озаренное луной, любовный обет двух мальчиков — чувственный, полный соблазна. Себес — на коленях перед Симоном: «Что-то льется мне на голову…»

Она читает. Поль чеканит слова еще яростнее, чем Роден лепит глину. Откуда у него эта ярость, это неистовство? По сути, она так плохо знает своего брата. Двое крестьян обнялись, и Себес уходит, исчезает в ночи. Симон остается один — он клянется исполнить свой долг. Он целует, обнимает землю и засыпает, лелея угрозу.

Камилла быстро переворачивает страницу: часть вторая. Дворец, король, принцесса, агония Себеса. Смерть, отвратительный рак, во дворце повсюду, все заполонила, ужасная и неотвратимая, и юный Себес не переживет ночи. Он ждет возвращения Симона, ушедшего спасать страну;

он умрет.

Камилла очутилась в темноте — забыла вовремя сменить свечу. Порылась в ящиках на ощупь, забралась на четвереньках под стол, куда задвинула картонку со свечами. Она остановилась на моменте, когда принцесса по приказу отца собиралась переодеваться. Вот и она, блистающая как солнце, воистину Золотая голова! Но нет, ведь Себес называл Золотой головою Симона. Золотая голова — это он. А принцесса одаривает мужчин своими милостями.

«Я бываю на рынках и навещаю праздники, и спрашиваю: кто хочет обменять пригоршню ягод ежевики на пригоршню золота? И взвесить вечную любовь на весах человеческого сердца?»

Камилле вспомнился семейный обед года четыре назад. Ну конечно! Поль был так поглощен восьмой главой «Притч». Рождественский вечер!.. Поль преобразился. Это — парабола мудрости. Камилла читает; для нее несущественны ни заимствования, ни даже сама фабула. Главное, что поражает ее, — это искусство, с которым Поль выстраивает слова…

Мужчины отвергают принцессу. Камилла замерзла — в кухне холодно. Сколько времени она провела за маленьким столиком, читая и

перечитывая? Она отрезала кусок сыра, ломоть хлеба, отломала дольку шоколада и отправилась наверх, укладываться в постель. Под периной будет тепло, и можно еще почитать. Она торопливо сбросила юбку нижнюю, верхнюю, оставив шерстяные чулки, и юркнула под одеяло.

«Прекрасной и блистательной дамы, которая только что говорила с вами, уже нет в живых».

Уложив подушки под стенку, обитую деревянными панелями, прислонившись к ним спиною, Камилла продолжает перелистывать страницы. Вот Кассий, соратник Золотой головы. Какая победа! Она охотно сделала бы статую победителя, каким его описывает Кассий. Какая сила! Вот что пригодилось бы Родену для лошадей Аполлона. Ее брат — ясновидящий: читаешь, и чудится, будто видишь все своими глазами.

«О радость! Победа, как конь, со ржанием каталась по полю битвы, размахивая сверкающими копытами, показывая небу свое брюхо, как брюхо у форели!»

Поль — гений. Вот он, здесь, Золотая голова! Камилла видит его — огромного, истекающего кровью в час, когда разгорается заря. Камилла забыла о времени, потрясенная, она присутствует при кончине Себеса, когда пробивается первый

луч солнца и поет жаворонок.

«Смерть, Смерть удушает меня своими нежными нервными руками».

Золотая голова убивает короля и, смеясь, преследует принцессу. Он жаждет обладать всем. Он одновременно и мужчина, и женщина, со своими длинными волосами, юным лицом и коварной улыбкой юной девушки, но он убивает без угрызений совести. Он смеется, убивая, преследует женщин, и принцессу тоже. Ее изгоняют, и она уносит мертвое тело своего отца.

Камилла не ожидала такого неистовства, такого убийственного сочетания слов и звуков.

Третья часть. Камилла бодрствует, свернувшись в своей постели, наедине с Золотой головой. Золотая голова потерпел поражение, он покинут всеми, он погибает на каменистой вершине, на краю света. Камилла на высоте, на вершине Шинши, деревья пылают от закатных лучей солнца, которое угаснет одновременно с Золотой головой, раненым, обнаженным. И принцесса, чьи руки пробиты гвоздями, как у пойманной птицы, претерпевшая насилие от дезертира, — поразительный диалог! Пробило три часа. Принцесса, распятая, умирает. Последний прощальный поцелуй тому, кто только что признал ее королевой

у всех на глазах.

«Но ты, любимый!

Словами не высказать то, что я умираю за тебя.

Ты дрожишь, сердце мое?

Я родилась, чтобы жить. И умираю ради…»

Камилла захлопнула горестную книгу; мысленно она еще оставалась там, в Вильневе, на ветру, на заходе солнца. «Поль, мой малыш». Принцесса лежит рядом с нею. Она видит их обоих, спящих, блестящих как золото, окаменевших, изваянных словами ее брата. Она никогда не читала ничего подобного. Этот стремительный, пламенеющий, изломанный, сдержанный почерк…

У него тоже есть дар жизни, и он пишет…

Но зачем ему поступать на службу? Министерство иностранных дел — что за чушь! Он — поэт. Что он будет делать в унылых кабинетах, среди чиновников? Разве не он когда-то признавался, что хочет уехать, оставить семью, оставить все, что его окружает? Камилла вдруг вспомнила про Рембо. Да, Поль хочет отыскать Рембо, точно! А принцесса? Камилла не знала, есть ли у него подруга, вообще какие-нибудь женщины. Где он

отыскал эту, описанную здесь?

Камилла улыбнулась. Неужели это она вдохновила его? Ей вспомнился еще один эпизод. Ну конечно! Она была в комнате у Поля, искала карандаш и наткнулась на рукопись: «Спящая». Тому уже… ах да, уже два года.

— Что это такое? Можно мне почитать?

— Если хочешь — пожалуйста.

Поэт, влюбленный в прекрасную Галаксору. Она узнала лес Шинши, и старого гуляку, шатающегося по ночам.

— Это и есть прекрасная Галаксора. Она похожа на «Данаиду» Родена. Знаешь…

— На этот раз моделью послужила не ты, честное слово. — Он повернулся к ней и с неожиданным напором добавил: — Читай дальше. Ты себя узнаешь.

Стромбо, жирная громадина, ужасная великанша, храпит в пещере. Пьянчужка, которая едва не сожрала малыша-поэта, великанша с толстым брюхом, «томная китиха», опрокинутая килем вверх, болтающая ногами в воздухе. Она швырнула книгу брату в голову. Он смеялся, довольный, что разозлил ее. Притом он был прав.

Не бывает единственного и точного прототипа у какого-либо творения. Ведь и Камилла сплав-

ляла различные элементы, перерабатывала их многократно. Ее работы одновременно и говорили правду о ней, и вполне законно обманывали. Ведь натура — лишь зацепка для начала работы. Сколько раз она замечала, как натура оказывается овеществлением ее фантазий?

Это приводило в бешенство Родена: «Воображаемое не существует. Опирайтесь на природу. Будьте предельно правдивы!» Камилла улыбалась. «Ни о каком „творении“ и речи быть не может! „Творить“ — бесполезное слово!»

И в то же время он попрекал тех, кто рабски следовал за всеми подробностями натуры: «Нужно обращаться к душе!»

Поль был именно таков, ее просветленный брат! Ей хотелось прямо высказать ему свое мнение. Ему нельзя было становиться чиновником, послом или как это там называется. Пусть пишет, пусть следует до конца за своею мечтою.

Они заключили между собою союз. Ночью, на кладбище, под завывание волков… Он взял меч Зиглинды и Зигмунда, и они надрезали себе запястья и смешали свою кровь.

«Поль, не оставляй меня!»

Полю было десять лет, она сидела на обочине дороги, затерянная в лесной глуши, чувствуя, как

из нее истекает кровь.

«Поль, Поль!..»

— Сука, сука, ты спала с ним! — Он склоняется к ней, дитя света, она видит его алые, отливающие золотом губы, юный рот, горящие глаза; он склоняется все ближе, она вся пылает, и вдруг ощущает поцелуй. Дитя отпрянуло, смеется, длинные локоны взвиваются, он протягивает ей руки, но дитя — это она сама, великанша. Статуя светлого золота.

Поль стоит перед нею и страдает.

— Ты не должна была читать. Ты не должна была читать!

Однако она не могла не заметить название: «Преждевременная смерть». Она подходит ближе к юноше, он — тоже статуя из золота, как и она, он бормочет:

— Пойдем! Я сделал, что хотел, и умру от собственной руки.

— Лицемер! Лицемер! — она разражается смехом. Он внезапно вскакивает и мчится прочь.

— Пойдем поиграем. Пусть ты будешь Смерть.

Камилла проснулась вся в поту. Свеча давно погасла. Уже брезжил рассвет. Что случилось? Это был сон? Однако что-то было наяву. «Преждевременная смерть» существует. Она забыла,

но теперь припоминает, как рассердился Поль, когда она перелистывала страницы рукописи, лежавшей на столе. Вспоминаются и строки, которые сильно ее поразили:

Вспомни же, вспомни знамение!

Кончено все. Ночь поглотила имя.

И ужасающее негодование Поля — он вырвал страницы, разорвал на клочки, он кричал: «Уходи! Чтоб ноги твоей больше не было в моей комнате! Убирайся!» Почему он был тогда так груб?

Занимается день. Заснуть больше не удастся. Вдруг она чувствует головокружение. Подступает тошнота. Она торопливо выскакивает из постели, бежит к умывальному тазу. К объявшему ее страху примешивается непостижимое и неожиданное ощущение радости. Она перешла последний предел.

И дитя уже ожидает ее.

Письмо из лечебницы

«…Сегодня, 3 марта, годовщина моего водворения в Виль-Эвраре, тому уже семь лет… каяться в грехах в приюте для умалишенных. После того как у меня отняли дело всей моей жизни, меня еще заперли в тюрьме, которую они вполне заслужили сами…»

«— Здесь есть пустельга, которую за крылья привязали к стволу ели.
— Какое варварство!
— Сейчас вместо этой птицы привяжут тебя.
— Неужели ты и впрямь намерен так поступить? Ты же не привяжешь меня, как птицу, которую прибивают гвоздями за крылья?..»

Поль Клодель, «Золотая голова»

Мой маленький Поль! Зачем он написал все это — вот уже почти пятьдесят лет назад?

Та ужасная история понравилась ей. Здесь у действительности было другое лицо.

Принцесса — «Камилла, такая, как в Мондеверге, ужасно старая и жалкая, с торчащими во рту жуткими пеньками зубов».

Их тут две тысячи таких — в Мондеверге.

Замок Ислетт

«...Узнай же, что я был графом Уголино...
Я слышал, как забивали гвоздями дверь ужасной башни, и молча глядел на своих детей.
Я не плакал, ибо чувствовал, что душа моя обращается в камень...»
Данте, «Божественная комедия»

«*Господин Роден, поскольку заняться мне нечем, я снова пишу вам. Вам трудно представить себе, как хорошо в Ислетте. Сегодня я ела в центральной зале, которая служит оранжереей, откуда видно сад с обеих сторон. Госпожа Курселъ предложила* (*без малейшего побуждения с моей стороны*), *чтобы, если вам захочется, вы обедали там время от времени или даже постоянно. Я думаю, ей самой этого очень хочется. И там так красиво!..*»

Камилла подняла голову от письма. Сквозь открытое окно ей видно деревянный мостик

и речку. Она слышит размеренное шлепанье мельничного колеса. Сегодня воздух совершенно неподвижен. Она ела мало, но у нее болит в правом боку. Ребенок толкается, теперь она чувствует его движение каждый вечер — он шевелит ручками, ножками. Рукою она нащупывает головку и тихонько говорит с ним. Старая госпожа Курсель исподтишка наблюдает за нею. Камилла предпочла бы видеть рядом Викторию или Елену, но об этом и речи быть не может. Ей удалось скрыть беременность. Впрочем, некому было и заподозрить ее. Она так редко бывала на людях, а в мастерской рабочая блуза скрывала все. В мастерской! Увы, Роден так и не обрел уверенности. Он боялся Розы, боялся скандала, боялся принимать какое-либо решение, но позволил ей оставить ребенка. Она больше ничего и не требовала.

Камилла перевела дыхание. Ее только что основательно пнули ногой изнутри. Как ей сегодня плохо! За последнее время дитя резко подросло.

Камилла вернулась к письму, она пишет, проводя кончиком языка по верхней губе. Она прилежно трудится. Чернила на пере быстро высыхают, черточки над «т» рассекают страницу. Он ей вечно напоминает: «Не ставь такие длинные

и толстые перекладины, можно подумать, что ты царапаешь бумагу!»

> *«…так красиво, так красиво! Я гуляла по парку, все подстрижено, на полях сено в стогах, пшеница, овес, куда ни глянь, все прелестно. Если вы будете так добры выполнить ваше обещание, мы будем здесь, как в раю…»*

Камилла ждет его. Зачем он уехал в Париж? Сказать, что он хочет этого ребенка, было бы преувеличением. Как-то раз, двумя годами раньше, почти в ту же пору, они встретились, чтобы любить друг друга, а потом она вышла его немного проводить. Роден тогда отдыхал с Розой в деревне, приехал в Париж на похороны друга, а она задержалась в городе, хотя собиралась присоединиться к своим в Вильневе. Она сказала ему нежно: «Я хотела бы ребенка от вас». Он умолк, растерянно улыбнулся, как будто его вдруг настиг припадок целомудрия, продиктованного страхом. А ведь она шутила! Она взяла его за руку; он все молчал. Она только что небрежным тоном произнесла слово, вобравшее в себя ее всю — жизнь, душу, искусство, сердце, — а он как будто ничего не понял.

У Камиллы болит голова. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Колесо бьет по воде. Сегодня действительно очень, очень жарко. Перо снова высохло. Хорошо, если он приедет до конца недели… Он чувствует себя виноватым перед Розой, поэтому часто наезжает в деревню, чтобы ее успокоить. Потом, тревожась за Камиллу, он возвращается в Азэ-ле-Ридо, где снова начинает беспокоиться за Розу. Камилла задыхается в четырех стенах, подходит к окну, но и там нет воздуха, нет ничего, пустота плещется в голове — хлоп, хлоп, хлоп! И все-таки ей нравится этот старый особняк, который Роден снял для нее в Турени. Она опять берется за перо, макает в чернильницу; на чем это она остановилась?

«*…как в раю. У вас была бы комната для работы, как раз такая, как вам нравится. Старуха будет, я полагаю, у ваших ног*».

И снова этот адский шум колеса… Она подходит к умывальнику, смачивает водой платок и, положив его на лоб, вновь садится писать:

«Она сказала, что мне нужно купаться в реке, ее дочь со своей няней ходит туда, опасности нет никакой. Если вы не возражаете, я с удовольствием к ним

присоединюсь, потому что это великое наслаждение…»

Ей сегодня трудно даже дышать. Ребенок ворочается, наверно, надавил на легкие. Сердце временами стучит учащенно. Ей нужно дописать письмо, нужно, чтобы он приехал.

«*…наслаждение, и притом избавляет меня от необходимости ездить в горячие бани в Азэ. Будет очень мило с вашей стороны, если вы купите мне купальный костюм, темно-синий с белыми прошивками, из двух частей, блуза и панталоны* (*размер средний*)*, из саржи, в „Лувре“ или „Бон Марше“, или в Туре!*»

Никто не увидит, как она купается. Ей можно купаться. Она только на шестом месяце, и у нее давняя привычка к холодной воде. Ну почему его нет? У нее ноет поясница, болит голова. Хлоп! Хлоп! Хлоп! И хлоп, хлоп, хлоп! Снова и снова удары отдаются в мозгу, в сердце, в почках, всюду… Что он там делает у Розы? Неужели забыл, что здесь созревает его дитя? Скульптуру он так бы не забросил…

— Господин Роден, умоляю, поспешите!

«Я сплю совсем голой, чтобы представить себе, будто вы рядом».

А ведь он бывает счастлив, когда добирается до замка. Она поддразнивает его, называет Синей Бородой, а он ее — принцессой. Это ее смешит — знал бы Поль! Да только где же Поль? Хотя бы его увидеть здесь… Эта старуха, госпожа Курсель, ее пугает. Она похожа на фею Карабоссу.

Изящный замок Ислетт, стиль Ренессанса… Здесь было хорошо, хоть Камилла и подозревала, что Роден ее прячет, тоже скрывает ее беременность. Не все ли равно! Целый месяц она прожила как затворница, и была счастлива: рисовала, лепила, погода стояла отличная, дитя благополучно развивалось — дитя, которому предстояло стать похожим на него и на нее, секунда вечности, пережитая вместе и преумноженная, растущая…

Когда она сообщила ему новость, он сразу сник, словно наказанный. «Это в тот раз, чистое безумство, помнишь? Я не соображал, что делаю. Ты плакала, я не понимал… И вот пожалуйста, так я и знал!»

Она ничего больше не добавила. Он сожалеет о случившемся! Ей и слушать было неприятно. Риск всегда достается на ее долю, она ничего не

копила — всегда тратила, дарила, отдавала всю себя ради любви. Она знала, что вскоре общество подлецов начнет показывать на нее пальцами: незамужняя родила… Она уже готова принять этот ярлык «падшая». Но пусть скажут это в полный голос!

Хлоп! Хлоп! Перед глазами мельтешат черные бабочки. Ей тоскливо, она призывает друга. Изнурительный зной. Она сняла с себя все, кроме рубашки и нижней юбки, и все равно пот ручьями течет между лопаток. Собранные ею утром цветы испускают удушливый аромат. Она снова берется за перо.

> «*Я сплю совсем голой, чтобы представить себе, будто вы рядом… совсем голой… но когда я просыпаюсь, все выглядит иначе*».

Так и есть, слышно ворчание близкой грозы. Тем лучше, станет немножко прохладнее. Рядом с белым листом бумаги — недоеденная тартинка с вареньем.

> «*Целую вас. Камилла*».

С тяжелым сердцем она быстро приписывает:

«Только пожалуйста, не обманывайте меня больше!»

Она складывает письмо. Хлоп! Хлоп! Хлоп!..

— Госпожа Курсель! — ноги у нее подкосились, она кричит; тело ее словно подхватило колесом. — Госпожа Курсель!

Она уже не кричит, а воет, внутренности ее словно рвутся. Она надрывается от крика, она лежит на полу, разорванная, раздавленная, содрогаясь всем телом.

— Нет, нет! — она хочет их остановить, помешать им, бежит, задыхаясь, падает, скатывается со склона горы, ударяясь о камни, и ее догоняют, она чувствует прикосновение их рук, она воет, ей затыкают рот, привязывают, хлещут бичом, руки шарят внутри живота.

— Не убивайте меня! Я люблю его! Нет, я не хочу!

И все-таки она открывает глаза, она стонет.

— Госпожа Курсель! Не пускайте их!

Старуха склонилась над нею.

— Не шевелитесь, вам помогут, все будет в порядке.

Она поворачивает голову и видит маленькую белокурую девочку, дочь хозяйки замка, у нее

испуганные, грустные глаза.

— Выйди отсюда, убирайся, слышишь? Быстро беги за доктором!

И Камилла ощущает, что голова ее бьется — хлоп, хлоп, хлоп! — о каждую лопасть крутящегося колеса. Бьется размеренно. Шея ломается, голова отрывается и падает в воду. Ножи кромсают останки ее тела; они проникли внутрь, они вспарывают живот, потрошат ее.

Родена известили. Господин Роден приехал и стоит у кровати. Уже три дня дождь льет, не переставая. Замок словно тонет в тумане. Не слышно иных звуков, кроме текущей воды. Камилла лежит на белой постели. Осунувшееся лицо, под глазами темные тени; она ничего не говорит, ни единого слова, она закрыла глаза, руки неподвижно вытянулись поверх одеяла, волосы распущены — она отдыхает. Она знает, что случилось, не спрашивая, все и так поняла. Ее умывают, меняют белье. Она лежит, хрупкая, словно окутанная саваном. Ей нечего больше сказать. Она потеряла — потеряла его! Ей хочется теперь лишь одного — чтобы ее оставили в покое. Кровотечение еще не прекратилось, она это чувствует, это жизнь вытекает капля за каплей, медленно, нежно, как во сне. Она хочет только уснуть. У нее больше ниче-

го не болит, тело слилось с небытием и плывет по темной реке. Кто такой этот мужчина, стоящий у постели? Она его не знает. К чему допытываться о причинах? Драка с Розой? Удар подставкой по животу? Наследственность? Сходство с матерью? Переутомление? Что изменится, если она узнает, «почему»? Игра велась нечестно. В карточной игре кого-то всегда оставляют в дураках. А сама она вообще не любит играть.

Роден стоит в изножье кровати. Он не осмелился даже взять Камиллу за руку, только смотрит. Она уходит от него, оставляет его Камилла, его «Поцелуй». Он молчит, потому что смерть в душе его. Это Мария лежит перед ним, и он старается не думать о ребенке, отгоняет от себя его образ. Многие, многие месяцы он упорно работал над той скульптурой: «Уголино», 1882 год, образ женственный и мужественный одновременно. А теперь он узнал, что такое «Страдание».

Он закрыл глаза. Зачем он уехал? У Розы все было в порядке. Он делал ее бюст, чтобы она отвлеклась, перестала его изводить. А в это время Камилла погибала в одиночестве, цепляясь за листок бумаги. В ее стиснутом кулаке нашли смятый листок — письмо к нему. Господин Роден несет в себе смерть. Врата ада захлопнулись за

его спиной. Створки сомкнулись навсегда. Он — в аду. Комедия окончена. Врата любви и смерти. Не похоронный ли колокол он слышит? Нет, это обеденный колокольчик в замке…

Три дня он судил и осуждал себя. Он стоял перед нею, той, что вдохновляла его, наделяла жизнью; три дня вспоминал ее хрипловатый смех, ее удивительную жизнеспособность. «А я люблю жизнь!»

Господин Роден преклоняет колена. «Господи Боже, я верил в тебя! Сделай так, чтобы она выжила. Пощади ее. Пусть она встанет!» Если она уйдет, он потеряет рассудок от горя, как было с его отцом.

Камилла пошевелила пальцами, хочет что-то сказать. Глаза ее приоткрылись. Медленно, с трудом она поднимает руку. Дрожащие пальцы касаются его лба и опускаются на глаза плачущего мужчины.

Маленькая хозяйка замка

«Тем немногим, кто любит меня и кого я люблю, тем, кто предпочитает скорее чувствовать, чем размышлять, — мечтателям и тем, кто доверяет мечтам, как единственной реальности...»

Эдгар По, Посвящение к «Эврике»

Ледяная белизна. День — словно чистая страница.

Камилла раздумывала весь день. Долго, долго гуляла, много часов. Несколько недель все шло как придется. Сегодня она пришла к окончательному решению. Ей потребовался не один год — вот уже второй скоро протечет между пальцами. Она ничего не делала: потребовалось время, чтобы восстановить порванные бурей снасти на корабле, вновь связать жизнь, петлю за петлей. Смерть не пожелала принять ее, приходилось насильно свыкаться с жизнью, заново начинать жить. Камилла вновь поднимала голову. Силы мало-помалу возвращались. Ей исполнилось двадцать семь. Месяц январь приходил к концу. Она чувствовала близость весны и под ногами, и во

всем теле, хотя Город еще укрыт огромным белым покрывалом тишины. Нескоро вернулась к ней способность подниматься по утрам и находить вкус в дневных часах.

Роден часто приезжал в Азэ-ле-Ридо. Работал мало, через силу. Их не видели вдвоем ни в гостиных, ни на выставках. Родители Камиллы сочли ее отъезд новым сумасбродством. Барышня удалилась в деревню, чтобы лучше работалось. Ни разу мать не написала ей. Камилла поддерживала переписку только с братом. Нужно будет когда-нибудь рассказать ему все — а может, не нужно? Почувствовав себя достаточно окрепшей, она рискнула съездить в Париж. Отец нашел, что она выглядит плохо. «Деревенский воздух тебе на пользу не пошел. Наверно, ты и там сидишь взаперти и все работаешь. Могла бы и не уезжать из Парижа…»

Она видела, как опечален отец. О его дочери больше не говорили в Париже. Он конечно же надеялся, что она прославится, но о ней, казалось, забыли, а она прекратила борьбу. Ему такая позиция казалась слабостью. «Нужно сражаться, Кам! Нападай, не давай наступать себе на пятки!»

Ей хотелось объяснить ему, до какой степени ей чуждо парижское общество. Важнейшей

задачей было восстановить внутренний мир, как-то составить скудные осколки прошлого. Она выглядела очень подавленной. Но час наконец настал. Нет, она не намерена становиться второй Розой! Она приняла решение, спасибо маленькой хозяйке замка.

Пока Камилла болела, белокурая девчушка приходила каждый день. Поначалу госпожа Курсель пыталась ее прогонять, опасаясь, что вид ребенка разбередит свежую рану — в первые дни Камилла плакала, завидев ее. Девочка, приветливо махавшая ручкой, виделась ей словно на расстоянии, сквозь дождь. Понемногу Камилла свыклась с ее присутствием, с цветами, которые приносила малышка. Однажды та принесла лесной земляники. А позже, осенью, они стали гулять вместе, подолгу, и маленькая ручка поддерживала Камиллу, еще нетвердо державшуюся на ногах.

Поначалу Жанна — ее звали Жанной — говорила мало. Наверно, ей велено было не утомлять молодую даму. Но день ото дня она набиралась храбрости и стала задавать бесчисленные вопросы, требуя немедленного ответа. А однажды она пришла, когда Камилла, еще не вполне здоровая, отдыхала в плетеном шезлонге; девочка стояла и смотрела на нее, пока она не открыла глаза. А

тогда малышка протянула ей карандаш и листок бумаги: «Научи меня! Ты-то умеешь… Научи!» Камилла слабо взмахнула рукою, отказываясь, но вид протянутой ручонки, выражение лица Жанны, широко открытые глаза, мечтательные, ждущие рисовального волшебства, — этому трудно было сопротивляться. Камилла села поудобнее и начала рисовать. Это заняло весь день до вечера. Девочка обегала дом в поисках бумаги. «Еще, Камилла!»

— Да мне уж не видно ничего!

И лишь после захода солнца малышка отпустила ее. У Камиллы болело все, что только могло болеть. Рисунки Жанна утащила с собой, как бесценное сокровище.

На следующий день сцена повторилась, но теперь Камилла оговорила перерывы, заявив, что ей требуется отдыхать хотя бы в час полдника.

День за днем девочка усваивала уроки и уже осмеливалась сама изображать то животное, то цветок. Однажды Роден застал их обеих, склоненных над столом, — темноволосую девушку и белокурую девчушку. Головы их соприкасались — над рисунками, карандашами…

— Это что такое? — Роден побледнел. Девочка протянула ему великолепный, очень точный

рисунок: взъерошенный заяц.

Этого зайца она обычно приводила с собой; он звался Фуфу и любил прыгать по рисункам или обгрызать их, к великому негодованию Камиллы.

— Огюст в жизни не сумел сделать рисунка, хоть наполовину столь же удачного. А ведь я хотел, так хотел научить его… видеть Красоту…

Камилла подняла голову. Как он взволнован! Что за недомыслие! Нашел момент, когда заговорить — с ней! — о своем сыне, о сыне Розы, бездельнике, который пропивал все его деньги, распутничал, а она…

Он пробормотал: «Прости, Камилла» — и вышел. В окно она увидела, как он стоит на мостике, облокотившись о перила, и следит за течением воды.

— Скажи, как ты думаешь, господин Роден унесет мой рисунок? — маленькая ручка потянула ее за юбку.

— Да, конечно, милая моя, — ответила Камилла и погладила ее по щеке.

А потом настал момент, когда она смогла вернуться в Париж. Париж! День рождения, двадцать шесть лет. Ей пришлось принуждать себя, она едва усидела за семейным столом, хотелось пла-

кать. К счастью, там была Нини, Эжени. Камилла ничего ей не сказала, но Эжени все поняла и так. У Камиллы далеко не все было в порядке. Был снег, торжествующая белизна января. Но она уже воспринимала другие краски. Год назад был такой вечер… Долгие прогулки вдвоем, с молодым человеком. С ним она начала вновь ощущать желание, вкус к работе. Она уже встречалась с ним у Малларме. Общие друзья — супруги Годе — представили их друг другу.

Был такой же день, как сегодня, все было чистое, как неисписанный лист, еще девственное. В кафе сидели художники, журналисты, — богемные весельчаки. Клод Дебюсси познакомил ее со всеми. Кое-кто зубоскалил: «Однако ты себе нашел знаменитую подружку!»

— Она — скульптор.

Они были молоды, почти ровесники, познакомились лишь недавно, однако беседовали, как близкие друзья, и обнаруживали сходство увлечений. Особенно их сближал Хокусай. Клод был человеком богемы, Камилла, еще неокрепшая до конца, склоняла ему голову на плечо. Она заново научилась смеяться; впервые за долгие годы она избавилась от тишины мастерской, от тревог Родена, от заказов господина Родена, от патриар-

хата. Она обнаружила, что еще молода, ей всего двадцать шесть. Клоду было двадцать восемь. Она разглядывала темную челку, скрывавшую шишки у него на лбу, его темные, ночные глаза, восхищалась его руками, ловкими и нервными.

Камилла наконец рассталась со старым замком, с жизнью затворницы. Клод стал ей близок, как брат. И хотелось ей жить, крепко стать на землю обеими ногами, пусть она и хромоножка, хотелось взлететь…

— Что ты такое рассказываешь, Клод? — она чуть не задохнулась от смеха. Он был в долгах как в шелках, пришлось уехать из Рима до окончания срока поездки, полученной им в награду; но он был полон энтузиазма, вибрировал, увлекался, у него не бывало задних мыслей.

Камилла смотрела на него — желтоватое лицо, всклокоченная шевелюра, черные зрачки, — описывая ей мелодию, он был как охотник в засаде: виолончели ведут низкую ноту, мммммммммм, потом вдруг он мяукал с закрытым ртом, шлепал губами, танцевал, смеялся, и смех у него был диковатый…

Камилле было легко, захотелось тоже размяться. Они вышли вдвоем, он захотел ее проводить. День был белый, тротуар скользкий как каток, и

он был пажом при ней, пажом и охраной…

Они встречались часто, по сути, не расставались. Как, неужели она знает, кто такой Тернер? Но откуда? Его удивляла ее культура, разнообразие знаний. Репродукции Тернера она видела благодаря своим подругам-англичанкам. Роден также говорил об этом художнике, но без особого восторга. Хотя Роден и был ближайшим другом Клода Моне, свой поиск в искусстве он вел в ином направлении. У него был свой путь, и, по его мнению, не было ничего общего между ним и творчеством тех, кого с недавних пор называли «импрессионистами». В любом случае, скульптура и живопись — два совершенно различных вида искусства. Роден редко появлялся у Малларме, почти не посещал других художников: он занимался скульптурой… Он разменял уже шестой десяток, и теперь не отходил от глины: знал, что идет теперь по склону вниз. Иногда его одолевало отчаяние: ах, ну почему он начал работать только в тридцать семь лет?

Рядом с Клодом Дебюсси Камилла снова почувствовала себя молодой. Тернер был не единственной точкой соприкосновения между ними. Был еще Эдгар По. Порой, когда Дебюсси бывал слегка навеселе, он вдруг спрашивал, нет ли новостей от

ее «старичка Клингсора». Тогда Камилла прикрывала глаза и ничего не отвечала. Ему казалось, будто на эти мгновения она умирала. Он водил ее к Веберу, на Королевскую улицу, где собиралась элита мира искусств. Однажды Камилла встретила там Марселя Пруста. Но Клоду, к ее удивлению, было там не по себе, он оказался неуклюж как медведь. Они с господином Прустом даже не нашли общих тем для разговора!

Однако она предпочитала ходить к Рейнольдсу, в американо-ирландский бар. Туда наведывался Тулуз-Лотрек, там бывали спортивные парни, жокеи, тренеры, там играла музыка: англичанка с сыном и банджо. Оказывается, и другие женщины, не она одна, жили не по общим правилам. Женщины, которые сражались с жизнью в одиночку. Что ей довелось вынести, этой женщине с усталыми глазами, аккомпанирующей своему темнокожему сыну? Камилле хотелось поговорить с нею, но она не решалась. Та глядела на нее несколько свысока. Для нее, игравшей ради пропитания каждый вечер, эта молодая пара, которую ей полагалось развлекать, должна была представляться образчиком счастья и довольства. Поняв это, Камилла перестала бывать у Рейнольдса. К тому же там она больше не чувствовала себя

в своей тарелке. Выкрики, смех бульварных девиц, женщины полусвета, содержанки, которые похотливо распускали свои сальные перья, — это также было не для нее. Изысканное общество, светские дамы, бывавшие у Вебера, наоборот, окидывали ее пренебрежительными взглядами.

Больше всего ей нравилось гулять вдвоем с Клодом, слушать, как он играет, ходить на выставки, вместе восхищаться какой-нибудь работой Хокусая. Они навещали друзей Клода, супругов Годе, те всегда встречали их приветливо. Там она садилась тихонько в уголке и рисовала, слушая его музыку.

Камилла отходила от роденовской техники, от строгих контуров, пропорций, моделей. Общаясь с Дебюсси, она осознала, что не только ее одну захватила тайна невысказанного. Туманная дымка вместо отчетливых контуров, право на то или иное преображение реальности…

У Хиросигэ, современника Хокусая, дождь мог превратиться в серебряные нити, в белую дымку, тающую, не доходя до земли, или просто в сеть параллельных линий…

Целыми часами они простаивали перед гравюрой Хокусая. Огромная волна, изображенная художником, раскатывалась перед ними в удиви-

тельной перспективе. «Дождь из мелких капель, каждая из которых имеет форму птичьего когтя». Слишком тяжелая голова на слишком тонком стебле…

Камилла с каждым днем все сильнее худела. Лицо ее приобрело ту чувственную бледность, которую можно видеть на гравюрах великого японца. Годе сообщил Дебюсси, что она одна работает прямо по мрамору. Как она справляется? Какой потрясающей силой веет от ее прохожей «Незнакомки»! Чудится, будто та идет по жизни, оставляя за собою след, и всякий увидевший не в силах забыть, и словно впадает в недуг. Сладость жизни, но без самой жизни, Мечта, сплетенная с Небытием, а улыбка… Улыбка переворачивает душу!

Однажды вечером они немножко выпили. Он пошел ее провожать. Настроение было неопределенное. Лунная ночь, на дороге гололедица. Они смеялись, скользили, как на коньках. Она сама не заметила, забыла, как начала невпопад отбивать ритм, когда он напевал какую-то мелодию. Ей вздумалось повальсировать; никогда прежде подобная блажь не приходила ей в голову. Клод обхватил ее, и они закружились по белой дороге. У нее подвернулась нога, та самая, хромая, и он

удержал ее, прижав чуть сильнее. Она очутилась в кругу его рук, но осталась неосязаемой; шиньон распустился, длинные волосы рассыпались по плечам, снег припорошил их, как бледное золото; она отводила растерянный взгляд. Она была похожа на Лигейю, Мореллу, на героинь Эдгара По, казалось, что она несет в себе смерть, предвестие смерти, словно призрак этой ночи, и он крепко держал ее, будто боялся, что она исчезнет — истает легкое облачко, и нет ее. Он приостановился на мгновение, танцующая пара застыла на грани возможного и невозможного, и он прошептал, склонившись к белым, дрожащим губам:

— Вот я обнял тебя, и ты стала такой немыслимо прекрасной! Ты так прекрасна, как перед смертью…

Он не сразу отстранился от нее. Ее глаза расширились от страха, глаза безумной, да, именно безумной… Она видела нечто, где-то далеко впереди, угадывала что-то… «Никогда больше! Никогда больше!»

Вдруг она бросила ему обидные слова и ушла. Ушла, прихрамывая, растрепанная, почти бегом. Растаяла, как снег, среди снега, словно видение. Его «мечта о мечте!»

День был такой же, как сегодня. Все в инее.

Камилла и тогда стояла перед зеркалом. Всю ночь промерзла, скорчившись, стуча зубами, а утром уехала в Азэ-ле-Ридо. Ровно год назад. Она уже не могла сказать наверняка, действительно ли пережила эту сцену или ей все приснилось? Только одно достоверно: в тот вечер она внезапно оставила Клода.

Музыки не стало. Замок был пуст и печален. В этот день Камилла готовилась покинуть господина Родена. Жизнь нужно было переписывать заново.

Ей почти двадцать восемь. Ни одной новой скульптуры, ни одной выставки. Пора настала. Безумная усадьба Нейбург с ее зеркалами, замок Ислетт — все это она решилась покинуть. Как и год назад, она застыла одиноко посреди комнаты, но сейчас ей не предстояло ехать на рассвете в Азэ-ле-Ридо. В зеркалах она видела свои отражения. В руках — узел с вещами, темная пелерина давит на плечи. Пора уходить. Большая комната… Внезапно она остановилась, ей послышался голос, читающий вслух:

«Красота недолговечна. Лишь несколько месяцев длится подлинная юность, когда тело, полное свежих соков, выказывает себя во всей гордой соразмерности, когда любви боятся — но

и призывают ее. Не говоря уже о тех изменениях, которые влечет за собою материнство; любовное томление, жар страсти делают ткани дряблыми и искажают контуры. Юная девушка становится женщиной; это другая разновидность красоты, тоже превосходная, однако менее чистая…»

Это его голос. Она когда-то это слышала здесь. Но теперь больше не прислушивается. Он рассуждал, она внимала: ей все это казалось превосходным. Но только сейчас она по-настоящему постигла смысл — да это же просто смешно! Он говорил глупости! Менее чистая, менее чистая! Что это должно означать? А страдания? А многотерпеливая любовь? А Прекрасная Оружейница? Или полное нежности человеколюбие?

— Ну хорошо же, господин Роден! — Она выпрямилась, скорчила гримасу отражению в зеркале. Надела высокую шляпу-цилиндр. Роден забыл его здесь, и она передразнивает его, гримасничает — наконец-то к ней вернулась былая злость.

Маленькая хозяйка замка, чудная мордашка, Камилла научила ее лепить, обрабатывать глину. И однажды, да, именно там она приняла окончательное решение. Они с Роденом работали над образом Бальзака. Год назад, летом 1891-го, он получил заказ на колоссальную статую Бальза-

ка. Он искал натуру в Турени, а она читала ему вслух целые страницы и, как обычно, спорила с ним. Она увлеклась так, словно речь шла о ее собственной работе, словно этот заказ доверили ей; и вдруг заметила, что малышка стоит позади нее. Рассерженная оттого, что о ней забыли, ревнуя к господину Родену, она передразнивала его, принимала его позы, озабоченно прикладывала палец ко лбу, кривила рот.

Камилла с большим трудом удержалась от смеха. «Суета сует!» Она сама точно так же стояла позади него. Но чего же еще ожидать? Она ничего больше не создавала, не исполняла никакой работы. Чем же тогда она отличалась от Розы?

— Я уезжаю в Париж.

Она прервала его увлеченную речь, как отрезала. Взяла девчушку на руки:

— Ты будешь приезжать ко мне, верно, моя добрая кумушка? Только там и можно заниматься скульптурой, не так ли, господин Роден?

«Я подсказал ей, где она сможет найти золото, но то золото, которое она найдет, заключено в ней самой…»

Она приподняла цилиндр:

— До свидания, господин Роден!

Едва год минул с такого же белого дня, когда

она, разбитая, покинула того, другого.

— До свидания, господин Дебюсси!

Вечная беглянка. Неужели она обречена навеки оставаться беглянкой? Она подхватила узел с вещами. Еще она забирает своего «Шакунталу», хоть он и тяжелый. За всем прочим зайдет когда-нибудь попозже. Она уже сняла себе мастерскую. Новый адрес: Камилла Клодель, Итальянский бульвар, 113.

Три года молчания позади. Она закрыла за собою дверь.

Письмо из лечебницы

«...Я хотела бы очутиться у себя дома и закрыть как следует дверь. Не знаю, удастся ли мне осуществить эту мечту — обрести свой дом!..»

Итальянский бульвар, 113

«О истинный сын земли! О увалень с большими ногами! Воистину ты рожден для плуга, и должен ноги свои вырывать из борозды! О, что за судьба для Бессмертной быть привязанной к тяжеловесному глупцу! Не сверлом и не резцом создают живого человека, но с помощью женщины…»

Поль Клодель, «Муза Благодати»

Камилла идет куда глаза глядят. Она открывает для себя Париж, заново открывает Город. Чувствует, что вырвалась на свободу, широко открытыми глазами она упорно вглядывается в зрелище уличной повседневности. Она наконец дышит. Месяц июнь полнится обещаниями, свежими побегами, детским смехом.

Камилла шагает быстро, время от времени резко останавливаясь, чтобы сделать набросок: вон той женщины, идущей навстречу, двух молодых парней, того нерешительного мужчины. Она — женщина. Она родилась в городишке на три сотни домов, она владеет ремеслом скульптора,

она ходит по улицам. Именно улица служит ей источником вдохновения. Прохожий, семья на скамейке, работники, занятые делом, — она уже предвидит будущие труды.

С головою, полной образов и видений, она возвращается на Итальянский бульвар, дом 113. Уже несколько месяцев, как там у нее своя мастерская. Она возвращается в мастерскую и приступает к работе. Ей нужно наверстать упущенное время. Она лепит, ищет, делает эскизы.

Она потеряла еще год, но уж на следующий твердо решила показать новые вещи. Она больше не работает на Родена, время у нее есть. Это прежде она тратила слишком много времени на ожидание…

Роден не поверил ей, решил, что она просто обмолвилась в сердцах. Но вскоре удостоверился, что она не шутила: приехал в Кло-Пайен и никого не нашел. С глубокой болью в душе он отказался от найма старинной усадьбы. На заржавленную калитку снова повесили табличку… Камилла проходила мимо нее — она работала в двух шагах оттуда.

— Ого, мамзель Клодель, вы же и нагулялись! Поглядите-ка на свои ботинки! Вы этак скоро себе ноги отобьете!

Камилла смеется. Консьержка — ее единственная собеседница. Она сама никого не принимает, ей хочется завершить работу поскорее. Но, к счастью, здесь имеется Пипелетта: эта болтает без умолку!

С другой стороны, Камилла не сомневается, что она сама стала мишенью для сплетников. Но она слишком нуждается хоть в каком-нибудь общении, чтобы бояться надоедливости рассуждений консьержки. К тому же досужие сплетни развлекают ее. Зато брат Поль, который изредка приходит в гости, не выносит нападок Церберши. Так он прозвал консьержку — Церберша.

— Ты представляешь, твоя Церберша плеснула в меня водой из ведра, когда я вошел!

— Она мыла пол!

— Если б я не успел отскочить в сторону, она бы меня окатила!

Пипелетта громыхает: «Ну что это за несчастье такое, молодой парень, а вечно важничает, нос задирает, уж я бы так его поучила уму-разуму!» И Камилла смеется; смех у нее стал более хриплым, чем раньше.

Тишина, одиночество. Камилла борется. Она восторжествует на ближайшей выставке в Салоне. Уже в этом году она переделала бюст своего

учителя и отдала отлить его в бронзе. Она узнала, как отреагировал Роден: он ничего не понял. Она оставила его — и воздает ему почести? Это его потрясло. «Чтобы изваять Родена, Камилла разделалась с Роденом». Вот что говорят втихомолку люди, но Камилла парирует: «Именно так! Чтобы выразить сущность человека, нужно хорошо его узнать!»

Она открыто пренебрегла общим мнением, все были уверены, что связь между ними порвана. Она жила одна, не работала больше в его мастерских, и вдруг снова появилась рядом с мэтром, еще прекраснее, чем была. Она созрела. В выражении ее глаз еще прибавилось угрюмости, но всякий мог убедиться, что она обрела некую уверенность в себе, внутренний мир. От Камиллы веяло решимостью, а Роден казался рядом с нею молчаливым, немного поникшим, стушевавшимся. Рядом с бюстом лежали ее карточки, и всякий мог прочесть:

«Мадемузель Камилла Клодель, скульптор, Итальянский бульвар, 113»

После Салона ее приняли в национальное Общество изящных искусств. Критики отзывались о ней — самой по себе! — благосклонно. Хвалили

применение «красноватых или зеленоватых тонов ее бронзы, которые усиливают воздействие образа великого скульптора». Цитировали Леонардо да Винчи. Рауль Серта в «Газете изящных искусств» исходил энтузиазмом. Роден в этот раз не выставлялся, но благодаря Камилле о нем говорили повсюду.

Она стала членом Общества, но «мы же с вами понимаем, почему… кто стоит у нее за спиною». Такого рода рассуждения доводили Родена до бешенства: «Все как будто считают, что мадемуазель Клодель пользуется моей протекцией. Но она сама — несравненный мастер!» А другие противопоставляли их, словно надеялись, что они набросятся друг на друга.

— Тут, значит, господин Роден приходил. Сказал, скоро вернется, — откуда-то вынырнула Пипелетта. Камилла, начавшая было снимать чулки, приостановилась. Обычно, вернувшись домой, она ходила в сабо на босу ногу, чтобы чулки не износились.

Значит, Роден приходил. Порой он, казалось, колебался, нужно ли это делать, будто что-то его тревожило. И все-таки он помогал Камилле. Она предпочла бы справляться только своими силами, но у нее не было никаких сбережений, а

заказы не поступали. Сестра Луиза вышла замуж, родители пока ничего не могли уделить старшей дочери. «Пусть сама выкручивается!» Продать ей было нечего. «Шакунталу» следовало бы отлить в бронзе, но это стоило слишком дорого. А между тем ей следовало иметь несколько экземпляров, копий на продажу. Когда она готовила к Салону бюст Огюста Родена, тот предложил помощь. Она сказала, что возьмет в долг. Он уверял, что это неважно, но она упорно настаивала на этом условии. Он пожимал плечами. Когда подошел срок второго платежа за мастерскую, она сидела без гроша. Несмотря на строжайшую экономию, она не справлялась.

У Родена заказы были. Бальзак должен был принести немалый доход. Его друг Эмиль Золя сражался за то, чтобы этот заказ достался ему. Памятник художнику Клоду Желле, прозванному Лорреном, скоро должны были открыть в Нанси. А сам Роден получил звание кавалера Почетного легиона.

— Какой у нас нынче день?

— Девятое июня. Ну что за несчастье!

Бог весть почему консьержке эта дата казалась несчастливой! Камилла улыбнулась. Открытие памятника Лоррену состоялось позавчера.

Камилла еще не получала никаких известий. Наверно, он приходил, чтобы рассказать об этом.

— Ох, барышня, господин Роден был просто жутко злой. Никак не мог успокоиться.

— Из-за меня?

— Нет, из-за газет. Там, в Нанси чего-то стряслось. С памятником…

Камилла встревожилась. Значит, что-то не в порядке. Этого можно было ожидать. Камилла помнила, как трудно давался ему эскиз коней. Полный провал! Ничего не получалось. Ему лучше было бы отказаться от заказа. Она плохо представляла себе, как мог автор «Ада» создать памятник тому, кого называли «живописцем света». Но Роден так держался за эту идею! Она вспомнила, как он стоял посреди мастерской на улице Плант, в выходном костюме, в черном сюртуке, лакированных штиблетах, в цилиндре. А она смеялась, глядя на него во всей этой амуниции, расфранченного, фу-ты, ну-ты… Кстати о Фуфу, как жаль, что нет писем от Жанны, уже третью неделю… Ничего, летом она съездит в Азэ-ле-Ридо повидаться с нею. Она хохотала до упаду, он злился. «Я только что из министерства. Мне поручили памятник в Нанси!»

Нет, никогда она не сумеет вот так расфуфы-

риться ради заказа. Как он мог! Куда подевалась его блуза, его простота, руки мастерового, труд ремесленника в этом ворохе светского педантства? А если бы она вздумала нанести визит министру, пришлось бы надевать шляпку с вуалью. Смех, да и только! И он тоже рисковал сделаться смешным.

— Эге, гляньте, вон ваш мужичок!

Консьержка своего случая не упускала. Ей хотелось знать, в каких отношениях состоит эта пара. Она подслушивала под дверью, подглядывала — все напрасно. Ну, это невозможно! Он снова расфрантился, как тогда. Камилла увидела его во дворе, который сама прозвала Двором Чудес. Приподнимая край брюк, Роден обходил кучи мусора. Она тоже хороша, стоит со снятыми чулками в руке… Бац! его шляпа падает в лужу, большую, как пруд. Камилла фыркнула, дети во дворе радостно загалдели — ее маленькие приятели, три поганца, как она, любя, называла их, испускают воинственные вопли. Родену следовало бы переодеться, прежде чем являться сюда!

Мадам Суй-нос-куда-не-просят подскакивает к нему. Такой важный, хорошо одетый господин. С этой минуты господин Роден поднимается в ее мнении: она презирает нищих художников, от ко-

торых чаевых не дождешься. Камилла видит, как она подбирает его шляпу, разгоняет сорванцов… и пристает к нему с расспросами. У него усталый, подавленный вид, события, видимо, доконали его. Камилле хочется побежать навстречу. Он, как сирота, кажется удрученным, потерянным посреди двора.

Она распахнула дверь, окликнула его, помчалась навстречу, как была, с чулками в руке. Он увидел ее, освещенную солнцем; она бежала неровно, едва заметно прихрамывая, и он вновь ощутил ее тайное очарование, и прижал ее к груди, тихо бормоча:

— Я устал. Как я устал…

— Так пойдемте же… отдохните, у меня прохладно.

Он упал в старое плетеное кресло-качалку, ее любимое кресло, единственную вещь, которую она перевезла из дому в Кло-Пайен. Потом уж они приобрели другое кресло для него, для «вечеров Кло-Пайен».

Стакан ледяного лимонада. Откуда это здесь? Она живет так скромно, так скудно, но все необходимое у нее есть: покой, тишина, утоление жажды, мир.

Прохладная рука ложится на его лоб. Как хоро-

шо знает он эту тонкую руку!

И он заговорил, он выложил все: бесконечная поездка в Нанси, сады Пепиньер, президент Республики Сади Карно, которому предстояло снять покрывало со статуи, толпа, Леон Буржуа, министр народного образования и изящных искусств… И трам-пам-пам, военный оркестр, речи, покрывало падает, и вдруг — шум, вопли возмущения, толпа орет, протестует, зубоскалит, в него тычут пальцами. Он скрылся в помещении, но до сих пор слышит все это…

— «Вообразите себе двух лошадок ростом со спаниеля, затерявшихся в завихрениях замазки, плохо воспроизведенных ваятелем, видимо, второпях»…

— Послушайте, господин Роден, это все чепуха. Вас всегда критиковали. Вспомните про «Врата Ада», «Виктора Гюго», даже с «Идущим человеком», вашей первой работой, было то же самое. Старая история. Пусть воют, если им так хочется!

Она находит нужные слова, чтобы влить в него новые силы. Уже не об искусстве идет речь, а о реальной жизни, и она терпеливо вселяет в него желание, веру.

— Ты же сам говорил мне: терпение, терпение! Время работает на тебя. Знаешь, что говорил ве-

ликий Кацусика Хокусай, старик, влюбленный в рисунок? Я часто повторяю себе эти слова… «Все, что сделано мною в возрасте до шестидесяти лет, не заслуживает даже упоминания. Только в шестьдесят три года я более-менее постиг суть реальной природы. Деревья, травы, животные, рыбы, насекомые… Следовательно, к восьмидесяти годам я сумею продвинуться еще дальше…»

Цитируя, она закрыла глаза. Роден заметил, как она преобразилась, стала похожа на старого японского монаха, сидящего на корточках. Ее речь вызывает у него прилив восторга и уважения.

— «В девяносто лет я проникну в тайну вещей, в сто научусь делать чудеса, а когда мне исполнится сто десять, любая точка и линия будет оживать под моею рукой». — Она добавила негромко: «Кацусика Хокусай, рожденный от неизвестных родителей в двадцать третий день девятого месяца тысяча семьсот шестидесятого года в Эдо».

Летний полдень, тишина. Она молчит, опустившись на колени, снаружи залитый солнцем двор, а они отдыхают в тени. Мужчина и женщина сидят рядом, и тени их, очерченные на стене, воскрешают всю гармонию мира.

— Ай! — вскрикнув, Камилла со смехом падает на пол. — Судорога! Я хотела поиграть в восточ-

ную старину, и меня пробрали мурашки!

Она разминает ноги, он помогает ей растереть мышцы, подняться. Она опирается на пакет, принесенный им.

— Так, а это что еще за штука такая, перевязанная бечевкой, как колбаса?

— Это я, — робко объясняет он. — Я не умею делать подарки… Я хотел это… тебе. Купил в Нанси.

Она оживляется. Ей никто не дарит подарков, ни отец, ни мать…

— Ты, наверно, извел весь запас бечевки в Нанси! — восклицает она, расправляясь с узлами. И наконец замирает: у нее в руках зонтик, великолепный кружевной зонтик, красный, пылающий!

Щеки ее раскраснелись. Она стоит, в старой рабочей блузе, одна нога в сабо, другая босая, и созерцает зонтик.

— Для меня это слишком роскошно!

Никогда еще не бывало у нее такого красивого зонтика. Просто невообразимо! Она, существо, которое создает статуи, которое говорит день-деньской только о необходимых материалах, которое само изготовляет для себя инструменты, — она — женщина, и ей можно подарить что-то необязательное, бесполезное. Вот в чем

она нуждалась: в мелкой ненужной вещице, в подарке, в бесплатной услуге. Медленно и осторожно раскрыла она зонтик, опасаясь услышать треск, указывающий на то, что он неисправен, скажем, сломана спица, — так, словно от этого зависела ее жизнь. И вот он раскрылся полностью, огромный солнечный диск над ее головой, большой громовой цветок. Она прохаживается по комнате туда-сюда: женщина, несущая зонтик. Ей, по воле случая не родившейся мальчиком, мужчина поднес этот дар любви. Ей, загорелой до черноты от долгого хождения по улицам — ее даже дразнят «мавританкой»…

— Камилла, Камилла, послушай!

Он объясняется. Ей действительно нужно работать самостоятельно — пусть так, пусть у нее останется своя мастерская, он готов помогать, но существовать без нее он не может. Все последнее время он прожил в аду, не в состоянии был работать. Она в нем больше не нуждается, он это осознал. Вскоре у нее будут заказы. Парижские газеты поговаривают о правительственном *заказе,* она получила «бронзовую медаль». А он еще *ругал* газету «Эсинский курьер», которая ею пренебрегла. Он написал главному редактору, а еще Лермит говорил, что собирается заказать

ей свой бюст. Ей доверяют создать изображение знаменитого художника. О Родене он и думать не стал. Нет, она не нуждается в нем, чтобы работать, а вот для него она — женщина, без которой он не может обойтись, его спутница, его жизнь, его жена.

Камилла уловила последнее слово: он хочет на ней жениться! Тогда они смогут жить вместе, любить друг друга, не таясь от людей, от родителей, от брата — и притом он признает ее скульптором, мастером, равным себе.

— Ты этого действительно хочешь? Ты этого хочешь?

Он намерен снять квартиру на проспекте Бурдоннэ, уже нашел что-то очень симпатичное. Нужно только уладить кое-какие дела…

О да, она этого действительно хочет. Она сохранит независимость в мастерской, но жизнь станет для нее праздником. Конец долгим унылым вечерам, конец безнадежным беседам с мадам Пипелеттой, лишь бы скрыть от себя собственное одиночество, конец ночным кошмарам — прошлой ночью ей привиделась жуткая старуха, теперь и об этом можно не думать, конец!

Он стоит перед нею, как жених. Она фыркает и прикрывает ему рот ладонью:

— Ради этого ты так разрядился? Чтобы просить моей руки…

В дверь постучали. Ох, что ей нужно, этой особе?

— Я вашу шляпу-то вычистила! И еще вот это возьмите…

Камилла в ужасе стискивает поданный ей листок: счет за квартиру, она это поняла не глядя. Ну и мегера! Она вздумала отомстить. Небось, подслушивала под окном. Господин Роден дарит ей зонтик, дарит квартиру! Что ж, пусть еще заплатит за эту, а если додумается до какого-никакого подарочка, тоже неплохо!

Роден ничего не понял из ее галиматьи. Камилле придется как-то извернуться самой, достать денег. Роза, наверно, не знает таких забот… Ох, как же избавиться от всего этого! От ночей, от бессонницы, от разговоров с самой собою вслух ради того, чтобы вконец не потерять голову!

Изможденная, отвратительная старуха прошлой ночью явилась из темноты. То была ее дочь — ее потерянное дитя, но в маске старухи.

— До свиданья, господин Роден.

Она протянула ему руку. Искренняя, прямодушная, она все высказала этой краткой репликой. Ее «нет» бывает ужасно, яростно, убийственно. Но

когда она говорит «да», когда соглашается, тебя озаряет свет доверия. Она отдает все, она делает тебя королем.

Господин Роден вышел. Он не идет, а летит. Во дворе не заметил лужи, плевать, он горделиво шагает прямо по ней.

— Ну, барышня, видано ли такое несчастье? Он им, этим негодникам, дал по монетке! Что значит молодость!

— О, это с возрастом проходит! Да ведь в этом нет ничего дурного, все когда-то такими бывали!

Консьержка дала себе зарок назавтра подслушать все.

С момента открытия памятника у господина Родена так и не нашлось времени переодеться.

Письмо из лечебницы

«…отказать мне в приюте в Вильневе. Я не наделаю там шуму, как ты опасаешься. Я буду слишком счастлива вернуться к обыденной жизни, чтобы позволить себе какие-то выходки. Я столько настрадалась, что не осмелюсь и пальцем шевельнуть. Ты говоришь, что потребуется нанять прислугу. С чего это вдруг? У меня в жизни не бывало горничных…»

Вальс Клото

«О, куда мне скрыться? Она ведь будет здесь с минуты на минуту. Разве это не ее шаги раздаются на лестнице? — Глупости! Я говорю вам, она уже у дверей».

Эдгар По, «Падение дома Эшеров»

«Это она!» Камилла пожимает руки, благодарит. Ее глаза, подернутые печалью, окидывают толпящихся людей. Есть что-то высокомерное или отрешенное в этой молодой женщине неполных двадцати девяти лет — точнее, двадцати восьми с половиной. Может, такое впечатление создает рот с чуть опущенными уголками, или лоб, который морщится порою, будто от легкой мигрени? Глаза ее по-прежнему широко раскрыты, но те, кто знаком с нею давно, замечают в них то ужасные вспышки молний, то странную неподвижность. Да стоит ли сопоставлять ее прежнюю и нынешнюю?

Поодаль держится молодой человек, молчаливый, неподвижный. Он кутается в широкое пальто, мнет в руках большую шляпу и поочеред-

но посматривает то на художницу, благодарящую зрителей, то на две статуи, которые вызвали столько пересудов.

«Вальс» и «Клото».

Кое-кто в ужасе отшатывается от той, что носит имя «Клото». Маленькой старушке на это наплевать, она дразнит их своим изрубцованным животом. Одна грудь почти полностью покрыта нитями гноя, мускулистые ноги застыли в убийственном движении: она убивает — и смеется, чудовищно скаля зубы. Она движется вперед неотвратимо и прячет лицо в наполовину распущенных повязках.

Клод Дебюсси не может оторваться от нее. Его карие глаза застыли на этом белесом видении. Зачем Камилла создала эту мрачную фигуру? И почему это — «Клото», та из трех Парок, которая ведает рождением?

Люди кривят губы, не понимают. Они находят это творение уродливым, непристойным, почти вульгарным. Женщины отворачиваются, зажимают платочками носы.

Клод снова посмотрел на Камиллу. Она держится как будто любезно, но есть в ней что-то от привидения. Вся в черном, в облике ее — нечто мужское. Лицо синевато-бледное, слишком блед-

ное при темной одежде, и черные круги под глазами. Порывшись в памяти, Клод Дебюсси вспоминает: леди Меделайн из рассказа Эдгара По! Он всегда был уверен, что Камилла принадлежит к той же породе проклятых поэтов.

Она подходит к нему и останавливается; они одинакового роста. Кажется, она обрадовалась встрече, но из глубины ее зрачков выглядывает загнанный зверь. Клод легонько касается ее локтя, словно желая убедиться в ее материальности, и улыбается:

— Это сон? Я думал, что сплю… Где вы прятались все это время? Вы отлично поработали!

— Комментариев не будет, господин Дебюсси, — улыбается она.

Он улыбается в ответ, поняв намек. Камилла не была особой любительницей музыки. Точнее, ее раздражала обстановка концертов, гомон публики, шарканье ног, нестройная разноголосица. Клод научил ее находить вкус в сонатах, слушая их в одиночестве, в полном покое. Она слушала его долго, долго, ни слова не говоря. Ей не хватало знаний. Поэтому, вместо того чтобы пускаться в банальные разглагольствования, она просто говорила, когда он отходил от пианино: «Комментариев не будет, господин Дебюсси!» И он знал,

что для нее, мастера безмолвного искусства, это равносильно высшему одобрению.

Теперь он, обратившись к ней, показывает взглядом на две скульптуры:

— Комментариев не будет, мадемуазель Клодель!

Но ее уже похитила компания буквоедов, которые жаждут уточнений; она деликатно избавляется от них и, ненадолго вернувшись к Дебюсси, указывает на тесно сплетенную пару, кружащуюся в танце:

— Как только у меня появятся средства, я сделаю «Вальс» в каком-нибудь более прочном материале. Это — для вас, я отдам ее вам.

Вскоре после этого Камиллу снова отвлекли. Дебюсси не хотелось больше никого слушать; он покинул Салон, унося с собою ее обещание. «Вальс», «Вальс» на мгновение вырвал его из черной меланхолии, в которой он пребывает все время. Он верит, он знает, что Камилла сдержит обещание. Однажды он получит «Вальс» — пару, спорящую с ветром Смерти.

Камилла видела, как он уходил. Возможно, с ним вся ее жизнь пошла бы по-иному. Возможно! Но в ее мысли ворвался выкрик: «Это что еще за пара неприличных оборванцев? Да к тому же

подписанных мадемуазель Клодель!» Она резко обернулась и уставилась на краснолицего толстяка, женоненавистника Бушо.

Две ее новые работы вызывают вопросы и восклицания. А ей слышится будто издалека голос Дебюсси, рассказывающего историю про печального клоуна, презираемого всеми, который мечтал научиться летать, — стихотворение Банвиля, когда-то посвященное ему:

С грубого помоста своего
Так подпрыгнул клоун высоко,
Что пробил он крышу балагана
И под флейт и барабана звуки
С сердцем, что горит любовной мукой,
Полетел средь звездного тумана.

Шаги по снегу. Последняя прогулка. Несколько тихих нот, диссонанс.

— Но почему эта уродина — «Клото»?

— А ну-ка пойдемте, выпьем стаканчик!

Мирбо берет Камиллу за руку, она едва держится на ногах. Она высоко ценит Октава Мирбо. Среди критиков он один из наиболее храбрых: осмеливается без экивоков сказать то, что думает. Он стал одним из первых защитников Родена. А

когда Поль послал ему «Золотую голову», Мирбо заговорил о рождении гения, не боясь показаться смешным. Сорок пять лет, косой пробор, маленькие усики, элегантный, любезный, он тоже услышал неприязненную тираду Анри Бушо и решил утешить Камиллу:

— Пойдемте, я принес вам свою статью.

Они уселись в небольшой гостиной, и Камилла начала читать. Мирбо следил за ее лицом: поначалу оно застыло в ожидании неприятностей, но постепенно посветлело. «Салон 1893 года», автор Октав Мирбо.

«Мадемуазель Клодель — ученица Родена и сестра Поля Клоделя. Все знают, кто такой Роден, однако никто не знает, кто такой Поль Клодель. Поль Клодель написал две книги, две драмы, „Золотая голова“ и „Город“, и это — прошу критиков сдержать улыбки — творения гения; гения еще не определившегося, смутного, но озаряемого вспышками ослепительных молний. Я сказал „не определившегося, смутного“ лишь для того, чтобы потешить свое самолюбие, потому что, если я не всегда понимаю г-на Поля Клоделя, если некие покровы скрывают от моих глаз проблески этого живого света, это не означает, что следует обвинять автора в недостатке, коренящемся, видимо,

в слабости моего зрения. Но будь отдельные места его удивительных произведений в тысячу раз более неопределенными и смутными для читателей, разве не простительно это совсем молодому человеку, которому некогда задерживаться возле дорожных указателей, ибо его уносят потоки идей и мозг находится в непрерывном творческом кипении? „Гений“ — это единственный эпитет, который следует прибавить к его имени.

Удивительно ли, что мадемуазель Клодель, имея такого наставника, живя в интеллектуальном общении с таким братом, представила нам произведения, по силе замысла и качеству исполнения превосходящие все, что до сих пор мы могли ожидать от женщины? В прошлом году она показала на выставке бюст Родена — чудо проникновенности, свободного остроумия, широкого размаха. В этом году мы увидели две странные, впечатляющие композиции, настолько необычные по замыслу и декоративной аранжировке, исполненные столь глубокой поэзии и по-мужски острой мысли, что мы замираем перед ними, пораженные красотою искусства, созданного женщиной; мне нравится снова и снова говорить об этом удивительном явлении.

„Вальс“ и „Клото“, так называются эти про-

изведения… М-ль Клодель отважно атаковала задачу, быть может, самую трудную для скульптора: передачу движения танца. Чтобы оно не превратилось в грубое подобие натуры, чтобы не осталось мертвым камнем, требуется бесконечно тонкое мастерство. М-ль Клодель обладает таким мастерством…»

Камилла жадно вчитывается в описание двух ее работ. Он правильно увидел, он все понял.

«…сплетенные друг с другом. Но куда устремляются они, подхваченные вихрем, в опьянении душ и тел, столь тесно соединенных? К любви? К смерти? Тела их молоды и полны жизни, но складки ткани, окутывающей, льнущей к ним, напоминают саван. Я не знаю, куда несутся они, к любви или к смерти, но я знаю точно, что от этой группы веет пронзительной печалью, такой пронзительной, что истоком ее может быть лишь смерть, а если и любовь, то такая, что печальнее самой смерти.

Кто знает, какая частица души и сердца автора таинственно вдохновляла этот труд?..»

Отблеск радости озарил трагическое лицо Камиллы. Мирбо успокоился.

«…М-ль Клодель — одна из наиболее интересных художников нашего времени. Огюст Роден

может гордиться такой ученицей, автор „Золотой головы“ — такой сестрой. М-ль Клодель принадлежит к тому же разряду, что первый, и к той же семье, что второй».

Она поблагодарила Мирбо, однако он ощутил некую вымученность в ее словах. У нее на глазах слезы. Неужели он ее чем-то обидел?

— Пожалуйста, не думайте, что я так писал из дружбы. Жеффруа того же мнения. И Люсьен Бурдо тоже. Мы только сегодня толковали об этом.

Ну как объяснить ему, что ей осточертело «являться сестрой одного и ученицей другого»? Вечно быть в тисках двух имен… К тому же ни того, ни другого тут нет. Она — скульптор, вот и все. Камилла Клодель, скульптор. Скульптор. Женщина. Точка.

— Кстати, где же Роден? Я что-то его не видел.

— В деревне, — она ответила глупо, невпопад. В самый раз, чтобы отпугнуть единственного друга, который защищает ее! Но как они издергали ее своими вопросами! Пусть спрашивают у Розы, где он, чем занят. Когда же это кончится: «А что нам покажет господин Роден?» — «Вы, конечно же, в курсе его замыслов?» — «Нет, нет, они почти не встречаются!»

Октав Мирбо заметил ее отчаяние. Они вер-

нулись к толпе, и вопросы посыпались градом. Мирбо понимал, что Камилла сейчас переживает какую-то внутреннюю борьбу. Огюст Роден отсутствует. За этим, несомненно, кроется драма. Никто не пришел. Вдруг до него дошло, как она одинока. Ужасающе одинока. Мать вообще никогда не появляется. Брата нет — уехал, кажется, говорили, что он в Соединенных Штатах, а Огюст не соизволил показаться сегодня в Салоне. Она держится прямо, с достоинством — такая порода! — но на лбу, белом, как слоновая кость, проступает испарина, глаза широко раскрыты, она вот-вот упадет. За что все мучают ее?

Мирбо вспомнил замечание, высказанное Жюлем Ренаром в начале года; они говорили о Поле Клоделе, и вдруг у Ренара вырвалось: «Поль Клодель — это да! Но его сестрица Камилла — невыносима!» И те, кто сидел рядом в кафе, засмеялись: «Ах да, эта муза Родена! Он от нее, бедняга, тоже голову потерял. Но новых работ не делает!»

Октав Мирбо будто вновь услышал все тогдашние грубые шутки.

А он даже не протестовал, только возразил вскользь: «О нет, он работает, но скульптура требует много времени. Он наверняка что-то

готовит, скорее всего, Бальзака». Теперь, перед Камиллой, Октаву было стыдно за свою трусость.

— Пойдемте отсюда!

Он увел ее, по-прежнему унылую, вялую, безгласную, в сад, усадил. Всеми забытая на садовой скамейке старуха. Она платила дорого, слишком дорого. Мирбо вспомнил, как когда-то точно так же сидел Роден по возвращении из Нанси. Обессиленный, неподвижный. Два больших зверя, раненных насмерть.

— Спасибо, — шепчет она. — Мне уже лучше, вы можете идти. Спасибо.

Он не хочет ей надоедать и возвращается в выставочный зал. Кто-то подходит к нему. «Она неважно себя чувствует. Видимо, от духоты. Хоть и скульптор, но женщина, не будем забывать об этом. К тому же красивая, да позволено мне будет…»

Камилла подняла голову от чемодана. Вещи для поездки в Ислетт собраны. В этом году она едет одна — и в последний раз. Еще одна дверь, которую предстоит закрыть. Еще одно убежище будет потеряно. Последняя опора, которую у нее отнимут. Не будет больше принцессы, не будет маленькой девочки, все разноцветные шарики лопаются один за другим.

Азэ-ле-Ридо. Ислетт… Когда-то они вместе паковали сундуки, ехали на старом экипаже, на поезде. Рассчитывали попозже устроиться удобнее…

Малышка Жанна подросла, она лепила все лучше и лучше и уже помогала им. Огюст Роден искал своего Бальзака. Они объездили всю Турень, рыскали по деревням. Огюсту нужен был «народный типаж». Камилла перечитывала книги, он набрасывался на все, что удавалось найти, поглощал и требовал еще. Медальон работы Давида Д'Анже, портрет кисти Луи Буланже, наброски, карикатуры; они отыскали дряхлого портного, который некогда шил для Бальзака. Не поленились сесть на поезд, поспешили туда, в деревню, к северу от Парижа. Обалдевший старичок, который когда-то шил панталоны, жилеты и сюртуки «по мерке Бальзака», твердо знал, что Бальзак умер, и не мог взять в толк, чего от него хотят; Камилла, набравшись терпения, подробно объяснила. Он явно принял их за пару сумасшедших.

Она пока ничего не сообщила ни матери, ни отцу об их совместных планах. Это успеется осенью, когда они поженятся.

Прошло две, три недели. Роден несколько раз съездил в Париж. «Понимаешь, я не могу оста-

вить Розу. Она больна». Возвращался он быстро.

А потом ей в свою очередь пришлось вернуться в Париж, чтобы заняться своей мастерской. Работа не продвигалась. Но от Родена не было известий. Целую неделю назад он тоже приехал в Париж. К Розе. И — ни слова Камилле. Только письмо от маленькой девочки, рисунок и несколько строчек:

«Господин Роден уехал нынче утром. Мне скучно. Когда ты вернешься? Фуфу чувствует себя хорошо и передает тебе поцелуй».

Камилла сидела одна в квартире, тупо глядя на дату, проставленную на письме. Зачем он это сделал? Ее тошнило, душа выворачивалась наизнанку. Голова шла кругом. Уже неделя, как он покинул Азэ, не дожидаясь ее возвращения.

Всю ночь она ходила из угла в угол, подыскивая объяснение. Целую неделю он провел в Париже. У Розы. В нескольких шагах от нее.

8 июня 1893 года.

Сегодня она отправляется в Ислетт одна — и в последний раз. Он пусть остается со своей Розой. Ему больше не придется лгать.

У нее не будет больше детей. Камилла отлично видела, как Родена это беспокоит. Он стал теперь весьма осторожен, боясь не за нее — за себя.

Вспомнить хотя бы, как он вел себя в Азэ. Она, счастливая, не осмеливалась верить, ничего не говорила, но он засыпал ее вопросами. Он удвоил предосторожности. И вот она сидит в Париже, никому не нужная, как подгнивший плод. «Женщины либо служат мужчинам, либо ни к чему не пригодны». Здоровье ее не восстановилось. Видимо, купанье в речке дало ей еще одну иллюзию, несколько недель отсрочки, но лишь для того, чтобы наказание ударило еще больнее.

Она пролежала часть ночи, надеясь, что все пройдет. Сама сделала все, что требовалось. Через день какой-то мальчишка принес записку: «Приходи сегодня после полудня в мастерскую. Я вернулся. Твой Огюст». Год назад это было. Уже год…

Она не смогла дойти до мастерской. Он встревожился и пришел. Она швырнула ему в лицо три рисунка, которыми занималась после полудня. Серия рисунков, один отвратительнее другого. Он сразу спросил, почему она сидит на полу, прислонившись к кровати? Она ответила, что больна, объяснила, что именно происходит, — и увидела его лицо. Никогда ей не забыть, какое облегчение отразилось на нем! И тогда она швырнула в него своей ревностью, гневом, своими рисунками:

«Уходи! Убирайся сейчас же! Оставь меня!» Она выставила его за дверь, и вслед полетели три рисунка, три образа ее страдания.

Он убил ее ребенка, он убил ребенка в ней.

Она не грустит. Ей удалось добиться триумфа в Салоне. «Вальс» и «Клото». Роден ее поздравил. Ей скоро исполнится тридцать. Она станет великим скульптором, все остальное ничего не значит. Существование, жизнь — в этом ей было отказано. Она станет проклятым художником. Ее снедает лихорадка, но она не отдает себе в этом отчета. Она избавилась от «Клото», от своих кошмаров, и теперь путь вперед открыт.

«Клото». Однажды ночью она уложила ее на бумагу, оторвала от себя. Потом побежала в мастерскую Родена. Он предлагал ей воспользоваться его материалом. Ему доставили камень, который может ее заинтересовать. Взаимоотношения между ними возобновились чисто деловые; то она ему помогала, то он ей. Он не спал у нее, он теперь постоянно жил у Розы. Камилла все время болела, придумывала предлоги, жила замкнуто, держалась отстраненно. Работа была главнее всего. Она ожесточилась, не подпускала его к себе. Ни на час они не оставались наедине — она отвергла его, сделалась неприступной.

Живо в мастерскую Родена, посмотреть, что за камень! У нее был ключ от двери на Университетской улице, он предложил ей приходить, когда понадобится. Никого там не было. Где лежит камень, она знала и направилась прямо к нему. Вдруг она увидела саму себя — одну, другую, две почти оконченные статуи… Камилла не сомневалась: это действительно она.

От одной она не могла оторвать глаз, не могла не заплакать: гипсовая драпировка окутывает ее, руки словно посылают последний поцелуй. Хрупкая, она как будто соскальзывает к смерти и зовет кого-то: «Не оставляй меня!» Вот так умирал Себес, он умирал, а жаворонок пел. Она лежит, вся проникнутая любовью. Другая статуя, рядом, тоже хороша, но первая ее обнимает, составляет с нею единое целое. Камилла понимала, что никогда не сумеет сделать нечто столь же чудесное в честь Родена. Лицо статуи выражает готовность простить, это воплощенное милосердие, поцелуй, проникнутый вечностью.

На статуях что-то написано карандашом. На первой — «Выздоровление»; подойдя ко второй, Камилла прочла: «Прощальный привет». Буквы неровные — видно, рука дрожала, выводя это слово.

Слезы покатились из глаз в полной тишине. Впервые за очень долгое время Камилла заплакала перед творением скульптора. Сегодня она увидела, что в тот день он все понял, все охватил единым взглядом. Можно ли бороться против скульптуры? Да нужна ли им вообще совместная жизнь? Все невысказанное они выражают в камне, там их истинное королевство, их брачное ложе, их неизменная тяга друг к другу, которая длится, возрождается, и даже разлука по силе своей равна обладанию. Никогда у нее не будет ни супруга, ни детей, ни дома. Только камень, вечный камень преткновения, не позволяющий им быть счастливыми вдвоем.

Камилла закрыла дверь большой мастерской. Ночь она провела у себя на Итальянском бульваре. При свечах она швырнула на пол свою Клото. Разбуженная шумом, Пипелетта уверилась в том, что эта жилица — сумасшедшая. Сущая сумасшедшая, эта Камилла Клодель! Зажигает свет, месит глину, как колдунья. Возится всю ночь, там, за окнами, я сама видела…

В ту ночь Камилла подошла к порогу своего ада. Клото восстала в лабиринте безумия.

«Не стыдись, скажи, что ты меня любишь! Нужно посмотреть, какое лицо будет у нее, ибо такова жестокость любви! Она прикидывается ласковой и нежной, но на деле груба и бесстыдна, и обладает собственной волей, не нашей, и покоряет нас, и заставляет поклоняться себе».

Поль Клодель, «Обмен»

Рисунок № 1.

Усталый человек, старый ребенок, спит, уткнувшись в обвислые груди уродливой мегеры; можно распознать высоко зачесанный шиньон Розы Бере и редкую бородку мужчины. Господин Роден обхватил женщину обеими руками, как бы боясь ее потерять.

Подпись: «*Пробуждение. Нежные укоризны Бере*».

Рисунок № 2.

Мужчина и женщина, склеенные ягодицами. Голые. Она стоит почти на четвереньках. Шиньон Розы распущен и закрывает лицо. Скрюченные пальцы впились в землю. Спина явно поросла шерстью. Господин Роден обеими руками цепляется за ствол дерева.

Подпись: *«Склейка. Ах, все верно! И как это держится?»*

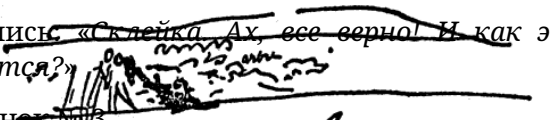
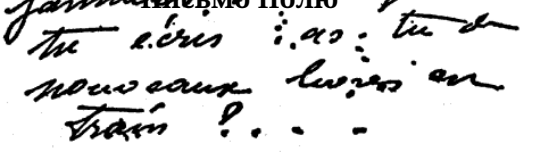


Рисунок №3.

Роза. Голая старуха размахивает метлой. Нос и шиньон придают ей мерзкий, угрожающий вид. Слева — мужчина и молодая женщина, обнявшиеся, прикованные цепью к камню. Руки и ноги их скованы кандалами. Цепи притягивают их друг к другу и к стене. Однако молодая женщина еще держится, пытаясь устоять, борется с черным железом. Оба влюбленных также обнажены.

Подпись: *«Сцена одиночного заключения»*.

Письмо Полю



Подписи сделаны рукою Камиллы.

Я видела эти рисунки. Пропитанные ревностью, они кричат о ее неизбывном отчаянии.

Похищенный бог

«…Как мог разгореться этот огонь? Все слуги разошлись, дома был только я. Я гулял в саду, и вдруг увидел красную вспышку в гостиной… И сам я тоже горю! И ты, ты тоже будешь гореть во глубине ада, куда попадают богатые, те, что подобны свече без фитиля…»

Поль Клодель, «Обмен», 1893

Окончательный срок отъезда Камилла определила на четверг. Роден заходил, оставил записку — наверно, хотел попрощаться. Нужно было ответить. Нельзя было просто так бросить его. Он беспокоился — она снова заболела. Со времени выставки они не виделись. Он слыхал, что у нее не все в порядке, хотел узнать, в чем дело, хотел успокоиться.

До четверга нужно было столько всего собрать, переделать. Намереваясь написать ему, Камилла мечется по комнате, не в силах вспомнить, где бумага и чернила. С некоторого времени вещи ускользают у нее с глаз, выпадают из рук. Ясность возвращается только за работой, все прочее ка-

жется далеким, размытым. Она теперь не знает, куда себя деть, как распорядиться. Отказаться от этой квартиры или остаться? Роден не отказывает в поддержке, но зачем ей два жилища, зачем распылять силы, разрываться надвое? Ей больше нравится Двор Чудес. Там она чувствует себя как дома.

8 июня 1893

«Меня не было дома, когда вы приходили, поскольку вчера сюда приехал мой отец. Я обедала и ночевала у родителей. Что касается здоровья, мне лучше не стало, потому что для этого нужно вылежать несколько дней, а мне все время по разным причинам приходится ходить. Я наверняка не уеду раньше четверга…»

Отец… Как он гордился, прочитав статьи Октава Мирбо! Он было совсем отчаялся, но теперь вновь полон надежд. Поль тоже наверняка уже прочел статьи Мирбо. Камилла с нетерпением ожидала письма. Кого попросить присмотреть за ее почтой? Что собирается делать Роден — остаться в Париже, уехать с Розой? Столько дел нужно уладить, и снова в одиночку. Некому решать, кроме нее самой…

Солнце заливает белый листок бумаги, в глазах рябит. Откинувшись на спинку стула, Камилла повернулась в поисках тени и заметила что-то в углу комнаты. А, это зонтик, чудесный красный зонтик! Спустя несколько дней после того, как Роден сделал этот подарок, он пригласил ее на званый вечер; хотел представить… кому? Камилла потерла рукою лоб: имена припоминаются с трудом. Тогда она даже подпрыгнула от радости. Условились, что он зайдет за нею завтра в тот же час. Как, разве он не останется ночевать? Он смущенно потупился. Роза неважно себя чувствовала. Но уж завтра он останется точно, поведет в гости, познакомит с кучей интересных людей. С того дня красный зонтик так и стоял в углу. Женщина и четыре дня счастья. Вот что случилось с нею в этой квартире. С тех пор прошел уже целый год!

Голова болит, ее как будто стискивает добела раскаленный обруч. Перо выпадало из рук, Камилла подхватила его.

Она уже там; нагая, стоит на коленях и молит о чем-то. Он не отзывается, только отрицательно качает головой. За дверью — гости, друзья, светские дамы. Они издеваются над ней. Она голая, потому что ей нечего было надеть. Если он вой-

дет в эту дверь, она умрет. Она умоляет его. Он отступает к двери. Она движется за ним, ползет на коленях по крестному пути. Руки ее не касаются земли, они протянуты к нему открытыми ладонями. Он не помогает ей, оглядывается на дверь, а она все зовет и зовет. Он может все. Он — бог, и люди вырывают его друг у друга из рук. Колени болят. Она упорно ползет, ей кажется, что он отдаляется все больше и больше. Она никогда не сможет его догнать. Но ведь еще секунду назад он был рядом, обнял ее, она прижалась головою к его ногам, и вдруг — все исчезло, руки ее пусты, вокруг пустота… Дверь сорвана с петель. Они ворвались внутрь, заполнили пространство, одни во фраках, другие в вечерних туалетах, а ее зажало посередине, ее вертят, она стоит на коленях, на подставке, униженная. А его она больше не видит. Они обсуждают форму грудей, ягодиц: «Нет, рука слишком мускулиста, а посмотрите на бедро, нога плохо очерчена, и голень вывернута. Видали вы что-либо подобное?»

Он присоединился к Розе. Роза тащит его, притягивает к себе, держит обеими руками, охватывает; кажется, будто она вспрыгнула ему на спину, и раскрываются ее крылья, как у летучей мыши, и она поднимает его, и они летят…

Камилла упала и крепко ударилась. Она соскользнула со стула. Голова ее лежит на листке бумаги. Солнце нещадно жжет. Все горит. Издалека доносится голос Виктории: «Ничего не бойтесь, барышня. Вам нужно только чуть-чуть тишины и темноты. После родов всегда бывает так». Хнычет ребенок… Убежать, улететь. Зонтик. Она раскрывает зонтик и летит, летит…

В комнате все стало синим, словно лунной ночью. К Камилле приближается женщина с обритым черепом, склоняется над нею и нежно гладит по длинным волосам. Потом отходит куда-то. Что она делает? Камилла приподнялась на локтях, она слышит звяканье металла: старуха взяла рабочие ножницы и снова приближается. Камилла смотрит на свои волосы: «Нет, не хочу, нет!»

Старуха уже рядом. Но это уже не старуха, ей всего двенадцать лет. Жанна, пронизанная светом, уперев кулачки в бока, глядит на нее: «Ну-ка, поднимайся! Что это ты тут разлеглась? Ты уже большая, вставай сама!» Она протягивает свою ручонку, и Камилла, ухватившись за нее, напрягается; детская рука такая легкая… Камилле кажется, будто ее поднимают, несут, она уже на ногах.

Что же такое с ней случилось? Она посмотрела в зеркало: отражение едва различимо — солнце уходит на покой. В комнате тихо и мирно, за дверью слышно мяуканье. Камилла открыла и увидела крохотного котенка. Камилла взяла его на руки, погладила: «Ты ничего не видел, ничего не знаешь, да? И долго ты сидел тут за дверью и подглядывал?»

Зонтик лежал под столом. Как он туда попал? Камилла сказала себе, что, пожалуй, слишком много работала в последнее время. Нужно дописать письмо, собрать чемоданы. Переделать все дела одно за другим. Котенок мяукает…

— Ну-ка, давай подкрепимся! — Камилла налила молока, полное блюдечко, своему новому дружку, села и вновь взялась за перо. Прежде всего закончить письмо к нему. На чем мы там остановились?

> «*…наверняка не уеду раньше четверга. Сегодня ко мне заглянула мадемуазель Вессье и пересказала всевозможные слухи, которые ходят про меня в Ислетте. Оказывается, по ночам я вылетаю из окна моей башни на красном зонтике и с его помощью поджигаю лес!!!*»

В дверь постучали. Пришел господин Роден. Он не мог не повидаться перед отъездом на лето… Он так хотел бы сопровождать ее… Быть может, он к ней присоединится там? Он робко сидит в своем старом кресле… Его недавно назначили директором Школы искусств. Ей первой он рассказал об этом. Он теперь будет вместо Далу и сможет ей помочь…

Она не слушала его. Он смотрел вниз, на свои ноги, его словно клонило в сон.

Она так и не произнесла ни слова. Сидела на краю стола, покачивала ногами, рассматривала его. Котенок играл у больших ног Огюста.

Ее ждала работа.

8 июня 1893 года.

Письмо из лечебницы

«…Долго не отвечала тебе, поскольку было так холодно, что я не могла уже держаться на ногах. Я не могу писать в общем зале, где в камине еле-еле горит жалкий огонек, полно народу и стоит адский галдеж. Поэтому я вынуждена сидеть в своей комнате на третьем этаже, которую так выстудило, что пальцы коченеют и начинают дрожать, и я не могу удержать перо. За всю зиму мне ни разу не было тепло, я промерзла до костей, холод истерзал меня. У меня была жестокая простуда. Одна из моих приятельниц, прежде служившая преподавательницей в лицее „Фенелон“, которую жизненное крушение выбросило на здешний берег, была найдена замерзшей насмерть в своей постели. Это чудовищно. Никакими словами не передать, что такое холода в Мондеверге. И длится это по семь полных месяцев ежегодно…»

Город

«Вскоре услышишь ты имя это: Скупой,
Когда запылают города, полные душ человеческих!..
Неужто тебе не понять, что для каждого высшая справедливость — все отнять у других и присвоить себе?..»

Поль Клодель, «Город», I

Поль должен был вскоре вернуться. Камилла ждала его с нетерпением. Ей хотелось услышать подробные рассказы. Она соскучилась. Вот уже год, как он отбыл в Новый Свет, в Америку.

Тридцать лет. Она добралась до этой даты и удержалась на ногах. С трудом, но теперь все стало на свои места. Тело ее окрепло, стало мускулистым, ловким, пригодным к работе скульптора. Сильные плечи, длинные крепкие ноги — все функционировало чудесно, все слушалось приказов.

Камилла открыла окно. Она отобедала с родными, а сейчас любуется Парижем. Ей тридцать лет.

Отец видит ее высокий силуэт на фоне окна. Он

восхищается дочерью. Ее успех все возрастает. На недавнем Салоне ее очень хвалили. «Похищение бога», «Портрет маленькой хозяйки замка». У нее есть заказы. Здоровье ее восстановилось. Сегодня они вдвоем гуляли по улицам Парижа. Она шла большими шагами, двигая плечами, как мужчина. Она сильная, и мужчины оборачиваются ей вслед.

Камилла опирается руками на холодные перила балкона и дышит воздухом Города. Он вливается в нее, проникает в самые недра. Они сливаются воедино. Камилла — это и есть Город. Она — это улицы и переулки, а кровь, что течет в ее жилах, горячая и убийственная, — это «рокочущая жизнь», как написал ее брат, которая захватывает, подчиняет ее.

Слова ее брата… Какое могущество в обращении со словами!

Скоро он будет здесь. Видимо, в следующем месяце. Поэт Города. Город столь же горяч, как она. Ее бессонные глаза смотрят на Город, а навстречу поднимаются тысячи взглядов. Распустившиеся волосы окружают ее, как туман, что ложится на обнаженные ветви деревьев. Сегодня вечером ей исполнилось тридцать лет. Сердце бьется в ритме Города, танцует под тамтам Великана.

Париж у нее в крови, ни за что не согласится она снова оторваться от него. Уснувший Город не замирает, и в глубине души Камилла слышит плеск озера. Вода омывает ее, течет, пропитывает благотворной влагой. Камилла полна доверху, она никому не завидует, ни о чем не жалеет, забвение, унижение, молчание — все было и прошло. Она не завидует сестре; у нее нет ни мужа, ни детей, ни любовников, но теперь она сама берет все, что нужно, сама решает, создает скульптуру своими руками. Когда она захочет, отдастся тому, кого сама выберет, сразу вся, счастливая, великолепная, свободная Женщина.

— Закрой окно, Камилла, холодно, — это мать напоминает о себе. К сожалению, с этой стороны дело обстоит похуже. Госпожа Клодель сожалеет о господине Родене. «Это был великий художник. Он иногда заходил к нам, а его жена…» Мать возмущается у нее за спиной. Камилла захлопывает окно. Ей уже не двенадцать лет. Пусть себе маменька бурчит! Это ее больше не касается.

«Город». Скоро сюда прибудет брат, который осмелился уплыть на большом корабле. Когда-нибудь и она уедет с ним. Ей не хватает только этого. Взойти на борт корабля! Стоять на палубе, когда убирают сходни, отдают швартовы и

слышен шум машины, а набережная удаляется удаляется… Ты — уплываешь.

Кто-то рассказывал ей, как уезжал Огюст. Ах, это вовсе не походило на триумф! Роже Маркс поведал ей эту грустную историю, примерно год назад.

Господин Роден, потрясенный, со слезами на глазах, говорил ему, что больше не имеет на Камиллу никакого влияния. Бедный Роже Маркс! Он умолял ее вернуться. Роже Марксу было доверено передать послание. Бедный Роже еще слишком молод, чтобы понять. Он обожал их обоих. Зачем они расстались?

Однажды Роже пришел к ней в мастерскую. Было заметно, что ему не по себе. Камилла спросила, в чем дело. Тогда он выложил все разом, как попало… Утро, фургон на улице Больших Августинцев. Глазеющие соседи. Выносят мебель и статуи. Господин Роден самолично присматривает за переездом. «Как он постарел, Камилла, если б вы знали! Он лишился сна. На лице появились коричневые пятна. Он теперь не улыбается. Вообще никогда. Я даже слышал, как кто-то говорил за его спиной, когда он садился в экипаж вместе с Розой: „Роден — конченый человек…“ Он уезжает в деревню, Камилла».

Она прервала его: «Это вовсе еще не конец. Послушать вас, так их повезли на гильотину, как Людовика XVI и Марию-Антуанетту». — «На его лице явно читалось отчаяние». — «Послушайте, Маркс, если дела настолько плохи, я ему напишу. Я вам обещаю».

Он улыбнулся, немного ободренный: «Он вас любит. Вы — все, что у него есть…» Она перестала слушать, углубилась в работу. Теперь она работала на себя.

Все свои вещи она из Азэ перевезла, по меньшей мере те, за которые смогла заплатить. Перевозка обходилась все дороже и дороже.

Она сама написала Морису Фенайлю, богатому меценату. Господин Роден негодовал: разве он хоть когда-то перехватывал у нее заказы, отбирал работу? Он снова ее не понял, сел писать рекомендательное письмо. Камилла вырвала листок у него из рук, она не желала больше, чтобы он ее поддерживал, ведь она покинула его и намеревалась действовать в одиночку. Об этом уже все знали.

«Милостивый государь,
надеюсь, что вы великодушно простите
мне ту смелость, с которой я решилась

написать вам. Я имела честь познакомиться с вами у господина Родена, ученицей которого являюсь. В настоящее время я работаю самостоятельно и хотела бы просить вас оказать мне честь, посетив мою мастерскую. Обычно я принимаю по воскресеньям, в течении всего дня.

Примите, милостивый государь, заверения в моем глубоком почтении.

Мадемуазель Камилла Клодель,
Итальянский бульвар, 113».

Роден ушел, не сказав ни слова.

К счастью, заказы начали поступать. Господин Роден передавал ей заказчиков. Многие обращались к нему, думая, что они еще живут вместе. Ее пригласили поучаствовать в выставке в Брюсселе, Вильнев заказал ей «Псалом». Пусть это не памятник на площади, но, в конце концов, капризничать не приходилось. Ей нужны были деньги. Она жила на ту сумму наследства, которую выделил авансом отец, когда ей потребовалось устроить собственное хозяйство. Как будто она вышла замуж… Он подарил ей немного денег. Выйти замуж! О нет, отец отнюдь не был обманут.

Отец тоже постарел, но остался все тем же вспыльчивым и нежным горцем, каким она знала его в раннем детстве. Вогезская порода с берегов черной Брессы, поросшей пихтой. Она любила отца, фантазера, такого же ироничного, как она, легко увлекающегося; порою они ужасно ссорились, сыпали наихудшими оскорблениями, кидались в драку, а потом снова шутили, мечтали, фантазировали, поддразнивая друг друга.

Отец берет сигару, дочь подносит ему огня. Потом он просит принести ему газеты — хочет перечитать все, что про нее написано за год. Камилла специально для него сохраняет вырезки. У матери на это не находится времени. «Ты думаешь, мне больше нечем заняться? Занимайся скульптурой, мне об этом и думать тошно!»

Мадам Клодель ни на йоту не поступилась своими убеждениями. Ей известно, что Камилла изображает голых людей. Больше она ничего не желает знать.

Камилла порылась в ящике комода и достала связку вырезок с критическими статьями для отца. Сама она их перечитывать не хочет. Нужно двигаться вперед. Новые статуи ждут ее. Еще столько всего нужно сделать… пока наконец отыщется истина. Только брат в курсе ее дел.

Она покажет ему все. А что успел написать он? Камилла бросила взгляд на хрустальный шар, стоящий на комоде, американские цветочки, как их называют. Их прислал Поль. Она поворачивает шар, и птицы улетают. «Дорогой Поль, эти свои находки я доверяю лишь тебе. Не показывай их никому». Что он делает там у себя в Бостоне?

Она писала ему, рассказала, какая холодная зима, как горит огонь в камине. Он прислал ей немножко денег. Когда-нибудь она отдаст ему долг. Прошел год, и теперь — благожелательная критика, успех двух ее работ, «Похищение бога» и «Девочка Жанна».

«Похищение бога». Поль знал о ее разрыве с Роденом. Никто, кроме него, не был способен ее понять, ведь он — брат. И все-таки их разделяло огромное расстояние. Он там, она здесь. Перед отъездом из Парижа он попытался объясниться, признался, что обрел веру, что написал об этом. «Город» свидетельствовал о том, какую борьбу ведет он вот уже четвертый год. Рождественский вечер 1886 года. Седьмая книга «Притч»! Мудрость подала руку Рембо! Камилла отказывалась поверить, отказывалась признать, что дела обстоят именно так. Урывками она рассказала брату, как живет сама. Она бросила вызов Богу и дойдет

до конца. Ему, конечно, известен иносказательный смысл истории о борьбе с ангелом! Она тоже читала Библию. Они ожесточенно проспорили почти всю ночь. Камилла так устала, что осталась ночевать у него на набережной Бурбон, 43. Любовь он признавать не хотел. Слова не давались ему, он осекался, мямлил, но она поняла: этот грубоватый парень был еще девственным. Мало того, что замкнутый душевно, он был еще и телесно нетронутым. Теперь уже она сомневалась, стоит ли откровенничать. И однако, говоря о Боге, он как будто рассказывал историю реальной встречи, историю любви, страстной, полной опасений, побегов и желаний… Она была — колченогая, проклятая, Камилла черная, собака! Он старался ее успокоить, понять, почему тогда, в начале 1891 года, она пыталась бежать куда-то — от кого или от чего?

Прошло уже три года! Скоро он приедет. В его письмах о вере ни слова. У нее веры не было ни раньше, ни сейчас. Она верила только глазам маленькой Жанны. Этому взгляду противостоять было невозможно. Никакие доводы разума не годились. Дитя спасло мир. Женщина поняла это. Она больше не ездит в Азэ, ну и что? Молния пронзила ее душу. Отныне и до самой смерти!

Она страдала неизлечимой болезнью: страстью смотреть на мир широко открытыми глазами.

Какая борьба завязалась между братом и сестрой! Но Поль не был Богом, а Камилла не звалась Иаковом. Она издевалась над ним:

«О, сустав бедра моего! Поломали мне его на броде Иаббок!» Ей не нужно было бороться с ангелом! Она ведь переправлялась вплавь. С этим все было решено.

Он нервничал, считал ее глупой, упрямой. Но она твердила с удвоенной яростью: «Я не создана им! И никем, слышишь ты! Никем! А если каждое создание незаменимо, ну, так я ему кое-что покажу. Пусть позабавится! Мы отнимем у твоего великого Творца его незаменимое творение. Я — разрушаю. Я отниму себя у него, на веки вечные. А ты изворачивайся сам!»

Бедный Поль! Где-то он сейчас? Эта громоздкая религия не сделала его счастливее. Во всяком случае, не все у него шло так просто! А вот она теперь вела жизнь отшельницы, не хватало только монастыря с решетками!

«Город». Ей нравилась эта сложная вещь (брат подарил ей книгу перед отъездом), нравились барочные образы.

Безмерное полыханье

Ночи скупой…

Отец… она чуть не забыла, что позвала его на завтра к себе в мастерскую. Пусть посмотрит, что готовится к следующей выставке. Несколько работ сразу, наконец-то. Со «Сплетниц» она снимет покрывало не раньше, чем в будущем мае. О, она хорошо прячет своих маленьких приятельниц. Им следует пока побыть взаперти. Зато она покажет отцу Жанну, изваянную прямо по мрамору. Здесь Камилла была одновременно и Творцом, и работником. Все сделано ею, от начала до конца. Сначала она просто не хотела, чтобы чьи-то руки касались этой работы, а потом двое нанятых ею рабочих разбили две другие фигуры в отместку за то, что она на два дня запоздала с уплатой. Они устроили полный погром. Мадам Пипелетта наверняка тоже к этому приложила руки… К счастью, они не тронули глыбу мрамора, которую отдал ей Роден.

«Все, будь то линия или точка, будет как живое». Говорят, что Роден плакал перед «Похищением божества». Им остается Земля, Глина, чтобы творить. И вся жизнь. Сколько эскизов им будет позволено воплотить?

Письмо из лечебницы

«…Не следует заблуждаться, что в сумасшедшем доме возможны какие-либо перемены. Здесь не обойтись без режима, чтоб справиться со всеми этими „раздраженными, агрессивными, вопящими, разъяренными созданиями…“, которые стали невыносимы даже для их близких, настолько они неприятны и докучливы. А как получилось, что меня вынудили выносить их общество? Не считал тех неприятностей, которые проистекают из подобной скученности… Как тошно находиться среди всего этого! Я дала бы сто тысяч франков, если б они у меня были, чтоб уехать отсюда немедленно…»

«Сплетницы»

«…Когда же мы отправимся на поиски души позабытой сестры нашей, которой были мы неверными спутниками? Что стало с нею за время разлуки?..»

Поль Клодель, «Господи, научи нас молиться»

Ну, вот Камилла и проводила брата на вокзал. Проводила одна — не было ни друзей, ни родных. Прощаясь, он ограничился беглым взмахом руки. Он не любил сантиментов, открытого проявления чувств. Мать никогда их не обнимала.

Он снова уехал, быть может, еще на три года. Или на пять? Она долго расспрашивала, колебалась. Ей тоже хотелось уплыть на корабле. Возможно, он и согласился бы. Сколько они мечтали об этом вдвоем… Китай! Он собирался в Китай! Поль уезжает в Китай! И вот он уже уехал. Она добралась только до вокзала, а ему еще предстояло сесть на корабль.

Она медлила уходить с вокзала. Поль отправился в ту страну, куда она маленькой девочкой мечтала попасть. Нужно было все бросить и

ехать. Вместо этого она возвращалась домой, волоча ноги, словно пленница под конвоем. А вдруг она упустила последний шанс?

Камилла потрясла головой. Что это с ней нынче? Брат уехал, вот и все. Как странно, что ее так тянуло уехать! Она становится знаменитой, на майском Салоне ей выпал большой успех. В конце года ей исполнится тридцать один год. Публика повсюду толкует о «Сплетницах», о «Живописце», о «Маленькой хозяйке замка», собственноручно высеченной ею из мрамора. «Такого не бывало со времен Микеланджело!» Она только пожимала плечами. Ее осыпали множеством комплиментов, но пришлось выслушать также и немало пошлостей. Конечно, приятно, когда тебя хвалят, но поневоле задумаешься: что же такое успех? Непонятно…

Почему она не уехала? Потому что она — скульптор и еще не нашла самого главного и хочет найти? Или потому, что великан ее детства все еще следит за нею ироническим взглядом, бросает вызов, презирая вечность? С малых лет ее преследует странное ощущение, что она не умрет до тех пор, пока не разгадает загадку великана!

И потому она не прекращает усилий. Она хочет глубоко изучить творчество каждого автора, изу-

чить свойства материала. Так ей удалось узнать о способе полировки, который был в ходу во времена Бернини: при помощи бараньей кости. Она упряма, непреклонна, ожесточена. Над нею словно тяготеет некая провинность. А она не верует ни в богов, ни в дьявола, ни в седьмое небо, она — жительница земли.

Успех в майском Салоне стоил дорого. Камилла вдруг забеспокоилась: как провести лето? В ближайшие месяцы клиентов будет мало. Хороших отзывов критики недостаточно; нужно еще что-то есть. А свои работы она и продать не сможет…

С тех пор как она рассталась с Роденом, все ее связи со светским кругом оборвались — с финансистами, с покупателями, со всей этой системой. Они не являются в ее затерянную мастерскую. Она же сама редко где-то бывает. У нее нет платьев, шляпок, нет «покровителей», как это называется, и приглашения вовсе не сыплются на нее градом.

Она так много работала, чтобы представить свои четыре скульптуры, что на все прочее не хватало времени. Деньги уходили на инструменты, на гипс, литье, рабочих, литейщика… К счастью, Леон Лермит заплатил за бронзу и отливку его бюста. Замечательная перспектива на будущее!

Но для того чтобы одолеть следующую выставку, нужно подготовить экспонаты, то есть снова добывать где-то деньги, а что касается заказов, то их следовало бы иметь достаточно, чтобы один окупал другой и она могла бы нанимать рабочих и продавать одну вещь, пока другую доводили бы до конца, — не говоря уже о стоимости перевозки.

Поль оставил ей немного денег, но это ничего не решает! Критики никогда не оказывают ей практической помощи. Придет день, и все подлинные проблемы скульптора вновь навалятся на нее. Речь уже не идет о новом искусстве, о моделировании, о возвышенных мыслях про будущее скульптуры, нет. Все куда более банально, трагично и обыденно. Как разжиться столькими-то килограммами глины, глыбой мрамора, сколько берет за работу такой-то литейщик? Идеи не нужно моделировать. А делать модели просто из глины нельзя: нужна печь для обжига, отливки, репродукции. Они с Роденом часто обсуждали жестокий парадокс: говоришь о новых формах, о рабском подражании, об античности и современности, а назавтра сталкиваешься нос к носу с проблемой денег. Ее понимал только Мирбо. Возможно, потому, что он сам писатель.

«Эта молодая женщина работала с такой настойчивостью, с такой страстью и силой воли, каких ты и вообразить себе не можешь… И наконец она достигла вершины!.. Да, но нужно чем-то жить! А она добывает средства к жизни лишь своим искусством, представь себе!.. И вот ее одолевает и пригибает к земле уныние. У страстных натур, у этих пылающих душ отчаяние создает пропасти столь же глубокие, сколь высоки бывают взлеты надежд… Она подумывает о том, чтобы оставить это занятие.

— Что ты такое несешь! — выкрикнул Карист, и лицо его исказилось. — Это просто невозможно!

— Значит, у тебя есть возможность дать ей хлеба, заплатить за натурщиков, за модели, за литье, купить мрамор?

— Давай подумаем. Министр по делам искусств — вот исключительный случай — тоже художник. Невозможно, чтобы это искусство не тронуло его, потому что оно переворачивает душу и нам! С ним можно было бы поговорить… Я знаю, что он доступен для общения и благожелателен. Но тот, кто не сделал всего возможного, чтобы обеспечить столь великой художнице спокойствие духа, необходимое для работы, берет на себя большую ответственность, и он может не захотеть.

Ну-ка, друг мой, скажи, возможно ли это?

— Без сомнения, да. Но министр не всегда волен в своих действиях… Кто знает, какова обстановка в его канцеляриях.

— Тогда нужен любитель. Богатый любитель…

— Любители предпочитают только произведения, посвященные им, и художников, уже осыпанных почестями…

И Карист стучал своей тростью по земле, и на все мои замечания восклицал:

— Но она гениальна!»

Скоро ли она кончит разглагольствовать, облизывая мокрые губы? Она похожа на старого Крапитоша, кота ее детства, который смотрел на них с Полем, как старый усатый философ. Они с Полем сидели верхом на низкой садовой ограде и болтали: будущее! путешествия!

Поль… Но что бы она делала там, в Китае? Нашла бы иную жизнь, хорошенько встряхнулась бы от размеренного, как стук часов, существования этого сытого общества. Он говорил, что задыхается здесь, в «…куче влажных тел…»; «среди распухших людей, с нехорошей одутловатостью, напыщенных…» — «А как же милосердие, Поль?»

Она присела, едва не упала на первый попавшийся стул у стола. Нужно браться за работу, и

немедленно. Влага липнет к коже, месяц июнь, ханжеская скука, тоскливое безделье. Как можно хотеть хоть чем-нибудь заниматься в этой парилке?

Рядом с красным зонтиком стопка газет, пакет с липкой бумагой для мух; мастерская, оплывшие свечи, насаженные на железные прутья, два грязных стакана, — это они выпили с Полем, когда он уходил; бутылка, она сама, стол, голый пол, окно… Резкий свет. Голый пол. Эскизы, как мумии, запеленутые в грубые покровы. Рыжеватые куски полотна. А вот на полу груда потрескавшейся глины, эскиз, который начинает рассыпаться. Здесь все обгорает. Она сама, и стол, и липучка для мух. Она наклоняется, рассеянно вытаскивает газету, стопка рассыпается с сухим шорохом. Бумага хрустит, когда она разворачивает газету. Газеты. Их можно снова просмотреть. Набраться хоть чуть-чуть мужества. Доставить себе удовольствие, почему бы и нет?

«Мне семьдесят пять лет». Она с гримасой глядит на четырех старух. Четыре ответных гримасы. В мастерской висят зеркала, и Камилла отражается в них.

«— Понимаешь ли ты, что перед нами нечто уникальное, неведомое прежде в природе: гени-

альная женщина?

— Да, гениальная, дорогой мой Карист. Но зачем говорить об этом так громко? Есть люди, которых это раздражает, и они не простят мадемуазель К., если ее так охарактеризуют…

— Как это понимать?

— В каталоге выставки имена не указываются, и название группы отсутствует, — ответил я. — Видишь, здесь изображена женщина, рассказывающая какую-то историю другим женщинам… Это произведение молодой женщины, мадемуазель Клодель.

— Да, черт побери, я это отлично знаю! — воскликнул Карист. — Теперь я сообразил, что ей же принадлежат „Вальс“, „Парка“, „Голова ребенка“ и бюст Родена. Это просто чудесная, великая художница, а ее новая вещь, хоть и невелика, — лучшее из того, что здесь выставлено».

— Это воистину так, не правда ли, сударыни?

Четыре старухи закивали головами, выпрямились, прислонились усталыми спинами к скамье. Четыре зеркальных отражения.

Милый Мирбо, какой он страстный энтузиаст! Камилла вспомнила, как он жестикулировал, весь встрепанный, увлекая своих друзей к ее маленьким «Сплетницам». Кое-кто верит в нее,

но как объяснить им, что главные трудности заключаются вовсе не в состоянии души? Только Октав Мирбо понял: это тупик. Мирбо скрылся под маской Кариста — в своей области он тоже горазд на выдумки!

«Побродив по залам, мы спустились в сад, чтобы выкурить по сигарете. Кариста, увидевшего эту замечательную группу, переполняли радость и энтузиазм, настолько абсолютна была ее красота; ничто не могло быть чище и сильнее, ни в Танагре, ни в Помпеях, во времена, когда там в изобилии водились божественные мастера, преклоняющиеся перед природой и жизнью… Эта группа, с ее восхитительно задуманной композицией, с чудесным преображением натуры, исполненная искусно, со знанием дела, завораживала его, как открытие. Он не мог оторвать от нее взгляд и находил все новые красоты».

А Жеффруа! Потрясенный, он не отходил от Камиллы. «Эти четыре женщины, собравшиеся в уголке! Одна что-то рассказывает, другие слушают. Вы так молоды — и вдруг старухи! Это — поэзия старости и сумрака. Явление сокровенной истины… Жалкие тела соприкасаются, головы сближены, все вместе создает тайну! Чудо понимания, проникновения в человеческие

чувства». Это у нее-то, которую с детства считали бессердечной эгоисткой, — он попал в цель. Послушала бы его маменька! «Но скажите же, между нами, что натолкнуло вас на эту идею? Что за тайну они творят, эти четверо?» Она ласково улыбалась. Этого не узнает никто. Это — секрет. Четыре старухи — это была ее загадка.

А Роже Маркс сказал: «…сосредоточение всего существа, поглощенного внимательным слушанием…»

Любопытно, что кое-кто опасливо отходил в сторонку: что автор хотел сказать? И откуда вдруг эта старость? Людям казалось, что их задели, подвергли исследованию.

Ее четыре старушки, «сплетницы», безразличные ко всему, продолжали болтать, сплетая нить истории. Заговорили даже о гениальности! Роже Маркс держался рядом с нею. Гениальность! О Родене уже не вспоминали. Их больше никогда не видели вместе, никто не связывал их имена. Камилла поднималась теперь, как прилив, единственная в своем веке. Она создавала новое искусство. Матиас Морхардт недавно сказал как-то: «Маркс, поглядите, вон там „Живописец“, а там наш друг Лермит, и эта фигурка, исполненная ею. Это — начало нового искусства. А

„Сплетницы“! Потрясающий шедевр! Ни одно из современных произведений не дотягивает до уровня „Сплетниц“. „Сплетницы“ — необъяснимое и непредвиденное волеизъявление гения: они существуют, и все тут».

Стоя неподалеку, Камилла услышала их разговор. О мэтре Родене более не говорил никто, имя не произносилось. Однако она чуяла его дух повсюду. Во взглядах, рассуждениях, умолчаниях. Он не явился, не явился вовсе. Выставка закрылась, а Роден так и не показался. Несколько раз ей хотелось написать ему, но потом она откладывала перо и бумагу.

«Бальзак» не продвигался вперед, памятник Виктору Гюго тоже. Говорили, что он нездоров. Однако мастерские работали, заказы продолжали поступать, рабочие воспроизводили давние эскизы, тесали, обжигали камень. Где был он сам? Что делал? Говорили, будто он безвылазно сидит в Турени. Он отправился вновь на поиски своего «Бальзака» — в одиночку.

Камилла молчала. Она только рассердилась, когда кто-то пришел предупредить, что заказ на «Бальзака» у господина Родена собираются отобрать. И что Марке Левассело предложил быстро выполнить его! Он готов предоставить

товар в сорок восемь часов. Быть может, ей следовало бы… Она жестко прервала своего собеседника: эти люди омерзительны! Сегодня они готовы лить елей, а завтра убивать. Именно это они и собирались сделать! Статуя требует столько времени, сколько надо, чтобы она получилась. Сколько бы минут на это не ушло, они превратятся впоследствии в века.

Матиас был старым другом их обоих. Однажды кто-то издевался над нею: так она ничего не добьется, формовка по готовым муляжам пошла бы скорее! Что за выдумка — самой резать камень! Матиас Морхардт ответил резко, и их приняли за пару сумасшедших! Потом они еще долго смеялись, вспоминая ошарашенное лицо насмешника.

Матиас, старый друг! Это он явился в начале года спросить, согласна ли она выполнить «Клото» в мраморе? Она была вне себя от радости: он еще спрашивает! Как будто она могла не согласиться! А он стоял, смущенно теребя в руках шляпу. Чего-то он не договаривал. Она настаивала: пусть расскажет, кто заказчик? Для какого музея, как это вышло?

Наконец она засомневалась — что-то тут было нечисто. Она заставила посланца сесть:

— Итак, господин Морхардт, признавайтесь!

Совсем смутившись, он наконец все выложил. Дело в том, что Пюви де Шаванн собрался отпраздновать свое семидесятилетие. Для него организуют банкет. Ну, а он, Матиас Морхардт… На самом деле, это для Родена…

— При чем тут Роден? Объяснитесь!

Да-да, Роден здесь при том, что он будет председательствовать на банкете. На семидесятилетии Пюви де Шаванна.

— Но что он собирается там делать?

Оказалось, что составлен некий заговор.

— Заговор! Да вы там все окончательно рехнулись! Что вы такое несете!

Он объяснил: заговор с целью вернуть Родену заказ на «Бальзака».

— И что же дальше?

— Ну, понимаете, по случаю юбилея Пюви…

— Ага, понимаю!

В общем, решили, что для этого банкета Роден сделает бронзовую плакетку с профилем Пюви де Шаванна. И каждый сотрапезник получит по такой плакетке. Короче говоря…

— Короче, приглашенные будут подкуплены, так? Этим актом художники намерены выразить свои симпатии к Родену, и каждый не только

наестся до отвала, но и унесет с собой эту штучку, как свидетельство о соучастии! Вы хотите предложить это мне? Увы! У меня нет денег даже на тиражирование «Клото», а уж тем более на покупку такой плакетки. Это слишком дорого!

Она подсмеивалась, но тут же выяснилось, что она заблуждалась. Матиас Морхардт просто предложил, чтобы по такому случаю мраморный вариант «Клото» был заказан Камилле Клодель.

«Ученица Родена!» В ней нуждались для того, чтобы воздать хвалу ее учителю! Однако заказ она приняла.

— Я хочу видеть «Клото» в мраморе. Это — мой единственный шанс оплатить необходимый материал. Поэтому я согласна. Но делать ее буду я сама. Я сама изображу при помощи резца длинные нити сети, окружающей ее. Никто другой не прикоснется к ней. Это требование времени. Но я сделаю из нее драгоценность — своими руками.

Он ничего не сказал, предоставляя ей полную свободу действий. Встал, подошел к двери, обернулся:

— Что?

— Нет, ничего.

Он стоял, держась за ручку двери, она — опираясь руками о стол, и они обменялись взглядами…

Он хотел поговорить об Огюсте. И ей хотелось спросить: «Ну, а как он? Что с ним происходит?» Но оба так и не нарушили молчания.

Завтрак вышел смехотворный. Роден произнес речь. Никто его не слушал.

Камилла взялась за «Клото». Мрамор уже доставили. Работы было на многие месяцы. Некогда предаваться праздным мечтаниям. Этот заказ никак не обогатит ее. Мрамор ей подарили, но поскольку работать она собиралась сама, денег на прочие расходы дали совсем немного.

Она поднялась. Скорее за работу!

Она могла наплевать на обед у Пюви де Шаванна. В то же время, почти в тот же день, у нее был собственный обед. Сущая катастрофа! Похороны по первому разряду. Поль возвратился из Бостона и явился к Камилле с приятелями. Со своими приятелями!

Вскоре после полудня в дверь позвонили. Камилла открыла. Вот так неожиданность! На пороге стояла маменька. Она пришла приготовить обед! Камилла ведь сама не справилась бы, не так ли? Камилла была потрясена и этими ее словами, и потом… Она до смерти будет вспоминать лицо матери!

Японец был голый. Он созерцал гостью, словно погруженный в молитву, с непроницаемым лицом, ни один его мускул не дрогнул. Госпожа Клодель отпрянула. Камилла, стоявшая у нее за спиною, ожидала, что она упадет в обморок, но мать повернулась к ней, разом и зеленея, и багровея, и подтолкнула к выходу. Внезапно она развернулась на каблуках, шагнула к медитирующему идолу и протянула ему руку. Тот поклонился так, словно был одет в наилучший церемониальный костюм. Через две минуты они стали лучшими друзьями. Чрезвычайная учтивость японца, после того как он оделся, окончательно завоевала сердце госпожи Клодель, бывшей деревенской барышни.

Напротив, фонари, подвешенные на веревках к потолочному крюку, свечи, насаженные на железные стержни, подсвечники, сымпровизированные из чего попало, вызвали гнев госпожи Луизы. А еще Камилла, начав пудриться, вынуждена была выслушать весь обширный набор вильневских нотаций: она выглядела, как клоун, как… нет, вслух произнести это слово мать не могла. Камилла, не отвечая, продолжала пудриться.

С некоторых пор она стала скрывать черты своего лица под белой маской, — во всяком случае,

когда предстояло общаться с посторонними. В собственной внешности ей нравились только рот и глаза. Все остальное она делала белым, неподвижным, неживым. Все-таки она уже перешагнула через порог тридцатилетия.

Обед! С братом явился некто, больше всего похожий на бродягу, невероятный молодой человек в брюках, подпоясанных веревкой. Он оказался скрипачом, почитателем Дебюсси. Камилла вздрогнула, когда он произнес это имя, ей пришлось сделать усилие, чтобы успокоиться.

Мать неутомимо комментировала все, что говорилось за столом, отвечала на каждое слово, делала некие замечание про себя, вздыхала: «Японец в одетом виде — еще куда ни шло. Но этот, второй, с дырявыми карманами — просто невозможен! Как его бишь? Кристиан де Ларапиди? Дурацкое имя… А Камилла бездельничала. Во всяком случае, скульптурой при мне явно не занималась…»

Последний из сотрапезников был хуже всех. Камилла его возненавидела. Он не упускал случая подтрунить над нею: «Правда ли, мадемуазель, что на острове Гернси все скалы, где сиживал Виктор Гюго, помечены зелеными крестами?» Этого грубияна, Жюля Ренара, Камилла не удо-

стоила ответом.

Поль был вне себя, не поднимал носа от тарелки, похрустывал пальцами от еле сдерживаемого бешенства. Он находил, что сестра его смешна в таком виде, напудренная, словно лежалое пирожное.

Только Кристиан де Ларапиди, по-видимому, развлекался от души — много пил, разгорячился. Он стремился обаять Камиллу, со своими дырявыми карманами и латаными брюками, болтал бог весть о чем, мешал правдивые истории с ложью. Кто мог отличить одно от другого? Он якобы жил в одной комнате с Полем! В том же самом пансионе, boarding-house! Но как они могли ужиться друг с другом? Еще одна противоречивая черта Поля! Камилле казалось, что она уже давно знакома с юнцом — богемный, мутный тип… Луи Лэн! Господи, она внезапно вспомнила про Луи Лэна. Поль прислал ей две новые пьесы, «Обмен» и «Юная девица Виолена». Конечно же, это — Луи Лэн! «Юная девица Виолена» ей не понравилась. Ее ужаснула судьба девушки. Виолену одолела проказа, выгнала из дому мать, ее опозорили, бросили все. Одна из сестер совершила убийство. Сколько воспоминаний из деревенской жизни… Виолена принесена в жертву. На нее легло бремя

проступка, в котором она не повинна. Нет, эта пьеса слишком жестокая, горькая, как ветер в Вильневе. Ах, конечно, в самом начале можно и посмеяться над старичком-маразматиком: «Старик с ушами, мохнатыми, как сердцевина артишока»! Легко узнается их давний сосед. Одно время Камилла хотела присматривать за его тремя детьми, но это оказалось невозможно. Что с ними сталось потом?

— А что поделывает маркиз?

— Его наконец-то отправили в лечебницу. Нужно было намного раньше! — ответила мать. — Все подписали прошение. Но на это понадобилось так много времени. Насилу избавились!

Бедный маркиз! Его заточили. Он в приюте. А был когда-то такой забавный чудак. Камилла однажды играла с ним целый день в классы, как с маленьким… Поль тоже собирался замкнуться в тесной келье. Нет, она бы этого не вынесла! Он признался ей перед отъездом в Китай, что не в силах долго ждать. Призыв, таинственный голос, изгнание, «мучение, жестокость любви». Не видя иного выхода, он решил вступить в монашеский орден! Стать монахом!

— Во мне живет кто-то, кто более меня самого выражает мою сущность, — так он сказал, чтобы

покончить с разговором; он сидел напротив нее, погруженный в свои мысли, наморщив лоб.

Что он видел? Что слышал? Куда он шел? К кому? И в глазах его сиял свет…

Мой маленький Поль!

Письмо из лечебницы

«*…Что касается меня, то я настолько удручена необходимостью и дальше жить здесь, что* (*слово не читается*) *больше на человеческое существо. Я не в силах дольше выносить вопли этих созданий, у меня от них сердце переворачивается. Господи! Как мне хотелось бы оказаться в Вильневе! Все, что я делала в жизни, вовсе не для того делалось, чтобы кончить свои дни под номером в лечебнице, я заслуживаю чего-то другого…*»

«Она гениальна, не у всякого мужчины найдешь такой дар»

«Когда к альпийскому кто камню приступает,
Чтоб женскую фигуру изваять,
Живую это значит вызволять,
Растет она, а камень исчезает».

Микеланджело

«Мое письмо слишком унылое, пусть оно не попадет на глаза мадемуазель Клодель — я думаю, что адрес у нее остался прежний, Итальянский бульвар 113».

Камилла вертит в руках листок бумаги. Кровь пульсирует в жилке на ее шее. Итак, вот из-за чего она осталась здесь, вместо того чтобы уехать с братом в Китай!

Вот это письмо, от него. Она узнала почерк. Если это и фарс, то трагический. Человек опустил руки. Художник зашатался, застигнутый в полете. Нет, только не это!

Ему пятьдесят пять лет, пятьдесят пять. Нет, господин Роден, вы не дадите глупцам повода по-

куражиться. Только не вы, скульптор «Врат ада»! Нет! И вам еще нужно закончить «Бальзака»! Выше голову! У вас еще все впереди. Вы сложили руки? Рановато! Шевелитесь же!

Письмо принес Мирбо. Он должен еще прийти завтра. Если она не пожелает его видеть, он не будет настаивать — и никогда не скажет Родену, что показал ей это письмо.

> «*Не знаю, согласится ли мадемуазель Клодель прийти к вам в тот же день, что и я; мы не виделись уже два года, а поскольку я не писал ей, то не имею оснований…*»

Она читает и перечитывает. Чувство близости нарастает. Ее одолевает любовь. Чувственная, непосредственная. Его руки… Она истосковалась по его губам, по взгляду, по мужской сущности — великому источнику погибели.

> «*Если потребуется мое присутствие, пусть мадемуазель Клодель решает сама…*»

Их безумства, их замыслы, их споры… Как давно уже она не создавала ничего нового? Кто

познал суть искусства скульптора? «Первое, о чем Господь подумал, создавая мир, было формование глины». Только он и она, вдвоем, способны понять все это.

Образы вихрем вьются в ее голове. Она встает, хочет убежать, сказать: «Нет, никогда больше!» Но они окружают ее, берут в кольцо. «Довольно, собаки! Собаки, лечь!» Она ругает их, пытается дрессировать, но это — Эвмениды, Фурии. Они явились ползком, их волосы переплетены змеями, в одной руке — факел, в другой — кинжал.

Нет! Завтра она скажет «нет!» Нужно написать Мирбо и оставить письмо. Бежать прежде, чем он вернется. Она оставит письмо. Ей не следует видеться с Мирбо, иначе она снова не устоит.

«Но до чего жестока с нами жизнь!»

Она встретилась с ним после десяти с лишним лет разлуки — невероятно, как много! «Врата ада». И ее страдания, ее молчание, похищение божества. Нужно срочно заговорить с кем-нибудь. Не ощущать его приближения. Ускользнуть. Письмо, нужно бросить письмо, это не для нее, бросить…

«...я уверен, что в конечном счете ее ждет успех, но бедняжка художница станет к этому времени печальной, навеки печальной, потому что познает всю горечь жизни, и, наверное, будет сожалеть, что достигла вершины так поздно, что стала жертвой собственной художнической честности в работе, и будет оплакивать силы, растраченные в этой борьбе, и эту слишком запоздалую славу, купленную ценою здоровья...»

Роден, улица Скриба 8, Бельвю.

Он болен, явно болен. Она представляет его себе лежащим в постели — его, такого крепкого, могучего, сына народа, нет, нельзя, чтобы он болел. Перо дрожало у него в руке. Пусть он спасется! Пусть Роза позаботится о нем!

«Я всегда буду любить время, когда зреют вишни.

С этого времени я ношу в сердце

Открытую рану...»

Она спасена. Во дворе появился старый музыкант. Хоть с кем-то поговорить, лишь бы забыть

о письме…

«Она, несомненно, гениальна, не у всякого мужчины найдешь такой дар… И это слово, „гениальна“, прозвучало в том саду, где сновали туда-сюда люди с пустыми глазами, даже взгляда не бросив на творения мадемуазель Клодель, подобные крику боли».

Она и он. Единое двуполое существо. Они так сближены, почти слились — два огромных существа из преисподней! «Объятие»! Нет, как он назвал эту статую? «Захват!» Это она господствует и обнимает мужчину, как захваченную силой добычу! Он объяснял ей, что по чем. Она вспомнила эту вещь, 1885 год, очередной скандал Родена! Так пусть же он поднимет голову! В их союзе сущность Мужчины принадлежала ей. Вот почему она так нападала на него. Она, великая Женщина, еще раз оденет его в броню.

Камилла пишет господину Родену. Завтра она отдаст письмо Мирбо.

«Воистину говорю вам, что юность пора иллюзий, но только потому, что юные представляют себе вещи намного менее прекрасными, и разнообразными, и желанными, чем они есть на самом деле…»

Поль Клодель, «Атласный башмачок»

«Отплытие на остров Цитеру»: господин Роден комментирует картину. Камилле восемнадцать лет.

Заря разгорается над еще не проснувшейся землей.

24 июня 1895 г.

Он так долго ждал ее возвращения. Они взялись за руки — и только.

В ту ночь они не занимались любовью.

Теплая земля была залита предвечерним солнцем. Камилла стала еще красивее, чем прежде.

«Супруг признал Шакунталу, и вновь полюбил ее, и взял в свой дом…»

Сумерки Цитеры.

«Камилла Клодель, ученица Родена, силой почти сравнялась с учителем…»

«Хроника Эндра»

«Я буду весьма удивлен, если мадемуазель Клодель однажды вдруг не займет место среди величайших скульпторов нашего века».

Арман Даво

«Газета департамента Эндр»
10 октября 1895 г.

«*Дар музею.* — Мадемуазель Камилла Клодель, ученица Родена, преподнесла в дар музею прекрасную скульптурную группу в натуральную величину, исполненную из гипса. Это произведение навеяно мотивами индийской легенды о Шакунтале».

17 ноября

«Вчера, направляясь в Турень, мадемуазель Клодель ненадолго остановилась в Шатору. Ее встречали представители мэрии. Господин Бюто поблагодарил мадемуазель Клодель за дар, сделанный ею музею Шатору…»

21 ноября

«Я решил ничего не говорить о той коврижке,

которую нам столь великодушно преподнесли… Мало того, что этого гипсового мастодонта поставили в Почетном зале, […], нас еще заставляют рассказывать об академических торжествах, которые состоялись в музее в честь этого гипсового безобразия…»

Декабрь

«Общественность города Шатору в настоящее время обеспокоена изделием мадемуазель Камиллы Клодель… Раздаются протесты во имя нарушенных приличий и поруганной морали…»

«Ну что ж, тем лучше. Это — еще одно жизненное испытание!»

«Особы, которые еще не успели полюбоваться этим монолитом, этим обелиском из гипса, правильно сделают, если поторопятся… одну ногу ему уже отбили…»

«Один из членов городского совета предложил внести на голосование вопрос о приобретении занавеса, чтобы скрыть эту группу от взглядов публики…»

«…Неужели вот каким образом выражается супружеская любовь после кончины?»

«…Все это покрыто налетом коричневатого цвета, в порядке изображения патины на металле.

Обошлось это в сто франков! Взяв жженого сахару на два су и ведро воды, можно было бы добиться того же результата…»

«В заключение приведем остроумную фразу, высказанную по поводу рассмотренного нами творения одним из тех многочисленных важничающих знатоков, которых порождают г-н Обыватель и другие торговцы жареным: „Во всяком случае, — говорил он, — этому творению не откажешь в величии!“

Еще бы: при трех с половиной метрах высоты!»

«Шакунтала» породил фарс. А Камилла всегонавсего хотела сделать подарок музею в Шатору.

Ризотто

«С какой отвратительной серьезностью мы относимся к еде!
Что значит — еда! Мы ничуть не менее прожорливы, чем господин Червяк...»
Поль Клодель, «Город»

В воскресенье можно будет попробовать ризотто, стоит лишь ответить на письмо. Хотя бы коротко. Но у Камиллы болят плечи, ноют ноги. На улице не жарко, однако она чувствует себя толстой, расплывшейся, дышит с трудом, как слишком грузная женщина. Она отяжелела, и голова тяжелая, ее тяготят воспоминания, тревоги, хлопоты. Идет дождь. У нее резь в глазах. Нет, у нее не хватит духу навести порядок. Это все выходки Марса — бога войны!

Вдруг ее обдает жаром. Она сбрасывает шаль. И сразу же становится холодно... Она присаживается перед куском мрамора — гладким, прочным, сияющим. Дело продвигается, но успеет ли она к началу Салона? Остался всего один месяц, а работы еще так много!

Воскресный отдых? Это пойдет ей на пользу.

Госпожа Морхардт и ризотто. Ей нравится есть ризотто, это забавно. Крупинки риса скользят по тарелке. Хорошее блюдо! Оно вам подмигивает — в нем столько ямочек, это смеющееся дитя. Ей тридцать два года. Почти, исполнится в конце года. Главное, не заболеть! Нужно закончить работу. Остался месяц, всего один месяц.

Ризотто, отлично. Это хороший отдых, и вкусно!

«*Дорогая госпожа Морхардт…*»

У них она чувствует себя, как в надежном убежище. Ее принимают, защищают. Время от времени Матиас Морхардт наведывается к ней. Нужно спросить у него, кто мог бы поработать с мрамором для нее. Она сама занимается «Сплетницами», но ажурную проработку можно поручить опытному практику. Это позволит быстрее продвинуться вперед. Лишь бы хватило денег заплатить! Попросить у него? Но ведь там, в его собственных трех мастерских, все работники постоянно заняты, там столько работы! Заказы валят валом, одну скульптуру делают два года, другую три, а еще «Виктор Гюго», и «Бальзак», и десятки эскизов!

Роден спрашивал, не сможет ли она зайти в мастерскую и присмотреть за каменотесами. Но

у нее не было времени. Она все никак не могла справиться со «Сплетницами». И если б можно было сосредоточиться только на них, а ведь надо еще думать о том, чтобы заработать хоть немножко! Роден, которого считали конченым человеком, никогда еще не был так занят! А вот она как раз только фыркает, да не тянет, припадает на хромое копыто, страдая от одышки. Старая кляча! Шагай, но-но! Она порекомендовала ему надежных рабочих. Он хорошо платил, у него была работа. Жюль и Роже, они оба ей нравились. Дела там, наконец-то, шли хорошо… Сразу в трех мастерских…

А ей как быть? Спросить у Морхардта? Предположим; но вдруг попадется плохой работник?.. Сделать ажурный уголок — это работа для начинающего. Но «Сплетницы»! Рабочий может пробить их насквозь, отколоть голову. Она столько месяцев трудилась над мрамором! За мечту, за прихоть приходилось платить. Она экономила, бралась за любую предложенную работу. Впрочем, предложений было не слишком много. Господин Фенайль, великий меценат, из дружеского расположения к Родену, оказал ей некоторую помощь, но успеет ли она к сроку?

Итак, нужно действовать быстро! Ответить

госпоже Морхардт. Поблагодарить супруга за помощь брату. Наконец, у них имеется приятель, господин Гандеракс! Благодаря ему статьи Поля будут опубликованы. Родители этим довольны, даже мадам Луиза изобразила нечто вроде удовлетворенной улыбки. Мой Поль — так далеко! В Шанхае! Маленький мальчик, мечтавший о Китае. Голубые глаза, впившиеся в карту, маленький палец, тычущий в точку: сюда и только сюда, в Шанхай. И теперь он там. Внезапно Камилла ощутила, как соскучилась по нему. Новости доходят до нее порывами. С момента его отъезда ни одной пьесы для театра, только поэмы, тексты…

Вдруг ей стало холодно. Солнце в который раз спрятало свое грязно-желтое лицо. Камилла захотела узнать, который теперь час. Весь этот черно-белый день она проработала без остановки, не замечая, как летит время. Она сделала перерыв лишь затем, чтобы выпить чего-нибудь горяченького. Письмо нужно отправить нынче вечером. Камилла торопливо вывела следующую фразу:

«С удовольствием пообедаю с вами в воскресенье вечером, и не только ради того, чтобы насладиться вашим восхи-

тительным ризотто...»

Нельзя ни о чем забывать: статьи, благодарности, нарастающее отставание в работе, наем рабочих: с предыдущими она ошиблась, несколько недель ей приходилось за ними все исправлять, присматривать, чтобы вообще все начисто не испортили; однажды утром они не явились — где-то им дали лучшую плату.

Ничего не забыть. Сделать ажурную резьбу по мрамору в том уголке. Обедать они будут, несомненно, под открытым небом, в саду. Сад... Поговорить о «Гамадриаде»... Господин Бинг купил у нее этот бюст, лишь взглянув на набросок, который она сделала прямо при нем! Она решила применить здесь все богатство своей техники. Мрамор с патиной, с позолотой. «Сладость того, что есть, и сожаление о том, чего нет», как говорит Поль.

«...Я выставлю бюст Бинга».

Вот и этого тоже нужно поблагодарить. За юную девушку с кувшинками. Юную девушку, какой ей уже не бывать.

«...бюст Бинга, непременно. Я сделаю это также и потому, что наш мэтр находит его красивым...»

Обед на свежем воздухе с Роденом. Это было...

было, да, уже полгода назад. Все последние месяцы ее словно вихрем крутило, и вот пожалуйста, она не поспевает к сроку! У каждого из них своя жизнь. У него совсем другие заботы.

Каждое принятое приглашение, каждый поход в гости заставлял ее вдвойне торопиться в последующие дни. Ее работу никто за нее не делал. Рабочие уходили от нее один за другим, издеваясь над нею. Однажды она оставила рабочего одного в мастерской. Ей нужно было навестить господина Понтремоли. Вернувшись, она обнаружила, что мрамор разбит. Зато Пипелетта сочла этого юнца очаровательным; он рассказал ей — «знаете, мамзель Камилла, историю про слона и божью коровку? Забавная, знаете ли, история про...» — а потом она ему предложила выпить вишневого ликеру. Бедный юноша был такой бледный! «Подумайте, мамзель Камилла, он проработал целый день... только ради куска хлеба». Камилла поняла. За час работы — два скола. Долгие месяцы ее труда обращены в белую пыль, в серый пепел. Изранена прекрасная, священная плоть, вскрыты жилы, и она видела, как из открытых ран вытекает мало-помалу ее кровь. Она не могла надбавить ему жалованье. Это обходилось слишком дорого. Она позволяла

себе выйти, провести вечер в гостях, не раньше, чем наступал тот час, когда скульпторы отводят взгляд от работы, складывают руки и инструменты, когда сумерки сгущаются, растворяя все контуры, а наутро она вставала пошатываясь, в глазах ее еще стояла полутьма, руки тряслись, не могли удержать инструмент. В эти часы она плохо переносила яркий свет. Чтобы этого избежать, она надолго пряталась от всех и бралась за работу. Она работала не покладая рук.

И все-таки к Салону она не готова! Остался месяц. В течение всей зимы она не позволяла себе потерять ни единого часа. Дневной свет становился таким коротким, она ощущала под руками тяжесть каждой секунды. Она удерживала их, копила, ни одной не позволяла просочиться сквозь пальцы, она сплавляла их с мрамором, полировала его вновь и вновь.

Ответить госпоже Морхардт! Да, много времени прошло с того дня, когда они пообедали вдвоем… Июль 1895 года.

Большие деревья, красивый ресторан, осень, изогнутые лебединые шеи, солнечные блики на озере, тонкие блюда, бархатистое вино, поцелуи червонного золота, кроны деревьев в вышине и писк ласточек. Они летали низко, совсем низко у

них над головами, и крики их были пронзительны. Роден сказал: «Вот их-то скоро и убьют».

Камилла не поняла: убивать ласточек?

— Нет, нимф! Слышишь их? Они кричат. Они рождаются вместе с деревьями, защищают их и разделяют их судьбу. Нимфы, гамадриады…

Камилла взяла его за руку:

— Расскажи… Кто они, гамадриады?

— Они ликуют, когда небесная влага орошает дубы, и грустят, когда с них облетают листья. Говорят, будто они умирают в то же мгновение, что и любимое ими дерево.

Он говорил, а она склонилась над столом, сдвинувшись на самый краешек стула, сплетенные руки соединяли их. Он так и не сумел привыкнуть к сиянию ее глаз. Она как будто единым движением создавала из человека скульптуру. Ему бы не понравилось позировать для нее. Под ее пронзающим взглядом чувствуешь себя голым, обезглавленным, связанным. Что она видит в тебе? Что читает? Он зажмурился.

— …Вестница, навещающая и смертных, и бессмертных. Они были посредницами. За это им воздавали почести. — Он взял ее за руку, склонился, но не поцеловал, так и замер. — Точно как ты! Ведь ты и есть гамадриада, посредница

— для меня!

Она резко засмеялась:

— Между адом и небесами? То есть — в чистилище? — Она отпрянула, вырвала руки из его ладоней. — Чистилище для меня одной! — Он пожал плечами; она продолжала: — Мне не нравятся комплименты, пустая лесть. Я люблю жизнь, вот и все. Не ад, не бессмертных… Просто жизнь, здесь и сейчас.

Он смотрел, как меняется ее лицо в трепещущем свете свечи. Ласточка кричала все пронзительнее, торопясь улететь в дальние края. Камилла больше не была молоденькой девушкой, ожесточенной и упрямой. В этот вечер он заметил мягкую, золотистую дымку, ореол волос, выбивающихся из шиньона на затылке. Ни у одной женщины не видел он такого бунта естества. У нее никогда не получалось уложить прическу. Он видел, как часто она пыталась пригладить пряди перед выходом из дому, но стоило ей раз повернуться — и прическа разом рассыпалась. Маленькие прядки обрамляли лицо, как язычки пламени, как терновый венец, подчеркивающий взгляд — то злорадный, то трагический.

Ее черное платье сливалось с ночной темнотой, мало-помалу окружавшей их; только крошечный

огонек мигал на столе. И она нахмурилась.

— Чему вы смеетесь, господин Роден?

— Я думал о Дафне, превращенной в лавровое дерево. А Прокна превратилась в ласточку. Их обеих представляют обычно как женщину, наполовину еще сохранившую человеческий облик, а наполовину уже обратившуюся в дерево или птицу.

Она промолчала. «Женщину, еще сохранившую человеческий облик…» Что он хотел этим сказать? Нет, даже ради того, чтобы стать птицей, нет, только не это исчезновение тела — моего тела. Оставьте мне еще хоть капельку времени! Позвольте еще немного побыть желанной. Нет, этого она бы не вынесла. Она никогда не перестанет быть женщиной. Погоди немного, господин профессор!

— А Данте? — Теперь вздрогнул он сам. — Змея обвивается вокруг тела осужденного человека, превращаясь в него, а человек тут же превращается в рептилию. Подождем конца схватки, господин Роден!

Он не смеется, даже не улыбается. Она протягивает ему руку:

— Давайте помиримся!

Она сделала бюст. Господин Бинг собирался его

выставлять, во всяком случае, если она успеет закончить несколько начатых работ. «Гамадриада»! Время бежит, бежит! Остается чуть меньше месяца. В мастерской теперь холодно. Вечером нужно будет пойти куда-нибудь обязательно, съесть чего-то сытного и горячего. Однако она слишком часто отказывалась от приглашений. Мужчины отступились от нее, и друзья, и брат. А женщины бывали слишком заняты; их не радовало ее появление в разгар вечернего приема. И потом, ей пришлось услышать несколько реплик: «Она красива, несмотря на эту легкую хромоту, вам не кажется?» — «Эта хромая нога придает ей обаяние».

Но все это ее не задевало. Броня была прочна. Настоящая опасность таилась не здесь. Те немногие заказы, которые она получала, обрастали сплетнями. Однажды утром ей встретился на Университетской улице господин Фенайль. Он поинтересовался ее техникой полировки мрамора. Если бы она взялась сделать его бюст, он был бы очень… И немедленно поползли слухи. Они обедали вдвоем! Она ничем не брезгует! «Впрочем, понятно, зачем она его подцепила — ради мрамора!» Был еще Фриц Таулов, норвежский художник. Был Бинг… Друзья Родена. Они

уважали ее, но языки продолжали свою грязную трепотню.

А однажды удар поразил ее в самое сердце, как Сади Карно. (Она совсем не интересовалась политикой, но видела во всех газетах жирные заголовки: «Убийство президента Карно», «Шестнадцать сантиметров от острия до рукояти», «Покушение на президента Республики». Об этом писали и «Матэн», и «Л'Энтрансижан» год тому назад, 25 июня 1894 года. Она запомнила дату, потому что накануне встречалась с Роденом.) Кто-то сказал: «Скульптура — это у нее для развлечения. Отличный способ заводить связи! Этакая куртизанка с запачканными руками». Она взглянула на говорившего. На мгновение она съежилась от удара — только на мгновение. «Скульптура — это у нее для развлечения». Никто на самом деле не воспринимал ее всерьез.

Кривлянье всех этих людей ее не задевало. Десять лет назад она уже не выносила их. И тогда она редко появлялась в обществе, но была молода, и люди толпились вокруг, задавали вопросы. Она думала, что их интересует скульптура, пыталась как-то высказаться, веря, что ее уважают. Переступив порог тридцатилетия, она не изменилась. Но мужчины теперь быстро отво-

рачивались от нее в гостиных, даже художники, писатели, журналисты. Что касается женщин, ни одна не жаждала узнать, как она обращается с резцом, как ведет себя глина, более или менее податливая…

Ей припомнились слова Джейн: «Их интересует вовсе не то, чем ты занимаешься, а ты сама, твои большие глаза, твоя дерзость. О скульптуре они заговорят потом. И много…» Дерзость теперь воспринималась как неуживчивость, независимость — как дурной нрав старой девы. И если, скажем, Бурделя, бывшего ученика Родена, именовали теперь «скульптор Бурдель», она оставалась «Камиллой Клодель, гениально одаренной женщиной, ученицей Родена».

«Скульптура — это у нее для развлечения».

А еще кто-то сказал: «Все потому, что она не смогла выйти замуж». И тогда она замкнулась в себе, озлобленная, одинокая, как никогда прежде. Она станет воплощением скульптуры. Не будет более при ней ни Отца, ни Любовника. А когда она умрет, люди скажут: «Это была женщина!» — с тем оттенком восхищения, с каким воздают почести умершему великому человеку.

Чтобы восстановить уважение к себе, она решила нигде не бывать. Пусть только ее работы

напоминают о ней. Другие отрезали себе уши, она же сгорала на медленном огне, более цельная, более взыскательная, чем монахиня-кармелитка. Даже Роден, с которым она время от времени встречалась, не замечал, насколько много еще в ней жизненных сил, сколько таится сюрпризов. Готовясь к решающему бою, она наблюдала мир. Мир мужчин, мир власти. Великан терпеливо дожидался ее.

Но пока длилось ожидание, ей хотелось есть. Ризотто — это воскресное угощение. А магазины уже закрыты! Выйти в такой поздний час, одной? И куда пойти поесть? Бедно одетая, одинокая женщина — в ресторане?..

А ведь есть еще Пипелетта! «Госпожа консьержка сегодня отсутствует. Обращаться к…»

Завтра — выставка

«Я не умею одеваться. У меня отсутствуют свойственные женщинам способности.
Я всегда жила, как мальчик. Однако я совсем не так уж плоха. Мне хотелось бы, чтобы ты увидел меня в роскошном туалете. В туалете сплошь красного цвета...»

Поль Клодель, «Жесткий хлеб», акт III, сцена II

«Господин Роден, благодарю вас за любезное предложение представить меня президенту Республики. К сожалению, пребывая безвылазно в мастерской в течение двух месяцев, я не располагаю никаким туалетом, пригодным для подобного визита. Платье, заказанное для выставки, будет готово лишь завтра. К тому же я спешно довожу до кондиции моих мраморных женщин, их подпортили сколы, и целый день уйдет на то, чтобы все исправить. Однако я надеюсь, что к выставке они будут готовы (*если еще не поздно их заявлять*). *Поэтому прошу извинить меня, и не думайте, что здесь сказалось мое нерасположение к вам. Примите еще раз мою огромную благодарность.*

Камилла Клодель».

На выставку в Салоне 12 мая 1896 года Камилла Клодель не явилась. Никто, ни она сама, ни носильщик, не доставил мраморных «Сплетниц». Их ждали до последней минуты.

Куда она подевалась? Вечером друзья, явившись поискать ее, застали пустую мастерскую. В

лучах заходящего солнца сверкали «Сплетницы», полностью готовые, великолепные. На крючке висело платье из карминово-алого шелка. К нему был прицеплен номерок. Это было платье, взятое напрокат.

Письмо из лечебницы

«*…пищу, которую здесь относят к первому разряду, я вообще есть не могу. Не хочу даже прикасаться к этим объедкам с запахом пригоревшего сала, от которых я становлюсь совершенно больной. Я распорядилась, чтобы мне подавали картошку в мундирах утром и вечером, и этим я должна поддерживать свою жизнь; стоит ли это тех двадцати франков, которые за это платятся? Здесь уместно сказать, что такие расходы может допустить лишь безумец…*»

«*…Я вам уже говорила, что пациенты первого разряда — самые несчастные. Во-первых, их столовая продувается сквозняком, стол маленький, приходится тесниться вокруг него. Они все круглый год страдают расстройствами желудка, что говорит отнюдь не о хорошем качестве пищи. Основа рациона такова: суп* (*то есть овощной, плохо проваренный отвар, всегда без мяса*), *рагу из старой го-*

вядины, с черным соусом, маслянистым и горьким, год напролет, залежалые макароны, плавающие в чем-то вроде смазочного масла, или рис того же типа, одним словом, самые натуральные помои, а в качестве закуски крошечный ломтик жесткой ветчины и на десерт старые финики, или три старые ягоды окаменевшего инжира, или три сухарика либо кусочек подсохшего козьего сыра; вот вам ваши двадцать франков в день. Вино кислое как уксус, кофе водянистый...»

«Одно из первых мест, если вообще не самое первое…»

«…Можно сказать, что она занимает сегодня одно из первых мест, если вообще не самое первое…»

Матиас Морхардт

Ну вот, она почти на вершине. Великан уже близко. Критики снова заговорили о гениальности, она вошла в состав выставочного комитета и даже стала членом жюри. Ощипанная птица собирается остепениться. Она сравнивает себя со старой, нахохлившейся вороной, которая крутится в колесе, трепыхается на своей жердочке, поджимая одну лапу. И не замечает, что у нее не осталось уже ни перьев, ни хохолка.

Пришла зима. От всплеска похвал, вызванного последним Салоном, осталось несколько стишков и болтовня мэтра Ренара. А пожевать в доме нечего, нет даже кусочка сыра. Ах, как ей хорошо! Как раз перед тридцать третьим днем рождения!

Впрочем, грех жаловаться. У нее еще остается несколько перьев, зеленых, как у канарейки! Костяк и несколько красивых зеленых перьев.

«Сплетницы», выполненные из нефрита, принесли ей триумф в Салоне на Марсовом Поле. Она думала, что не доживет до этого мая 1897 года. И вот что теперь пишут:

«Какой великолепный результат! Это изысканное произведение, несомненно, стоило месяцев кропотливого труда, потребовалось все терпение, вся страстная увлеченность молодой художницы, чтобы достичь такой степени правдивости. Но не в этом дело!..»

Ах, у этих людей было достаточно средств. Это не они прожили два последних ужасных года.

И потом, ей было холодно. Постоянно. Зима подкрадывалась, подкрадывалась, взбиралась по ногам, по животу, охватывала руки. Ее постоянно донимал холод. Она разводила огонь, но маленький, экономя дрова. Камилла смеялась, сидя одна дома. Она любила подтрунивать сама над собой: дрова стоят дорого, если б можно было их вытесать из камня!

«Камилла Клодель»! Салон 1897 года! Она греет руки над огнем. Благодаря Матиасу, Фенайлю, нескольким друзьям, поддерживавшим ее, она смогла исполнить своих великолепных «Сплетниц» в нефрите. Ее успех подчеркнул всеобщее непонимание. О ней много говорили, значит, у

нее не должно быть никаких материальных проблем! Если бы они знали, если б они видели, как она сидит, съежившись, у огня, пытаясь отогнать холод и голод. Она не могла просить денег у отца, ведь он совсем не богат. И потом, он должен помогать Луизе. Бедняжка Луиза недавно потеряла мужа! Такая молодая — и теперь тоже одинока…

Господин Роден продолжал в своем духе: он хотел представить Камиллу президенту Республики. Она вся извелась, пытаясь найти платье. У Пипелетты подходящих не нашлось. У госпожи Морхардт не ее размер. Спросить у сестры? Об этом и речи быть не могло. У других женщин — сколько смеху это вызвало бы! У нее сохранился зонтик, но не было ни шляпки, ни туфель. Она за ночь соорудила себе платье из старой розовой занавески. Что отразилось на лице господина Родена, когда он увидел ее! Ведь он — поклонник красоты! Она предложила пойти, в чем была, то есть в старом черном платье. Но он отклонил предложение: все подумают, что она устраивает это намеренно, провоцируя сочувствие.

Однажды превысила предел допустимого! Этот урок она не забудет. У Мориса Фенайля был большой прием. Подсвеченный водоем, обед, кофе, ликеры. Все это было для нее пыткой. Она

всем мешала, не делала им чести. Роден оставил ее одну с самого начала вечера и не отходил от хорошенькой, воздушной госпожи Фенайль. В парадном костюме, обаятельный. Камилла поняла, что ее жалкий вид вскоре вступит в конфликт с качеством ее произведений. В конце концов ее «пожалеют». Ее роскошное искусство, полированные мраморы, утонченная обработка, порожденное ею торжество красоты, золотистые патины, напоминающие о временах Ренессанса, изобилие во всем, что она выставляла, не согласовывались с обликом женщины. Чему следовало верить? В тот вечер Роден, провожая ее домой, не произнес ни слова.

Он недавно приобрел виллу Бриллиантовую в Медоне. Как шли его дела? Очевидно, мастерские давали постоянный доход. Но «Бальзак» не продвигался, «Граждане Кале», установленные в этом году, были закончены еще… да, точно, в 1885-м. Прошло больше десяти лет! Что касается «Врат ада», то о них лучше и не вспоминать.

«Сейчас художники всех стилей, всех школ, которым публика уделила достаточно внимания, готовятся к новым сражениям, удалившись, как обычно, на отдых. В этой мирной тишине следовало бы оценить итоги завершающегося года,

выявить, принес ли он нам открытие какой-либо выдающейся личности. С полной искренностью можно сказать, что лишь одна выделяется из общей массы…»

Спасибо, господин де Брэн! Камилла жмется к огню, но упрямо вскидывает голову. Ей придется трудно.

«Но вокруг ее имени сразу же возникают дискуссии».

Она знает об этом. Критики не сообщают ей ничего нового. Но она выиграет и в новой схватке. Матиас недавно показал ей свою статью. «Мой добрый друг Матиас».

«Благодаря „Сплетницам“ ее имя озарили первые лучи славы. Сегодня ей уже не приходится сомневаться в своей известности».

Да, это уж точно!

У нее было так много работы, а еще есть «Клото» в мраморе, почти готовая. Но она ждет наступления 1898 года, твердо стоя на ногах. Или по меньшей мере на одной ноге: другая — это ее мечты, увлеченность, начало восхождения.

«Мадемуазель Клодель, ее „Сплетницы“, выполненные из нефрита…»

Нефрит! Никто еще не рисковал работать прямо по нефриту. Камилла улыбается.

Колоссальная марионетка

«Если правда обречена умереть, то наши потомки разнесут моего Бальзака вдребезги. Если же правда бессмертна, то я предсказываю вам, что моя статуя пробьет себе дорогу…»

Огюст Роден

Ночь. Темный угол. На нее со всех сторон сыплются удары. Да, все восстало против нее: люди, рабочие, которых она наняла, чтобы скорее справиться с работой. У нее было мало денег, и потому она обратилась к самым неимущим. К каменотесам. Что за нелепая идея! Но ей так хотелось скорее продвинуться вперед! Она ничего заранее не разузнала. В мастерской на Университетской улице ей сказали, что в самом крайнем случае, когда случается завал с работой, можно использовать этот резерв. При надлежащем надзоре они способны были приложить руки к делу. Как они «прилагают руки», это она узнала, лежа на полу, избитая. Она сделала им замечание; один из них направился к двери, она подумала, что он собирается уходить, но другой схватил ее сзади и

вывернул руку. Да, это были дешевые работники! Она не заплатила им вовремя, у нее в кармане было пусто. И, глядя, какие сколы они делают на ее статуях, она каждый раз приговаривала: «Лучше бы вы меня ударили!» Вот наконец и нарвалась. Лежит, как сломанная кукла. Она звала на помощь — никто не пришел. Сама виновата, что вечно живет одна! Чего-то подобного можно было ожидать. Она дважды теряла сознание. Они порвали на ней платье, избили до крови. Всю ночь она пролежала так. Ей было страшно — страшно впервые в жизни!

Нашел ее Матиас Морхардт. Он собирался зайти утром — они уговорились позавтракать вместе. У нее стучали зубы, она не могла говорить. Горло, горло! Она жестами показывала на шею. Ничего не было повреждено, но голос пропал, видимо от испуга. Он ужаснулся, хотел сообщить ее матери, Родену, вызвать врача, но она вцепилась в его руку, давая понять, что не хочет этого. В конце концов он все-таки переубедил ее, оставил дверь открытой, пересек двор, нашел Пипелетту и велел идти за врачом. Ее успокоили, за ней ухаживали. Морхардт забрал ее к себе домой, поручил заботам жены.

«…Она провела ужасную неделю из-за двух ка-

менотесов. Она прогнала их за плохую работу, и они напали на нее с чрезвычайной жестокостью. Мы дали знать в полицию, их арестовали…» Ну зачем Морхардт предупредил Поля? Теперь он беспокоится. Нужно ответить на его письмо. Ей уже пришлось давать показания.

Спустя несколько дней она возвратилась в свою мастерскую, полная решимости, как никогда.

Роден на лето снова уехал в Турень. Он делал эскиз за эскизом, но «Бальзак» дразнил его, снова и снова ускользал от него. Этюды обнаженной натуры, модели тела, Бальзак в сюртуке, Бальзак с руками, заложенными за спину, сложенными на животе, Бальзак в виде пикового туза, Бальзак с отвислым животом, Бальзак в домашнем халате и в вечернем костюме… С каждым днем Роден становился все более раздражительным.

Камилла работала. Роден пригласил ее посмотреть на очередной макет. Она посмеялась, вообразив, какие глаза сделает выставочная комиссия! Особенно Альфред Дюке, защитник обеспокоенных. Это было перед началом каникул. Уже лето! Как бежит время! Бедняга Альфред Дюке перед господином Бальзаком в тяжелой мантии, приоткрытой спереди, наброшенной на голое тело. И насколько голое! Камилла и вообра-

зить не могла, не знала, что можно представить мужчину таким голым, таким непристойно голым.

Роден стоял рядом; нет, он не находил в этом ничего смешного. Реакция Камиллы смутила его. Значит, она не относится к его изысканиям всерьез? Господин Дюке уже отзывался об этом эскизе как о «колоссальном эмбрионе». Это слово она восприняла как удар хлыстом. Роден ничего не увидел, не заметил, слишком погруженный в свои заботы. Он должен предоставить статую в двадцать четыре часа.

— Нет, Камилла, представь себе! В двадцать четыре часа!

Выглядел он неважно. Не замечая ее взгляда, он продолжал:

— Жан Экар совсем приуныл. Знаешь, тот, который сейчас председатель общества литераторов. — Ну конечно, они знакомы, ведь эта история тянется уже лет десять. — Эмиль его предупредил. Но сейчас Золя занят делом Дрейфуса. Меня все бросили…

Десятки людей занимаются им, весь Париж! И он считает, что его бросили! Но он сам должен писать, должен бороться.

— Понимаешь, все как-то сразу навалилось! У

меня грипп. Постоянные головные боли. Я переутомлен, ты не можешь понять, каково это. А ты никогда не приходишь! Мне нужно куда-нибудь уехать.

И тут она вспомнила пересказанное ей на днях рассуждение этой скотины Дюке: «Он стар и хворает. А ну как умрет? Тогда плакали наши десять тысяч франков». Низкие, низкие людишки! Точно такие же посылали судебных исполнителей к дверям Бальзака. А теперь они открыто насмехаются над скульптором потому лишь, что он стремился быть на высоте изображаемого.

— Вспомни-ка, господин Роден, статуя стоит столько времени, сколько стоит…

Он улыбнулся, взялся за письмо. Завтра он попросит своего секретаря просмотреть, нет ли ошибок. А может, Камилла согласится ему помочь?.. Он робко извиняется: ему не даются сложные фразы, он не в ладах со словами… «Получается, что я делаю орфографические ошибки, как другие делают ошибки в рисунке!»

Камилла вернулась домой. Ей холодно. Она одна. Одна со своей огромной работой! Нужно успеть. Десяти тысяч франков у нее нет. Если она умрет, публика немногое потеряет. Нет, ни к чему завидовать Родену. Работать дальше, вот и все.

Она приняла заказ Матиаса Морхардта. Это означало задержку в основной работе, но иначе она бы не выкрутилась. Родену не до нее, не стоило докучать ему. Хочешь быть женщиной-скульптором, так держись, пока можешь.

Заказ Матиаса Морхардта… Камилла более не решалась идти к нему. Как ему признаться, что она не поспевает? А еще статуэтки, которые делались в расчете на продажу! Уже много-много месяцев ничего продать не удается. Раз уж у нее появился хоть один заказ, благодаря Морхардту, нужно же закончить! Десять бронзовых бюстов, которые продадут по триста франков за штуку. Десять бюстов господина Родена. Причем из этой суммы придется заплатить за литье, самой проделать всю работу резцом, выгравировать кадуцей. Порою ее тянет пустить себе пулю в лоб. Заплатят ли ей? Аванса не выдали. Она не осмелилась попросить. Морхардт посоветовал ничего не требовать до окончания работы: «Это „Меркюр де Франс“. Женщине не доверяют, понимаешь!» Ей пришлось занять денег, чтобы приступить к работе. У нее уже долгов почти на тысячу франков.

Она вспомнила имя: Леон Майяр! Она сделала для него две гравюры. Он не заплатил: кому

платить-то, подруге мэтра? Хуже всего то, что она их уже отдала. Она написала Родену, чтобы вмешался. Гравюры по-прежнему лежали у Леона Майяра, а может, где-то еще, но ни единого су Камилла не получила по сию пору. Уже почти два года…

Роден заболел. Замечательно! «…Я уверена, что вы снова допустили излишество на этих ваших чертовых обедах, в этом чертовом обществе, которое я ненавижу, которое отнимает все ваше время и здоровье, ничего не отдавая взамен». Зачем она распинается? Он катится к катастрофе. «Я далеко и не в силах предохранить вас от столь ясно видимого мною зла. Удается ли вам работать над макетом вашей статуи?..»

Господи, как мало осталось времени! Но как только эскиз будет готов, за дело примутся мастерские. Несколько недель, и он еще может успеть. Скоро откроется майский Салон. Ну, а у нее все по-другому…

«Вы упрекнули меня в том, что я мало вам пишу. Но ведь и вы сами присылаете мне лишь несколько строк, которые отнюдь меня не радуют. Вы правильно угадали, что здесь невесело. Мне кажется, что я так далеко от вас! И что стала вам совершенно чужой».

Еще ехать куда-то. Это так утомляет.

«Целую вас. Камилла».

Матиас Морхардт зашел навестить ее, вырвать из уединения. Нет, она не пойдет на этот обед. Спасибо большое! Если там не будет Родена, разговор завертится вокруг дела Дрейфуса. Если Роден будет, заговорят исключительно о «Бальзаке». Что ни выбери…

Про дело Дрейфуса она знала все наизусть! «Пойми меня правильно, Камилла, — говорил Морхардт, — я председатель Лиги прав человека. Это очень важное дело, поверь! Если ты женщина, это вовсе не означает, что ты не должна интересоваться политикой. Ох, женщины! Стоит только чуть-чуть вас оставить без присмотра…» А Роден? Можно подумать, его беспокоит судьба капитана Дрейфуса. Он ни о ком, кроме своего Бальзака, не говорит, о нем и только о нем.

Десять бюстов господина Родена! Десять бюстов! Нет, это невозможно. Матиас Морхардт! Десять бюстов! Вы шутите? Сжальтесь же надо мной! Она коснулась пальцами его лица — черты не очень хорошо промоделированы, работа не идет, — уже плохо понимая, изображение перед нею или живое лицо. Слишком устала…

— Камилла! Что с тобою? Ты унеслась куда-то далеко…

Огюст стоял рядом с нею. Она больше не могла отличить скульптуру от реальности. Все плыло перед ее утомленными глазами.

— Какой чудесный огонь! Как хорошо у тебя! Вот жалость, мне хотелось бы иметь такой же тихий уголок… В Медоне так не выходит! В мастерских — тем более. Вечно толпятся посетители! Сущее столпотворение!.. Визитеры, «интервью», набеги прессы, выставочная комиссия, друзья… но меня только одна вещь заботит, Кам. Я больше всего боюсь допустить ошибку в искусстве! Знаешь, я вдруг вспомнил, что говорил мой старый учитель Бари одному коллеге. Слыхала о таком, Бари? Он часто приходил в Ботанический сад, скульптор-анималист! Я его вижу, как сейчас. Нам было лет по четырнадцать, пятнадцать. Одежда у него была поношенная, он походил на бедного учителя-репетитора из колледжа… Он был самый печальный из людей, каких я видел, и самый могучий. Он создавал свои произведения собственными руками и продавал их задешево. И то ему плохо удавалось. Гениальный человек! Да, так вот, я помню, как он сказал одному коллеге, который жаловался на жизнь: «А я, наоборот,

благодарен судьбе: я занимаюсь скульптурой уже сорок лет, и до сих пор жив».

Камилла смотрит на усталого человека, отдыхающего рядом с нею. Она все еще его любит. За что? Быть может, вот за такие рассказы?

Она поднимается, кутаясь в одеяло, взбадривает огонь. Отложив кочергу, остается на коленях, опираясь руками о край камина, будто молится.

Роден созерцает скульптуру, уже почти законченную ею. Бронза — «Женщина перед очагом». Но как же она ухитряется делать все это? Не может быть, чтобы у нее не было помощников! Однако Морхардт беспокоился, говорил, что она слишком много работает, почти ничего не ест. Роден рассматривает коленопреклоненную фигуру, обернутую светлой тканью; ему хочется прикоснуться к ней, приласкать. Она похожа на монахиню.

— Ты это… — внезапно в памяти его всплывает документ, документальное свидетельство Луи Буланже, 1837 года, описание Ламартина. Все это переворачивается, накладывается одно на другое: она, Ламартин, нет, он сам, «Бальзак в халате» — он всегда носил дома широкое одеяние из белого кашемира, наподобие монашеской рясы, «подпоясанное шелковым шнуром». Вот!

Это оно!

— Что ты сказал? — Камилла поднялась на ноги и подошла к нему.

— Ты похожа на монахиню… А приходилось ли тебе слышать, что Бальзак носил монашескую рясу вместо домашнего халата?

Она рассмеялась:

— Великие люди все могут себе позволить! Нужно признать, что он был велик и в переносном смысле слова, и в прямом. Твой «Бальзак» продвигается?

— Как будто. Но меня торопят.

— А та, другая мерзость? Штучки Дюке?

— Мне нужно непременно выставиться на следующем Салоне, иначе — фьють, и денег не станет. Они задергали меня. Не хотят понять…

Не думать о деньгах! У него их немало! Она сухо объясняет ему:

— Ты знаешь, чего я добиваюсь. Точности чертежа, четкости линий! Ничего больше. Никаких подробностей, анекдотов. Простота, как у Хокусая! Да, ты знаешь, как я восхищаюсь Хокусаем. Ты говорил о религии? В некотором смысле ты прав. Но только не так, как у Поля, нет! Ни за что! Помнишь, как сказано…

Она наклонилась чуть ниже, плотнее заку-

талась в одеяло; вот эта восточная статуэтка, древний Будда. Она рассказывает ему историю о Великане, описывает легендарную скалу своего детства. Такой же великан, как Бальзак! «И линии, и точки — все обретет жизнь. Когда мне исполнится сто десять лет, у меня…»

Он внезапно встал, обнял ее, стиснул, опрокинул. Она забилась, ее одолел издевательский смех.

— Я с тобой серьезно говорю, а ты…

Он кусает ее, овладевает ею. К нему вернулись прежние силы, как будто он готовился к работе. Одеяло соскользнуло, тело ее жаркое, сладострастное, земное, это безупречная плоть, которую он познал глубоко. Да, он знает.

На несколько мгновений Камилла забыла о том, что ей нужно работать.

День открытия Салона приближается. Камилла должна ответить Родену. Он передал ей с Лебоссе — кстати, отличный работник! — свой последний эскиз Бальзака. Он просит ответить сразу. Лебоссе должен прийти за ответом. Камилла торопится.

«…я нахожу его высоким, красивым и самым лучшим из всех ваших эскизов на эту тему. Особенно хорош подчеркнутый

контраст между головой и простыми складками одежды… в целом я верю, что вас ожидает огромный успех, особенно среди ценителей вашего искусства».

Есть еще месяц. Она уже не понимает, куда идет, что делает. Она работает. Белые глаза, белые руки, белое лицо. Сердце бьется учащенно. Она слишком устала. Ей жарко.

Матиас, его жена и врач склоняются над нею. Что такое? У нее все в порядке! Просто усталость и недоедание.

И притом кто-то еще ей завидует. Роден посоветовал Морхардту не публиковать посвященную ей статью. До чего правильно! Она об этом не подумала, а это стоило бы ей новых вспышек «гнева и мстительности».

Месяц. Остается месяц. Нужно спросить у Морхардта, где Роден купил тот кусок розового мрамора, и главное, главное — она умоляет, пусть будут осторожны с бюстом девушки. Он хрупкий, чрезвычайно хрупкий, а в нем — столько душевного жара, столько часов ее жизни. Ей страшно. Она быстро исправила все, что нужно. Пусть к ней никто не прикасается! Пусть ее защитят!

Выставка откроется во Дворце Машин. Адми-

нистратор только что не швырнул карточки ей в лицо. Бюст выставлен под солнцем, в пыли. Он такой хрупкий! Нужно написать Родену, предупредить.

Ночь. Осталась одна ночь. Он должен был что-то предпринять. Но где он? У нее есть еще ночь, чтобы поработать.

В день открытия Салона, посреди огромного корабля Марсова поля…

— В сторонку, барышня!

Камилла пытается хоть как-то протолкнуться. Она не осмеливается сказать, что участвует в выставке, что ей нужно пройти. У нее даже нет картонки-пропуска. Три дня тому назад ее только что не вытолкали вон. На ней простенькое черное платье, воротничок из белых кружев, как бы не вышло, что ее примут за школьницу. Это же ее дарование испытывается здесь — и ни у кого не нашлось свободного времени проводить ее! Как осмелиться сказать, что она скульптор?

Салон только что открылся. Алчущая новинок толпа. Огромное здание, как корабль, вздрагивает от фундамента до крыши. Галерея машин столь длинна, что конец ее теряется из виду. Выставка празднично шумит. Камилла непременно добьется триумфа на большой выставке 1900 года.

Тогда они все увидят!

— На что вы хотите посмотреть?

— На «Бальзака», как и все. Уже лет десять, как о нем говорят!

Компания веселых молодых людей, в ярких сюртуках и глянцевитых шляпах, единым рывком вклинивается в толпу, где зажата Камилла. Вот наконец она и вошла!

И тут же остановилась, потрясенная. Она увидела его издали, незачем подходить ближе. Он стоит посреди высокого нефа и презрительно глядит на нее с высоты своих пяти метров. Пять метров! Она кричит. Он сейчас упадет на нее. Великан! Великан! Громадный призрак глядит на нее, и рот его искривлен иронией и жалостью! Ее подталкивают, тащат к нему.

«Словно отлитый вместе со своим одеянием», безупречный, он поднял голову, полный печали, и «глаза его, ищущие солнца, уже покрывает тень». Кто-то сказал это только что совсем рядом. Она уже ничего не воспринимает, она умирает. Это было не тридцать лет назад, нет — это было вчера… Она пытается спрятаться, скрыться, как будто она голая. Рядом со скульптурой, кроткий, тихий, стоит Роден, прячась в тени огромной шляпы. Камилла прижала руку ко рту, зажимая

рвущийся наружу крик. Агония ее тем мучительнее, что между великаном и господином Роденом она заметила «Поцелуй», творение, зачатое пятнадцать лет назад. «Поцелуй»! — «Куда эт'вы пошли, мамзель Камилла? — К господину Родену. — Чего эт'так поздно?»

Она отступила, ее отнесло противотоком выходящих. Отдайте его мне! Она пыталась нащупать его вслепую, но ее несло все дальше к выходу. Ее выставили за дверь. Она отступает навсегда. Художница, пошла прочь!

«Бальзак»! Роден все-таки нашел его. Все было кончено. Кто-то воскликнул: «Это надувательство, я другого слова не нахожу!» Камилла остановилась как вкопанная.

— Если бы Бальзак это увидел, отказался бы от такой статуи…

Камилла вся обратилась в слух.

— Нет, я не критикую, я просто не понимаю.

Камилла окаменела.

— Потрясающая вещь! Роден показал нам всем дорогу, по которой следует идти!

Камилла затаила дыхание.

— Моделировал он беспощадно! Вы заметили — под одеждой чувствуешь тело? Его дрожь, неровное дыхание, сильные удары сердца, гото-

вого остановиться…

Камилле кажется, что ее обобрали догола.

— Вам все это чудится, друг мой. «Бальзак» — это колоссальная марионетка. Больше ничего вы там под одеждой не найдете. Бедненькая марионетка!

— Эй, бедная барышня, вам нехорошо? — К ней подходит какой-то человек. — Посидите, я схожу приведу кого-нибудь. Разве же можно в вашем возрасте ходить вот так, одной! Здесь народу две с лишком тысячи. Вы хотели, наверно, посмотреть на «Бальзака»? Да еще и вход куда как не бесплатный… Бедняжка!

Она подняла глаза: этот человек обращается, видимо, к ней. Она его плохо различает.

— Вы, главное, не шевелитесь. Я кого-нибудь разыщу. Вас проводят.

Как только он удалился, Камилла вскочила и поспешно ушла. У выхода она заметила драгоценный бюст, такой хрупкий, выставленный под солнцем, в пыли. Его не приняли, поставили у выхода, затолкали в угол. Огромная толпа раздавит и его. Да какая теперь разница! Она уже бежит. На улице жарко, мостовые горячи. Она падает и поднимается. Скорей! Скорей! Прохожие оборачиваются ей вслед. Кое-кто насмехается:

«Сумасшедшая!» «Бродяжка!»

Скорей! Скорей! Вот Итальянский бульвар. Вот Пипелетта, двор, мастерская. Закрыть дверь, укрыться в тени… Она падает на колени. Ползает по комнате в поисках спичек. Нужно сжечь все рисунки, эскизы. Колоссальная марионетка. Бум! Бум!

Зачем она рассказала ему про сказочный камень своего детства?

Она сама отдала своего великана.

У нее больше не осталось тайны.

Письмо из лечебницы

«...Воображение, чувство, нечто новое, неожиданное — все, что исходит от развитого разума, — это вещи недоступные для тупых голов, для закупоренных мозгов, куда навеки перекрыт доступ свету, а брать его откуда-то нужно. Вот они и сказали себе: „Она ясновидящая, вот и воспользуемся ее видениями, где еще найдешь хорошие сюжеты?..“ Кое-кому не чуждо было по меньшей мере природное чувство признательности, они могли бы хоть чем-то вознаградить бедную женщину, чей гений они обобрали; так нет же! в сумасшедший дом ее! пусть у нее не останется даже своего уголка! Потому что им нужно, чтобы я была под надзором и не разоблачила их! Это эксплуатация женщины, уничтожение художницы, пусть доработается до кровавого пота...»

Двадцатый век начался

«Женщина сидит и глядит в огонь — таков сюжет одной из последних работ моей бедной сестры… Когда в моей душе всплывают воспоминания о ней, я вижу ее именно такой… Она сидит и гладят в огонь. Рядом — никого. Все умерли — или все равно что умерли…»

Поль Клодель, «Четки и роза»

Она сидит у камина. Все сгорело. Идет дождь, а она сидит у погасшего огня. Дом 19 по набережной Бурбон, Камилла Клодель. У нее больше нет карт. Уже давно нет. И Пипелетты нет тоже. Она глядит на черную дыру, зияющую, неизменную. Зола в камине стала влажной.

Она написала письмо.

Идет сильнейший дождь. Прекращается, идет снова. Женщина горбится, кутается в кашемировую шаль, ее донимает дрожь; она плакала, но слезы уже высохли. Дело сделано.

Она написала это письмо.

Дверь заперта. Поль только что ушел. Как она счастлива была вновь увидеть его, старого ки-

тайца! Пять лет не виделись! Он беспокоился о сестре. Да нет, у нее все идет нормально. Снова работает, снова, как говорится, вскарабкалась на склон. Правда, прихрамывая… В прошлом году выставила «Зрелый возраст», он имел успех. Доброжелательная критика, как обычно, чего же еще…

Старина Поль! Ему уже тридцать три. Китай! Шанхай! Ханчжоу! Фучжоу! Она хотела, чтобы он рассказал все-все — «Договорились? Ты обещаешь?» — но тут за Полем зашла сестрица Луиза.

— Маменька ждет, — Луиза рассеянно погрызла печенье, поданное Камиллой на стол. — Пойми, мы торопимся!

А еще Камилла съездила в Азэ забрать свои вещи. Мамаша Курсель вздумала потребовать с нее плату за хранение! «Но вы должны понимать, я хранила ваши вещи, бюсты, макеты, как вы их называете!» Камилла осмотрела наполовину раскрошившиеся бюсты. Глину она забрала — еще пригодится! «И потом, господин Роден говорил, что вы больше не приедете…»

Теперь письмо отправлено.

Жанна до сих пор передразнивала мимику Родена! Славная малышка Жанна, теперь ей скоро пятнадцать. Пухленькая, с завитыми волосами,

румяные щеки, тусклые глаза. Она едва поздоровалась с мадемуазель Клодель. Она ерзала, ей не терпелось уйти. Принаряженная, в безвкусном цветастом платьице с оборками. Затянутая! Ее поджидал мальчик. «Знаешь, мы с ним гуляем… Пойдем удить рыбу…» Жанна жила вовсю.

Складывая вещи, Камилла нашла затертый, надорванный рисунок Фуфу. Спросила о нем у мадам Курсель. «Ох, он скончался. Собственно, его съели. Тушеного. Оказался немного жестковат». — «Ну ладно, а как у малышки с рисованием?» — «Да она уж давно это забросила. Интересовалась, пока маленькая была. Теперь у нее мальчишки…»

Потом появилась Мелани. Камилла так и не поняла в точности, на что та жила, впрочем, не особо и интересовалась. Мелани приходила время от времени. От нее попахивало вином, пóтом, но она так славно смеялась. Что бы ни случилось, пожимала полными плечами, будто отбрасывая то, что могло ей докучать. Желая отвлечься от забот, говаривала: «Да ладно! Но, лошадка! Вперед!»

Она приносила газеты — бог весть где она их добывала. Камилла не желала это выяснять. «Держите, мамзель Флобель, эт'вас поразвлечет!» Десятки раз Камилла твердила ей: «Кло-, К-л-о-

дель, или просто Камилла!» Мелани смеялась и отбрасывала лишнее движением плеч: «Мамзель Флобель!»

Только что она явилась разрумяненная, душа нараспашку. «Слушайте, эт'не ваш случаем ухажер был такой господин Огюст?» Камилла ее не поняла. «Ну, этот, который Роден! Ладно, нате смотрите! Трое воротил ему дают денежки. И чудно как-то, ей-ей! Погодите-ка, дайте найду, где я это прочитала-то!» Камилла вскочила, распрямила спину.

— Вот, это для Всемирной выставки! Они, вишь, вздумали строить павильон. Еще и стильный какой-то! Погодите, ох, я ж не сильно хорошо читаю… ага, Луи-какой-то-там! Вроде какой-то Король-солнце, надо же! Наподобие дворцовой оранжереи. О-ля-ля! Он там соберет все свои творения. Туда даже американцы приедут. Ух, до чего волнительно! Похоже, он знает, как дела делать! Мне приятели мои рассказали. Настоящие господа! Я им сказала, что вы с ним когда-то были знакомы, мамзель Флобель, но это их не задело. Честно, ваше имечко им не знакомо! А к тому, сдается, со всего света едут спрашивать совета. Да еще желают, чтоб он ихние портреты делал. Его называют «султан Медонский!»

Она на минутку оторвалась от газеты, глаза орехового цвета уставились в пустоту.

— Мне бы такого ухажера, уж я-то бы его не отпустила, — вздохнула она. — Есть один тип… ну, один мой приятель, я у них имен не спрашиваю, ну, так он с вашим часто видится, и он мне говорил, что тот многим женщинам помогал. Уж я-то бы не отпустила!

Газета повисла в воздухе, как последний осенний лист. Камилла тихо плакала.

Ты помнишь ли тот день, ты помнишь ли тот праздник,

Когда над Робинзоном посмеяться мы пошли?

В сердцах была любовь, в сердцах звучала песня

И вместе пели мы о счастье и любви…

— До завтра, мамзель Флобель! Мало ли, может, еще…

Она пела в кафе-концерте. Когда у Камиллы бывал огонь, она приходила выпить рюмочку, погреться, пела ей новейшие популярные песенки. Она рассказывала ей про жизнь за дверью, снаружи…

Наступил вечер. Слезы текли, и текли, и тек-

ли, оставляя две соленые дорожки, час уходил за часом. Она слишком долго ждала. Наконец она взяла перо, чернила, бумагу и начертила слова — без ошибок, без колебаний, без гнева, без боли, без дрожи, без злорадства, без зависти, без упреков, без сожалений, без любви — слова, предназначавшиеся ему.

Она сложила лист, запечатала письмо, велела отнести; потом закрыла дверь и больше ничего не чувствовала. Она созерцала ночь, окружившую ее.

«Двадцатый век наступает, и…»

«…Я отыскал потерянное зерно! Я отыскал мое потерянное имущество… эту бесценную слезу, это неизменное сокровище…»

Поль Клодель, «Атласный башмачок»

«Бедняжка Камилла прислала мамочке из Мондеверга четки с бусиной в форме сердца, их называют „слезы Иова“».

Поль Клодель, Дневник

Камилла зажала в руке одну-единственную бусину. Она забыла, как делаются четки. Сколько там требуется дюжин, и потом еще добавляют несколько маленьких шариков…

Крошечная скульптурка, согретая в ладони: ее сердце, спрятанное от мира.

Она стояла у печки. В Мондеверге ледяной холод. Вокруг толпятся старухи, жалкие дрожащие кроты.

Камиллу парализовало в полете. Ее крылья опали на грудь. Новый Шакунтала. Трагическое забвение.

«Все умерли — или все равно что умерли. И потому я держу, не отпуская, эту бусину между большим и указательным пальцем и не могу больше уходить далеко».

Поль Клодель, «Четки и роза»

Точки над «i»

«Милостивый государь, соблаговолите сделать все возможное, чтобы господин Роден не явился ко мне с визитом во вторник. Умоляю вас об этой услуге! Если бы вы смогли вместе с тем еще и внушить господину Родену, деликатно и твердо, чтобы он больше никогда не являлся ко мне, это доставило бы мне чувствительнейшее удовольствие. Господин Роден осведомлен, что злые языки осмеливаются утверждать, будто бы он — автор моих работ; зачем же совершать поступки, которые могут подкрепить эту клевету? Если господин Роден действительно желает мне добра, у него есть все возможности сделать это без того, чтобы возбуждать подозрения, что успехом моих произведений, над которыми я столь напряженно тружусь, я обязана его советам и его вдохновению»…

Роден велел никого не принимать. Роза встревожилась. Хватило одного движения руки. Она

выпроваживала всех. Матиас Морхардт пришел и ушел. Покидая мастерскую в Медоне, он сказал просто: «Я снова зайду завтра. Господин Роден желает побыть один…»

Господин Роден не зажигал света. Он сидит, бессильно свесив руки. Слезы одна за другой скатываются по щекам. Он их не осушает.

В правой руке его зажато письмо. Подписи нет, но и так все ясно. Камилла вообще редко подписывает письма. Свои работы тоже. Она говорила: «Время стирает все подписи, господин Роден!» — и заливалась своим чудесным, невеселым смехом. Он узнал буквы «t» с очень длинной верхней чертой, царапающей бумагу, и все сразу понял. Понял, как только их общий друг Морхардт протянул ему письмо. И теперь сидит в темноте.

Впервые в жизни ему стало страшно. «Бальзак» завершен. Его последний поцелуй! Пятнадцать лет работы. Он — Медонский султан, к нему на виллу Бриллиантовую съезжаются люди со всего света, с ним заигрывают все женщины, у него есть деньги, заказы, успех — и ему страшно.

Он вдруг представил себе, как проживет отпущенные ему годы без Камиллы, и ощутил ужасную свою пустоту, бесполезность. Vanitas vanitatum. Эта мрачная фигура, сделанная им

двумя годами раньше, словно возникла перед его глазами.

Чрезмерно длинные черточки над «t». Он вступает в шестидесятый год жизни без замыслов, без скульптуры, без Камиллы! Ей же всего тридцать пять. В этом возрасте он начал «Бронзовый век», свою первую работу, вызвавшую скандал.

Письмо из лечебницы

«...Это действительно уж слишком! Присудить меня к пожизненному заключению, чтобы я не подняла шум!

Все это изначально исходило от дьявольского разума Родена. Его преследовала мысль, что как только он умрет, я сразу возвышусь как художник и превзойду его; он жаждал удержать меня в своих когтях не только при жизни, но и когда умрет. Ему требовалось сделать меня несчастной, будь он жив или нет. И в этом он преуспел, ибо несчастна я вполне! Мне крайне тягостна эта... неволя...»

«Дорогой учитель и друг, только что я встретился с г-ном Филиппом Вертело, которому передал ваше желание в том, что касается нашей превосходной и отверженной художницы…
Я настаивал на том, что мы должны объединить свои усилия, пусть даже надежда на выздоровление — лишь химера…
А хотелось мне, чтобы вы согласились отвести один зал в особняке Биром для творений Камиллы Клодель…»

Матиас Морхардт — Огюсту Родену, 5 июня 1914 г.

Не оставляя ей времени на раздумья, он яростно обхватывает ее голову руками, словно просит или умоляет, он крепко целует ее в губы. «Нет, нет, не уходи снова!» Руки сильно стискивают ее.

И она погружается в наслаждение, она хочет заставить его пожалеть о разлуке, обойтись с ним так, как он обходился со своими натурщицами. Она дерзко решает захватить его — и бросить. Она многое познала благодаря ему: и нежность, и грубость, негу и унижение, и ожидание. Все это она обрушит на него нынче ночью: она тоже великий скульптор, создающий мужчин. Жаркое

тело становится глиной, она более не ведает жалости, у нее не осталось чуткости иной, чем чуткость художника, копающегося в душе человека, чтобы вырвать истину, даже если душа от этого забьется в конвульсиях.

Она его раздевает, он срывает с нее платье. Она держит его и слышит, как бьется под ее руками чувственное сердце. Она схватила его первая, будто собралась похитить. Он берется за ее груди. Она напряглась, грудь ее как панцирь из светлого золота, он — бронзовый меч, сверкающий в руке, клинок, ищущий цели. Сейчас они похожи на античных борцов. Светлая постель словно песчаная отмель, выжженная солнцем. Он смотрит ей прямо в глаза — в ней самой смертоносный заряд. Внезапно она резко, грубо поворачивается и разражается смехом. Она смотрит на него искоса, распуская волосы, и подкатывается к нему ягодицами, трется шеей об его плечо и внезапно, повернувшись, ловит его губами, потом отпускает. «Господин Роден» — его имя звучит как щелчок, она великолепна, его тянет убить ее; он понял, что она вызывает его на бой, намеренно оскорбляет.

Даже в этом она сравнялась с ним. Он не осмелится сказать, что здесь она от него отстала. Он

понимает, что на самом деле никогда уже не овладеет ею, он ее потерял: она вовеки останется неукротимой. Он ошибся в этом однажды, он ошибался многократно.

И тогда вдруг он снова хочет от нее ребенка. Как женщина, что пытается удержать покидающего ее любовника, как игрок, ставящий на последнюю карту, он выкрикивает это желание. Он ударил точно. Камилла остановилась, окаменела, в глазах ее отчаяние. Она смотрит на него и медленно сгибает ноги; она ранена смертельно: ребенок — это воспоминание, взрезавшее ее память.

Возможно, ей приснился сон.

Зрелый возраст

«Существует некий символ, который не удается не заметить умам, поглощенным великими проблемами современности, феминизмом, демократическим искусством и пр.: бедняк, стоящий позади всех; у него такие толстые, жалостные щеки; он пытается вырваться из грязи, и уж трудится, и трепыхается, и просит крыльев!»

Поль Клодель, «Роден, или человек-гений» [12]

«Фру-фру… фру-фру…
Юбочки шуршат,
Фру-фру… фру-фру…
Женщины мужчинам душу бередят!»

— Вот и славно, мамзель Камилла, вы делаете успехи. Скоро будете петь со мной на пару. Я и сама там кое-какую деньгу зашибаю, а уж вдвоем… А ведь еще и приработки бывают!

---

[12] Примечания: 12
Сентябрь — октябрь 1905 г.

Мелани довольна. Ежели б мамзель Флобель послушалась ее раньше, уж она бы тут не торчала. Вот уж несчастье с этой девушкой! Она же еще и красивая к тому же. Все продала, в квартире ничего не осталось. Даже личные вещи ушли.

— Ну, погодите, вечерком я вам персиков принесу. Я в деревню поеду, привезу. И овощей тоже. Оставлю у вас. Время от времени нужно подкрепляться!

Камилла обняла ее — она очень любит Мелани.

После того Салона, после «Бальзака», Камилла уже дважды меняла квартиру. Сперва переехала в дом 63 по улице Тюренн, потом дом 19 на набережной Бурбон. Ей там было хорошо. Высокие стены, Мелани, пустая мастерская. Верно, она все продала. «Фру-фру!» Обязательно нужно будет хоть немного заняться хозяйством. Нынче же вечером. Сейчас она занимается скульптурой. Своей большой статуей. Уже шесть лет она думает об этом: все кончено, все пропало — колоссальная марионетка!

Она повязала голову платком, чтобы не пачкать волосы. Она распевала «Фру-фру!» Она чаще смеялась теперь — она снова работала над своею большой скульптурой.

Камилла работает. Отдаленный уличный шум заглушается энергичным стуком молотка. Ей еще нет сорока. Она еще хороша собою, крепко сложена и занята большой скульптурой. Она обнаружила, что у нее еще вся — ну, почти вся — жизнь впереди. Хокусай по-настоящему начал работать в шестьдесят. Он считал все сделанное до того детским лепетом. Камилла стучит молотком. Ей не мешает то, что старая блуза малость порвалась, что башмаки растоптаны. Она ищет. У нее теперь есть время.

Поль снова уехал в Китай. Совсем окитаился, право! Он стал еще более немногословным, еще более замкнутым, чем прежде. Прожив во Франции год, только год, он однажды объявил, что уедет на некоторое время. Камилла знала: он отправился в Лигудже. Он хотел стать монахом.

Камилла не могла больше читать газеты. Там то и дело мелькали фотографии Родена, его имя. Она заканчивала изготовление его бюстов… До чего тошно! Приходится расплачиваться до конца! Матиасу Морхардту нужны были десять бюстов. Она находила Родена уродливым, морщинистым, претенциозным.

В ее утомленном мозгу друзья, поддерживавшие ее, смешивались с теми, кто собирал подписи

в пользу капитана Дрейфуса. Она ненавидела их всех. Ведь это она, а не Дрейфус, сейчас за решеткой! Но никто, никто не приходит ее защищать! А господин Роден все продолжает жаловаться. Ему нужно помочь! Все, кому не лень, сразу за это берутся! Во всяком случае, весь бомонд!

А между тем господин Роден вздумал добавить к списку подписчиков на статую Бальзака имена Форэна и Рошфора, отъявленных антидрейфусаров, поскольку боялся ввязаться в политические дебаты! И сразу: «Он не хочет заниматься Делом!» Никогда не угадаешь, что людям не понравится!

А она-то, которую Морхардт так часто попрекал: «Как вы можете не интересоваться общественной жизнью? Возьмите хоть господина Родена — у него все друзья дрейфусары!» — она теперь посмеивалась. Можно вообразить, как вытянулись теперь их физиономии! Колоссальная марионетка! Она, во всяком случае, не струсила.

Только Клемансо обошелся с ним грубо: раз уж господин Роден опасается, как бы в списке подписчиков не оказалось слишком много друзей Золя, то он, Жорж Клемансо, вычеркнет свое имя из списка тех, кто хочет поддержать скульптора. Так было написано черным по белому в «Заре».

Нельзя иметь сразу все, господин Роден. Вам

бы следовало кое с чем смириться, право! А он не хотел платить. Ну что ж! У нее вот нет ни Почетного легиона, ни наград, ни парадного цилиндра! Ах, давно прошли те времена, когда они вдвоем смеялись над возмущенной публикой!

«Орден Почетного легиона можно купить. И другие награды тоже, разве вы не знали? Для этого нужно только обратиться к господину Даниэлю Вильсону. Ну как же, он — зять президента Республики. Конечно же…» Все осталось по-прежнему. Даже Роден поддался! Несомненно, он к этому не стремился, и сейчас наверняка в разладе со своей совестью. Скульптурой он больше не занимается. Приемы, интервью, женщины, путешествия, награды, официальные бюсты, как отказаться от всего этого? Ей бы взять его за руку да увести, попробовать еще раз. Так они бы спасли друг друга…

«Дорогие друзья,

позвольте выразить вам мое твердое, официальное желание остаться единственным обладателем моего произведения. В настоящий момент и прерванные труды, и размышления — все вынуждает меня принять такое решение. В первую

очередь я желал бы сберечь свое достоинство как художник, а потому прошу вас объявить, что памятник Бальзаку моей работы будет мною снят с выставки в Салоне на Марсовом поле и не будет установлен где бы то ни было».

Браво, господин Роден!

«Художнику, как женщине, приходится оберегать свою честь», говаривал он. Хорошо сказано. Но как же он заберет свою работу, если она еще не оплачена!

У нее самой нечего было есть, и приходилось продавать даже чужие вещи. Анри Лероль, дорогой друг Лероль, когда-то подарил ей картину в память их общей дружбы с Дебюсси. Она любила эту картину, часто рассматривала при разном освещении на протяжении дня. Но однажды и с картиной пришлось расстаться. Она объяснила ему, в чем дело. «…Вы, конечно же, простите меня, вы ведь знаете, на какие безумства способны художники, когда их загоняют в угол»… По доброте своей он поставил свою подпись на полотне внизу, чтобы можно было продать ее подороже. В жизни не испытывала она подобного стыда. Она не просто была повержена во прах, ее сердце

рвалось надвое! Смертельно опечаленная, она не могла отвести глаз и, объясняясь, все смотрела прямо в лицо старому другу Леролю.

Тогда стояла весна. Ближе к вечеру она пошла в Медон. Ей хотелось застать «Бальзака» у него дома, врасплох, хотелось понять. Она готовилась отрезать еще частичку своего сердца, последний крошечный кусочек — эту картину.

Камилла поднималась по крутой дорожке к Медону, к вилле Бриллиантовой. Сумерки, птичье пение, затихающее и потому особо сильнодействующее, пронзающее душу… Вот и холм, который в газетах обозвали Долиной Цветов. Десятки раз она читала и перечитывала ее описание, и теперь не могла ошибиться. Вилла «Бриллиантовая» — на самой вершине.

Камилле становилось все труднее дышать. Птицы теперь громко вопили — видно, поссорились. Время, дорога — все постепенно теряло очертания. Ноги вязли в дорожной грязи. Наконец вилла открылась перед нею. Камилла свернула и пошла наискосок, срезая дорогу.

Она была похожа на тех цыганок, которые бродят по деревням. Она — воплощение молодости! На мгновение входит незнакомка в вашу жизнь и скоро уходит, но это — ваша судьба и

надежда. У нее на руках нет ребенка. Она идет широким шагом, голова гордо вскинута, как у странствующей принцессы. Где находится ее королевство? Откуда явилась она? Собаки не лают, почуяв ее, страх сковывает их. Большая волчица, она идет навстречу надвигающейся ночи. Глаза ее горят, юбка вьется вокруг крутых бедер. В свете восходящей луны, белой луны, она как будто выпрыгивает из земли, появляется и вновь исчезает. Она идет вперед решительным шагом сенокосца. Пышные волосы колышутся за плечами. Она остановилась, пригнувшись, великолепный зверь настороже, и глаза дикой кошки пронзают мутный сумрак.

Тот, к кому она шла, — рядом, темный сутулый силуэт. Он спотыкается. Нет, это не он! Это невозможно! Ему, кажется, плохо? Он вот-вот упадет! Камилла окликнула его тихо, тихонько, словно охотничий манок: «Господин Роден!» Он не пошевелился.

— Господин Роден!

О господи, он же сейчас рухнет наземь! С громким криком Камилла выскочила из ложбины, где пряталась, готовая поддержать его, помочь.

— Огюст!

Он резко обернулся, и они столкнулись лицом

к лицу. Губы его растянула блаженная ухмылка. Те же брови, волосы, лоб, всклокоченная борода — но это не он. Все здесь — и все не то. Это — пародия, карикатура. Она отпрянула, ошеломленная. Это — его сын! Его сын, Огюст Бере! Нет, только не это… Не этот пьянчуга, который тянет к ней руки, хочет схватить, похотливо скалясь. Она исчезла.

Наверху, на вилле Бриллиантовой, зажгли свет. Между тем еще не стемнело. Что за неразбериха? Звон посуды, стук кухонных ножей — как у маменьки в Вильневе… Каштановая аллея, королевская аллея, ведущая к дому в стиле Людовика XIII, к дому из кирпича, окаймленного белым камнем. Белый камень… Камилла немного стушевалась.

Человек, которого ей все еще хочется любить, вышел из дому. Камилла различила приближающийся контур его фигуры. Ежевечерне он выходит посмотреть на своего «Бальзака».

— Огюст, котик, ты простудишься!

Это голос Розы. Роден обернулся. Камилла успела уловить взгляд, разглядеть голову, лоб, прекрасный рот, трагическую маску лица. Мгновенно ее зачарованное сердце взрывается болью. Заметил ли он ее? Она вроде бы скрылась достаточно быстро… Может, из-за нее он стоит

так неподвижно, словно пораженный молнией? Камилла бросилась в гущу растущего рядом кустарника.

А вот и Роза с пальто в руках, небрежно причесанная, худая…

— Оставь меня в покое! Я устал… Мне нужно подумать. Я хочу подумать!

Лицо его синевато-бледное, Камилла с трудом узнала его. Он стал язвительнее, злее. Роза стояла в двадцати метрах поодаль. Он обернулся к ней.

— Ты собачку выгулял, котик?

Роза подошла к нему, набросила пальто на плечи, повела к дому. Прошла секунда — ужасающая, как вечность. Вновь настала тишина. Последний акт.

Камилла ушла оттуда медленным шагом, с растревоженной душой. Тридцать семь лет, почти тридцать восемь…

Три года назад она видела это! Эту же сцену, точно такую! «Зрелый возраст», или «Дороги жизни». Она показала в скульптуре то, что еще только предстояло увидеть. Она тогда даже ничего не подозревала. И вот это случилось! «Человек, уводимый старостью, мерзкая фигура компромисса, удобство с обвисшими грудями» — в таких словах Поль описал эту жалкую состарившуюся парочку.

Ей было смешно слушать. Он так внимательно рассмотрел обе фигуры, особенно мужчину.

«Есть время, чтобы находить, и время, чтобы использовать найденное, говорит Экклезиаст, — Поль обратился к ней с нежностью. — Ты была находкой, сестричка!»

Никогда не чувствовала она такой близости к брату, как в тот раз. Он готовился к отъезду в Лигудже через месяц. Он сжег корабли, сорвал якоря, он отказался даже от творчества; обобранный начисто, он готовился идти вперед. Он, ее брат Поль, был готов вступить в монастырь Лигудже…

Он так и застрял в Китае! От него не было вестей уже много месяцев. Сестре он по-прежнему писал изредка и понемногу. Но что там делается? Знакомые, приезжавшие оттуда, при встрече отвечали уклончиво: «О да, у него все в порядке! Здоров ли? Как сказать!» Камилла чувствовала, что все они что-то скрывают. Она ждала возвращения брата с беспокойством. Ему скоро тридцать семь, ей идет сороковой год. «Фру-фру!»

Уже три часа дня. Господи, а как же хозяйство? Она отложила инструменты, прикрыла гипс и, повязав волосы платком, взялась за тряпку. Нужно вытереть пыль!

Она простая женщина, и всегда была такой. Между монастырем и успехом в обществе лежала скромная повседневность. Ее ремесло скульптура. Ну, она и взялась за работу. Вот и все. Не было никаких других объяснений, никаких тайн, ни мечтаний, ни кошмаров. Ничем нельзя было объяснить то, чего нет. При чем тут натура, при чем тут гений? Она создала «Зрелый возраст» за два или три года до того, как господин Роден впал в маразм. Она сделала маленькую статуэтку женщины, стоящей на коленях, чтобы избавиться от чувства униженности. Нет, все эти объяснения не годились!

Она прежде думала, что после разрыва с ним забросит скульптуру. Ничего подобного. Все кончилось между ними, не так ли? А она работает по-прежнему. Видно, и до самой смерти работать будет. Она научилась этой полезной штуке — великому терпению.

Была в ее жизни простая человеческая нищета, были заботы о том, как сделать отливку для капитана Тиссье, купившего у нее «Зрелый возраст», был аванс, который следовало вернуть г-ну Фенайлю, и литейщик Рюдье — тот, который обслуживал Родена, — с его расценками: шесть тысяч франков. Слишком дорого! Вот такие у нее

были проблемы.

Она участвовала в выставках почти каждый год. Новых скульптур было мало, но она сама высекала их из камня, отливала из бронзы, — и продавала по смехотворно низким ценам. И раз за разом ей кадили фимиам — и ранили. «Совершеннейший образ женского гения», «пародия на гений Родена» — это фразы дорогого нашего Ромена Роллана; можно вообразить, будто он ее высоко ценит, этот тип! Камиль Моклер: «На протяжении десяти лет она выставляет произведения, которые принесли ей признание и ввели в список тех немногих, трех или четырех, скульпторов, которыми могла бы гордиться наша эпоха…» Нужно заплатить за яйца, судебный исполнитель Адонис приходит все чаще. Да что с того!

Она старалась улаживать каждое дело своевременно. Комиссионер в первый день нового года, рабочие, хорошие, встречались все реже и брали за работу все дороже, — немногие оставшиеся друзья. Были, конечно, Матиас Морхардт (впрочем, ей все труднее становилось выносить его присутствие: ведь он друг господина Родена!) и Эжен Бло, новый издатель, взявший на себя продажу ее скульптур и личных вещей; господин Фенайль время от времени пробовал заказывать

ей маленькие статуэтки; а еще Эжен Бло привел к ней Анри Асселена…

Никто не говорил об этом вслух, но все беспокоились. Лихорадочность ее поведения, нервозность, полное пренебрежение собственной внешностью, резкие жесты, и особенно смех… Она смеялась прерывисто, хрипло, и больше всего ее смех напоминал плохо сдерживаемые рыдания…

«*О-ля-ля! Не забывайте, что комиссионер, мусорщик и дворник с набережной Бурбон явятся поздравить меня с Новым годом!.. Неизменно ваша*».

«*…продавщица масла вопит, что я не заплатила ей за сколько-то там яиц… Адонис Прюно снова надоедает мне* (*в данном случае не его преследует Венера, а наоборот!*)»

«*…если бы вы пожелали защитить меня, я не была бы сейчас в таком состоянии, право слово, не была бы!..*»

«*…На днях меня разбудил утром любезный Адонис Прюно… ничего соблазнительного для меня в этом деле не было, хотя сей галантный чиновник и являет-*

ся всенепременно в белых перчатках и цилиндре. Извините меня за эти похоронные шуточки!»

«*Судебный исполнитель — единственный мужчина, навещающий меня». Она изображала в лицах визит бедняги Адониса Прюно. Взять у нее уже было нечего. Оставалась она сама.* «*Возьмите же меня! Художницу можно продать!*»

А еще она ходила в больницу Святого Людовика:

«*По моей просьбе туда поместили кузена, мальчика одиннадцати лет* (*он совершил попытку самоубийства, распоров себе живот двумя ударами ножа*)*; выживет ли он, пока неизвестно. Г-н Пинар поручил одному из своих учеников оперировать его. Это просто ужасно, и я никак не могу избавиться от тяжелого чувства...*»

Она не отвечала на расспросы. Но блеск ее глаз тревожил друзей с каждым днем все сильнее. У Эжена Бло скапливались ее письма — они следовали одно за другим с поразительной быстротой.

Но как мало, мало было тех, кто мог поддержать ее!..

Она не прекращала работать. Они печально опускали головы. Их смущал теперь ее взгляд: она как будто видела их насквозь. «Потому что взгляд ее выражал полную искренность, — говорил Асселен, — скрытую, но абсолютную, для которой совершенно несущественны ни условности, ни нюансы».

У нее рождалась большая скульптура. Она работала над нею ежедневно. Ее расспрашивали: может, это «Персей», которого она показала в Салоне? Но она прикладывала палец к губам и прикрывала статую полотном, когда слышала шаги за дверью.

Поль должен был скоро возвратиться из второй поездки по Китаю.

Письмо из лечебницы

«*…Я получила и шляпку — она оказалась впору, и пальто — оно мне очень к лицу, и чулки — они просто восхитительны, как и все прочее, что ты прислала мне. Целую тебя — Камилла*».

«*Расскажи, как обстоят твои дела? Не пострадала ли ты от гриппа?*»

«*Я получила твое письмо и успокоилась: ведь из-за того, что меня все никак не переводили в другой разряд, я вообразила, что тебя уже нет в живых; я не спала ночами и замерзала…*»

«…Такая сила, такая искренность, почти пугающая, и любви, и отчаяния, и ненависти, выходящая за пределы искусства, послужившего для их воплощения… „Зрелый возраст“… Духу, который породил этот замысел в ярчайшей вспышке, не оставалось ничего иного, как угаснуть…»

Поль Клодель, «Глаз слушает», «Камилла Клодель»

Однажды утром они решили за нее: ей не будет дано времени, чтобы состариться. Ее вырвали из потока времени, жизни, воспоминаний — и заживо ввергли в ад.

Здесь она не была подвержена изменениям — на то и приют, в некотором смысле, законсервирована. Брат мой, Поль!

Ее заперли. Обитель. Монастырь!

Стоило ли так стараться?

Роза Бере наверху Медонской лестницы, выбиваясь из сил, охраняет покой господина Родена. Их становится все больше: поклонниц… танцовщиц… светских женщин… Пришел черед пострадать и Розе. «Кто посмеет меня прогнать! Я пестую его, как ребенка, уже пятьдесят два года! Пусть себе говорят, будто я спятила, будто

меня нужно запереть… Они увезли его мрамор!» — кричала она Жюдит Кладель.

Бедная Роза! Она — уроженка Шампани, как Камилла, как ее старая мать.

Клод Дебюсси умирает в жестоких мучениях.

А где же мой брат Поль? Помнишь ту девушку в белом, в Шато-Тьерри? В обитель. В монастырь!

«Эта обнаженная юная девушка — моя сестра! Моя сестра Камилла. Умоляющая, униженная, стоящая на коленях — вот как изобразила себя она, некогда полная гордыни и чувства превосходства! Умоляющая, униженная, на коленях — и обнаженная! Все кончено. Отныне и навсегда мы будем видеть ее лишь в таком облике, который она оставила нам…»[13]

[13] Примечания: 13
Поль Клодель, «Глаз слушает», «Камилла Клодель».

Красное платье с ажуром

«…Перед тем, как тьма окончательно поглотила ее, появился „Персей“. Чью голову с окровавленными волосами поднял он над головой? Разве это не образ безумия? Но почему? Я скорее готов был бы увидеть здесь образ раскаяния. Это лицо, поднятое на высоту вытянутой руки… да, я, кажется, узнаю его искаженные черты».

Поль Клодель, «Глаз слушает», «Камилла Клодель»

В тот ноябрьский день 1905 года было холодно.

«*Извините меня за эти похоронные шуточки*».

Она снова написала Эжену Бло этим утром. Спустя два дня за ней придут. На заре, в час, дозволенный законом, в очередной раз явился Адонис Прюно. Однако он больше не улыбался. Он действовал согласно полученному распоряжению. Ничем нельзя было прошибить толстую шкуру

судебного исполнителя: ни вспыхнувшие на мгновение безумным блеском глаза женщины, еще молодой, которую он поднял с постели — с жалкого ложа! — ни танцевальные па, которые она вздумала исполнять перед ним, услышав его требование. Нога подвела ее, она упала на пол и расхохоталась, как сумасшедшая, но Адонис нисколько не смутился. Он просто ждал, когда же она подпишет бумагу.

— Вопросов нет, господин Прюно!

К чему волноваться? Она окончательно перестала что-либо понимать в «административных вопросах». Она старалась, но вышло только хуже. Особенно с недавнего времени. Бумаги! Справки! На это также нужно было тратить деньги и время!

У Камиллы были дела посрочнее. Большая скульптура изнывала от нетерпения под своим покрывалом. Все пришлось начинать сначала. То, что Камилла показала на выставке в 1902 году, было лишь бледным наброском. Зато теперь она знала верное решение.

Стоял дождливый, унылый ноябрь. «Суровые дни ноября»… Как верно выразился брат! Все сумрачно вокруг. Бесконечный черный дождь. Где ты, Поль?

Однажды вечером он вернулся, возник из небытия. Камилла ждала — ее заранее известили из министерства на набережной Д'Орсэ. Он явился к ней домой. Они обнялись, поцеловались. А потом она разглядела его искаженное страданием лицо, безумные глаза, ощутила, как он весь дрожит. Тайный огонь сжигал его; она почуяла, она все поняла! И яростную страсть, и поцелуи, и разрыв, и забвение. Он изведал, что такое измена. Его предали.

Он рассказал ей про «женщину в красном». Женщина! Камилле и слушать об этом не хотелось. К чему это все? Все существо ее возмущалось, неужели ему этого недостаточно? Ей не нужны были подробности. Всякая любовная история банальна для посторонних. Банальная и пошлая. Просто анекдот, не правда ли? Она не расспрашивала, ничего не говорила, но это — не от равнодушия, наоборот! Просто уж слишком хорошо ей это все известно. И она привыкла уважать тайны чужой жизни.

Они пообедали вдвоем. Наконец-то у нее появилась возможность выйти за покупками. Он дал денег, и она накупила продуктов. Он не хотел видеть никого, и особенно родственников. И брат, и сестра ели очень мало. Поль был так погружен в

себя, что до него невозможно было дозваться. Камиллу охватило желание уложить его, оставить на ночь, посидеть рядом, стать причастной к его боли, не произнося вслух ни единого слова.

Поль, дитя ноября! Ей вспомнилось, как когда-то он сидел над прудом в Вильневе и грыз яблоко. Печальное дитя…

Он укрылся в Вильневе, она — здесь, в Париже.

Ноябрьские дни 1905 года. Ей чудится звук: похоронный звон, заупокойная служба, заржавленный флюгер, озябший священник. Дети держатся за руки. Им холодно, их клонит в сон. В сумерках их двоюродный дед продолжает вытягивать псалмы.

> «*Туман, непроницаемый и солоноватый, словно морская вода, залил порт и улицы.*
>
> *Лишь я один еще жив в кругу света под лампой, а подо мной смерзаются в ледяную глыбу неисчислимые безгласные множества.*
>
> *По ком я читаю „Miserere“*?»

Камилла покачала головой. Послезавтра ее арестуют. Вчера Асселен принес дров. Они разожгли огонь. Она предупредила: «Если придете

позавтракать, продукты несите с собой, иначе есть будет нечего!» А он принес и еду, и дрова, чтобы согреться. Милый Асселен! И на сегодня еще остается несколько поленьев! У нее отныне будет лишь две модели: Поль и Асселен.

В конце концов, ей не миновать долговой тюрьмы. Тогда зачем экономить? И потом, ведь нужно закончить большую — почти до потолка — статую. Персей подрастает.

Камилла поворошила дрова, надеясь, что огонь разгорится поярче, и прошлась из угла в угол, разглядывая свои руки с посиневшими ногтями.

«Квартал стригалей с синими зубами».

Это сказано в «Городе» Поля! Он все предвидел! Вот она и узнала этот город Ужаса. Вспомни, Поль: улица Муфтар, кожевники на Бьевре, кварталы, увешанные распятыми, отвратительными мясными тушами — и «Поле Бедняков», и «Бульвар Пустого Брюха»! Ты часами бродил по улицам этого чудовищного Города…

Мало-помалу огонь согрел ее руки. Пальцы уже способны были отозваться на зов скульптора. Еще немного, и можно работать. Камилла сдергивает покрывало, раскутывает фигуру. Постепенно высвобождается лицо, еще пока бесформенное — недозрелое. Белесая куколка. Второй раз она

идет навстречу чудовищу — своему Великану. «Над такими вещами не следует смеяться!»

Вильнев… Старая нянька Виктория. Виктория Брюне! Был вечер в ноябре, когда Камилле едва исполнилось семь лет. В камине горел огонь. Они коротали вечер за разговорами. Старушка колола орехи и негромко рассказывала что-то. «Виктория, дочка егеря, та, что нынче служит у Клоделей… Уж эта таких историй порассказывает — всю ночь зубами от страха стучать будешь!» А девочка слушает, и глаза у нее широко раскрыты — слишком синие, слишком глубокие глаза!

— Жил-был однажды очень несчастный старик. Он горевал, что нет у него сыновей. И тогда он пошел просить богов о милости. У него была одна-единственная дочь, Даная. Ох, как же он просил! Как стонал-умолял! Бедняга Акрисий, не было у него мальчиков…

Камилла мысленно насмехается над беднягой: у него же есть дочка, разве этого недостаточно?

— …И вот Бог ему говорит: «Жди, мольбы твои услышаны. Твоя дочь Даная произведет на свет сына и назовет его Персеем. Однако настанет день, когда Персей убьет тебя!»

Малышка в восторге. Здорово сделано!

— Тогда старый царь испугался. Страшась буду-

щего, он решил не допустить, чтобы пророчество сбылось…

Виктория все говорит и говорит. Маленькая Камилла раскрывает все шире глаза, затененные ресницами, черными, как ночь вокруг.

— …и запер дочку в бронзовой комнате, под землей, очень глубоко… Однако Зевс, главнейший из богов, проник туда через щелочку и пролил на девушку золотой дождь…

Камилла прижмурила глаза, блестящие от искорок отраженного огня.

— Однажды старый царь проходил рядом и вдруг услышал, что в темной комнате плачет младенец. Он бросился туда, сперва убил няньку, которая его предала, а потом решил бросить в море дочку и внука.

Камилла затаила дыхание.

— Он запер их в деревянном сундуке и забросил далеко-далеко…

Камилла ясно представила себе, как были спасены мать и дитя. Их подобрал рыбак, а потом они поселились при дворе Полидекта. До сих пор она помнит, как произносила Виктория непривычно звучащие имена. Весь следующий день напролет девочка твердила их про себя.

— В один прекрасный день Персей, который

вырос и стал красивым молодцем, решил преподнести Полидекту роскошный подарок. И предложил он ему убить трех Горгон. Это были такие чудовища, сестры между собою. Но смертельно опасна была только Медуза. Их шеи были покрыты драконьей чешуей и вообще основательно защищены, руки бронзовые, а крылья золотые. Но главное: взгляд у них был такой пронзительный, такой страшный! На что ни взглянут, все обращалось в камень.

Камилле эти существа представляются все более прекрасными. Она сидит рядом с нянькой, такая маленькая, но в глазах ее бьются крылья трех взлетающих сестер.

— Персей знал, что ему достаточно убить только Медузу, чтобы одержать победу. Запасся он полированным щитом, который блестел на солнце, и пошел на них. На Медузу не глядел, а все-таки видел ее, потому как шел он, высоко подняв голову, держа щит на вытянутой руке. Медуза в нем отражалась, и так он мог следить за ней. От ужаса он отшатнулся: у нее вокруг головы вместо волос шевелятся жуткие змеи. Тут он вспомнил ее историю. Когда-то она была прекрасной девушкой, но Афина, богиня, позавидовала ее чудесным волосам, привлекавшим все взгля-

ды, и превратила ее в ту мерзкую Медузу. Вот змеи вьются, сворачиваются кольцами вокруг ее лица, но герой не сводит глаз со щита и идет вперед! — Понизив голос, Виктория добавила: — Чтобы уж действовать наверняка, он выбрал час, когда Горгона отдыхала. Она заснула, и глаза ее были закрыты.

Камилла возмутилась. Что за герой такой — убивает девушек, когда они спят! Да проснись же, проснись!

— Идет он, идет… — Виктория резко повышает голос. Малышка Камилла кричит: «Проснись, проснись!»

Камилла вздрогнула — и проснулась. Да что это с нею такое? Заснула за работой! Ноги не держат, стоять нет сил. Как холодно нынче ночью! Ее всю трясет, а ведь огонь еще горит. Озноб одолевает ее, но, прикоснувшись ко лбу, она ощущает жар. Неужели заболела? Этого не может, не должно быть! Она еще не завершила работу, не довела до конца движение змей, глаза Медузы и, главное, крылатого коня, золотого коня, вылетающего из перерубленной шеи…

Она покачнулась. Нужно присесть. Посидеть немножко у огня, согреться, и она снова будет в форме. Она почти упала у огня. Это адский огонь

рвется на волю. Влажные руки не слушаются. Там, в огне — ад, и оттуда доносится призыв, и щелканье хлыста, и перестук подков! Закрываются железные врата, золотые змеи извиваются вокруг лица, запачканного красной глиной. Изо всей силы она бьет кулаками в эти огромные врата, бьет, хотя руки ее уже кровоточат. И металл отвечает гулом — раз, и другой, и третий, и четвертый! Она срывается с места и несется, словно необузданная кобылица. Дальше, дальше! Вдруг — откуда? — Асселен, он пытается набросить на нее узду. А она смеется, закусив удила, распрямляется, расправляет сложенные крылья. Но что они все делают тут? Отец протягивает к ней руки. Но у нее нету платья, чтобы пойти на бал. Она улыбается отцу. Он так постарел, поседел… Она шепчет ему на ухо: «Я — как Ослиная Шкура или Золушка, меня поставили выгребать золу из очага, но я даже не могу надеяться на появление феи или очаровательного принца, которые должны были бы превратить мои лохмотья в наряд цвета зари».

И тогда Поль обнимает ее за талию. Она отражается во всех зеркалах. Все смотрят на нее. Она так прекрасна, так хороша! Кто эта таинственная женщина в красном? Камилла видит

себя: она подхватывает рукою нарядное платье, амазонку — оно пылает и шуршит, и шелковые оборки вздрагивают, когда она разворачивает эту массу алого шелка. И публика расступается. Она танцует, она «Gipsy», цыганка! Но отчего все прячут глаза? Ах, опять явился господин Роден! Он разгневан недоброжелательными отзывами прессы. Однако что это у него в руках? Огромный топор! Камилла в испуге, она подбирает с пола зубило, но Роден нападает не на нее. Он рубит голову собственному «Молящемуся Иоанну Крестителю» и хохочет. Камилла прервала танец, но какая ужасная слабость навалилась на нее… Голова идет кругом, сознание мутится…

— Неужели природе пришел конец? Неужели деревья подвергают тщательной отделке?.. Никогда больше не сделать мне ничего цельного…

Случилось это 14 ноября 1905 года. На следующее утро Асселен, который пришел позировать для портрета, застал Камиллу в состоянии неодолимого страха. Она едва согласилась впустить его в дом.

«Она была мрачна, разбита, дрожала от страха и была вооружена палкой от метлы с набитыми на нее гвоздями».

— Сегодня ночью какие-то двое пытались взло-

мать ставни на моем окне, — сказала она ему. — Я их узнала. Это двое итальянцев — натурщиков Родена. Он велел им убить меня. Я его раздражаю, он хочет избавиться от меня!

С этими словами она потеряла сознание, но еще успела увидеть недоверчивое выражение на лице Асселена.

И он тоже! И он, старый друг, не верил ей.

«Пережитые ужасы заставили ее раз и навсегда остаться в оборонительной позиции! Ах, напрасно мы пытались взять ее за руку, обнять ее! Ей причинили слишком много зла. Она не желала допустить новые обиды. Вы, те, кто старался всеми силами защититься от уязвленной совести, не узнаете ли вы себя в этом образе?

Да и сам я разве не видал порою в зеркале этого панического выражения на собственном лице?»

Поль Клодель, «Господи, научи нас молиться»

Она бьет в ворота кулаками. Ей остаются только врата преисподней — огненные врата.

«Я хотел бы просить вас проследить за тем, чтобы мадемуазель Клодель получала необходимые успокоительные средства до тех пор, пока не вырвется (sic!) из этого ада… Я обратился к вам, поскольку вы, как и я сам, являетесь ее почитателем»[14].

На пороге этих устрашающих ворот воздвига-

---

[14] Примечания: 14
Письмо Родена к Морхардту, 28 мая 1914 г.

ется жуткая фигура Камиллы. Лицо ее полностью скрыто маской. Она любуется белыми змеями, венчающими ее.

«— Аполлон! Аполлон! Бог-привратник! Мой Аполлон, владыка смерти! Аполлончик! Ты потерял меня. Для чего мне эти шутовские украшения, для чего жезл и повязки пророческие? Идите и будьте прокляты! Такова будет моя благодарность вам!

Быть может, смерть — это ценный дар, но лучше бы ты поднес мне что-то другое!»

Сколько раз вспоминал я эти жуткие строки, рассматривая изображение моей бедной сестры Камиллы…

Ей остается еще возможность убивать. Красивая, стройная девушка с великолепными темно-синими глазами в ожесточении берется за резец. Скульптура Персея разлетается под яростными ударами.

«В последних строках трагедии к нам обращается лик, способный даже самый ужас обратить в камень, лик Горгоны; сестра в конце своей сознательной жизни увидела его отражение в щите Персея»[15].

---

[15] Примечания: 15
Поль Клодель, «Рассуждение о Жане Расине».

Все готово. Боги могут вмешаться. Женщина идет к ним навстречу, лишенная памяти о прошлом, лишенная будущего. Врата раскрываются. Облик женщины преображается в последней вспышке пламени. Новых скульптур больше не будет.

Кто осмелился бы заказать ей «Врата ада»? А она ждала этого с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет.

Живописный магазин

«Ради чего же мне было творить стольких истуканов,
Ежели нынче жизнь моя худо сложилась?
Тот, кто когда-то моря переплыл невредимо,
Нынче может и в малом плевке утонуть.
Было славно искусство мое, но меня почитали так долго
Лишь затем, чтобы ныне я стал неимущим и нищим, и принужден был служить, как работник бесправный…
Жив я еще, но давно уже конченным стал».

Микельанджело, 1546 г.

«Я был уверен, что произведения моей сестры вам понравятся. Бедная девочка больна, и я опасаюсь, что проживет она недолго…

Несмотря на всю одаренность, жизнь принесла Камилле столько забот и тягот, что в продлении своих дней она не видит смысла…»

Поль Клодель, 15 ноября.

Камилла подняла голову:

— С 4 по 16 декабря? — Она попыталась приподняться. — Я хочу туда пойти!

Эжен Бло пообещал устроить большую ретроспективную выставку всех ее работ. Их будет тринадцать. Камилла рассматривает макет плаката, который он ей принес. Она лежит в постели, руки у нее еще дрожат, лицо бледно и изможденно.

БОЛЬШАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
КАМИЛЛЫ КЛОДЕЛЬ
В ГАЛЕРЕЕ ЭЖЕНА БЛО
БУЛЬВАР МАДЛЕН, 5
С 4 ПО 16 ДЕКАБРЯ 1905

Она откинулась на подушку, улыбаясь, словно маленькая девочка, которой пообещали сделать чудесный, давно ожидаемый подарок. Но в глубине души у нее что-то оборвалось, погасло.

Ее одели, помогли подняться. Собрались все: и немногие друзья, и брат. Мелани подала ей

одежду. Эжену Бло пришлось подыскать туалет, подходящий для этой большой Выставки. В качестве консультантки привлекли госпожу Морхардт. Но Камилла представляла себе давнюю мечту — чудесное платье цвета огня. Никогда, никогда у нее не будет такого! Только зонтик, а на что он годится сам по себе?

Тихим голосом она распорядилась, чтобы ЕГО не допустили, не допустили на выставку. Ах нет, это было бы слишком просто. Нужно было бы прийти пораньше. Не сейчас, только не сейчас. Вообще не пойти…

Сегодня она возьмет красивый красный зонтик.

Камилла отталкивает руки, готовые помогать, осматривает себя. На ней темно-синее платье.

— Вы помните мое последнее письмо? — говорит она Асселену. — «Я — как Ослиная Шкура или Золушка, меня поставили выгребать золу из очага, но я даже не могу надеяться на появление феи или очаровательного принца, которые должны были бы превратить мою шкуру или присыпанные пеплом лохмотья в наряд цвета зари…» Благодарю вас. Оказывается, принцы изредка появляются. Вскоре я познакомлюсь с ними!

Потом она повернулась к Полю и шепнула ему

на ухо:

— Как бы мне хотелось показаться тебе хоть разок в шикарном туалете! Во всем красном!

Камилла принимается обильно пудрить лицо, шею — кожа ее чуть-чуть увяла. Пудры слишком много, она сыплется на платье, теперь придется чистить его щеткой. Камилла тихонько рассмеялась:

— Неловко вышло! Я никогда не умела как следует одеваться…

Она всегда жила, как мальчик, общалась только с мужчинами.

— Что ты сказал, Поль? Ах, да! Женскими хитростями я никогда не владела. Да, Поль, только скульптура!

Голос ее звучал хрипло, казалось, будто груда камней перекатывается у нее в горле. Поль пожал плечами. Сестра продолжала говорить. Все слушали сидя. Асселен, наклонившись, помогал ей натянуть высокие ботинки. «Она больна, совершенно больна!» Камилла не хочет надевать ботинки, она привередничает, болтает ногами под носом у бедняги Асселена.

— Правая или левая? Добрая или злая? Скромная или распутная?

Асселен отбросил правый ботинок, берется

снова за левый, меняет их еще раз. Он не осмеливается придержать лодыжки, мелькающие у него под носом.

— Господин Асселен не сумеет, не сумеет…

Отец должен быть там! Он приехал издалека, чтобы побывать на этой выставке. Она счастлива свидеться с ним. Для его возраста это была долгая поездка. Ему семьдесят девять лет. Она беспокоится: «Ты уверен, что папа перенесет дорогу? Я так хочу повидаться с ним!» Поль заверяет, что все будет в порядке.

— Да посидите же спокойно, мадемуазель Флобель, этак я вас вовек не причешу!

Бедная Мелани! Ей так же трудно правильно произнести фамилию «Клодель», как ее щетке справиться с шевелюрой Камиллы. Пряди скользят, рассыпаются, закручиваются вокруг пальцев, стоит только зазеваться. Мелани впадает в уныние.

— В жизни не видала ничего подобного! И лицо ваше тоже… Ну хоть малость краски добавьте!

Камилла взяла баночку с румянами, протянутую ей Мелани. Она окунает палец в румяна, облизывает его, выпучив глаза, снова набирает румян и мажет нос Асселена, который все еще трудится над ее ботинками. Он поднимает на

нее взгляд, но не сердится. Никто не реагирует на эту выходку. Эжен Бло думает, что они опаздывают на выставку. Ну и пусть! Эту выставку организовали специально для нее. Ей осталось жить так мало! Бедная женщина, ведь она еще молода! Полю неловко. Ему холодно, он вспоминает о той, которая оставила его одного в Китае, о которой у него давно уже нет известий. Ей тоже были свойственны грубые выходки, приступы лихорадки, неудержимого смеха. Их отсутствие, их присутствие — одинаково невыносимо!

«Ками-и-и-илла!» Перевернут все в вашей душе вверх дном, но не забудут помахать вам чистым носовым платочком.

Но что здесь происходит? Камилла встала на ноги. В чем дело? Ей дали несколько мгновений на шалости, дерзости, красивое платье, ботинки, прическа, румяна на носу Асселена… Ей все позволяют, со всем согласны. А Бло даже не осмеливается поторопить ее, вопреки обыкновению. Они опаздывают, а он ничего не говорит. Так вот в чем дело… Поль, а если бы я тут вздумала все перевернуть вверх дном, вы и тогда бы не возмущались? И не стали бы ни сердиться, ни смеяться?

Она все поняла. Она скоро умрет, и окружа-

ющие в этом уверены. Нужно было устроить выставку с 4 по 16 декабря 1905 года, поскорее, пока она…

Камилла ничего не сказала, только взяла носовой платок и прижала к сердцу. Они не забыли даже купить ей вышитый носовой платок! Вспоминаются вышивки, которые Луиза бросала на кровати в Васси.

— Теперь я буду очень-очень благоразумной, просто пай-девочкой. Пожалуйста, зашнуруйте мне ботинки, господин Асселен, я постою тихо, даже не пошевельнусь!

Она оперлась о стол и умолкла. Маленький скворец, кончена твоя история.

Перчатки. Капор. Накидка. Ее укутывают. На улице уже фыркают лошади. Она молчит — она унеслась далеко…

«Я помню все: и зиму, и праздники,

Семейный круг, часы веселья, часы траура…»

Лошади идут шагом. Они везут умирающую принцессу. Шагом, шагом. Поль сидит напротив сестры. Она исчезла на несколько минут из этой жизни. Последняя жалоба дочери короля…

«…все времена, все страны

и наряды мои в кипарисовом сундуке».

Лейтмотив гремит в ее голове. Упряжка идет шагом. Она позволяет им увезти себя. Кучер придерживает лошадей, они движутся осторожно. Камилле вспоминается темп похоронной процессии; мимо проходит катафалк, и никто не обращает на него внимания. «Она была художницей, довольно одаренной…»

— Поль, почитай мне то, что ты недавно написал в Вильневе. Мне так этого хочется… Расскажи, как ты…

Ей трудно говорить. Ее душат слезы, мешает стук копыт, сказывается переутомление.

— А какое будет название? Знаешь, мне нравятся названия, которые ты даешь… «Золотая голова», «Скупой», «Леши Элбернон». Леши, Лаки-счастливчик, Лаки…

— Я назову это «Раздел полудня». Я использовал там конец того отрывка, ты помнишь — «Преждевременная смерть»… — Он смущенно осекся. Она помнит: ему было двадцать лет, и он не хотел, чтобы она читала, разорвал листок…

«Какими дорогами — долгими, трудными, подземными,

Какими дорогами — долгими, труд-

ными

и очень далекими,

Движемся мы, отягощая друг друга,

когда заставляем наши души трудиться?»

Экипаж резко остановился возле уличного фонаря.

«Большая выставка Камиллы Клодель». Камилла читает афишу у входа: слова «ретроспектива» там нет. А ей так нравилось это слово, оно как будто означало возвращение в прошлое. Но эти люди не рискнули обратить время вспять. Можно двигаться вперед, можно назад. Как там называется это новое изобретение? Она читала об этом в газетах. «Живописный магазин»… нет, не то! «Кино»… ах, да, это длинное слово: кинематограф. Там все движется. Она прочла статью с увлечением.

— Простите, я забыла… Отвыкла немного, — Камилла улыбнулась. Нужно снять капор и накидку. Накидка засыпана снегом. Оказывается, на улице идет снег. Теперь перчатки. Кто-то уносит ее одежду. Ей сразу становится холодно.

Значит, кинематограф. Найден способ запечатлевать движение. Вот чем завершились ее

бесконечные дискуссии с Роденом поздними вечерами в Кло-Пайен!

«Маршал Ней» работы Рюда. В нем кроется тайна жеста, воссозданного художником. Присмотритесь: отдельные части статуи, связанные воедино, передают последовательность моментов. Так создается иллюзия реального движения.

— А фотография?

— Фотографии, изображающие людей в движении? Но они всегда выглядят неподвижными. Как будто люди застыли на одной ноге или вдруг охромели…

— А три акта «Отплытия на Цитеру»? Помнишь…

Нет, она ничего не помнит.

— Ками-и-лла! Друзья тебя ждут!

«Живописный магазин» великолепен. Эжен Бло уводит ее. Начинается неизбежная и раздражающая церемония: «Господин Роже Маркс? Очень приятно!» — «О да, это ваш друг. Здравствуйте!» — «А вы… о, простите, ничего… Вы здесь! Не стоило вам беспокоиться!» — «Как-как? Ну конечно, я слышала о вас, господин…» «Да, я вижу. Ваша подруга. Ей нравится скульптура, верно?» — «О нет, не угадали. Да-да, она сама художница. Трудно ли? О нет, знаете ли, когда

любишь…» — «Господин Мирбо! Я хотела бы поговорить с вами где-нибудь в спокойном уголке. Что? О, сударь…» Кто это может быть? «Ехали из такой дали? Стоило ли тратить силы?»

Отец? Где отец? Она ищет его взглядом. А Поль, он-то где? Он должен знать про отца…

— Весьма польщена, госпожа графиня.

— Она поэтесса…

Эжен Бло ликует. Никогда еще у него не было такого стечения публики. Он наверняка многое продаст. Хорошая идея пришла ему в голову с этой выставкой!

— Женщина-художница. Нет, есть и другие. А вы пишете? Это тоже трудно?

— Что-что? Ах, да, Матиас Морхардт. Да, я его приму. Он один?

— О, господин Фенайль, как вас отблагодарить за все это…

На мадам Фенайль шелковое платье — узкое, облегающее.

(«Камилла, не разглядывай людей в упор. Это невежливо! Но, мама, посмотри, какое платье!»)

— Это уродливо, вы не находите? Как она может в таком ходить? Она похожа на японку, правда?

Мадам де Фрюмери поджимает губы. Она похожа на старый финик, позабытый прошлым летом

в буфете.

— Кажется, это работа нового кутюрье, как там его — Пуаре? Что за имя!

Камилла не прислушивается. Камилла не отвечает: на мадам Фенайль красивое красное платье. Невероятно! У мадам Фенайль есть такое платье. Красивое. Красное.

— Вы быстро утомляетесь. Выпейте чего-нибудь.

Прямо как в цирке! Там за артистами вот так же ухаживают. Не хватает лишь финального прыжка.

— О нет, не стоило затевать. Честное слово, не стоило. Вы их все уже знаете. Поймите, я не сделала ничего нового!

Она еще не видела своих работ, только заметила мельком в просвете между двумя фраками, тремя платьями и чьей-то шляпой.

Тринадцать статуй. Ага, вон там — кусочек «Умоляющей»! Нет, опять ничего не видно. А как же остальные? Если так пойдет и дальше, она поступит как все — купит каталог «Тринадцать скульптур».

— Дорогой Камиль Моклер, спасибо вам за вашу статью…

— Ох, Габриэль, Габриэль Реваль, знакомьтесь

— Камиль Моклер. О да, разумеется, вы знакомы. Я такая рассеянная… Я говорила, что…

Она переходит от одного к другому. Ах, вот и «Зрелый возраст»! Она все еще стоит на коленях.

— А, вы здесь, господин Морис! — его высокая и худая фигура всегда напоминала ей отца.

Отец вряд ли приедет. Что с ним могло случиться? Шарль Морис, дорогуша, здесь, со всеми его порывами, громами и молниями, отказами. Женщины и мужчины, все здесь.

Камилла поискала глазами Октава Мирбо. Ей хотелось немного посидеть и поболтать с ним. Ей нравится его взгляд на вещи. Порой он бывает суров, подарков не преподносит. Вот он, стоит поодаль, с графиней де Ноайль; усы его морщит улыбка. На мгновение его глаза останавливаются на Камилле. Она читает взгляд: «Не сравнивай себя с нею. Внимание! У графини есть деньги. У тебя — нет».

Две женщины-художницы! Но одни вверху, другие — внизу. Кто-то наступил ей на ногу. Теперь она хромает, бедняжка, колченожка. Нога действительно болит. При Родене ее это никогда не беспокоило. Нет, о нем думать нельзя. Вот Морхардт, она еще с ним не виделась. Франсис Жамм машет руками поверх дамской шляпы

— и какой шляпы! «Шпильки колются, перья топорщатся, кружева волнуются!» Господин Жамм отчаянно пытается исполнить танец-пантомиму вокруг этого натюрморта. Камилла не понимает его. Тогда он прибегает к более сложной тактике: заставить толстую даму повернуться, столкнувшись с нею. Метод поворотной двери, знаете? Она углубляется в толпу, нажимает. Но мастодонт крепко вцепился в жертву:

— Ах, господин Жамм, как я рада! А что, разве?..

Камилла улыбается ему. Он приветливо склоняется к натюрморту — «перья, плоды»... Ей нравится, с каким вниманием он относится ко всему живому. Всегда внимателен, всегда готов слушать... Мало кто умеет слушать всегда, что бы ни случилось...

— Я восхищен тем, как воплощены эти чудесные мотивы потаенных снов, одушевленные гением вашей сестры!

Милый Франсис! Милый Поль! Они пытались оградить ее от Родена. А Роден готовится к новой атаке. Не думать о нем! Поль нанес ему жестокий удар, опубликовав свою статью: «...карнавал ляжек... нижние фигуры как будто выдергивают зубами свеклу из грядки». Весомый удар. Поль

умеет писать. У него такие выпуклые образы. Многие смеялись, перечитывая статью: «Господин Роден нацелился задом на возвышенные звезды»!

Люди смеялись, а у нее ныло сердце. Не против него направляла она свои попытки самоутвердиться. Она не хотела зла ему, учителю. Но зачем он ополчился против ее большого «Персея»? Зачем оставил у себя мраморную «Клото», когда они с Морхардтом недоумевали, почему она до сих пор не поступила в Люксембургский музей? Что стоит за этим? Некий призыв к ней? Но между ними теперь возможна лишь неумолимая ненависть. Он — знаменит, захвален, окружен женщинами. Она — умирает. Кто сможет сказать, кому досталась лучшая участь? Камилла уже не могла сама дать ответ. Милый Франсис! Он понял суть их отчаянного противостояния. «Удары побежденного боли не причиняют». Господину Родену предстояло жить, Камилле — агонизировать.

— Милый Франсис! Когда вы стояли позади той дамы, весь в перьях, казалось, будто вы — настоящий мушкетер!

— Камилла, приехал ваш отец. Один, без этой дамы. У него нет…

Недослушав, она бросилась наперерез через толпу. Приехал старик семидесяти девяти лет, приехал ее отец.

Луи-Проспер сидел у входа, покуривая сигару. Глаза его сияли, в морщинах на лице залегли синие тени. Погруженный в мечты, он ждал, когда появится дочь. Ему вспоминался Вильнев, разговор на рассвете, — взвинченная, плачущая девочка-подросток с гривой непослушных волос. И снова он прижимает ее к груди — здесь и теперь. Франсис оставил их одних. Старик в отставке, он держится немного отстраненно, высокий лоб, а полупрозрачные руки — как цветок, источающий аромат гордости.

Высокий силуэт постепенно тает в белой дымке. Слова так и не были произнесены. Он берет шляпу, трость, пальто. Сутулится сильнее, чем прежде. Он не захотел, чтобы дочь его провожала, — из целомудренной сдержанности. Папа, обернись! Обернись еще раз! Они даже не поцеловались на прощанье. На улице валит снег. Кто-то придерживает дверь. Папа! Сколько было ссор и споров… Мы — два корабля, захваченных одной и той же бурей! Погоди, помедли еще немного! У входа останавливается темный экипаж. Лошади — будто из погребальной процессии. Из ноздрей

валит пар. Отец зажигает очередную сигару. Он — мужчина, но старость одолевает его. Две головы, склоненные друг к другу. Потрескивание дров в очаге. Отец садится в экипаж. Он уезжает. Лошади трогаются с места, щелкает бич. Снег валит все гуще. Камилла не успела сказать отцу, что любит его. Он помахал рукой — это знак прощания? Нет, он просто стряхнул пепел с сигары. Эту руку она запечатлеет в памяти. Серая, серебристая, в пятнышках, белая. Сверкающие искорки снега. Все остальное черно.

— Вы простудитесь! — Франсис окликнул ее. Что она делает там, на тротуаре? — Пойдемте же!

Франсис подал ей руку. Камилла вспомнила Клода Дебюсси и вальс под снегом. Она постоянно смешивает их друг с другом. Прошлым летом Поль представил ей молодого поэта, с которым он путешествовал по Пиренеям. А потом Франсис обратился в католическую веру. Поль и Франсис — зрелые мужи, обоим по тридцать семь, но оба утратили почву под ногами — в одно и то же время, по одной и той же причине. По вине женщины, из-за женщины. Господи, а этим летом был Ортез!

— Дела идут неважно.

Франсис пожимает ей руку. Она забыла обо всем.

«Большой Живописный магазин». Она больше не хочет поддерживать их болтовню. Она даже видеть их не хотела, ждала только отца. Сказался ли ночной холод, а может, выпитое шампанское? Она пила — слишком много пила, может, два бокала, а может, и десять. Кто-то наливал, она выпивала, вот и все. Ее скулы залил густой румянец. Мелани была бы довольна. Она говорила, что зайдет поглядеть на камушки мадемуазель Флобель. Франсис сжал ее пальцы. Жизнь перевернулась вверх дном. Камилла, твой выход! «Бац, бац!» — марионетка. Большой зал, где слишком натоплено, руки их разъединились. Яванские куклы. Колыхание теней. Танец начинается…

Позор! Пощечины! Примирение.

Она выносила их достаточно долго. Аньес де Фрюмери, «скульпторша» или «скульпторка» с ее пятью статуэтками болтливых кумушек! Вон она там расхаживает важно, как пава.

Анри Кошен! Епископ Коншон! Это было нетрудно, она знала. Раскупорить бутылку шампанского. «Пью за талант мадемуазель Клодель!» — «А я — за ваш, Кошен. Господина Родена здесь нет, зато подражателей я вижу сколько угодно!»

На что ей жаловаться? Ведь она была главной одалиской в гареме мэтра! Фавориткой! А Анри Марсель сказал: «Ее Персей — рахитичный герой, а сама она типичная вульгарная мегера».

«Посмотри-ка, какой красавчик попугай! — Камилла останавливается рядом с ним. — Старый облезлый ирокез, посмотрел бы ты на себя! Просто метла с длинной ручкой. Годится только мусор мести. Ну, продолжайте же…»

— Я тебе об этом говорил. — Рослая фурия делает оборот. Анри Марсель наконец-то увенчан. Суета сует…

— А вы как думаете, дорогой Ромен Роллан, что такое красота? Женщина, которая на коленях умоляет, чтобы ее не покинули? Мое сердце, униженное, окаменевшее навеки? Я была нагой, господин Роллан, нагой, и стояла на коленях.

— Вам не понравился «Зрелый возраст» — вы в своем праве. Но избавьте нас от слишком легких суждений! Некоторая доля достоинства вам самому также не помешала бы, раз уж вы пишете критические статьи. «Слишком отчетливо ощущается привкус карикатуры на гений Родена». Вы метко стреляете, господин Роллан. В упор.

Она подошла к нему, посмотрела ему в лицо ясными глазами и сказала это. В упор.

Эжен Бло уже спешит ее увести. «Не нужно скандала!» Он прав. Это — его выставка. Его вечеринка. Вы рассчитываете что-то продать, не так ли, господин Бло? Я — лишь бесплатное приложение. Вы со мною полностью расплатились, даже вдвойне, правда?

Господину Бло становится страшно. Щеки ее пылают, в глазах металлический блеск, лицо бескровное. К счастью, Жамм придерживает ее, а сейчас еще и Поль придет.

Вдруг окружающие исчезли из виду. Вокруг — не меховые одежды, а шкуры, это звери гогочут вокруг, наваливаются на плечи, изгибают шеи, трутся о лодыжки. Пушнина бомонда! Съедена, изгрызена, изъедена молью.

Господин Бло не успел ее удержать. Камилла кричит:

— Приглашаю всех ко мне в мастерскую! Завершим вечер там. У меня есть шампанское! — Она обернулась к издателю: — Как раз перед выходом я попросила Мелани, чтобы купила выпивку. Вы ведь сами выдали мне аванс, помните? Специально для моей выставки. Нужно это отпраздновать. Я вас жду!

Перчатки, капор, накидка! Франсис поддерживает ее. Она вырывается: разве не может она идти

сама? Эжен Бло провожает ее до экипажа. Метель усилилась.

— Передайте Полю, чтобы подъехал ко мне. Сейчас он провожает отца.

Папа уехал! Камилла вздыхает.

Мужчинам холодно. Лошади ждут, метель засыпает их. Кучер, закутанный до самых глаз, уже ничем не напоминает человеческое существо. Камилла вслух, громко перечитывает текст афиши:

— «Большая выставка Камиллы Клодель. С 4 по 16 декабря 1905».

Эжен Бло удовлетворен. Хорошая была идея.

— Вы счастливы?

Камилла сосредоточенно смотрит на утоптанный снег у себя под ногами.

— Слишком поздно, господин Бло.

Письмо из лечебницы

«*...Мне не место среди всего этого, мне следует избегать общества; проведя в этих условиях четырнадцать лет, я громко кричу, требуя свободы...*»

«Если б еще у тебя был полный комплект ног!
Вы получите меня по сходной цене.
Разве его вправду нельзя продать?
Он ведь продается, правда?»

Поль Клодель, «Атласный башмачок»

«Я охотно накупила бы себе красивых шляпок и платьев, которые подчеркнули бы мои природные свойства. Но это злосчастное искусство служит скорее старикашкам и уродливым образинам, чем женщине, относительно щедро одаренной от природы…»[16]

Здесь не было больше ни наград, ни бюстов, которые нужно спешно изготовлять, ни великих личностей, ни званых обедов.

«Я отправляюсь на свою земную родину,

К тем, кто принадлежит к тому же племени, что и я,

К братьям, укрытым в глубокой ночи…

---

[16] Примечания: 16
Письмо Камиллы Клодель.

— Те, кто призывает тебя — безумцы…»[17]

Большое цирковое представление окончено. Ей даже не продали орден Почетного легиона. Да и не предложили бы, даже будь у нее деньги!

Камилла — в лечебнице Мондеверг. Здесь не бывает наград. Только номера по списку.

[17] Примечания: 17
Поль Клодель, «Жесткий хлеб».

«Что-то неистребимо детское…»

«Камилла любила показываться в весьма экстравагантных нарядах, и особенно любила головные уборы из разноцветных перьев и лент. Потому что этой гениальной художнице была свойственна некоторая чрезмерность, что-то неистребимо детское…»

Анри Асселен

В двух комнатах на набережной Бурбон толпятся гости, дым стоит столбом. Анри Асселен пытается разглядеть Камиллу сквозь табачный туман. Он примостился на уголке дивана — точнее, это нечто вроде старых козел, готовых подломиться, и вспоротый матрас, все внутренности наружу. Господина Асселена донимает дрожь, сердце его надрывается, но он останется до конца. Он ничем не поможет Камилле, но будет присутствовать до конца. Это все, что он может.

Этой ночью весна затеяла пляску в неукротимом ритме шампанского. Асселен, прижатый к растерзанной кровати, рассматривает кусок старого мрамора, оказавшийся у него прямо

перед глазами. Как-то раз Камилла погладила этот камень и пробормотала нежно: «Бедный старый мрамор! Знаете, Асселен, он такой же, как я, — унылый…»

Она объяснила ему, что мрамор бывает «звонкий» и «унылый». Если ударить инструментом по «звонкому», он звонко и отзовется, а «унылый» отвечает глухо: просто «пуф-пуф»! Это значит, что камень скоро расколется. Камилла пожала плечами — еще такими красивыми: «Они внутри гнилые, ясно?»

В ногах кровати она нагромоздила кучу старых камней, подобранных там и сям. Господин Асселен рассматривает эту кучу и вспоминает…

В одну из таких же ночей он засиделся у нее с компанией до зари. Растрепанная, одетая в старую рабочую блузу, Камилла сказала:

— Асселен, вы готовы идти до конца, правда? Тогда пойдемте со мной!

Она привела его к заброшенным городским укреплениям. Низко склонившись к земле, она рассматривала разбитые камни и плакала. Он подумал: словно старая женщина на кладбище ищет могилу ребенка… Среди мусорных куч, ранней весною, в тусклом свете ненастной зари брела она, и глаза ее были обведены черными

кругами, а он молча следовал за нею, потрясенный этим видением старости.

Она шла, не останавливаясь, переваливаясь с ноги на ногу, все быстрее и быстрее. Он поспевал за нею с трудом. Ни слова не было произнесено. Просто безмолвная прогулка по старым укреплениям Парижа. Потом она повернула домой, так ничего и не объяснив. Несколько гостей еще оставалось: какие-то оборванцы дремали прямо на полу. Она даже не взглянула на них.

— До завтра, господин Асселен. Я возьмусь за ваш бюст — его пора кончать.

Началось это со дня выставки у Бло. К ней приходили люди: друзья, поэты, журналисты, светские женщины. С тех пор праздник не прекращался. Асселен был там в тот первый вечер. Шампанское лилось рекой — «угощение, достойное шестого округа». Он удивлялся, как ей это удается. Бло одолжил ей денег. Мелани прислуживала. Потом она укрылась за занавеской — видны были только ее толстые ноги. Дамы высказали возмущение. Нужно было уходить. «Как же так! Мы не были знакомы со всеми здесь присутствующими!» Гости чувствовали себя неловко, проверяли, все ли цело в карманах. Кое-кто потуже застегивал сумочки.

— Поглядите, руки их полны тарарама, а шеи гнутся под тяжестью гдетотама…

Камилла явилась из табачного тумана. Никогда Асселен не забудет того, что увидел в эти минуты.

В одной руке Камилла держала, как на дрожащем подносе, синее платье, капор, перчатки и даже ботинки — те самые, которые он шнуровал несколько часов назад. Другой рукой Камилла опиралась на плечо мужчины — нет, скорее на отрепья рода человеческого, бородатого бродягу, в коросте, колченогого. Она обрела в тот миг облик царицы вольсков, той, которую так хорошо описал Виргилий. Но не было у нее ни золотого лука, ни тигриной шкуры, наброшенной на плечи, ни копья, посвященного Диане; варварская тварь заставила их замереть и осыпала невнятными, нечленораздельными насмешками.

В мертвой тишине люди расступались перед нею. Медленно приблизилась она к Эжену Бло, опустилась на колени и подала ему сложенную стопкой одежду. Даже носовой платок, кое-как разглаженный, лежал сверху. Асселен едва сдержался, чтобы не закричать, — как и все, кто был там. А Поль… Какое лицо было у Поля! Он вжался в стену и словно окаменел. Асселен и этого не

забудет. Только Франсис Жамм нашел в себе силы подойти к Камилле, помог подняться на ноги, погладил по щеке — он вслушивался в ее душу, безмолвно рвущуюся на части.

В ту ночь она услышала улюлюканье охотников.

Это было 4 декабря 1905 года.

Асселен и Мирбо поняли смысл ее жеста. Она вернула издателю купленную для нее одежду; теперь — в ад или в монастырь. Отныне она будет действовать быстро. Она взбодрила огонь, чтобы сжечь свою душу, кусок за куском.

Они пришли к ней снова, обжоры, шуты.

— Господин Мирбо, что же вы ничего не съели? И Асселен тоже! Нехорошо. Вы оба — мои верные слуги, мои милые мошенники, — к ее смеху примешивается рыдание. Она опустила голову на плечо писателя. Руки, обнимающие худую шею, дрожат. Думает ли кто-нибудь о ней на самом деле? Разве что нищие, которых она подбирает на улицах, за несколько часов до вечеринки, когда бродит во власти видений по улицам города?

— Мирбо, вы помните тот обед? Я никогда вам не говорила… Мы обедали вдвоем. Я должна была уступить вам. Бедняжка Мирбо! Видите, вы успели вовремя спастись. Вся беда в том, что

тогда вы писали статьи обо мне. А я не сплю с художественными критиками. — Ее синие глаза глянули на него в упор. — Жаль. Я могла бы…

Она ушла, потом появилась снова.

— Быть может… — Она слегка коснулась его губ. — Я вас уважаю. Это еще усложняет дело…

Легкое дуновение: неужели она его поцеловала? Что она хотела этим сказать?

Он первый употребил слово «гений», когда писал о ней. Побывав на выставке в Салоне 12 мая 1895 года, он внезапно обнаружил уникальное явление, нечто, противоречащее законам природы: «Сплетницы» — творение гениальной женщины! Он захотел познакомиться с нею. Пару раз встречал ее вместе с Мэтром, потом пригласил ее одну на обед. Ведь все говорили, что они с Роденом расстались!

«Противоречие законам природы»! Да, он так написал. И вот до чего она дошла. Баснословная нищенка! Пустые глаза, демонстрация нищеты порядочным людям, транжирство той «скромной суммы, которую с трудом удалось для нее собрать»!

— Дорогой мой господин Бло, она все поняла. Милостыни она не желает. Это слишком просто. Три мастерских, павильон в Альма, серьезные

заказы — это пожалуйста, это она примет. Но не благотворительность. Она все еще заслуживает, чтобы к ней относились с уважением!

Мирбо стоит, прислонившись к стене, не шевелясь. Никто не знает, а он вот только сейчас понял, почему написал ту свою статью десять лет назад!

Она противостоит обществу, она анархична. Ее могут арестовать в любой момент. Уже давно он ожидает каких-то неприятностей, не зная точно, чего опасаться.

Камилла Клодель гениальна. Он осмелился сказать это. «Наравне с Роденом». Мирбо прикрывает рукою глаза, но ясно видит новые строки: «Господин Роден лишь будоражит общество, Камилла — взрывает его устои. В ней есть революционный заряд, и…»

— Извините меня, дорогой Мирбо, но я весьма обеспокоен. Камилла только что выбежала из дому! Одна, ночью, и гроза надвигается…

— Ничего не поделаешь, дорогой Асселен. Нужно позволить ей свободно пройти весь путь до конца. Если мы ее любим… Знаете ли вы, Анри, что такое гений? Это — божественный дар, и в античности место ему было в жизни каждого. Мы нуждаемся в ней больше, чем она — в нас, Анри.

Мирбо обвел взглядом эскизы, макеты, завернутые во влажные тряпки, бюст Асселена. Завтра все это исчезнет. Каждый год весною ее мастерская внезапно пустеет. Продает ли она свои работы? Этого не знает никто.

Страсти

«Ни живопись, ни скульптура не утоляют более жара души, обратившейся к божественной любви, которая с креста распахивает руки нам навстречу».

Микеланджело

Для Камиллы наступила последняя ночь.

Ей исполнилось сорок лет. 1905, 1906… Сорок два года, сорок три года, сорок пять. Она удирает. Небо исходит слезами. Дорога несется вскачь, зигзагами. Это безумие? Она обегает улицы, кружит и петляет. Сознание распадается. 27 ноября Камилла убежала из дому в четыре часа утра. 1909–1910–1911. Никто не знает, где она находится. Я бегу, мне душно. Я ослепла, город запечатлен лишь в моей памяти. Это мои шаги? Куда идет эта женщина? Остановка. Она опускается на серый камень ограды. Это моя нога, она кровоточит. У меня не хватает дыхания, но я мчусь вперед. Горло перехватило. За что мне эти страдания? Нет больше сил терпеть. Ноет сердце, мое сердце. Господин Роден! Тротуар, свинцово-серая мостовая. Камилла сидит и зовет кого-то. Грозы, огненные

ночи! Она отверженная!

А я? Разве я не любила?

Разве нельзя и мне излить свои жалобы?

Дождевая вода течет потоком. Вокруг ее туфли вода бурлит. «Маленькая фея вод». 1890 год. «Ты это помнишь, господин Роден?» Она взбивает грязную воду.

Она замечает чьи-то штаны, ноги. Человек дрожит. Ему тоже холодно. Зачем они торчат здесь вдвоем под мерзким дождем? Вчера вечером… или нет, в прошлом году… В особняке Бирон освещено окно. Она сбежала — хочет еще раз увидеть его. Он теперь живет в Париже, на улице Варенн. Высокий портал. Нужно пробраться с заднего двора. Вскарабкаться, обходя светильники. Вокруг ледяная ночь. Она подглядывает. Играет фонограф, звучит пронзительная музыка. Роден стоит к ней спиной, если бы не стекло, она могла бы дотронуться до него. Он что-то рисует, но рука его дрожит. Это было в 1910? Он еще не стар. Камилла входит, чтобы взять его за руку, согреть, как бывало прежде… Но из глубины комнаты возникает старуха, машущая руками: она напудрена, волосы выкрашены перекисью,

на худых запястьях позвякивают драгоценности.

— Посмотрите-ка! Вы, сударыня — настоящая маленькая вакханка!

Это кошмар. Камилла, окаменевшая от ужаса, замечает ее, и Роже Маркса, и Шарля Мориса. Но что они все тут делают? Камилла едва сдерживается. Ей хочется выть.

Господин Роден ставит пластинку. Камилла улавливает скрежет. Бум! Бум! Откуда-то взялась свеча. Камилла раздевается и пускается в танец. Учитель кричит: «Чудесная моя подружка, как пламя, побеждает все!» А другая бормочет, заикаясь: «Я — воплощение твоей сестры Марии!»

— Все, что есть святого в жестах любви, мадемуазель Клодель вложила в свое чудесное создание, «Шакунталу». Шарль, ты писал это — так смотри же и слушай, что сделали со мною!

Камилла упала. Слишком велика тяжесть у нее на сердце. Она успела еще увидеть, как поднялся Шарль Морис. Шарль так похож на отца! Он покидает комнату, и Роден топает ногами: «Убирайтесь все! Нам с герцогиней вы не нужны!!»

Камилла соскользнула на землю. Голова ее коснулась стекла с тонким хрустальным звоном. Господин Роден вскочил, его увядшее лицо прижалось к стеклу. Ему плохо. Ночь пуста, как

вечность. Даже ад приобрел привкус пепла с тех пор, как Камилла ушла.

— Гоните людей, которым ничего от вас не нужно, кроме денег. Будьте начеку. В парке бродят ревнивицы, жаждущие вашей смерти.

Родена оттащили в глубь комнаты. Открылась дверь, вышли гости — один за другим, в полном молчании.

Все тот же голос скрежещет в последний раз:

— Бесполезно пытаться напасть на него, потому что я рядом. Я забочусь обо всем. Господин Роден — это я! Я, герцогиня де Шуазель!

— Тогда вперед, Дора!

Старик помогает женщине подняться. Он подслеповат, но заметил тело, лежащее в ручье. Там кто-то страдальчески стонал, совсем близко от него. Камилла гладила собаку, пытаясь хоть чуть-чуть согреться ее живым теплом.

— Благодарю вас, сударь. Теперь все будет хорошо. У меня был какой-то приступ…

Кошмар! Позор! Все это было на самом деле. Ее все предупреждали: у господина Родена теперь есть муза, злоязычная, циничная, старая герцогиня; они вместе живут в особняке Бирон. Ее называют «та самая Шуазель». Господин Роден и она? Невероятно!

«Он больше не работает». Камилла слушала и улыбалась. Пусть выдумают что-нибудь поправдоподобнее! Но разорванный на плече рукав, раннее утро, лицо, выпачканное глиной, — все это было. Ну почему Дора, собака герцогини, не загрызла ее? Почему?

«Тот докажет возвышенность своей любви, кто отдаст жизнь ради тех, кого любит».

Город онемел и превратился в лабиринт слез.

Она осталась и ждет,

Когда кто-то откроет дверь и оттолкнет ее.

Но никто не приходит.

Камилла заблудилась — хотела вернуться домой, но не смогла найти дорогу. Считала и пересчитывала мостовые, одну за другой. Твердые камни… Где-то она потеряла туфлю. Споткнулась, упала, пальцы ее скользнули по ухабистой земле. Она обескровлена и распростерта.

Иисус на крестном пути упал в первый раз.

Я пошла одна

по бесплодному и дикому краю,

По пустыне соляной несла я

Полный сосуд,

но он разбился,

И слезная влага пролилась на меня.

Небо стало лиловым. Хлоп, хлоп, хлоп! Замок Ислетт. Двуколка. Все это прошло!

О матери, видевшие, как умирает

их первое и единственное дитя!

Прощай, прощай, плоть от плоти моей!..

Камилла остановилась, не возвращается и не идет вперед. Я помогу. Я подожду. Дождя и ветра больше нет, одинокая женщина стоит, пронзенная навылет. Она вспомнила, что должна была умереть.

Время остановилось. Кровь, слезы, блевотина. Она возвращается домой. Работа ее окончена. Она крепко прижимает к груди жалкие, помятые цветы. Нынче вечером они почти ничего не купили. Розы, прижатые к ее груди, теряют лепестки с каждым звуком. Она заводит песню.

— Она рыдала, рыдала…

Камилла слышит чьи-то приближающиеся шаги.

…С тех пор горько оплакивала она
Преступленье, что совершила волна.
Предаваясь печали,
Она грезила Небытием
Между морем и молний огнем
И рыдала…

Перед нею стоит немолодая уличная певица. Она расстегивает пальто; рубашка у нее сухая, нежно отирает она лицо Камиллы. Ткань промокла, пропиталась грязью, но у Камиллы остается еще один цветок. Старая женщина удаляется. Камилла держит цветок в руке. Еще несколько капель… Она бросается вперед.

Давайте взглянем на нее еще раз. Шестая остановка на крестном пути.

Смейтесь надо мной, ведь я пьяна,
и не могу идти по прямой дороге.
Я заблудилась и не знаю,
куда меня занесло.

Она упала во второй раз. «Мой малыш играет в жмурки. Поль!» Маленькие ладошки в руках Виктории. «Вот как сеют, сеют…»

Она движется на четвереньках, изогнув спину,

взъерошенная волчица. Камилла хрипит, отступая под напором света, пасть ее кровоточит. До зари еще далеко, но она чутьем улавливает приближение рассвета. Обезумев, она уходит с поля боя, сдается. Она становится опасной — ей оставили слишком мало пространства. Вот ворота, спрячься там. Иди, Камилла!

Кто это тянет меня сзади за шляпу?
I like some drink. Two little girls in blue…

Она возвращается к дикости. Теперь я дрессировке не поддамся, господин Роден! Небо, пропитанное кровью, кружится над головой.

«Теперь я вывела его на чистую воду. Этот прохвост добирается до всех моих работ самыми разными путями. Дарит их своим дружкам — модным художникам, а те взамен доставляют ему награды, рукоплескания… Все это пришло к нему благодаря моей предполагаемой склонности!»

Посреди Города говорит женщина. Идет и говорит сама с собой. Пытается найти свой дом. Всякому встречному она объясняет это, но прохожие проходят мимо. Ведь она вся в грязи!

«Осознавая ничтожность своего воображения, они, несомненно, нарочно воспитали меня так, чтобы я снабжала их идеями. Я оказалась в поло-

жении капусты, которую грызут гусеницы; стоит мне выпустить лист, как они его съедают…»

Лицо его сохраняет нетронутую чистоту. Оно плывет, почти прозрачное, над заревым горизонтом, пронизанное светом зарождающегося дня.

«А на уме у него лишь одна идея:
где бы найти уголок, чтобы поспать…
Уложите меня на перину мостовой».

«Заметь, что, если оставлять чьи-то выходки безнаказанными, прочие от этого еще пуще наглеют».

Девятая остановка. Весна 1913 года.

«В последний раз обратились к нам
Эти глаза, налитые кровью и слезами.
Чем могли мы помочь? Не было у нас
средства удержать его здесь подольше…
А там уже видно толпу и того судью,
что умывает руки…»

Поль Клодель, «Крестный путь»

«Господин доктор, вчера мы посетили господина директора лечебницы Виль-Эврар. Выданной им справки вполне достаточно… Если только это возможно, мы хотели бы попробовать оформить прием больной сегодня же, не откладывая.

Примите, господин доктор, уверения в искреннем почтении…»

«Волна» — это поэма, и я вижу, как в мастерской на набережной Бурбон, в подвижной тени старых тополей отшельница в белой блузе воплощает ее зерно за зерном — терпеливо, с утра до вечера… Она готовится настигнуть цель…

Поет петух. Камилла в Мондеверге так и не сомкнула глаз. Вильнев просыпается под звон солнечных литавров.

«Мне не удалось установить точную дату. Но

разве это так важно? Для художника его жизнь неделима во времени. Если о каком-то событии у него и не сохранилось воспоминаний, значит, были предчувствия…»[18]

Это было в конце 1897 года. Камилле исполнилось тогда тридцать три.

[18] Примечания: 18
Поль Клодель, «Глаз слушает», «Камилла Клодель».

Один из вас предаст меня

«Что же, это и есть ваш Иисус? Да он смешон!
На нем следы ударов и нечистот.
Он беспокоит психиатров и полицию»
Поль Клодель, «Крестный путь»[19]

За дверью, на старом темном пальто лежит скорчившееся тело.

Я упал еще раз, и теперь мне конец…
Когда Иисус упал в третий раз,
это было уже на вершине Кальварии.

Мастерская. Камилла осталась одна. Она смотрит на статуи, завернутые в грязные коконы. Омерзительная гниль, которая одолевает старую грызунью — ей слышно, как она работает. Это зародыши — и смерть покидает нас.

Сейчас, наверно, часов шесть. Воробьи со щебетом поклевывают весну. Камилла готовится к убийству. Настала пора любви, жизнь, коварная жизнь, расцветает. В эту пору они уезжали в Ту-

---

[19] Примечания: 19
1911 г.

рень… Азэ-ле-Ридо… обещания…

Дом просыпается: «День отравлен движением консьержки, которая сбивает все на своем пути». Камилла вскочила и бросилась закрывать ставни. Скорее! Она торопливо замкнула створки. Я запру все, пусть никто не войдет сюда больше — никто и никогда.

Однажды вечером под дверь просунули бумажку. Нужно было платить по счетам, иначе ее ждал приговор. Она пыталась отбиться, бросилась одалживать гроши, собирать тысячу франков. Она обещала расплатиться скульптурой. Ее создания превратились в разменную монету — пустые обещания, пропущенные сроки…

Она искала спасения в смехе, в празднике. Все равно где, лишь бы ее не нашли! Но платье у нее порвалось, и она больше не могла никуда пойти. Просто носиться по улицам у нее уже не хватало сил от истощения. Тогда и только тогда она пресекла все связи с внешним миром.

Оставалось еще уничтожить последние работы, попорченный мрамор и кучу камней рядом с распотрошенным диваном.

«Ваш бюст прожил столько, сколько живут розы». Ну вот, она честно его предупредила.

Господина Асселена, своего последнего друга,

она разбила на куски, вдребезги. Она еще и потопталась по осколкам, ожесточенно давя гипс ногами. Сила ее удесятерилась. Уже пошел восьмой час утра, соседи все слышат, но старательно не обращают внимания. Все равно ведь это скоро кончится. Они предупредили на всякий случай родственников, полицию.

На следующий день мусорщик с тележкой пришел забирать обломки. Он отвез их куда-то к городским стенам, как и каждую весну, следуя указаниям Камиллы. Она ему за это платит.

Теперь осталась только она сама.

ОТЕЦ СКОРОПОСТИЖНО СКОНЧАЛСЯ В ТРИ ЧАСА НОЧИ.

Третье марта 1913 года. Телеграмму подсунули под дверь. Письма она не прочла. Семь дней, осталось семь дней. Этого хватит.

«Воистину, воистину говорю вам,
один из вас предаст меня.
— Буду ли это я, Господи?»

Ночь еще не прошла. Камилла лежит не шевелясь. Ни движения, ни звука. Она знает, что должно случиться. Она ждет рассвета. Кто придет

за ней? Сколько их будет?

На протяжении целой недели она никуда не выходила. И ничего не ела. К чему бесполезное трепыхание? Она даже разделась догола — чтобы быть полностью наготове.

Все взято, спрятаться больше негде,

Нет никакой защиты, он наг, словно червь,

Он раскрыт и выдан на расправу людям.

Мастерская опрокидывается на нее. Как только за нею придут, ее охватит пустота, и равновесие навсегда покинет ее.

Стоит ясная ночь. Медленно созревает рассвет. Капля за каплей прибывает погожее утро. В мастерской осталась одна-единственная фигура.

Ужас овладел ею, и она не осмеливается даже пошевельнуться. Только губы едва заметно подрагивают.

Она стоит, снедаемая агонией. Она не будет защищаться. Пусть в нее вонзят меч — жилка у основания шеи так болезненно бьется! Клинок перережет нить боли.

«Душа моя поражена смертной печалью».

И он тоже ее оставил. Даже он! Четырнадцать остановок на крестном пути — вот они, пришпилены к стене. Камилла вырезала их недавно из журнала. Он молча висит на кресте. Выдумки!

А Поль написал «Юную деву Виолену». «Нужно обойтись без скандала» — «Низкая, отверженная» — проказа. Поль — и проказа! Ни единая черточка не дрогнула на его лице. Бедная Виолена!

Его глаза кажутся теперь совсем огромными. На полу, прямо у его ног, она плачет — украдкой, тайком, крупными мутными слезами; что-то приближается, что-то подползает к ней. Сквозь ставни просачивается свет. Она знает, она ждет.

Стоит мертвая тишина, как будто весь окружающий мир исчез. Камилла собралась выйти наружу: там ничего больше не будет, ни Парижа, ни городов вообще, никакого пейзажа — только неподвижная пустыня, окаменевшая клоака!

Камилла стоит на краю скалы, она первая добежала до Гейна. Она добежала первой! Нужно обернуться — кто-то хочет ее толкнуть!

Тише! О, прошу вас, сжальтесь! Она зовет на помощь. Неужели ее бросят одну? Она умирает. Ее так давно оставили, позабыли, так давно…

Вошли люди в сапогах, в касках. Дверь распахнулась.

Свора бежит за нею по пятам, ее берут за горло, словно оленя.

Ее ударили, швырнули на землю. Она не проронила ни слова. Нагая женщина, это невыносимо! Она дает себя увести, так ничего и не сказав. Крылья подрезали. На нее надели смирительную рубашку.

Снаружи ждет карета скорой помощи. День — 10 марта 1913 года. Лошади ржут, свистит хлыст. Решетки на окне, карету трясет.

Письмо из лечебницы

«…Сегодня исполнилось четырнадцать лет с того дня, когда я имела малоприятное удовольствие увидеть в моей мастерской двух сбиров в полном вооружении, в сапогах и касках, с самыми угрожающими лицами. Печальный сюрприз для художницы; вместо заслуженной награды получить такое! Со мной всегда случались подобные казусы…»

«…Я ни за что не желаю числиться и далее по первому разряду и прошу тебя, как только получишь это письмо, ходатайствовать о зачислении меня в третий разряд, как это было ранее».

«Ты упустил одну вещь: пойди, продай, что у тебя есть, затем раздай деньги бедным, и ты обретешь награду на небесах. Тогда приходи и следуй за мною».

Евангелие от Марка

Камилла — нищая среди нищих. Она даже не желает числиться по первому разряду пациентов и остается в третьем. На самом дне. Поль, брат мой, разве последние не станут первыми?

«Правилами предписывается жить.

А мне — умирать. Умирать низменно, банально, в присутствии двух служащих, недовольных тем, что им пришлось так рано вставать»[20].

[20] Примечания: 20
Поль Клодель, «Жесткий хлеб», 1913.

Запрет

«Когда в морском пути тоска грызет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов…»

Март 1913 года

«Камиллу поместили в Виль-Эврар 10-го числа утром. Всю неделю у меня тяжело на сердце.

Сумасшедшие из Виль-Эврара. Старая маразматичка. Одна стрекотала непрестанно по-английски тихим голосом, словно больной скворец. Другие просто нечленораздельно кричали. В коридоре сидела женщина, обхватив голову руками. Удручает глубокая печаль этих душ…»

Поль Клодель, «Дневник»

17 марта 1913 года

«*Ты не узнал бы меня — ты, который помнишь меня юной и блестящей в чьих-то гостиных… Я жду твоего прихода с нетерпением. Мне пока не сказали ничего обнадеживающего. Я не знаю, что со*

мной будет дальше. Боюсь, что добром это не кончится!!! Все кажется мне подозрительным! На моем месте ты и сам бы почуял… Помнишь господина маркиза, нашего бывшего соседа? Он лишь недавно умер, проведя тридцать лет в лечебнице. Это ужасно».

Со мной такого случиться не должно.

Где-то в Париже Огюст Роден перенес удар и страдает от одностороннего паралича.

«Роза Бере, провожая меня до дверей, сказала: „Бывает, что он не узнает меня, спрашивает: „Где моя жена?“ Я ему отвечаю: „Вот я, здесь, разве я не твоя жена?“ Тогда он говорит: „Да, но та моя жена, которая в Париже, достаточно ли у нее денег?“ […]

Он сидит в своей комнате перед открытым окном. Я тихо разговариваю с ним…

— Вам хорошо здесь, под защитой вашего великого Христа.

— А, — повторил он, и в тоне его звучало смирение, — вот это был человек, который умел работать!»

Жюдит Кладель

В день 17 марта 1913 года главный врач дома умалишенных в Виль-Эвраре писал:

«Вы можете навестить мадемуазель Клодель, когда вернетесь в Париж, без каких-либо осложнений, насколько можно судить по нынешнему состоянию ее рассудка; общее состояние здоровья у нее нормальное».

Официальное распоряжение, запрещающее посещать мадемуазель Клодель и давать справки о ее состоянии, было выдано всего несколько дней спустя.

«…Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе».

Шарль Бодлер

Я назначаю вам свидание

«Дон Камиль: — А что это за драгоценность вы мне преподносите? Будет ли ей место в моем доме, где давно уже ничего нет?»

Поль Клодель, «Атласный башмачок»

«Господин посол,

на могиле установлен крест с цифрами: „1943 — № 392“. На момент кончины у мадемуазель Клодель не было никакого личного имущества, равным образом в ее личном деле не были обнаружены какие бы то ни было бумаги, имеющие ценность хотя бы как память о ней.

Примите заверения, господин посол…»

«Господин мэр,

родственники Поля Клоделя обнаружили среди его бумаг письмо, копию которого мы прилагаем. Члены семьи Поля Клоделя хотели бы поставить на могиле Камиллы Клодель, старшей сестры Поля Клоделя, надгробие, более достойное памяти великой художницы, каковой она являлась».

Ответ из управления кладбищами

«Сударь,

в ответ на ваше письмо, в котором вы выражаете желание перенести останки г-жи Камиллы Клодель, похороненной 21 октября 1943 года на кладбище Монфаве, в той его части, которая зарезервирована для лечебницы Мондеверг, вынужден с глубоким прискорбием сообщить вам, что интересующий вас участок был использован для служебных надобностей.

Могилы больше не существует».

Жан-Луи Барро

«Театр — это действенное отражение человека, показывающее его самого, его безумие, везение, случайности и законы мира».

Новалис

Молодой человек с мешком за спиною идет вверх по дороге, ведущей на Бранг. Еще шесть километров — и он входит в дом старого поэта. Полю Клоделю около семидесяти пяти лет. Уже почти двадцать лет его создание, «главный труд его жизни», — «Атласный башмачок» — ждет встречи с театром.

Молодой человек рискнул. Спектакль, созданный им в театре Французской Комедии, длится без малого пять часов.

Тысяча девятьсот сорок третий год. За месяц до премьеры умирает в лечебнице Мондеверг женщина семидесяти девяти лет от роду. Ее звали Камиллой, а ее двойнику, «Камилю Мавру», предстоит вскоре явиться из огненного ада в первом акте «Атласного башмачка», и это будет

повторяться каждый вечер.

«Спасение плененным душам!»[21]

«Заточенная вышла на свободу! Она покинула тесную келью. И та, что явилась пред нами, лучезарная, озаренная восходящим солнцем, — уже не прежняя безумица, не запуганная старуха… Это ее возвышенный облик пожелал Предвечный видеть своими глазами, чтобы хватило у Него сил для сотворения мира!»[22]

Не здесь ли начинается моя собственная история?..

Маленькая девочка — лет шести, не больше — солнечным летним днем забралась в некий сад в Нормандии. Там она увидела молодого человека и женщину (про таких говорят: «ангельская улыбка»), которую он называл Мадлен. Она — актриса, и не сводит с него глаз. У него есть своя труппа.

Он ставит спектакль по пьесе Поля Клоделя. Идут сороковые годы. А может, с этого все и началось?..

---

[21] Примечания: 21

Последняя реплика «Атласного башмачка». (Клодель пишет: «Инструменты в оркестре замолкают один за другим».)

[22] Примечания: 22

Поль Клодель, «Господи, научи нас молиться».

В двенадцать лет меня впервые в жизни взяли в театр. На сцене я увидела залитый солнцем сад и узнала тех двоих. Жану-Луи Барро хватило мужества показать наконец миру «Золотую голову». Пятидесятые годы.

Поэт недавно умер. Я с ним так и не встретилась. Не отсюда ли все разворачивалось?..

Я навеки оставила свое сердце под пылающими деревьями, в том зале, где только что отзвучал первый диалог Золотой головы и Принцессы о любви. С тех пор я больше не хотела с ними расставаться.

Год тысяча пятьсот пятьдесят седьмой. Умирает старик восьмидесяти двух лет. Душа старого мастера еще способна любить. Его избранницу зовут Ангишола. Ей еще нет тридцати, она художница, «сотрудница», его первая и единственная ученица. Микеланджело прислал ей один из своих рисунков, «дабы она завершила его своею рукою и затем выполнила в масляных красках».

Она душевно привязана к Буонаротти, прозванному также Микеланджело. Спустя несколько лет она ослепла и удалилась в глушь со своими детьми. Ее почитали до самой смерти, даже шестьдесят лет спустя к ней ездили на поклон,

Ван Дейк написал ее портрет, когда ей было уже около ста лет.

Возможно, здесь кроются корни истории?..

Я создала свою собственную труппу.

Однажды вечером я вошла в мастерскую скульптора. Медь, бронза, в углу бюст, высеченный из камня. Все это глубоко поразило меня.

Огромные двери дожидались отправки морем на другой континент. Сделанные из материала, названия которого я тогда еще не знала, они то и дело изменялись, когда сменяли друг друга солнце и облака, отражавшиеся в них. Цвет переходил от сиенской глины до ледяного синего, среди разнообразных серых оттенков вдруг вспыхивали серебряные отблески, словно от раскаленного добела клинка.

Я поняла, что скульптура — это театр, готовый воплотить мечты всех поэтов. И подумала о Камилле.

Образ ее упорно возникал передо мною с тех пор, как я прочла книгу «Глаз слушает»…

Мало-помалу она оживала в той или иной реплике, но так и не приоткрыла покрова ни над своей тайной, ни над мечтами поэта. Поль, брат мой Поль!

Прошло девять месяцев, и пьеса «Камилла Клодель, женщина» родилась. Мы пришли на премьеру все вместе — те, кто работал над пьесой. Жанна Файяр — с нею мы корпели целое лето над заметками, текстами, письмами, пытаясь извлечь информацию откуда только можно, нащупать едва заметные следы той Камиллы, которую я искала вот уже несколько лет и успела полюбить. Люди, которых мне посчастливилось найти: Жак Кассар, посвятивший жизнь исследованию этой грандиозной фигуры, остававшейся за семью печатями столько дней и ночей; мы сумели встретиться несколько раз, прежде чем внезапная смерть прервала его колоссальный кропотливый труд. Были еще многие, кто заходил по вечерам, принося то уточненные сведения, то адрес, то имя родственника. Я до сих пор не могу без волнения вспоминать приход Франсуа де Массари на представление спектакля. Постепенно возникали взаимосвязи — тут деталь, там подробность. Музей Родена позволил нам осмотреть скульптуры, сфотографировать их. Как она любила «господина Родена»! Однажды вечером появился профессор из Лондона, добавил новое звено к цепочке.

В течение длительного времени прямые по-

томки поэта, которых мы искренне полюбили, поддерживали нас, несмотря на все трудности.

Продолжая дело отца, Рене Нанте решила воскресить образ гениальной женщины. Анри видал ее в лечебнице, куда ездил вместе с отцом; он рассказал мне о руках Камиллы — они непрерывно двигались, разминая пустоту.

В какой день завязался узелок в судьбе Камиллы?

Огюст Роден родился 12 ноября тысяча восемьсот сорокового года.

Камилла Клодель родилась 8 декабря тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года.

Двенадцатилетняя девочка лепит вильневскую глину.

«Вы не брали уроков у господина Родена?»

Не в этот ли день началась игра?

Вчера вечером молодой человек вернулся.

Мы общаемся с Жаном-Луи Барро уже несколько недель. Последнее представление пьесы «Камилла Клодель, женщина» в театре Рон-Пуэн прошло 28 апреля 1982 года. Я заканчиваю работу над книгой.

В последний раз мы снимаем с колосников фотоснимки работ Камиллы, все еще разбросанных по разным местам, зачастую спрятанных в

запасниках музеев всего мира.

Натали Александр, Мишлин Атталь, Сильвия де Мервиль, Паскалин Пуантийяр здороваются друг с другом. Гости толпятся на «празднике Мудрости». Мы слышим звонкий смех Камиллы Клодель, видим ее темно-синие глаза… Нам не хотелось бы больше расставаться с нею. Она снова уйдет за кулисы… И тогда вперед выходит молодой человек и протягивает к ней руки. Она соглашается побыть с нами еще немножко.

Представления пьесы возобновились. Пусть они поговорят наедине. Она ждала этого так долго. Ты помнишь? Октябрь 1943! Не тебе ли однажды вечером сказал о ней старый поэт?

«Я расстаюсь с тобою, сестра.
Никогда не называл я тебя нечестивыми именами.
Но теперь — прощай!
Я сделал то, что было мне по нраву,
И за это приму смерть».

Ему было двадцать лет. Может быть, в тот день и порвалась связующая их нить?

28 апреля 1982 года.
«История начинается…

Быть может, дитя уже держится за подол этой женщины.

— Камилла, вернись! Выйди на свет!..

Другие пусть ищут теперь, другие пишут, другие...»

29 апреля 1982 года

Камилла Клодель: «шелковая нить»

В 1978 году никто не вспоминал о Камилле Клодель. Ее имя не стоило и гроша. В некоторых старых книгах, например об Огюсте Родене, ее порой упоминали мельком как «мадемуазель К», или «художницу». Имя не произносилось.

Двадцать лет спустя то же самое имя пролилось золотым дождем. Во Франции, в Европе, на других континентах оно знакомо всем. Иногда, даже вне связи с лицом, которое стало столь популярно благодаря прессе, кто-то упоминает ту или иную ее скульптуру. Как говорят «Пьета Микеланджело», «Анжелюс Милле», так порой ссылаются на «Вальс Камиллы Клодель». Некая дама, «в свое время» купившая одну из ее работ за 90 франков, просто потому, что сочла ее красивой, рассказывала мне, что ей предлагали миллион за ту же скульптуру после публикации моей книги, вернувшей художницу из небытия.

Так вышло, что, начиная с моей первой беседы с Пьером Клоделем, ее племянником, в один из дней 1978 года, когда мы вспомнили о ней, судьба

ее ожила. Стоило только поджечь порох, и имя «Камилла Клодель» явилось, как яркая вспышка огня.

«Есть время находить и время использовать найденное…» Эти слова записаны в Библии. Я могла бы рассказать, что творилось в течение этих двадцати лет, когда всякий, кто хотел, шаг за шагом присваивал себе Камиллу, продавал и перепродавал ее, играл или не играл с нею; пьесы, кинофильмы, книги, выставки… Это было время торговцев. Но я предпочитала заново исследовать тайну ее воскрешения.

Все эти двадцать лет ее голос постоянно слышался мне, преодолевая то «разделяющее пространство», о котором писал ее брат Поль. Ибо именно Поль Клодель первым распознал гениальность своей сестры и гениально написал об этом. Написанное им глубоко западает в душу. Если бы не Поэт, который оставил следы на песке страниц, могла ли я представить себе столь точно облик его сестры, позабытой всеми прочими, но привлекшей меня?

Эта книга оказалась чем-то подобным раствору химиката, который проявляет негатив, именуемый Жизнью. Что она означала? Для кого предназначалась? Камилла ли побудила моего

отца взять меня с собой на представление «Золотой головы»? И при чем тут фотография Камиллы, единственное украшение комнаты Алэна Кюни, переводчика? Я увидела ее, еще не зная имени; почему это лицо так привлекло меня, девчонку-подростка, какой я была тогда, — неужели я предчувствовала, что однажды услышу потаенный призыв? Часто тревожила меня мысль о том, как давно сошлись наши с нею дороги.

Пока кипела шумиха, поднятая ею, пока взлетали цены и шли условные «процессы» над Полем Клоделем и Огюстом Роденом, и ворошились дела вчерашние и сегодняшние, я хранила молчание. Я чувствовала дружескую руку на своем плече: Она стояла рядом, безмятежная, бессмертная Эвридика. У нее не было более возраста, но я слышала ее звучный смех.

— Мне дела нет до анекдотов! — шепнула она. — Интересны ли нам семейные неурядицы Эсхила, не исчезает ли физиономия доктора Гаше в слепящем сиянии солнц Ван Гога? Мир сложил цену Камилле Клодель. Это пройдет, как проходит все. Я еще не завершила свой путь. Мне еще предстоит стать бесценной. Однажды я достигну той высоты, о которой говорил учитель Хокусай. Однажды все прояснится и оживет. Вспомните

его слова: «Когда мне исполнится сто десять лет, все будет у меня получаться живым, любая точка и линия». И никто более не сможет купить меня. Лицо мое навеки запечатлится на льняном покрове, как у Микеланджело. Вы возмущаетесь тем, что могила моя исчезла и тело улетучилось. Но ведь именно в этом залог воскрешения! Теперь лишь мои творения будут свидетельствовать обо мне в этом преходящем и обманчивом мире. Искусство непрестанно вопрошает Вечность. Вы хотите поговорить обо мне? Присядьте и молча поглядите на мои работы, потратьте на это час, и другой, и еще… Нынешние скульпторы, Александра Лазарева, Жан-Пьер Реньо, женщины и мужчины, работают, как я когда-то, в молчании, в самоотречении. Они, как и я, сберегают секрет шелковой нити, а для того, кто им владеет, ничего не значат ни тюрьма, ни приют для умалишенных, ни даже смерть…

Я прислушивалась к ее речам. В Индии есть струнный инструмент под названием «тампура», напоминающий с виду большую балалайку. Если вы коснетесь ее струн рукою, они не отзовутся. Какая-нибудь кастрюля дала бы лучший звук. Струны зажаты деревянной колодочкой, однако они ждут своего часа, терпеливо, молча, как

скульптуры Камиллы. Потом приходит влюбленный, берет тампуру и, обвязав легчайшей, почти невидимой шелковой нитью и струны, и деревянный зажим, начинает терпеливо искать ту единственную, заветную точку, где возникает резонанс, где и шелковая нить, и струны, и дерево рождают аккорд столь трудно уловимый, что лишь аскетический труд и любовь позволяют распознать его. Тогда музыка становится слышна миру.

Тампуру можно купить за деньги, но, не зная секрета шелковой нити, нельзя услышать ее голос. Это касается любого искусства. Обладание скульптурой или живописным полотном ничего не дает само по себе.

Тогда я вновь подумала о «Шакунтале», о творении Камиллы, вдохновленном индийской легендой. Чем привлекла ее Индия и эта бесконечная история о бесконечной любви?

Наступает день; я вижу, как примирились брат и сестра, как они идут рядом. Склонившись к ее ногам, он бережно надевает ей тонкий башмачок, чтобы она снова могла танцевать, не хромая, на предстоящем большом балу. Я оставляю их, но на прощанье они говорят мне, как называют в Индии ту шелковую нить. Она носит имя Гита, что значит Жизнь.

Анн Дельбе

Приложения

1. Выдержки из статьи Матиаса Морхардта, опубликованной в «Меркюр де Франс» в марте 1898 г.

[...] Дело в том, что, согласно мнению мадемуазель Камиллы Клодель, которое я хотел бы воспроизвести и истолковать с предельной верностью, в искусстве в первую очередь следует точно передавать движение[23]. Но эту задачу исключительно трудно объяснить. В любом случае очевидно, что со времен Ренессанса мастера скульптуры меньше всего заботились об этом. То, что они стремились зафиксировать, что всегда было предметом их неустанных забот, — это кусок действительности; прекрасная рука, хорошо расположенная, изученная и проанализированная во всех контрастах тени и света; или красивый зверь, высеченный уверенным резцом, неподвижно стоящий и выделяющийся на фоне

[23] Примечания: 23

Отметим, что по данному вопросу мнение Родена отличается от мнения мадемуазель Камиллы Клодель. Для него суть скульптуры заключается практически полностью в моделировании поверхностей. Движению он придает лишь второстепенное значение.

светотени; или обнаженное тело, плод терпеливых, а порой и скрупулезных наблюдений, застывшее в заранее заданной позе. Но кто же из них интересуется движением? Кто пытается проследить за изменениями, происходящими с человеческим телом в момент энергичного действия? Кто припомнил идею (которую японцы, китайцы, греки так мудро и талантливо применяли с незапамятных времен) — идею адекватной передачи движения как такового? Нога неподвижная и нога шагающая есть две совершенно различные вещи, и насколько же последняя живее и достовернее! Несомненно, движение искажает форму. Используем сравнение, которое приводила сама мадемуазель Камилла Клодель: между колесом быстро крутящимся и колесом неподвижным есть существенная разница — неподвижное колесо остается круглым, и спицы его расположены на равном расстоянии одна от другой, а когда колесо быстро крутится, оно уже не круглое, и спиц у него вовсе нет. Движение, так сказать, поглотило строение, даже скелет колеса. То же самое относится и к человеческому телу — оно вытягивается или сокращается, его пропорции искажаются, равновесие нарушено. Таким образом, считать одинаковой анатомию

тела движущегося и неподвижного значит совершать грубую ошибку наблюдения.

Движение, по сути, включает в себя момент становления. Художник же не может остановиться между тем, что было, и тем, что будет. Он вынужден выбирать что-то одно. Ему необходимо лишь сохранить в моменте прошлого достаточно намеков, объясняющих, что случится в момент будущий. Греки, которых не смущала возможность изменения пропорций, умели подчинить их этому настоятельному требованию. Китайцы и японцы подняли на немыслимую высоту умение указывать на движение живых существ и вещей. Да и среди всех прочих народов, имеющих глаза и наблюдающих жизнь, находятся желающие отобразить ее живые черты, то есть ее мимолетность. Барельефы и резные изображения, даже самые примитивные, первобытных племен, показывают то же самое стремление к достоверности и свидетельствуют, что только наша современная цивилизация пренебрегла самым высоким, самым чистым искусством — драматическим выражением жизни. В то время как дикари Америки и безвестные племена центральной Африки способны с незабываемой силой передать бег зебры или антилопы, мы

должны констатировать, что самые искусные из наших мастеров не умеют разобраться хотя бы с шагом лошади. Именно в этом, только в этом, по убеждению мадемуазель Камиллы Клодель, кроется объяснение нынешнего упадка. В этом же следует искать и ту таинственную причину, по которой, из чистого предрассудка, люди резко отделяют искусство Рембрандта и Веласкеса от искусства Фидия и Хокусая.

Таким образом, изучение натуры, пусть даже почтительное и усердное, не является достаточным условием для создания шедевров. Нужна еще особая страсть. Нужен особый дар, который позволяет извлечь из непосредственного наблюдения то, что составляет главнейший элемент шедевра и в некотором смысле является свидетельством его правдивости: это чувство Красоты. Греки, как и другие народы с художественными наклонностями, обладали этим даром. Статуэтки из Танагры, эти поразительные «моментальные снимки», которые навсегда сохранили для нас сцены их обыденного существования, говорят о том, что они умели наблюдать, но наблюдения их не были ни пошлыми, ни глупыми. Ибо здесь не шла речь о копировании. Для того, кто копирует природу, очень важно смотреть на

нее глазами поэта. Особенно важно, чтобы он умел улавливать смысл зрелища, предстающего перед его глазами. Рассуждая о современном обществе, г-н Эдуар Пайерон пишет, я думаю, совершенно искренне, такие вещи, как «Свет, где мы скучаем» или «Мышь». Шекспир, который видел перед собою те же примеры, тех же людей, те же страсти, слышал о таких же драмах, пишет «Кориолана» или «Бурю», «Гамлета» или «Фальстафа», «Отелло» или «Макбета». Мадемуазель Камилла Клодель стоит ближе к Шекспиру, чем к г-ну Эдуару Пайерону. Природа, увиденная ею, объясненная в ее творениях, немедленно приобретает возвышенный, величественный характер. В ту пору, когда она проживала во «Дворе Чудес» и могла из своего окна следить за той драмой повседневности, которая разыгрывалась там, ею был создан ряд маленьких скульптурных групп: дети, сидящие полукругом у ног слепого музыканта, двое маленьких певцов, которые, комкая шапки в руках, заложенных за спину, подняли головы к закрытым окнам дома, и многие другие, которые я, возможно, еще увижу; все они отмечены знаком вечности. «Живописец», созданный ею в 1894 г. во время пребывания на о. Гернси по наброскам, сделанным с г-на И., пишущего

пейзажи, относится к тому же разряду[24].

Эта маленькая бронзовая вещица изображает художника, стоящего с кистью в правой руке, с палитрой, надетой на большой палец левой руки; он стоит, прочно упираясь ногами в землю, и старательно смешивает краски, готовясь нанести их на полотно. Во всем этом нет, разумеется, ничего таинственного: мадемуазель Камилла Клодель делала заметки, срисовывала профили, а затем воспроизвела этот персонаж на основе заметок и профилей. Так она моделировала фигурку своего «Живописца», не сомневаясь, что приступает к созданию произведения нового искусства.

Появление «Живописца» заслуживает внимания как одна из важнейших вех на творческом пути художницы. Это — первое произведение, в котором она достигла высот мастерства: «Живописец», с его головою, слегка склоненной к плечу, — это на самом деле творение, полное свободы и силы. Дух искренности, исходящий от него, немедленно покоряет всех, кто проходит мимо, и заставляет оказывать ему уважительное

[24] Примечания: 24

«Живописец» — маленькая статуэтка из бронзы, принадлежащая г-ну П., была выставлена в Салоне на Марсовом Поле в 1897 г. Экземпляры, выполненные в гипсе, имеются у нескольких ценителей, а также у г-на Бинга.

внимание. К новому ли искусству относится он или к древнему, — это искусство живое и восхитительное.

Но как только мадемуазель Камилла Клодель вступила на этот путь, она дала нам новые неоспоримые доказательства своей гениальности. Если художник, за которым она наблюдала на Гернси, дал ей замысел той маленькой статуэтки, о которой мы только что говорили, то встреча с четырьмя женщинами, сидящими друг напротив друга в тесном купе железнодорожного вагона и обсуждающими бог весть какой увлекательный секрет, натолкнули ее на мысль о потрясающем шедевре: речь идет о «Сплетницах».

Мы видим укромный уголок, изображенный обобщенно, без подробностей. Это просто две полуразвалившихся стенки, сходящиеся под углом справа, переданные двумя гипсовыми плоскостями. В глубине их сидит женщина, правая рука ее поднесена ко рту предостерегающим жестом, означающим, что она собирается сообщить некое известие. Рядом с нею и напротив — три кумушки, распаленные любопытством, они не сводят глаз с ее приоткрытого рта, ее многозначительный жест приковал их внимание. Новость доставляет им такое же наслаждение, как гурма-

ну — лакомое блюдо; они с нетерпением жаждут все услышать и узнать. Их головы вытянуты к единой цели, то есть к лицу, точнее, к губам говорящей. Спины, плечи, шеи каждой из них подчиняются единому движению. Их сближает одна и та же воля, покоряет одна и та же сила. Дрожь тревожного ожидания пронизывает их; сидящие параллельно друг другу на двух скамьях, они кажутся похожими, как сестры.

Однако на самом деле они вовсе не похожи между собою. Одна, сидящая напротив той, что говорит, совсем согнулась, словно скорчилась. Она скрестила руки под грудью и оперлась локтями о колени, голову склонила к ближайшей соседке (их волосы переплелись), как будто для того, чтобы отчетливее видеть лицо рассказчицы, а может, и затем, чтобы удостовериться, что ее «сообщницы» разделяют ее любопытство и радость от услышанного. Для большего удобства, стремясь удержать голову на нужном уровне, она приподняла колени, на которые опирается грудь, вытянув большой палец ноги. Другая женщина, чтобы наклониться вперед, крепко ухватилась правой рукой за скамью. Но усилие ее облегчено тем, что она ловким и естественным движением выставила вперед левую ногу, обеспечив

некоторое равновесие. Третья кумушка, рядом с обладательницей бесценного секрета, сидит почти по диагонали. Она опирается левой рукой на скамью, а правой — о колено. Ей повезло больше, чем остальным: лицо ее совсем близко к лицу Говорящей. Она смотрит на нее в упор, глаза в глаза, вкладывая во взгляд всю силу своей воли, своего любопытства, лишь бы не потерять, не упустить ни частицы восхитительного секрета. От усилия шея ее вытянулась, губы приоткрылись, спина прогнулась — все существо ее свидетельствует о чрезвычайном возбуждении.

Думаю, я не ошибусь, если скажу, что ни одно произведение современного искусства не поднимается по силе воздействия до уровня «Сплетниц». Мне кажется, по меньшей мере, что никто другой не передавал еще драматическую ситуацию с такой спонтанностью, простотой и прозрачностью. Кроме того, среди известных нам мастеров мы никого не можем назвать предшественником Камиллы Клодель. Ее творениям свойственна провиденциальная ясность; они не являются развитием чьих-либо известных идей, не подкрепляют уже сложившихся привычек восприятия, их родословная таинственна, и тем не менее, следуя неизъяснимому и внезапному

импульсу воли гения, они **являются** на свет. Так и «Сплетницы»: они определенно существуют, вот и все. Но существование их определяется отнюдь не драматическим характером их выразительности. Они «существуют», потому что всякая частица видимого нами ансамбля выверена разумом и подчиняется скрытому закону. Здесь всякая деталь вносит свой вклад в красоту целого. Мы можем читать эту драму фраза за фразой, упиваясь прелестью слов, изысканностью оборотов, их гармоничными сочетаниями; можем, исходя из сути показанного события, пойти в обратную сторону, к элементам, составляющим его, — так или иначе, при любом испытании, даже самом придирчивом, нам не добраться до тайны их совершенства.

Поэма превосходно написана. Ибо это изображение четырех женщин, маленького кружка, спаянного идеей, покорившей их, и страстью, вдохновляющей и поглощающей, есть поэма. И вытянутые шеи, вскинутые головы, изгибающиеся торсы составляют великолепные строфы этой поэмы. В этой поэме циркулирует кровь, что-то трепещет, плечи вздрагивают от скрытых эмоций, грудь дышит, — одним словом, жизнь предстоит перед нами во всем своем богатстве.

Но при всем том это — всего лишь кусочек реальности! Незначительный случай, движение, подмеченное невзначай, на ходу — вот что подвигло мадемуазель Камиллу Клодель на этот труд. Ни усердием, ни изысканиями, ни волшебством нельзя объяснить, как она достигла такого результата. Ее создание обладает властной силой, проистекающей лишь из его собственных достоинств. Оно живет и будет жить вечно. Моделировка форм и изобретательность техники говорят о неисчерпаемой энергии. Даже в том, с какой верностью и уважением воспроизводит художница строение человеческого тела, сказывается неведомое доселе величие и свобода. Воистину, чем больше смотришь на них, тем больше любишь и понимаешь, тем сильнее чувствуешь, что очарованную душу нашу пьянит

аромат истинной Красоты[25].

[25] Примечания: 25

Впервые «Сплетницы» были выставлены в Салоне на Марсовом Поле в 1895 г. Мне незачем напоминать, каким заметным событием это стало. Еще не были обнародованы ни названия, ни подписи, любопытство посетителей еще не было удовлетворено, а уже все понимали, что кем ни окажется автор, отныне быть ему знаменитым. Не забыта также и та статья, полная энтузиазма, которую посвятил автору наш выдающийся собрат Октав Мирбо, — она стала первым лучом солнца, первым лучом славы, проникшим в уединенное жилище великой художницы. Существует несколько повторений «Сплетниц» в мраморе, гипсе и ониксе. Первый мраморный экземпляр был выполнен в 1896 г. (причем несколько предыдущих эскизов были непоправимо испорчены по вине неумелых работников) для норвежского живописца Фрица Таулова. Этот экземпляр был показан в Салоне на Марсовом Поле в 1897 г. Другой мраморный экземпляр, который воспроизводил только фигуры четырех сплетниц без отгораживающей их стенки, был изготовлен для г-на Понтремоли. Экземпляр, изготовленный из зеленого оникса, который также был показан в Салоне на Марсовом Поле в 1897 г., принадлежит г-ну П.**. Гипсовые экземпляры, отлитые по мраморному оригиналу, были приобретены женевским музеем (где этот шедевр разместили в самом темном углу), а также г-дами Роденом, Октавом Мирбо, Гюставом Жеффруа, Робером Годе, Морисом Реймоном, Адриеном Демаклем, З.** и другими.

Хронология

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1862	3 февраля: свадьба Луи-Проспера Клоделя и Луизы-Атенаис Серво, в Вильневе	Смерть его сестры Марии		
1863	1 августа — смерть Анри, первенца Клоделей			Смерть Делакруа. «Салон Отвержен-ных». Э. Мане «Завтрак на траве»
1864	8 декабря — рождение Камиллы Клодель	Встреча с Розой Бере. «Человек со сломанным носом» отвергнут Сало-ном		Смерть К. Коро
1866	26 февраля — рождение Луизы-Жанны Клодель	Рождение Огюста-Эжена Бере		
1868			6 августа — рождение Поля Луи Клоделя	
1869				Ж.Б.Карпо, «Танец»
1870	Луи-Проспер Клод-ель получает назна-чение в Барле-Дюк			19 июля: объявле-ние Францией войны с Пруссией
1871		Освобожден от воинской повинности по близору-кости. Работает на средства Каррьер-Беллеза в Брюсселе		Март— май: Коммуна
1873				Артюр Рембо: «Сквозь ад»
1874				Появление термина «импрессионизм»
1876	Луи-Проспер Клодель получает назначение в Ножан-сюр-Сен. Камилла знакомится с Альфредом Буше			

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1878				Всемирная выставка в Париже
1879	Луи-Проспер Клодель получает назначение в Васси-сюр-Блез	«Бронзовый век»		Смерть О. Домье
1880	Переезд в Париж	Заказ на «Врата Ада»	Поступление в лицей «Людовик Великий». Смерть деда Атаназа Серво	
1881	Поступление в академию Колароссси. Мастерская на ул.Нотр-Дам-Дешан, №111. Написана «Спящая»			
1882	Камилла на приеме у Поля Дюбуа, директора Национальной школы изящных искусств. Выставляет «Голову старухи», или «Старую Елену»	Серия бюстов писателей и художников	Пишет «Спящую»	Смерть Эдуарда Мане. Поль Гоген начинает занятия живописью
1883	Первая встреча с Роденом. Портрет мадам Б. Бюст Поля Клоделя в возрасте 13 лет	26 октября — смерть отца		Смерть Рихарда Вагнера
1884	«Поль Клодель в возрасте 16 лет». Бюст Луи-Проспера. Портрет маслом мадам Клодель. Камилла работает у Родена	Заказ на «Граждан Кале» Родена.		
1885	Камилла работает у Родена «Старуха, или Елена» (терракота)	«Аврора»	Поль читает Рембо	Смерть Виктора Гюго
1886	Усадьба Кло-Пайен в Небуре. «Поль Клодель в возрасте 18 лет». Бюст Родена (терракота)	Арендует Кло-Пайен. «Мыслитель». «Поцелуй». «Fugit Amor»	25 декабря: принимает крещение в соборе Нотр-Дам	Последняя совместная выставка импрессионистов

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1887	Камилла работает подмастерьем в мастерской Родена на Университетской улице. Бюст «Луизы девушкой» (бронза). «Потрет Родена» (масло). «Торс женщины» (гипс). «Юный римлянин»	Получает орден Почетного легиона		
1888	«Поль Клодель в возрасте 20 лет» (пастель). Скульптуры Фердинанда де Массари. «Луиза де Массари» (пастель). Бюст Родена (гипс). «Шакунтала или самозабвение». Салон на Елисейских Полях		Пишет «Преждевременную смерть»	
1889	«Молитва». «Шарль Лермит». Отказ на предложение сделать памятник в Вильневе	Большая выставка Родена и Моне. Заказ на «Виктора Гюго». «Вечный кумир». «Св. Георгий»	«Золотая голова»	Всемирная выставка в Париже. Эйфелева башня
1890	Поездка в Турень и Анжу. Замок Ислетт в Азе-ле- Ридо	Поездка в Турень и Анжу.	«Город»	
1891	13 февраля — «Прощальное письмо к незнакомке» Клода Дебюсси	Заказ на «Бальзака»		Клод Моне «Нимфеи»
1892	Новый адрес — Итальянский бульвар, № 113. Бюст Родена (бронза)	Получает звание офицера Почетного легиона. Чествование Лоррена в Нанси. «Выздоровление». «Прощание»	«Юная дева Виолена»	

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1893	«Вальс» (гипс). «Клото» (гипс). Салон на Марсовом Поле. Статьи Жоффруа и Мирбо в «Энциклопедическом ревю». Камилла одна живет в Ислетте	К Родену переходит по наследству от Далу должность президента Национального общества изящных искусств	Отъезд в Соединенные Штаты. «Обмен»	
1894	Камилла расстается с Роденом. «Похищенный бог» (гипс). «Портрет маленькой хозяйки замка». Салон на Марсовом Поле. Камилла проводит лето на острове Гернси		Отъезд в Китай.	
1895	«Этюд японца». «Жанна ребенком» (мрамор). Художник» (бронза). «Болтуньи» («Сплетницы»), этюд (гипс). Восторженная статья Мирбо. Май — возобновление отношений между Камиллой Клодель и Роденом. Группа «Шакунтала». 10 октября — дар музею в Шатору. Полемика вокруг «Шакунталы» (мрамор)	3 июня открытие памятника «Гражданам Кале» 19 декабря — Роден покупает виллу «Бриллиантовая» в Медоне.		
1896	Камилла отправляет 19 скульптур на выставку в Женеву			
1897	Заказ на памятник Доде (друга Поля Клоделя) Камилла не получает. «Клото» в Люксембургском музее. «Вальс». «Портрет мадам Д». Май — «Сплетницы» (нефрит). Статья А. де Брена. Камилла становится членом общества скульпторов. Ноябрь — заказ на десять бронзовых бюстов Родена. Камилла болеет		«Город» (вторая версия)	

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1898	Камилла переезжает с Итальянского бульвара на ул.Тюренн, № 63. «Гамадриада» (мрамор и бронза). «Глубокие мысли в пути» (для семьи Пейтель) «Бюст мадам Х». Конец года — окончательный разрыв с Роденом	«Поцелуй». «Бальзак». Выставка в Машинной галерее	Поездка в Китай, Японию, Сирию, Палестину	
1899	Перемена адреса — набережная Бурбон, № 19 (январь). «Портрет графа». «Клото» (мрамор). «Зрелый возраст» (гипс). Статуя Персея, макет. Выставка в Салоне Изящных искусств. «Дороги жизни». Национальный салон. Встреча с генералом Тиссье.			Дело Дрейфуса. Пьер и Мария Кюри открывают радий Первые дома из железобетона
1900	Камилла желает последовать за Полем, состоящим на консульской службе	Павильон Родена в Альма	Пребывание в Лигудзе	Всемирная выставка
1901	Статья К. Моклера		Отъезд в Китай	
1902	Тиссье оплачивает отливку группы «Дороги жизни». Персей (мрамор)			Клод Дебюсси: «Пелей и Мелисанда». Смерть Далу.
1903	Статья Реваля о Камилле. «Зрелый возраст», 2-й замысел	Назначен командиром Почетного легиона. Айседора Дункан танцует для Родена.		
1904	Письма к Э. Бло, издателю. «Самозабвение» (мрамор). «Коленопреклоненная фигура». «Женщина-фавн» (гипс). «Сирена». «Нороя». «Озябшая женщина». «Персей» (бронза). Знакомство с Анри Асселеном	Начало связи с герцогиней де Шуазель	Возвращение из Китая. «Полуденное прощание»	

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1905	Летом — поездка с Полем в Пиренеи. «Фортуна» (бронза). Портрет Луи-Проспера Клоделя (карандаш). «Поль Клодель в возрасте 37 лет». «Вертумн и Помона» (мрамор). «Самозабвение». «Согревающаяся женщина» (мрамор). «Сирена». Ноябрь — Камилла заболевает. 4—16 декабря — последняя большая выставка Камиллы Клодель у Эжена Бло. 13 скульптур		Женится на Рейн Сен-Мари Перрен Третий отъезд в Китай	
1906	Камилла начинает убегать из дому. Разбивает свои скульптуры	21 апреля — представление «Мыслителя» в Пантеоне	Возвращение во Францию. Отъезд в Прагу. «Заложник»	Метрополитен
1908		Роден в особняке Бирон (Музей Родена)		
1912		Разрыв с герцогиней де Шуазель	Статья, посвященная Камилле	
1913	3 марта — смерть отца, Луи-Проспера Клоделя. 10 марта — задержание и помещение Камиллы Клодель в лечебницу в Виль- Эврар. Июль — перевод в Мондеверг.	Роден переносит инсульт	Гамбург. «Черствый хлеб»	
1914				3 августа — начало войны

Год	Камилла Клодель	Огюст Роден	Поль Клодель	События эпохи
1917		14 февраля — смерть Розы Бере. 19 ноября — смерть Огюста Родена		
1918				6 марта — смерть Клода Дебюсси
1919			«Атласный башмачок»	
1924			Путешествия	
1929			Смерть матери, Луизы-Атенаиз Серво.	
1933			1927—1933 — экзегетика Библии	
1939				Объявлена война
1943	19 октября — Камилла Клодель умирает в лечебнице Мондеверг		Первое представление «Атласного башмачка» в Комеди Франсез, постановка Ж.-Л. Барро	
1955			23 февраля — смерть Поля Клоделя	

Содержание

Плоть и дух … 3
Час настал … 5
Дети луны … 10
Письмо из лечебницы … 27
Дьявол в доме … 30
Письмо из лечебницы … 39
Давид и Голиаф … 42
Она … 51
Письмо из лечебницы … 57
Красный кустарник … 59
Письмо из лечебницы … 68
Прибытие в Париж … 69
Письмо из лечебницы … 78
Старая Елена … 79
Письмо из лечебницы … 87
Джакопо Кверчиа … 89
Господин Роден … 98
Зигмунд и Зиглинда … 105
Письмо из лечебницы … 116
Мастерская … 117
Письмо из лечебницы … 129
Аврора … 130
Письмо из лечебницы … 140
Врата Ада … 141

Письмо из лечебницы … 147
Гиганты … 148
Мысль … 159
Кло-Пайен … 172
Письмо из лечебницы … 181
Неистовые надежды … 182
Роза Бере … 197
Вторники … 203
Шакунтала … 213
Роден, Роден, Роден … 219
Письмо из лечебницы … 229
Принцесса … 231
Письмо из лечебницы … 242
Замок Ислетт … 244
Маленькая хозяйка замка … 251
Письмо из лечебницы … 262
Итальянский бульвар, 113 … 263
Письмо из лечебницы … 274
Вальс Клото … 275
Похищенный бог … 296
Письмо из лечебницы … 301
Город … 302
Письмо из лечебницы … 310
«Сплетницы» … 311
Письмо из лечебницы … 325
«Она гениальна, не у всякого мужчины

найдешь такой дар» … 326
Ризотто … 331
Завтра — выставка … 341
Письмо из лечебницы … 343
«Одно из первых мест, если вообще не самое первое…» … 344
Колоссальная марионетка … 347
Письмо из лечебницы … 360
Двадцатый век начался … 361
Точки над «i» … 365
Письмо из лечебницы … 367
Зрелый возраст … 369
Письмо из лечебницы … 381
Красное платье с ажуром … 383
Живописный магазин … 392
Письмо из лечебницы … 407
«Что-то неистребимо детское…» … 409
Страсти … 414
Один из вас предаст меня … 421
Письмо из лечебницы … 425
Запрет … 426
Я назначаю вам свидание … 428
Жан-Луи Барро … 429
Камилла
Клодель: «шелковая нить» … 434
Приложения … 438

Хронология … 445

Она была сестрой Поля Клоделя, возлюбленной Огюста Родена, она была красива и безумна… Но главное не в этом. Она была скульптором. Гениальным скульптором XIX века. Высокая красивая девушка с чудесными темно-синими глазами.

Она была сестрой Поля Клоделя,
возлюбленной Огюста Родена,
она была красива и безумна...
Но главное не в этом.
Она была скульптором.
Гениальным скульптором XIX века.
Высокая красивая девушка
с чудесными темно-синими глазами.

FOLIO